

2014 / 41

храмы XXI / temples XXI

проект
байкал /
project
baikal

зимник 2014
шерегеш
современный храм
наследие
еще 3 прогулки по
иркутску

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**20 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

- инженерно-геодезические изыскания***
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы***
- инженерно-геологические изыскания***
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов***
- инженерные изыскания источников водоснабжения***
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений***
- контроль качества работ***
- инжиниринговые и консультативные услуги***

ООО «ИНГЕО»
**Тел.: 200-001,
211-327, 211-329**
E-mail: ingeo@list.ru

Храмы строились всегда. Разнообразия их беспредельно. Величественные соборы и мечети из вечных камней соседствуют с картонной церковью, которую выстроил Притцкеровский лауреат Шигеру Бан после землетрясения в Новой Зеландии. Авангардные эксперименты новых религий, возникающих у нас на глазах, и не менее удивительные опыты католических храмов – рядом с мощной вековой традицией православных церквей.

После семидесятилетнего перерыва на постсоветском пространстве построены и возрождены тысячи храмов различных конфессий. В этом номере опубликованы проекты новых культовых зданий Бурятии и Забайкалья, Иркутска и Ангарска, Красноярска, Кузбасса и Алтая.

Подъем храмового строительства вызывает к жизни и множество вопросов. Одновременно с дискуссией о том, нужен ли сейчас новый перевод Библии на современный русский язык, разворачивается спор о новом облике церкви. Союз архитекторов при поддержке Московского патриархата Русской православной церкви проводит курс на идею современного образа православного храма. Неизменны догматы, а каноны со временем меняются, говорят служители церкви. Но насколько глубокими могут быть эти изменения? В каком направлении следует развиваться храмовой архитектуре? Как ей лучше соотнестись с вызовами времени, с меняющимся укладом жизни, с новыми ритмами и способами мировосприятия?

В очередной раз мы насыщаем номер нашего журнала вопросами, чтобы поразмышлять над ними вместе с умным и неравнодушным читателем.

Елена Григорьева

People have always built temples. Their diversity is infinite. Majestic cathedrals and mosques made of eternal stones neighbor a cardboard cathedral built by Pritzker laureate Shigeru Ban after the earthquake in New Zealand. Avant-garde experiments of new religions emerging in front of our eyes and no less surprising experiences of Catholic temples are side by side with an age-long strong tradition of Orthodox churches.

After seventy years of gap thousands of temples of different confessions have been built and restored in the post-Soviet area. This issue includes projects of new religious buildings in Buryatia and Zabaikalie, Irkutsk and Angarsk, Krasnoyarsk, Kuzbass and Altai.

The rise of construction of temples raises a lot of questions. Debates on a new appearance of churches develop simultaneously with discussions on the necessity of a new translation of the Bible into the modern language. The Union of Architects of Russia with the support of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church launched a competition inviting ideas for a modern image of an Orthodox temple. The dogmata are unchanged, but the canons can be changed in time, as clergy members say. But how deep can such changes be? In what direction should the temple architecture develop? What is the best way for it to meet the challenges of our time, the changing lifestyle, the new rhythms and means of world perception?

Again we fill our journal with questions to think them over together with our clever and non-indifferent reader.

Elena Grigoryeva

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала Барту Голдхоорну, **издательству А-Фонд**, а также Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007.

учредитель, главный редактор

Елена Григорьева
664025 Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

корректор

Инесса Бражникова

литературный редактор

Марина Ткачева

верстка

Татьяна Анненкова
Светлана Колесова

переводчик,

редактор раздела

«Новости МСА»

Анна Григорьева

редактор раздела

«Дайджест»

Лариса Крылова

печать

«Репроцентр А1»,
Иркутск,
ул. Александра Невского, 99/2,
Тираж 500 экз.

Подписано в печать 5.05.14
Использование текстовых и фото-материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание реклам-

ной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год

адрес издателя, редакции

664025 г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

проект байкал/
project baikal
ISSN 2307-4485

41 храмы XXI / temples XXI

новости

Анна Григорьева
с использованием сайта
<http://www.uia-architectes.org>
Никита Токарев

Ирина Афанасьева

Ирина Афанасьева

Елена Григорьева
Елена Григорьева
с использованием сайта
<http://www.isover.ru/>

храмы XXI

Константин Лидин
Александр Раппапорт
Борис Родоман
Алла Арцис
Елена Багина
Марина Ткачева
Ольга Франко

Светлана Макотина
Светлана Макотина
Марина Ткачева
Александра Кострубова
Марина Ткачева
Николай Жуковский

Владимир Ульянов
Андрей Попов
Евгения Крайнева
Сергей Зыков

Сергей Зыков
Сергей Зыков

Сергей Зыков
Игорь Поповский
Петр Анисифоров

Новости Международного союза архитекторов 5
XV сессия Зимнего университета.
Развитие застроенных территорий – тема на десятилетия вперед. 8
Команда Ф. Площадка Якоби 10
Команда Д. Площадка Якоби 11
Команда А. Площадка в границах улиц Депутатской, Донской и Лыткина 12
Команда Е. Площадка в границах улиц Депутатской, Донской и Лыткина 13
Команда С. Площадка в границах улиц Щедрина, Сарафановской, Детской,
Напольной и Баррикад. 14
Команда В. Площадка в границах улиц Щедрина, Сарафановской, Детской,
Напольной и Баррикад. 15
Проект выпускника ИргТУ – победитель Международного конкурса
«Технические инновации в архитектуре». 16
Шерегеш – 2014. 18
Национальный финал конкурса ISOVER 22
Дом жертвы 24
Топофилия и Хронофобия 30
Клерикализация российского экскурсионного туризма 32
Фотогалерея 35
Нужны ли новые формы православным храмам? 36
Храмы XXI. Разговор на тему номера 40
«Современное архитектурное решение образа православного храма»
Открытый профессиональный конкурс. 46
Новые культовые сооружения в столице Бурятии Улан-Удэ 50
Новые храмы Улан-Удэ 55
Храмы: проекты и реализации. Интервью с архитектором Владимиром Стегайло 56
Новые храмы Иркутска. 58
На перекрестке. Интервью с архитектором Николаем Жуковским. 60
Православный храм Святого благоверного князя Александра Невского в Иркутске
Конкурсный проект 62
Храм Рождества Христова в Красноярске. 64
Храмовый комплекс христианской церкви «Благодать». 66
Новые храмы Читы и Забайкальского края. 67
Храм-часовня Георгия-Победоносца в составе Мемориала
славы сотрудникам МВД Кемеровской области 68
Храм-часовня Николая-Чудотворца город Кемерово 69
Православный храм при угледобывающем предприятии.
Кемеровская область, шахта «Полысаевская». 70
Евангелистская церковь «Возрождение» на ул.Терешковой 71
Храм Пресвятыя Богородице Образа Ея Всем Скорбящим Радость в г. Новокузнецке 72
Храмы, построенные по проектам мастерской Петра Анисифорова 76

Special thanks to Bart Goldhoorn and to A-Fond publishing house for their help and support in creating the journal; and to Frank van der Hoeven for his support and website development

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage. Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief
Elena Grigoryeva
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

proofreader
Inessa Brazhnikova

literary editor
Marina Tkacheva

upmaking
Tatyana Annenkova

**translator, editor of the
“UIA News” section**
Anna Grigorieva

editor of the “Digest” section
Larisa Krylova

printed by
“Reprocenter A1”,
Alexandra Nevskogo Street
99/2, Irkutsk
print run 500
passed for printing:
5.05.14
Reproduction of all texts or
illustrations of the issue
without written permission
from the editors is prohibited.
The editorial stuff is not
responsible for the contents
of advertising information.
The editorial opinion may
not always accord with the
views of the authors.

quarterly publication

**address of the publisher and
the editorial board**
664025 Chermkhovsky
Pereulok 1a
Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839
+7 3952 332840
email: sar@irk.ru
www.projectbaikal.com

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания»

Golden medal of the International Academy of Architecture “Interarch-2009” in “Periodicals” category

наследие/храмы	Андрей Иванов	Руставский Сион. Церковь Успения Пресвятой Богородицы (или «Руставский Сион»), город Рустави, Грузия	88
	Франк ван дер Хуверн	Паулюскерк – необычная церковь в Роттердаме	90
	Лариса Крылова	Дайджест. Две церкви Тадао Андо	99
	Марк Ролине	Часовня диаконис Рейли	100
	Катерина Гевель	О вечном – путевые заметки в Красноярском урочище. Прозрения	104
	Эдуард Товмасьян	Гродно-город культуры многих конфессий	110
	Алла Корзун	Храмы Иркутска. Культурный феномен «сибирского барокко»	114
	Елена Багина	«Ты прекрасна, спору нет...»	124
книга/храмы	Елена Григорьева	Церковная архитектура стран Закавказья VII в.	128
градо/храмы	Владимир Нечитайло	Русский храм в древнерусском городе	130
ландшафт	Ольга Смирнова	Сотая выставка Челси.	132
прогулки по Иркутску		134
Прогулка 12 КУРОРТ И ПАРК	Константин Лидин	Прогулка 12 КУРОРТ И ПАРК	136
	Виталий Барышников	Проект планировки Северной части Свердловского округа г. Иркутска	139
	Сергей Карпов	Глазковский некрополь в Иркутске: памятник археологии мирового значения	140
	Андрей Большаков	Эскизный проект водно-оздоровительного комплекса на территории парка имени Парижской коммуны в Иркутске	142
	Елена Григорьева	Эскиз генерального плана и зонирования парка имени Парижской коммуны в г. Иркутске	143
	Елена Григорьева	Спортивная ось левобережья Иркутска. Реконструкция спортивного комплекса «Локомотив»	144
Прогулка 13 ВСТРЕЧИ С ГАЙДАЕМ	Елена Григорьева	Музейно-консервационный комплекс «Глазковский некрополь»	146
	Константин Лидин	148
	Елена Григорьева	Прогулка 13 ВСТРЕЧИ С ГАЙДАЕМ	150
	с использованием http://baikalpress.ru	Дом Леонида Гайдая	153
	Константин Лидин	Застройка бульвара Гайдая	154
	Сергей Чумаков	Расширение школы-лицея №42 ВСЖД по ул. Профсоюзная в Иркутске	156
	Елена Григорьева	Техническое железнодорожное училище	159
	с использованием http://baikalpress.ru	Административно-хозяйственное здание	160
	Любовь Макогон	Понтонный мост	162
	Константин Лидин	Обитаемый мост в Иркутске. Курсовые работы	163
		164
Прогулка 14 ВНИЗ ПО КРУГОБАЙКАЛЬСКОЙ	Константин Лидин	Прогулка 14 ВНИЗ ПО КРУГОБАЙКАЛЬСКОЙ	166
	Елена Григорьева	Эскизный проект реконструкции Свердловского рынка в Иркутске «Глазковские торговые ряды».	168
	Сергей Демков	Церковь во имя Святых Апостолов Петра и Павла в Иркутске – редкий для Прибайкалья памятник архитектуры эпохи модерна	169
	Алексей Чертилов	Проект реставрации Петропавловской церкви в Иркутске	171
	Алексей Буйнов	Иркутский Николо-Иннокентьевский храм.	172
	Татьяна Ведерникова	Проект воссоздания Николо-Иннокентьевской церкви	175
	Алексей Буйнов	Здание вокзала – памятник федерального значения	178
	Елена Григорьева	Проекты железнодорожного вокзала и гостиничного комплекса	180
	Люциан Антипин		

news	Anna Grigorieva using source material from the website http://www.uita-architectes.org Nikita Tokarev Irina Afanasieva	UIA News 5 The XVth Session of Winter University. Development of Built -Up Areas Is a Topic for Decades Ahead . . . 8 Team F. Yakobi Site 10 Team D. Yakobi Site 11 Team A. Site within the Boundaries of Deputatskaya, Donskaya and Lytkina Streets 12 Team E. Site within the Boundaries of Deputatskaya, Donskaya and Lytkina Streets 13 Team C. Site within the Boundaries of Shchedrina, Sarafanovskaya, Detskaya, Napolnaya and Barrikad Streets 14 Team B. Site within the Boundaries of Shchedrina, Sarafanovskaya, Detskaya, Napolnaya and Barrikad Streets 15 Project by a Graduate of ISTU Is the Winner of the International Competition "Technical Innovations in Architecture" 16 Sheregesh 2014. 18
temples XXI	Irina Afanasieva Elena Grigoryeva Elena Grigoryeva using source material from the website http://www.isover.ru/ Konstantin Lidin Alexander Rappaport Boris Rodoman Alla Artsis Elena Bagina Marina Tkacheva Olga Franko Svetlana Makotina Svetlana Makotina Marina Tkacheva Aleksandra Kostrubova Marina Tkacheva Nikolai Zhukovsky Vladimir Ulyanov Andrei Popov Evgenia Kraïneva Sergey Zykov Sergey Zykov Sergey Zykov Sergey Zykov Igor Popovsky Petr Anisiforov Andrei Ivanov Frank van der Hoeven Larisa Krylova Marc Rolinet Katerina Gevel Eduard Tovmasyan Alla Korzun Elena Bagina Elena Grigoryeva Vladimir Nechitailo Olga Smirnova	ISOVER National Competition Final 22 The House of Sacrifice 24 Tophophilia and Chronophobia 30 Clericalization of the Russian Excursion Tourism 32 Photogallery 35 Are New Forms Necessary for Orthodox Temples? 36 Temples XXI. Conversation on the Topic of the Issue 40 "Modern Architectural Decision for the Image of an Orthodox Temple" Open Professional Competition 46 New Religious Structures in the Capital of Buryatia, Ulan-Ude 50 New Temples of Ulan-Ude 55 Temples: Projects and Realizations. Interview with Architect Vladimir Stegailo 56 New Temples of Irkutsk 58 At the Crossroads. Interview with Architect Nikolai Zhukovsky 60 Orthodox Temple of the Holy Prince Alexander Nevsky in Irkutsk. Competition project 62 Nativity of Christ Temple in Krasnoyarsk. 64 Temple Complex of the Christian Church "Grace" 66 New Temples of Chita and Zabaikalsky Krai 67 Temple Chapel of St. George as a part of the memorial to the Ministry of Internal Affairs Officers in the Kemerovo region 68 Temple Chapel of St. Nicholas the Wonderworker the city of Kemerovo 69 Orthodox Temple at the Coal Producer the Kemerovo region, Polysaevskaya mine 70 Evangelistic Church "Revival" on Tereshkovoi Street. 71 Temple of the Mother of God, Joy of All Who Sorrow in Novokuznetsk 72 Realized Projects of Temples Worked out by Petr Anisiforov's Architectural Bureau 76 Rustavi Zion. Church of the Assumption of the Holy Mother of God (or Rustavi Zion) in Rustavi, Georgia. . . 88 The Pauluskerk: an unorthodox church in Rotterdam 90 Digest. Two Churches by Tadao Ando 99 The Chapel of the Deaconesses of Reuilly. 100 About the Eternal – Travel Notes in the Krasnoyarsk Urochishche. Epiphanies 104 Grodno – a City of Culture of Many Confessions 110 The Irkutsk Temples. Cultural Phenomenon of "Siberian Baroque" 114 "You are beautiful, there is no doubt..." 124 Church Architecture of Transcaucasian Countries of the VII Century 128 A Russian Temple in an Old Russian Town. 130 The Hundredth Exhibition of Chelsea 132
heritage/temples	Konstantin Lidin Vitali Baryshnikov Sergey Karpov Andrei Bolshakov Elena Grigoryeva Elena Grigoryeva 134 Walk 12 HEALTH RESORT AND PARK 136 Development Plan for the Northern Part of the Sverdlovsky District in Irkutsk 139 The Glazkovsky Necropolis in Irkutsk: an Archaeological Monument of Global Importance 140 Sketch Design of Water and Health Complex on the Territory of the Park of the Paris Commune in Irkutsk 142 Sketch of the Master Plan and Zoning of the Park of the Paris Commune in Irkutsk 143 The Sports Axis of the Left Bank of Irkutsk. Reconstruction of the Sports Complex "Locomotive" . 144 Museum and Conservation Complex "Glazkovsky Necropolis" 146 148 Walk 13 MEETINGS WITH GAIDAI 150
book/temples	Konstantin Lidin Elena Grigoryeva using source material from the website http://baikalpress.ru Konstantin Lidin Sergey Chumakov Elena Grigoryeva using source material from the website http://baikalpress.ru Lyubov Makogon Konstantin Lidin	Leonid Gaidai's House 153 Development of Gaidai Boulevard 154 Extension of East-Siberian Railway School-Lyceum №42 on Profsoyuznaya Street 156 Railway Technical School 159 Administration and Amenity Building 160 Ponton Bridge 162 Habitable Bridge in Irkutsk. Term Theses 163 164 Walk 14 DOWN THE CIRCUM-BAIKAL RAILWAY 166
urban/temples	Konstantin Lidin Elena Grigoryeva Sergey Demkov Alexei Chertilov Alexei Buinov Tatyana Vedernikova Alexei Buinov Elena Grigoryeva Lyutsian Antipin	Sketch Redesign of the Sverdlovsky Market in Irkutsk "Glazkovo Shopping Arcade" 168 Church of Sts. Apostles Peter and Pavel in Irkutsk – a Rare Monument of Architecture in Pribaikalie . . 169 Redesign of the Church of Sts. Peter and Pavel in Irkutsk 171 St. Nicholas and St. Innokenty Temple in Irkutsk 172 Redesign of St. Nicholas and St. Innokenty Church 175 Railway Station Building 178 Projects of the Railway Station and the Hotel Facilities 180
landscape		
walks around Irkutsk		
Walk 12 HEALTH RESORT AND PARK		
Walk 13 MEETINGS WITH GAIDAI		
Walk 14 DOWN THE CIRCUM-BAIKAL RAILWAY		

**UIA 2014 Durban: focus on students
Competition and networks**

Almost 400 students of architecture from around the world are registered to participate in the student confrontation organised as part of the upcoming UIA congress in Durban (3-7 August 2014). The competition brief was developed to spotlight the complex ecology of the Warwick Junction site in Durban: a hub for the city's transportation networks as well as informal communications and commerce. Participants are asked to imagine solutions that will benefit both the local community and the half a million people who pass through Warwick Junction every day. The jury is composed of Rahul Mehrotra, Tasmī Quazi, Luyanda Mphahlwa, Joe Osae-Addoet and Mariana Jimenez Calderón.

Also, the student congress committee has opened a Facebook page and discussion group. Follow the link below and join this community of young

architects as they exchange ideas, images and videos in preparation for the Durban 2014 congress and the student competition.

<https://www.facebook.com/UIA2014Students>

UIA Young architects & students network

The UIA global network for young architects and students of architecture is being launched. All the UIA member sections were invited to designate two delegates, and a great many of our member organisations responded with candidatures of talented young architects and students to represent their country. The UIA Bureau members reviewed the candidatures, and chose from among them a committee of young architects and a sub-committee of students in architecture, made up of five members each (one delegate for each UIA region). A reporter, Marine de la Guerande (France), and a coordinator, Joseph P. Lai (USA),

were also selected. They will be invited to the next UIA Council session in Durban, in August 2014, and charged with developing a structure to stimulate and enrich exchange among the various delegates. Following Durban, the committees will have one year to define the network's working structure and methods and create a programme of activities.

A Facebook page has already been created. <https://www.facebook.com/pages/Young-Architects-Students/405974536206887>

**The UIA Golden Cubes - architecture & children
Second Edition**

The UIA Work programme "Architecture and children" organises the second edition of its prizes, the UIA Golden Cubes, which recompense initiatives to raise awareness and understanding of architecture, the city and the built environment among children and young people. Candidatures are accepted in

Новости Международного союза архитекторов /
UIA News

**МСА 2014 в Дурбане:
в центре внимания – студенты
Конкурс и сети**

Около 400 студентов архитектурных факультетов со всего мира зарегистрировались для участия в конкурсе, который станет частью предстоящего Конгресса МСА в Дурбане (3-7 августа 2014 года). Конкурсное задание было разработано с целью осветить со всех сторон сложную экологическую ситуацию участка Уорикского транспортного узла в Дурбане – центра городских транспортных сетей, неофициальных средств коммуникации и торговли.

Участникам предлагается разработать решения, которые принесут пользу как местному сообществу, так и 500 000 ежедневным посетителям Уорикского транспортного узла. В состав жюри вошли Рауль Мехротра, Тасми Квази, Луанда Мфалва, Джо Осе-Аддоет и Марианела Жимене Калдерон.

Студенческий комитет конгресса также создал страницу и дискуссионную группу на Facebook. Можно присоединиться к сообществу молодых архитекторов, обменяться идеями, фото и видео материалами в преддверии Конгресса-2014 в Дурбане и студенческого конкурса, перейдя по ссылке:

<https://www.facebook.com/UIA2014Students>

Сеть МСА для молодых архитекторов и студентов

Начала работу глобальная сеть МСА для молодых архитекторов и студентов архитектурных факультетов. Всем секциям-членам МСА было предложено выбрать двух талантливых молодых

архитекторов и студентов в качестве представителей своих стран. Члены Бюро МСА рассмотрели кандидатуры и выбрали среди них 5 членов комитета молодых архитекторов и 5 членов подкомитета студентов архитектурных факультетов (по одному представителю из каждого региона МСА). Репортером была назначена Марин де ля Жерранд (Франция), а координатором – Джозеф П. Лай (США). Они будут приглашены на следующую сессию Совета МСА в Дурбане, которая состоится в августе 2014 года, где им будет поручено разработать структуру, способствующую продуктивному обмену среди делегатов из разных регионов. Затем комитеты в течение одного года должны будут сформулировать методы работы сети и создать программу мероприятий.

Страница на Facebook:

<https://www.facebook.com/pages/Young-Architects-Students/405974536206887>

**Золотые кубы МСА – архитектура и дети
Второй выпуск**

Рабочая программа МСА «Архитектура и дети» организует второй выпуск наград «Золотые кубы», которые служат для того, чтобы расширить понимание архитектуры, строительства и города среди детей и молодежи. Кандидатуры рассматриваются в четырех категориях. Мероприятия, организованные школами или институтами и участвующие в конкурсе, должны были проходить с сентября 2011 года по март 2014 года и записываться как на письменные, так и на аудиовизуальные носители. Награждение пройдет во время Всемирного конгресса

МСА в Дурбане (3-7 августа 2014 года).

<http://uia-architecture-children.bak.de/index-en.html>

Собрание Комиссии по профессиональной практике в Бейруте

С 12 по 14 декабря 2013 года в Бейруте (Ливан) проходило собрание Комиссии по профессиональной практике, которое стало третьим за период с 2011 по 2013 гг. Приемной стороной выступил Ливанский орден инженеров и архитекторов.

В собрании, председателями которого были Рик А. Линсиком (США) и Чжуан Ваймин (Китай), участвовали двадцать делегатов из 15 стран. Собрание также посетили Президент МСА Альберт Дублер и Генеральный секретарь МСА Мишель Бамарки. На повестке дня были следующие вопросы: основные правила интернатуры; критерии архитектурного качества; соглашения о взаимном признании между разными странами и оценка профессионального опыта; рекомендации по международной архитектурной практике; профессиональная честь и плагиат; а также вопросы информационного моделирования зданий (BIM).

К Конгрессу МСА в Дурбане Комиссия по профессиональной практике готовит стенд, на котором будет представлена работа МСА, направленная на улучшение профессиональной архитектурной практики по всему миру за последние три года.

Контактные лица: Рик Линсиком и Чжуан Ваймин, соруководители

Комиссии
[rickincome@aol.com](mailto:rlickincome@aol.com)
zhuangwm@tsinghua.edu.cn

four categories. The actions had to take place between September 2011 and March 2014, organised by schools or institutions, in either written or audio-visual media. Prizes will be awarded during the UIA Durban world congress (3-7 August 2014). <http://uia-architecture-children.bak.de/index-en.html>

UIA Professional Practice Commission, meeting in Beirut

The UIA Professional Practice commission held its third meeting for the 2011-2013 triennial period in Beirut, Lebanon, on 12 - 14 December 2013. The meeting was hosted by the Lebanese Order of Engineers and Architects.

Twenty delegates representing 15 countries attended this meeting, chaired by Rick A. Lincicome (USA) and Zhuang Weimin (PR of China). UIA President Albert Dubler and UIA Secretary General Michel Barmaki also attended

the meeting. The agenda addressed the following points: policy on internships; criteria for architectural quality; mutual recognition agreements between different countries and evaluating professional experience; instructions for architectural practice around the world; professional integrity and plagiarism, and the challenges of BIM (Building Information Modelling).

The Professional Practice commission is preparing a stand for the UIA 2014 Durban Congress where it will present the work undertaken around the world over the last three years by the UIA on behalf of the profession.

Contact: Rick Lincicome or Zhuang Weimin, ricklincicome@aol.com, zhuangwm@tsinghua.edu.cn

Shigeru Ban Prix Pritzker 2014

At 56 years of age, this Japanese architect has been awarded the 2014 Pritzker Prize. He designs

elegant and inventive works like the Pompidou Centre in Metz, France, or the Aspen Museum of Arts. But according to the winner, it is his action in the heart of disaster-struck regions that strongly influenced the jury's choice in his favour. In particular because he succeeded in realising magnificent programmes in emergency conditions.

In 1994, during the conflict in Rwanda, Ban undertook humanitarian architecture, building shelters from carton tubing for refugees. In 1995, he founded VAN, the Volunteer Architects Network, where he has worked with students and victims on reconstruction projects following devastating earthquakes in Japan, Turkey, India, Sri Lanka, China, Italy, Haiti, and New Zealand. VAN is currently working in the Philippines. His nomination for the prestigious Pritzker Prize was received with enthusiasm by his peers and professional organisations around the world. According to Chilean ar-

Шигеру Бан – лауреат Притцкеровской премии – 2014

> Шигеру Бан © 2014 The Hyatt Foundation / Shigeru Ban © 2014 The Hyatt Foundation

56-летний японский архитектор Шигеру Бан получил Притцкеровскую премию за 2014 год. В числе его изысканных и оригинальных проектов – Центр Помпиду в городе Мец (Франция) и Художественный музей в Аспене. Но, по словам победителя, на решение жюри главным образом

> Дом со стенами-занавесками по проекту Шигеру Бана, Токио, Япония, 1995 год. Фото: Hiroyuki Hirai / Curtain Wall House by Shigeru Ban, Tokyo, Japan, 1995. Photo by Hiroyuki Hirai

повлияло его активное участие в восстановлении регионов, пострадавших от стихийных бедствий, в частности, успешная реализация различных программ в условиях чрезвычайного положения.

В 1994 году во время конфликта в Руанде Бан занялся гуманитарной архитектурой, возводя укрытия из картонных труб для беженцев. В 1995 году он основал Объединение архитекторов-волонтеров (VAN), в котором работал со студентами и жертвами стихийных бедствий над проектами реконструкции после разрушительных землетрясений в Японии, Турции, Индии, Шри-Ланке, Китае, Италии, на Гаити и в Новой Зеландии. Сейчас организация VAN работает на Филиппинах. Его номинация на престижную Притцкеровскую премию была воспринята с энтузиазмом его коллегами и членами профессиональных организаций из разных уголков земного шара. Как сказал чилийский архитектор, член жюри Алехандро Аравена, – «Он доказал, что вдохновленный художник и опытный проектировщик не всегда обязан работать на привилегированную элиту, а инновационные идеи могут служить самым широким слоям населения».

Шигеру Бан – седьмой японский архитектор, получивший Притцкеровскую премию. В 2011 году в Токио он также стал лауреатом Премии МСА имени Огюста Перре.

Дополнительная информация: <http://www.pritzkerprize.com/>

Джулия Морган – первая женщина-архитектор, получившая Золотую медаль АИА

Архитектор Джулия Морган – автор более 700 проектов, реализованных в США в начале XX века. В этом году ей посмертно присудили Золотую медаль Американского института архитекторов (АИА). Она родилась в 1872 году и была первой студенткой факультета гражданского проектирования Калифорнийского университета в Беркли, а затем стала первой женщиной, получившей лицензию и занимавшейся архитектурной практикой в своей фирме в США. Ее мастерство, талант и творческий подход служили вдохновением для нескольких поколений архитекторов, а ее технические навыки обеспечили ей известность на протяжении многих лет. Ее ранний проект – классический театр в Сан-Франциско – одно из немногих зданий, устоявших при землетрясении в 1906 году.

В 1921 году Джулия Морган стала членом АИА, в состав которого тогда входило всего семь женщин. В этом году она стала первой женщиной-лауреатом престижной Золотой медали АИА, которую в свое время получили

chitect and jury member Alejandro Aravena: 'He has proved that the inspired artist and the skilled designer is not inevitably condemned to work for a privileged elite, but that innovation can take place while working for the majority'.

Shigeru Ban is the seventh Japanese architect to win the Pritzker Prize. Shigeru Ban received the UIA Auguste Perret prize in Tokyo in 2011.

Learn more: <http://www.pritzkerprize.com/>

Julia Morgan, first woman architect to win the AIA Gold Medal

Architect Julia Morgan is the author of over 700 realisations built in the United States in the early 20th century. This year she was posthumously awarded the American Institute of Architects (AIA) Gold Medal. Born in 1872, she was the first female civil engineering student at the University of California-Berkeley, and the first woman to be

licensed and practice architecture in her own firm in the USA. Her dexterity, talent and stylistic creativity have inspired generations of architects, but her technical skill ensured her continuing notoriety. One of her first projects, a classic theatre in San Francisco, was one of the few structures to resist the 1906 earthquake.

When she joined AIA in 1921, the institute had only seven female members. She is the first woman to join her prestigious male colleagues as an AIA Gold Medal recipient: among past winners are Thomas Jefferson, Frank Lloyd Wright, Luis Sullivan and Louis I. Kahn.

Learn more: www.aia.org

Region II: Four international competitions in Budapest city park

The Museum of Fine Arts Budapest and the Városliget Zrt. (Liget Park) announce the launch of

four open, international, two-stage architectural competitions to design five museum buildings in Budapest's city park. The Liget Budapest Project will consist of the construction of these new buildings, the complete renewal of the park's green area, and the renovation of the existing institutions. It will make Budapest City Park one of the best-known touristic and cultural destinations in Budapest as well as a unique family park recognized throughout Europe.

Ken Yeang will represent the UIA on the prestigious international jury. A total of 870 000 euro in prize money will be awarded during these competitions.

<http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/8440#.UyR7bV7cVmk>

<http://www.ligetbudapest.org>

Learn more: <http://www.uia-architectes.org>

такие известные архитекторы, как Томас Джефферсон, Фрэнк Ллойд Райт, Луис Салливан и Луис И. Кан.

Дополнительная информация: www.aia.org

**Регион II
Четыре международных конкурса в городском парке Будапешта**

Руководства Художественного музея Будапешта и парка Лигет объявляют о проведении четырех открытых международных архитектурных конкурсов, которые пройдут в два этапа и будут направлены на создание пяти музеев в городском парке Будапешта. Проект будапештского парка Лигет включает в себя строительство новых зданий музеев, полное обновление паркового озелененного пространства и модернизацию уже существующих учреждений. Это сделает будапештский центральный парк одним из известнейших

туристических и культурных центров Будапешта, а также уникальным семейным парком, популярным во всей Европе.

Представителем МСА в престижном международном жюри станет Кен Янг. Общая сумма призового фонда конкурсов составляет 870 000 евро.

<http://www.uia-architectes.org/en/s-informer/concours/8440#.UyR7bV7cVmk>

<http://www.ligetbudapest.org>

Дополнительная информация:

<http://www.uia-architectes.org>

< Джулия Морган (1872 – 1957) / Julia Morgan (1872 – 1957)

Пресвитерианская церковь Св. Иоанна в Беркли (Калифорния, США) по проекту Джулии Морган. Фото: Mark Anthony Wilson; Julia Morgan, Architect of Beauty / St. John's Presbyterian Church in Berkeley, California designed by Julia Morgan. Image courtesy of Mark Anthony Wilson; Julia Morgan, Architect of Beauty.

< Картонный собор по проекту Шигеру Бана, Крайстчерч, Новая Зеландия, 2013 г. / Cardboard Cathedral designed by Shigeru Ban, Christchurch, New Zealand, 2013.

XV сессия Зимнего градостроительного университета Развитие застроенных территорий – тема на десятилетия вперед

На Зимник я попал впервые, хотя много слышал от коллег об этом замечательном градостроительном форуме. Качество организации Зимнего градостроительного университета, масштаб проекта и уровень постановки проблем производят большое впечатление. Несомненная удача университета – формат, сочетающий исследование и обучение, анализ и проектирование, именно то, чего не хватает российскому архитектурному образованию, да и архитектуре в целом.

Тема нынешней сессии - трансформация застроенных территорий, пожалуй, одна из ключевых проблем постсоветского градостроительства. В связи с демографической и экономической ситуацией экстенсивный рост городов почти прекратился, во многих случаях мы имеем дело со стабилизацией или сокращением населения. Растут лишь немногие крупнейшие города (Москва) или те, где реализуются «спецпроекты» (Сочи). С другой стороны обеспеченность жильем продолжает оставаться низкой (по разным данным в среднем 23 кв.м на человека) по сравнению с 40 -70 кв.м. в Европе и США . Растет износ жилого фонда, ветшает массовая 5 и 9-этажная застройка 50х-60х. В этих условиях логичным выглядит реновация и уплотнение существующей городской ткани, повышение качества города, а не количества квадратных метров. Но градостроительство, местные власти и строительный комплекс по-прежнему ориентированы на застройку пустых площадей и воспроизводство микрорайона, что ведет к неконтролируемому росту террито-

рии. Затраты на инфраструктуру и транспорт ложатся на городские бюджеты и неявным образом включаются в стоимость «доступного» жилья. Для реновации исторического, дореволюционного центра в России есть некоторый опыт, не всегда позитивный впрочем, но, для развития «срединной» зоны смешанной застройки и микрорайонов 50–80-х годов пока, на мой взгляд, нет даже теоретической базы, как нет и понимания ценности этих территорий для российских городов.

Поэтому собранный к сессии аналитический материал представляет собой большую ценность, как «разметка поля» для будущего проектирования, включая и обзор идей, заложенных в микрорайонную застройку, и современная законодательная база, правда весьма скудная, и данные об иркутских участках.

Очень верным представляется решение ввести слушателей в общий контекст не уточнять проблематику каждого участка, тем самым сделать анализ и исследование составной частью проекта.

Несколько бледнее на этом фоне выглядит раздел примеров, где собраны преимущественно проекты 60–70-х годов, как раз та архитектура, вопрос о реновации которой стоит сейчас. За 25 лет после падения Берлинской стены в Восточной Европе накоплен значительный опыт реновации советского наследия, да и во Франции, Великобритании есть много примеров возвращения к жизни районов, построенных в 60–70-х годах, и интеграции в них современной архитектуры.

Особенно ценной мне представляется, что при выборе общей для российских городов проблемы, сессия ориентирована на уникальный иркутский контекст, с его хрупкой, чудом уцелевшей деревянной застройкой. Мысли глобально, действуй локально – этот мудрый девиз полностью приложим к Зимнему университету.

Не вдаваясь в подробный анализ проектов, я бы выделил тему разделения общественного и частного пространства в городе. Советское градостроительство сформировалось в отсутствии частной собственности и рынка земли, для него было характерно как раз отсутствие этого различия: все что не квартира было общественным. Да и жилье было частным условно, вспомним повсеместно распространенные коммуналки. Улица, площадь и двор имели лишь количественное различие. Неудивительно, что в микрорайоне, воплотившем социалистическую идею города, пространство стало почти полностью однородным, потеряв и качество и способность к развитию. Именно микрорайон активнее всего сопротивляется новым экономическими социальным реалиям: собственности или аренде земли, межеванию, смене видов использования участков, различным формам управления жилыми домами.

Наиболее успешные проекты уделили внимание в первую очередь не архитектуре или планировке как таковой, а образу жизни на этой территории, включая правовой статус земли, управление, предложили новую схему межевания и землепользования. Кроме того, вынесенную в заглавие

Проблему развития застроенных территорий можно назвать острой для Иркутска. Доля ветхой малоэтажной многоквартирной застройки в жилищном фонде Иркутска составляет около 6 % и занимает 280 га, выявлено 43 участка общей площадью 92,19 га с подобной застройкой, предназначенных для реновации. Эти данные послужили основой для проведения XV сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета, которая прошла с 1 по 21 февраля в Иркутске под названием «Перестройка. Развитие и трансформация городского пространства». Участие в сессии приняли 35 молодых людей

из 12 стран мира, специализирующихся в сфере урбанистики, архитектуры, экономики, транспорта, экологии, социологии и ландшафтного проектирования. В рамках предложенной тематики шести сформированным международным междисциплинарным коллективам предстояло разработать предложения по типологии высокоплотной жилой застройки, развитию инфраструктуры кварталов и новым схемам взаимодействия органов местного самоуправления с инвесторами. Пилотами XV сессии стали иркутские градостроители И. Хомутинников и Р. Хотулев. В число экспертов вошли Б. Энгель, У. Хеген и М. Ленхарт

(Германия), Р. Хандельвал (Индия), Д. Бадариотти и М. Гэйар (Франция), П. Лоренс (Польша), Дж. Лайзер (Канада), М. Меерович и Е. Григорьева (Иркутск), А. Козьмин (Томск), Н. Токарев и С. Георгиевский (Москва), И. Поповский (Новосибирск). Международные команды представили свое видение площадок и дали практические рекомендации по преобразованию города. По результатам голосования победителем признана команда F, которая занималась проектированием площадки Якоби.

Ирина Афанасьева
Фото Роман Литвиненко
Максим Попов

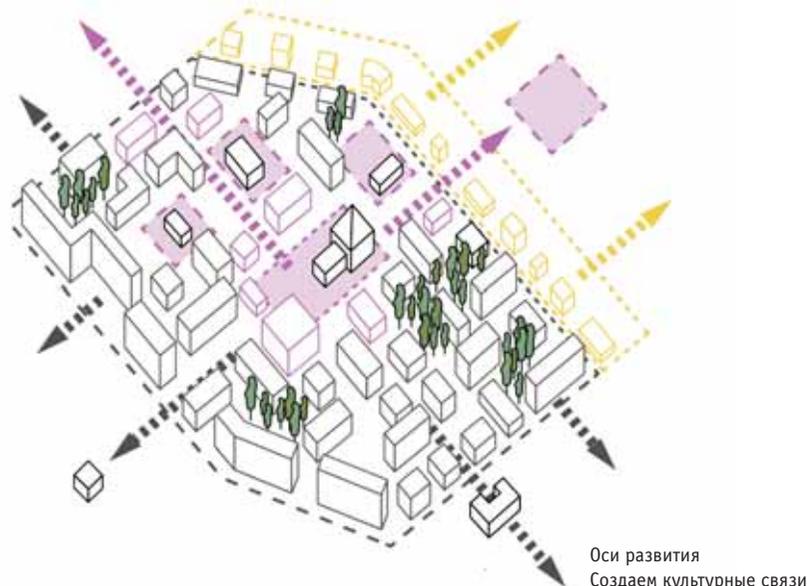
сессии трансформация, развитие – это прежде всего процессы. Проекты, включающие помимо желаемого результата еще и описание процесса (участники, механизмы, этапы), заслуженно получили более высокую оценку экспертов.

Закономерно, что в работах, отвечавших этим двум критериям, архитектурное качество также оказалось на высоте: увеличение плотности при сохранении масштаба и характера застройки представляется наиболее логичным и эффективным решением для выбранной застройки.

Разнообразие опыта, принесенного участниками университета (среди них были и архитекторы, и урбанисты, и менеджеры, и муниципальные работники из многих стран от ЮАР до Германии и от Индии до Ливана), а также завидный состав экспертов определили успех сессии. Ее результаты не должны остаться на бумаге, очень важно, чтобы они легли в основу градостроительных и организационных решений. Внимание, проявленное городской администрацией и Городской думой к проектам университета, позволяет на это надеяться. Для продолжения работы необходима полноценная публикация результатов сессии с проектами, мнениями экспертов, аналитическими материалами, и «Проект Байкал» – лучшая площадка для этого.

Никита Токарев

Оси развития
Создаем культурные связи

Команда F Площадка Якоби

Девиз проекта «Сохраняем лучшее, оставляя пространство для чего-то нового», концепция команды – сохранить культурный и общественный дух района.

Площадка Якоби исторически была частью поселения, созданного для строителей Иркутской ГЭС в 1950-х годах. За долгие годы территория частично изменилась, однако сохранила особенную атмосферу, которая подтолкнула команду максимально сберечь первоначальную структуру района. Проведенные проектным коллективом исследования и интервью с представителями местного населения, политиками и деятелями культуры показали, что люди сильно привязаны к своему району, к духу этого места, к взаимоотношениям внутри сообщества. Не смотря на то, что социальный климат микрорайона нуждается в улучшениях, команда отметила тенденцию культурного и духовного развития.

Авторы проекта определили, что микрорайон, в котором расположена

площадка Якоби, обладает большим культурным потенциалом и может послужить импульсом к развитию города в юго-восточном направлении. Постепенно там может быть создана «интерактивная сцена», которая станет центром притяжения для жителей и послужит импульсом к развитию этой части города.

Идею нового в проекте представляет гибкое многофункциональное пространство с различным общественным и культурным наполнением, которое изменяется в соответствии с потребностями населения, проходящими фестивалями и праздниками. Оно служит импульсом к развитию площадки Якоби. Предлагаемое решение может стать «каркасом» для создания единого культурного кластера территории, расположенного на одной оси с существующим Театром народной драмы.

Проектная группа предложила «мягкий» подход к реконструкции территории, следуя принципу: «Два шага вперед, один шаг назад». Данный прием подразумевает постепенный снос старых зданий и строительство новых, при этом на период возведения зданий предполагается временное переселение жителей в специальное государственное жилье, расположенное вблизи района. В процессе поэтапной реконструкции люди будут возвращаться на территорию, а временное жилье впоследствии можно использовать, как арендное, которое будет приносить доход.

Архитектурно-планировочные решения проекта основаны на существующем плане застройки, имеющей характерные для советской архитек-

туры черты - обширные внутренние пространства. Авторы преобразовывают ритм застройки и создают цепочку взаимосвязанных уютных дворов, этажность зданий понижается в сторону берега Иркутского водохранилища от девяти до двух этажей, здания низкой этажности также сохраняются вблизи Театра народной драмы.

Общая площадь жилого фонда в проекте превышает 102 тыс. м². На общественные зоны приходится 5,26 тыс. м². При средней жилищной обеспеченности 30 м² на человека, прогнозируемое количество жителей составляет 3415 человек.

Команда предложила изменить и транспортную схему района – улица Якоби позиционируется, как бульвар, улица Мухиной становится центральной, разрешенной только для общественного транспорта, сохраняется развязка на пересечении улиц Захарова, Академической и Якоби, но добавляется проход по улице Захарова, чтобы автомобильные потоки, идущие в центральную часть города, проходили на нижнем уровне. Это позволит снизить нагрузку на сложный транспортном узле.

По проект, улица Театральная выходит в прибрежную зону и завершается крупным выставочным павильоном, на берегу водохранилища планируется Летний сад и ряд небольших гостиничных домиков. В целом функциональное наполнение рекреационной оси изменяется в соответствии с потребностями населения, переменной времен года и проходящими мероприятиями.

Команда D Площадка Якоби

Команда предложила проектные решения в духе «нового урбанизма» – полное сохранение существующей планировочной структуры кварталов, что, по мнению авторов, с одной стороны даст возможность уберечь уникальную атмосферу места, с другой – максимально использовать потенциал и сильные стороны развиваемой территории, чтобы создать новое сердце Иркутска. Концепция работы «Идти против течения» основывается на реконструкции застроенных территорий и поддержке идентичности, особенностей района путем сохранения формы и функций.

По мнению градостроителей, участок Якоби является одной из наиболее интересных и перспективных площадок: участок в южной части Иркутска – в Свердловском районе, расположен непосредственное на берегу реки Ангары, часть территории – пляж Якоби – на данный момент одно из любимых горожанами место для отдыха и прогулок.

Команда условно разделила площадку на четыре квартала. Жилая зона должна стать основополагающей регламентирующей осью между различными видами деятельности и обеспечивать устойчивость территории. Выделен квартал для дневного (бизнес) использования с местами работы и детской зоной, а также рекреационный квартал для расположения развлекательных заведений и жилья. Чтобы создать уютную внутриквартальную среду, на окраинах устанавливаются высокотажные здания, которые снижаются ближе к центру района. По задумке авторов проекта предложенный план должен обеспе-

чить население района инфраструктурой, необходимой для функционирования творческого и динамичного пространства, а также обеспечить город новой общественно-рекреационной зоной, способствующей развитию сезонных видов деятельности, объединённых в кварталы вдоль городской береговой линии.

Команда предложила две стратегии развития: «Стратегия переселения/перемещения» и «Стратегия преобразования для поддержки общественных структур и инфраструктуры». Первая регулирует процессы по переселению граждан в части гарантии предоставления выбора нового жилья, а также категорий стоимости. Среди предполагаемых категорий наиболее доступное жилье, жилье средней доступности, наименее доступное жилье. Из-за того, что определенная часть жилья будет закреплена за населением с низким доходом, должна быть установлена система жилых субсидий.

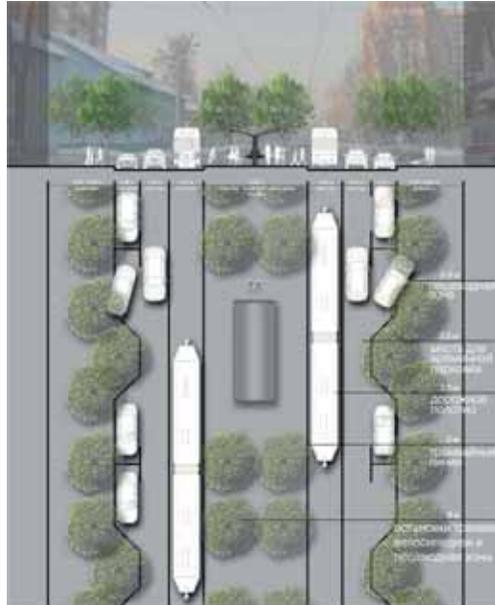
Вторая стратегия преобразования для поддержки общественных структур и инфраструктуры регламентирует финансирование мероприятий по улучшению района. Исходя из предложений, собственники, жители и владельцы частной собственности на территории района Якоби должны подписать петицию для внедрения «Стратегии преобразования районов», подтвержденной местными властями. Цена налогов будет зависеть от качества предоставленных общественных учреждений и открытых общественных пространств. Таким образом, данный налог позволит контролировать и поддерживать состояние обществен-

ных пространств в районе Якоби.

Молодые проектировщики обратили внимание на сложную транспортную ситуацию района, в которой на пересечении улиц Якоби, Захарова и Мухиной возникают автомобильные пробки в часы пик. Предложение команды заключается в изменении треугольного пересечения улиц, что будет способствовать логическому движению транспорта, также проектом предусмотрено расширение улицы Якоби в сторону Ангары с учетом существующей полосы движения и с сохранением сети посаженных тополей.

Команда предложила создать бульвар по улице Мухиной, открытый для транспорта в будние дни, и превращающийся в пешеходное пространство по выходным, перевести пешеходные потоки с Мухиной на Театральную и далее в рекреационное пространство у Ангары. В этом случае главная транспортная ось переносится с улицы Мухиной на Якоби, с целью разгрузки будущего бульвара.

Команда А

Площадка в границах улиц Депутатской, Донской и Литкина

По мнению команды площадка имеет очень выгодное географическое расположение в центре города. Однако существует ряд недостатков, среди которых отсутствие единой концепции озеленения района, а также высокая транспортная напряженность улиц, по которым движется более 1 тыс. автомобилей в час.

Участники коллектива убеждены, что эта территория должна стать мощным зеленым ядром столицы Приангарья. Основная идея проекта – трансформация района Депутатской в яркий, разнообразный, сбалансированный многофункциональный зеленый центр, с применением различных видов озеленения как образец новой концепции мобильности. Жилой район в целом и рассматриваемая территория имеют большой потенци-

ал, чтобы стать районным центром с новыми общественно-рекреационными пространствами как для локальных жителей, так и горожан в целом.

По замыслу, озелененные пространства будут проникать во внутренние двory района и могут быть использованы для более приватной и тихой повседневной деятельности, такой как выход на прогулку, игры на свежем воздухе, отдых, прогулки с собакой или для пикников. Кроме того, предлагается использовать озелененные крыши домов, что может стать дополнительным пространством для отдыха и развлечений: установленные спортивные, детские площадки и сады могут использоваться жителями конкретного здания и жителями района.

Команда представила концепцию изменения функционального назначения деревянных домов, уплотнение советской застройки и нового строительства. Стратегию сноса существующих зданий предполагается осуществить в три этапа.

Первый этап – ремонт, подключение и изменение функционального назначения отдельных деревянных домов. Некоторые из существующих деревянных зданий можно соединить в кластеры новыми конструкциями и объемами.

Второй этап – на территории с застройкой советского периода планируется увеличить этажность зданий, построить новые здания и провести реконструкцию фасадов существующих зданий. Территория домов советского периода может служить резервом, для дальнейшего развития района, сноса и перепланировки зданий.

Третья очередь – строительство

новых зданий городского масштаба на территории снесенных домов, современных и ориентированных на будущее.

Еще одно яркое предложение команды – идея развития «вертикального соседства», создание новых домов-коммун. Это может быть реализовано за счет трансформации приема группировки домов из горизонтального в вертикальный.

Предложена разнообразная типология жилья. В южной, более спокойной части района – таунхаусы, в северной, более плотной части участка – многоэтажные здания, в центральной части территории рядом с городской площадью проектом предлагается размещение жилых дома до 16 этажей.

Команда предложила преобразование схемы движения транспорта на территории. Для главных дорог предполагается три вида движения: четыре двухполосных линии с ограничением скорости до 70 км/ч, две второстепенные линии до 50 км/ч и одна односторонняя улица с пределом скорости в 30 км/ч. Новая односторонняя система дорожного движения по территории должна уменьшить дорожный поток и снизить загруженность дорог. Планирование различных парковочных решений освободит пространство для озеленения территории и рекреационных зон. Такая дорожная ситуация будет способствовать образованию дружелюбного уличного ландшафта с достаточным количеством зеленых насаждений вдоль дорог, которые исполняют роль зеленых коридоров в городе и соединяют новые и уже существующие зеленые насаждения друг с другом.

Команда E Площадка в границах улиц Депутатской, Донской и Лыткина

Авторы проекта «Upcycle» пропагандируют принцип «реиспользования», этот метод подразумевает использование существующих мощностей территории, гармоничное сочетание при сохранении старой застройки и возведении новых зданий. Проектом предлагается сохранение идентичности места с возможностью вдохнуть новую «искорку жизни» за счет обновления транспортной схемы, вложения нового смысла в старые здания, такие как неиспользуемые промышленные объекты и др. В данном случае команда предлагает использовать потенциал старой котельной, находящейся на территории площадки «Депутатская» -котельная из заброшенного и нефункционирующего объекта становится культурной доминантой территории, местом для людей разных возрастов и увлечений.

Концепция апсайкла является основным инструментом команды в процессе формирования и развития городской среды. Процесс апсайкла затрагивает как осязаемые, так и неосязаемые характеристики города и его среды.

Воздействие на осязаемые характеристики возможно через изменение структуры существующей застройки, строительство новых мощностей для удовлетворения растущего спроса и создание общественных пространств, которые могли бы стать новой платформой для социального взаимодействия. Кроме того, осязаемые критерии подразумевают укрепление существующего транспортного коридора и создание новой сети пешеходных связей.

Неосязаемые характеристики могут быть реализованы при помощи привлечения креативного класса: работников интеллектуальной сферы, исследователей и представителей творческих профессий. Чтобы привлечь и удержать креативный класс, город должен обладать рядом свойств, которые могут быть обозначены как три «Т»: Талант – население города должно быть обрадованным и талантливым; Технология – городская среда должна соответствовать высокотехнологичным требованиям; Толерантность – город, как его среда, так и жители, должен быть неоднородным и обладать различными свойствами и характеристиками. Иркутск обладает всеми этими характеристиками, но на данный момент наблюдается недостаток механизмов, способствующих развитию скрытого потенциала города.

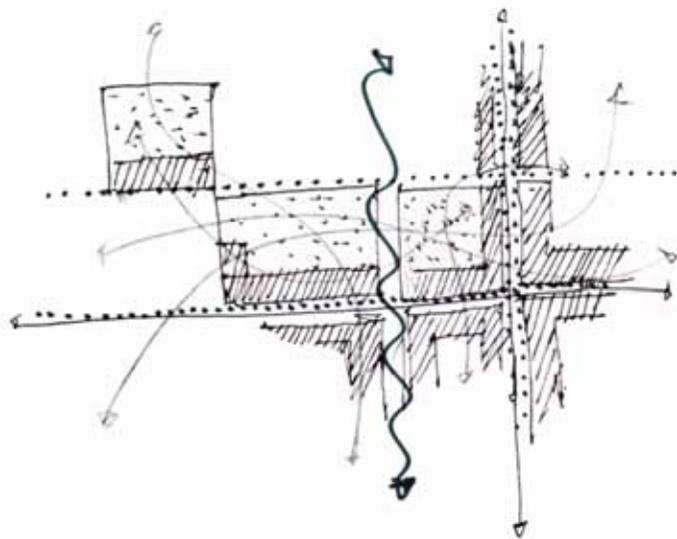
В связи с этим авторы проекта предлагают создать в районе «Депутатской» бульвар, способствующий укреплению связи между рассматриваемой территорией и центром города, укрепить существующие пешеходные связи при помощи создания сети зеленых пространств, связывающих культурные площадки с городской набережной.

Освободить внутренние дворы от машин возможно за счет размещения парковок в отдельных зданиях и под землей, кроме того застроенная территория вдоль бульвара станет потенциальным местом для расположения подземных парковок не только для жителей данной территории, но и посетителей культурного центра. В

этом случае, территория может стать катализатором для формирования новых социальных связей и укрепления существующих.

Процесс преобразования площадки «Депутатская» возможен в несколько стадий: начальная стадия подразумевает укрепление транспортного коридора вдоль многоэтажных домов, используемых для различных целей, затем следует создание платформы для социального взаимодействия (преобразование старой котельной в новый культурный центр), следующим этапом – преобразование ветхих домов в площадки для работы и жизни, а также совершенствование сети пешеходных дорог и развитие локальных центров внутри застроенных территорий.

Stage 2 : Redensification

Команда С

Площадка в границах улиц Щедрина, Сарафановской, Детской, Напольной и Баррикад

Методология изучения площадки включала последовательное определение привычного рисунка передвижений жителей в течение дня, для того, чтобы понять их привычки и социокультурную составляющую. Следующим шагом стало выявление характера каждого квартала, изучение транспортной сети и возможных связей, точек зрения жителей на недостатки в социальной и материальной инфраструктуре. За этим последовал подробный SWOT-анализ территории. Выявленная проблема заключалась в социальной изоляции района из-за большого числа мигрантов и людей с низким уровнем дохода.

Основная идея концепции команды – «разбаррикадировать» район («De-Barrikad»), сделать его откры-

тым и привлекательным для каждого горожанина. Концепция включает «перестройку» и реорганизацию городской ткани.

Команда определила главные автобусные и трамвайные остановки как центры развития, которые должны быть насыщены различными функциями и иметь структуру, плотность которой будет уменьшаться по мере удаления от них. Основные объекты социальной инфраструктуры будут сосредоточены вдоль этой оси. Этот «хребет» будет выступать в качестве социально-культурного центра района с большим количеством общественных пространств. Некоторые дороги (одна из которых с трамвайной линией) должны быть преобразованы в пешеходные бульвары. Автобусная сеть нуждается в реорганизации - предлагается изменить направление одной из автобусных линий, чтобы сделать лесную северную часть района более доступной, что в свою очередь позволит разгрузить движение по главной дороге.

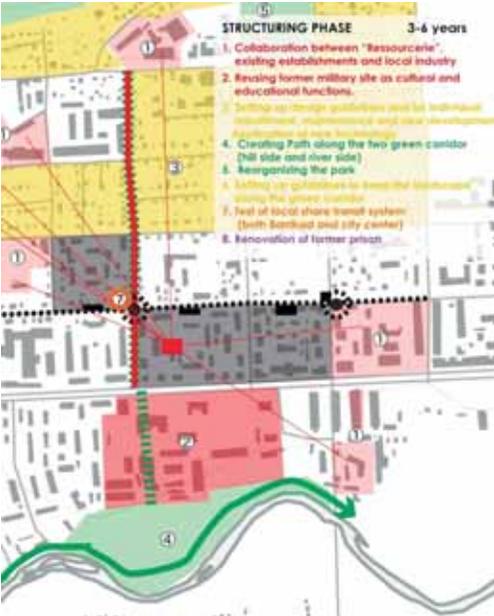
Цель – создать устойчивые и жизнеспособные районы, обеспечивающие здоровый образ жизни жителей: быстрый доступ к школам, библиотеке, спортивным сооружениям улучшит жизнь молодежи. Предложено создать больше рабочих мест, развить розничную торговлю, офисы и открытые рынки, создать своеобразный «бизнес-инкубатор».

Стратегия осуществления проекта рассчитана на три этапа. 1-й этап (3 года) – жителей предполагается переселить во временные жилые строения, и затем будет построена часть

жилого фонда, одновременно будут развиваться и коммерческие пространства. Они будут развиваться и на протяжении 2-го этапа (6 лет), во время которого будет создано 75% жилищного фонда.

Параллельно будет развиваться транспортная система и пешеходные связи. На 3-м этапе (10 лет) будут организованы социальные пространства и инфраструктура (парки, школы, медицинские учреждения и др.), будут построены оставшиеся 25% жилого фонда. Квартиры будут продаваться новым жителям, желающим поселиться в этом районе.

Авторы проекта убеждены, что «открытие» кварталов привлечет динамику в район и сделает его более привлекательным. В районе Баррикад будет размещен «бизнес-инкубатор» и «акселератор», цель которого стимулировать и поддерживать создание и рост новых предприятий малого бизнеса, обеспечивая необходимую поддержку предприятиям, снижая вероятность банкротства. Поскольку район находится в непосредственной близости от центра города, но имеет преимущество в низкой стоимости относительно других районов, офисы по улице Баррикад будут весьма конкурентоспособны. Строительство офисов и запуск «инкубатора» сделает район привлекательным для вхождения частных инвесторов на рынок недвижимости, что станет основным элементом динамики и стимулирования развития района.

Команда В

Площадка в границах улиц Щедрина, Сарафановской, Детской, Напольной и Баррикад

Площадка расположена на северо-востоке Иркутска – в предместье Рабочее, над рекой Ушаковка. Население – 15 300 человек. Здесь главенствует традиционная для того времени деревянная архитектура.

Команда сделала упор на изменение негативного образа района. Негативное впечатление формируется из исторического прошлого этой территории: район начал развиваться после строительства ремесленного дома в конце 18 века, рядом с ним была построена исправительная колония. Район формировался как рабочая площадка для ссыльных и отбывших тюремное заключение. Позднее в начале 20 века на берегу Ушаковки был построен завод им. Куйбышева.

Территория планировочного района сформирована в основном 1-2-этажной застройкой, возведенной в 50-60 гг. прошлого века, теперь это старые и ветхие дома. Присутствует значительное количество хозяйственных корпусов и сараев. Основная проблема – социальная изолированность. Район не привлекателен для комфортного существования жителей. Предложено создание современной рекреационной сети (парки, скверы), соединяющей различные части района, реконструкцию жилого фонда и придомовых территорий.

Проект называется «Barrik ID». Команда поставила для себя целью сохранить идентичность района, что позволит сделать реконструкция некоторых элементов, таких как котельная, а также использование малых архитектурных форм в индустриальном стиле, каменного дорожного покрытия и др.

Кроме того, команда представила идею объединения района с природным окружением (набережной и озелененными территориями) и с городом (благодаря различным рекреационным объектам).

Рассматривая транспортную ситуацию, команда усиливает место трамвая в транспортном потоке, переносит на них основную нагрузку и предлагает расположить пункты аренды велосипедов на площадке «Баррикад», вдоль реки к центру города.

Изюминкой проекта является создание на площадке «Баррикад» мастерских «Ressourcerie». Концепция Ressourcerie зародилась в Квебеке (Канада) в 1996 году и уже применена в Бельгии и Франции. Это своего рода общественный центр, основной которого являются «Экология» и «Справедливость». Здесь мусор и использованные материалы могут быть собраны и преобразованы в новую продукцию. Люди с ограниченными возможностями и те, кто не имеет специальности, будут там обучаться и получать возможность работать.

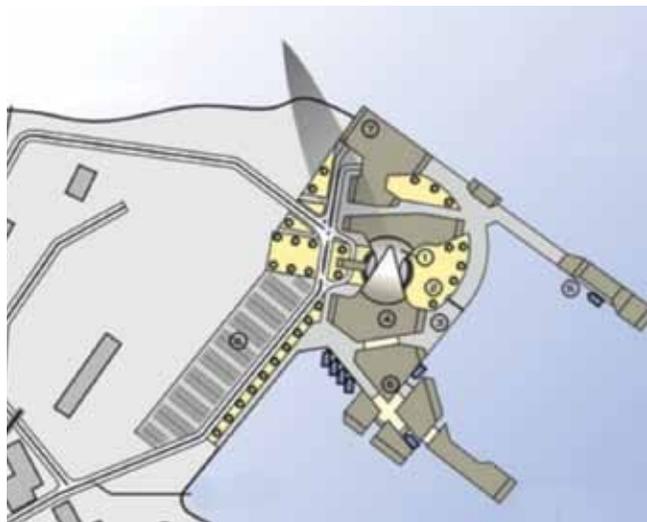
Команда настаивает на обновлении старых зданий и строительстве новых двух-трехэтажных домов с использованием экологических технологий, приспособленных к климатическим условиям. Одной из перспективных технологий для Иркутска может стать создание электрической системы таяния снега для пешеходных и автомобильных дорог.

Преобразование района предполагается в несколько этапов. На первом этапе, рассчитанном на 1-3 года, предусмотрено создание образовательного

центра-мастерской Ressourcerie и других учреждений соцкультбыта, развитие учреждений здравоохранения, тестовое развитие жилой застройки и эко-архитектуры, облагораживание трамвайных остановок и путей. Второй этап (3-6 лет) предполагает превращение бывшей военной базы в культурный центр, создание променада вдоль зеленых зон (малое русло и р. Ушаковка), развитие транспортных сетей внутри кварталов, изменение назначения территории тюрьмы.

Заключительный этап обозначен, как «фаза расширения». За 7-10 лет его реализации планируется развитие транспортной сети и пешеходных маршрутов, развитие рекреационных зон, в т.ч. стадиона «Динамо», использование старого завода с целью создания спортивного центра и строительство дополнительного жилья.

Проект выпускника ИргТУ – победитель Международного конкурса «Технические инновации в архитектуре»

Дипломный проект выпускника НИ ИргТУ Дмитрия Ипатова «Вайвихт» – здание на стоячей нити в г. Иркутске стал победителем международного смотра-конкурса «Технические инновации в архитектуре». Награждение призеров и победителей конкурса состоялось 13 ноября в Московском архитектурном институте в рамках конференции «Архитектура инженера В.Г. Шухова». Мероприятие приурочено к 160-летию со дня рождения

всемирно известного инженера, механика, технолога, строителя Владимира Шухова и 90-летию со дня возведения им радиобашни на Шаболовке. В экспертное жюри конкурса вошли представители МАРХИ, Союза архитекторов России, Российской академии архитектуры и строительных наук.

Как сообщил научный руководитель дипломного проекта, старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования НИ ИргТУ

Сергей Смольков, работа иркутянина была признана лучшей в номинации «Использование современных инженерных решений в архитектурном дипломном проектировании (для специалистов)». По словам С. Смолькова, данный проект был отобран в ходе смотра-конкурса выпускных квалификационных работ по архитектуре и дизайну в Санкт-Петербурге.

«Среди объектов, созданных великим инженером Шуховым, особо выделяются металлические конструкции, ставшие символом XX века в архитектуре, символом прогресса и силы человеческой мысли. Шухов ввел в архитектуру форму однополостного гиперboloида вращения, создав первые в мире гиперboloидные конструкции. Легкие, ажурные и надежные, – они стали достоянием инженерного гения, – отмечает С. Смольков.

– Работа Дмитрия Ипатова перенимает традиции мастеров, и в то же время она пронизана духом новаторства. Здание «Вайвихт» спроектировано на грани возможностей. Молодой архитектор применил конструкции, разработанные на основе натяжения (нитей, тросов). Для возведения зданий в мире данный метод практически не используется. Эта новизна, возможно, и привлекла внимание академиков».

С. Смольков рассказал, что автор «посадил» здание на Глазковскую стрелку (место впадения реки Иркут в Ангару). Он отмечает, что эта территория интересует иркутских архитекторов в плане размещения делового

центра, чтобы разгрузить центр исторический.

«Темные блоки здания, почти черные, контрастирующие с небом при свете дня, словно подвешены на тросах и парят в воздухе, вздымаясь в высоту до двухсот метров. Таким предстанет фасад небоскреба «Вайвихт» в глазах наблюдателя», – описывает проект автор.

Д. Ипатов поясняет, что он следовал идее создать здание, визуальное нарушающее законы физики. В основе конструктивного решения лежит принцип стоячей нити Вячеслава Колейчука. Каждый из блоков здания представляет собой жесткую конструкцию, состоящую из внешнего скрещивающегося металлического каркаса и прочно связанных с ним двух плоских ферм, расположенных в теле блока. Каждый из блоков навешен над другим и закреплен с последующим, а отклонения от вертикали компенсируются натяжением тросов. В настоящее время автор пересмотрел основную схему здания с учетом недостатков предыдущей и учел показатели, необходимые для эксплуатации. На основе новой поэтажной схемы конструкций здания можно сделать окончательный вывод о несущей способности, плюсах и минусах подобного решения.

Справка: Владимир Шухов (1853–1939) – русский инженер архитектор, изобретатель, ученый. Он открыл принцип крекинга нефти, изобрел форсунку для сжигания мазута, рассчитал и построил первый в

России нефтепровод, создал первый в мире мазутопровод с подогревом. Ученый руководил проектированием и постройкой первого российского танкера. Его достижения в области проектирования и строительства различных зданий и сооружений с применением легких металлических конструкций, в том числе большепролетных пространственных сетчатых оболочек покрытий открыли новые формообразующие возможности в архитектуре. Радиобашня на Шаболовке в Москве стала самой высокой из многосекционных шуховских башен (160 метров).

По информации организаторов Международного конкурса «Технические инновации в архитектуре», на конкурсной выставке смелые проекты молодых архитекторов соседствовали с выразителями фотографий А.М. Родченко, свидетеля расцвета творчества В.Г. Шухова, и современных построек российских и зарубежных авторов.

Ирина Афанасьева

Шерегеш-2014

IX Форум архитекторов-горнолыжников Сибири и Урала, состоявшийся 16–21 марта на горнолыжном курорте «Шерегеш» (Горная Шория), собрал 210 участников из 10 городов России – Новосибирска, Новокузнецка, Кемерово, Барнаула, Томска, Омска, Иркутска, Екатеринбурга, Москвы и Санкт-Петербурга.

Официальное открытие фестиваля в кафе «Сусанин» и театрализованные представления команд были традиционно яркими и оправдали ожидания. Стоит отметить особенный шарм и стиль ритуального танца кемеровских «Щеглов», пластику и обаяние экзотических зверей из Новокузнецка, дебют в «капустном» жанре иркутской команды и, конечно, блестящее, как, впрочем, всегда, выступление команды из Екатеринбурга – коллаж из впечатлений от недавней Олимпиады в Сочи и божественной классики (Венера, Гефест и компания олимпийцев) под рефрен «33 медали... 13 золотых».

Некоторое неизбежное нарушение спортивного режима на старте сменилось тренировками, свободное катание, окончательная шлифовка мастерства и подготовка к чемпионату чередовались с профессиональным общением. После обзорной экскурсии на гору Утуя (подарок от компании Rockwool) в конференц-зале гостиницы «Политех» состоялась встреча с представителями Национального объединения проектировщиков. Руководитель аппарата Национального объединения проектировщиков Антон Мороз рассказал о новом в российском законодатель-

стве, проблемах и перспективах развития негосударственной экспертизы, о работе НОПа по совершенствованию нормативно-технической документации в 2013–2014 гг. По окончании выступления Антон Мороз и Дмитрий Желнин ответили на вопросы аудитории и обсудили некоторые аспекты авторского права в проектировании.

В рамках Форума состоялось заседание Совета организаций Союза архитекторов России Сибирского федерального округа, в котором принимали участие председатели и члены правлений организаций САР и два вице-президента СА. Разговор шел об итогах смотра-конкурса «Золотая Капитель», завершившегося в Новосибирске 15 марта, о Национальной и Межрегиональных палатах архитекторов, о фестивале «Зодчество Восточной Сибири», который впервые будет проходить в этом году в Красноярске.

Деловые разговоры продолжились и после на площадке у гостиницы «СпортОтель-2», теперь уже с участием партнеров и спонсоров, в том числе от компании «ФОРИС», щедро угощавшей всех шашлыком и сопутствующими яствами и напитками.

Утром следующего дня несколько автобусов доставили архитекторов на гору Туманную для участия в Чемпионате-2014. Торжественное построение команд под командными флагами и флагом Союза архитекторов было как никогда внушительным: на старт вышло более 100 спортсменов. Участников тепло приветствовали представители

районной администрации, а оговорка ведущей церемонии, назвавшей форум Российским, была встречена аплодисментами, подтверждающими, что другого горнолыжного форума архитекторов в России нет. Президент форума Антон Тэн объявил чемпионат открытым и благословил коллег на просмотр трассы и соревнования по гигантскому и специальному слалому.

В этом году мероприятия Форума освещались местными телекомпаниями. Репортеры вылавливали лидеров архитектурного цеха на старте и чемпионов сразу после финиша, пытаясь выяснить, что заставляет маститых архитекторов и молодых многообещающих бросать на неделю свою работу и ехать и лететь, иногда за тридевять земель, сюда на место традиционной встречи. Выяснилось, что это не только необыкновенный, по мнению знатоков, натуральный снег глубиной до 7 метров и горнолыжный фанатизм.

За девять лет возрожденного движения архитекторов-горнолыжников постепенно создалось особенное сообщество, традиции, ожидаемые моменты азарта и общения – такая роскошь...

А тем временем на старте, на трассе и на финише кипели страсти. Группа поддержки шумно вне зависимости от объявленного результата приветствовала финишировавших, в павильоне угощали губернаторским чаем от имени Амана Тулеева, а на пьедестале отдыхали те, у кого уже не было сил не только спускаться на лыжах или борде, но и просто стоять.

Дарья Крайняя-Саяпина (Новокузнецк) – абсолютная чемпионка

Династия Крайних (Новокузнецк) – абсолютные чемпионы

Фото

Лариса Крылова
 Андрей Андрианов
 Елена Григорьева
 Инесса Мартынова

Таблицы призеров предоставлены организаторами НЛКА

Блестящие результаты признанных фаворитов, в первую очередь династий Крайних Саяпиных (Новокузнецк) и Кондратовичей (Новосибирск), были дополнены дебютом в Шерегеше московского гостя Ильи Пономарева – кандидата архитектуры, экс-заместителя министра регионального развития, руководитель аппарата НОССтроя, а теперь еще и серебряного призера IX Форума архитекторов-горнолыжников и в слаломе, и в слаломе-гиганте. Полный список призеров мы по традиции приводим в конце статьи.

Вечером того же дня состоялись соревнования по настольному теннису и бильярду, продлившиеся более шести часов и потрясшие красивой борьбой в финалах. Фавориты оправдали надежды болельщиков: в соревнованиях по бильярду золото у Петра

Зыбайло (Томск), серебро и бронза у Олега Селянина (Екатеринбург) и Игоря Козака (Иркутск). В мужском настольном теннисе лидировали в который уже раз П. Тиманов и В. Киселев (оба из г. Новокузнецка). У женщин лидеры тоже сохранили свои позиции: золото у Милы Свитич (Новокузнецк), серебро у Елены Григорьевой (Иркутск) и Сандры Бек (Новосибирск), бронза у Риммы Воротниковой (Новосибирск).

Карнавал поразил воображение мирно спускавшихся с горы и ничего не подозревавших обывателей-не-архитекторов. А вечером церемония награждения и официальное закрытие фестиваля прошли весело и шумно в уже полюбившемся кафе «Сусанин» с фотографированием на память, вручением медалей, дипломов, фирменных кружек, выпелов и даже лыж с символикой форума.

Журнал «Проект Байкал», постоянный информационный партнер Форума архитекторов-горнолыжников Сибири и Урала, от имени участников благодарит команду организаторов из Новосибирска – Владимира Кондратовича, Татьяну Степанову, Наталью Сагайда, Ольгу Ермакову, Елизавету Кондратович, а также Александра Седикова (г. Томск).

Кураторами следующего, юбилейного, форума выступят архитекторы Кемеровской организации СА России (председатель правления Сергей Зыков). Даты проведения X Форума архитекторов-горнолыжников Сибири и Урала симметричны и легко запоминаются: 15–20 марта 2015. Место встречи неизменно – Шерегеш.

Елена Григорьева

ЛЫЖИ

ДЕТИ

Лыжи гигант

- 1 Христюбов Арсений (Новосибирск)
- 2 Соколов (Иркутск)
- 3 Никитин Максим (Новосибирск)

Лыжи слалом

- 1 Христюбов Арсений (Новосибирск)
- 2 Соколов (Иркутск)
- 3 Никитин Максим (Новосибирск)

до 29 лет

Слалом-гигант ЖЕНЩИНЫ

- 1 Саяпина Дарья (Новокузнецк)
- 2 Протас Анна (Новокузнецк)
- 3 Елисеева Елизавета (Новокузнецк)

Слалом ЖЕНЩИНЫ

- 1 Саяпина Дарья (Новокузнецк)

- 2 Протас Анна (Новокузнецк)
 - 3 Елисеева Елизавета (Новокузнецк)
- 30–39 лет

Слалом-гигант ЖЕНЩИНЫ

- 1 Кондратович Елизавета (Новосибирск)
- 2 Баженова Татьяна (Иркутск)
- 3 Степанова Татьяна (Новосибирск)

Слалом ЖЕНЩИНЫ

- 1 Кондратович Елизавета (Новосибирск)
- 2 Титова Ольга (Томск)
- 3 Степанова Татьяна (Новосибирск)

Слалом-гигант МУЖЧИНЫ

- 1 Фунтиков Александр (Томск)
- 2 Пономарев Илья (Москва)
- 3 Мартынов Николай (Новосибирск)

Слалом МУЖЧИНЫ

- 1 Фунтиков Александр (Томск)
- 2 Пономарев Илья (Москва)

- 3 Мартынов Николай (Новосибирск)
- 40–49 лет

Гигант ЖЕНЩИНЫ

- 1 Воротникова Римма (Новосибирск)

Слалом ЖЕНЩИНЫ

- 1 Воротникова Римма (Новосибирск)
- Слалом-гигант МУЖЧИНЫ
- 1 Борзот Сергей (Новосибирск)
 - 2 Трубников Евгений (Новосибирск)
 - 3 Бульчев Алксандр (Иркутск)

Слалом МУЖЧИНЫ

- 1 Трубников Евгений (Новосибирск)
- 2 Бульчев Алксандр (Иркутск)
- 3 Воротников Игорь (Новосибирск)

50–59 лет

Слалом-гигант ЖЕНЩИНЫ

- 1 Шлыкова Тамара (Новосибирск)
- 2 Яценко Анна (Екатеринбург)

Владимир Францевич Кондратович (Новосибирск)

Команда Иркутска после церемонии награждения

3 Кондратович Ирина (Новосибирск)

Слалом ЖЕНЩИНЫ

- 1 Шлыкова Тамара (Новоскузнецк)
- 2 Яценко Анна (Екатеринбург)
- 3 Кондратович Ирина (Новосибирск)

Слалом-гигант МУЖЧИНЫ

- 1 Лихачев Олег (Новоскузнецк)
- 2 Кужелев Григорий (Новосибирск)
- 3 Цой Валерий (Новоскузнецк)

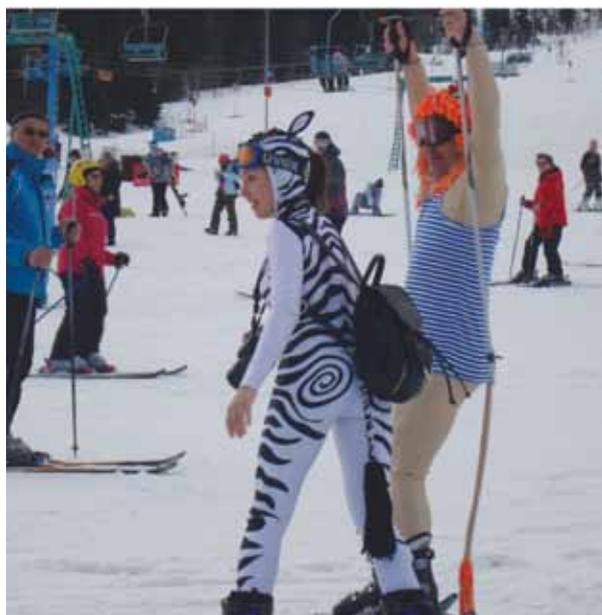
Слалом МУЖЧИНЫ

- 1 Лихачев Олег (Новоскузнецк)
- 3 Цой Валерий (Новоскузнецк)
- 2 Кужелев Григорий (Новосибирск)

60- лет

Слалом-гигант МУЖЧИНЫ

- 1 Крайний Константин (Новоскузнецк)
- 2 Кондратович Владимир (Новосибирск)
- 3 Поль Леонид (Екатеринбург)

Слалом МУЖЧИНЫ

- 1 Крайний Константин (Новоскузнецк)
- 2 Кондратович Владимир (Новосибирск)
- 3 Поль Леонид (Екатеринбург)

СНОУБОРД

Гигант ЖЕНЩИНЫ

- 1 Майконова Ольга (Барнаул)
- 2 Бедарева Татьяна (Новокузнецк)
- 3 Козак Александра (Иркутск)

до 50 лет

Гигант МУЖЧИНЫ

- 1 Рыбаков Василий (Томск)
- 2 Бричев Алексей (Новокузнецк)
- 3 Апатин Николай (Омск)

Гигант ЖЕНЩИНЫ

- 1 Сяпин Игорь (Новокузнецк)

2 Анисофоров Сергей (Барнаул)

Слалом ЖЕНЩИНЫ

- 1 Бедарева Татьяна (Новокузнецк)
- 2 Майконова Ольга (Барнаул)
- 3 Козак Александра (Иркутск)

Слалом МУЖЧИНЫ

- 1 Протас Сергей (Новокузнецк)
- 2 Бричев Алексей (Новокузнецк)
- 3 Апатин Николай (Омск)

Слалом ЖЕНЩИНЫ

- 1 Сяпин Игорь (Новокузнецк)

После 50 лет

Гигант МУЖЧИНЫ

- 1 Бармин Александр (Екатеринбург)

Слалом МУЖЧИНЫ

- 1 Бармин Александр (Екатеринбург)

Национальный финал конкурса ISOVER

Объявлены имена победителей национального финала конкурса «Проектирование мультикомфортного дома ISOVER». Национальный финал конкурса, который ежегодно проводится компанией «Сен-Гобен», а в этом году был посвящен проектированию энергоэффективной школы, состоялся 15 апреля 2014 года в Москве.

Вот победители: 1-е место – Гаяне Чубарян, Алина Назмеева (МАРХИ), Москва; 2-е место – Татьяна Вязова, Мария Астафьева, Виталий Чебан (ТГАСУ), Томск; 3-е место – Екатерина Устина, Никита Сенотрусов (НИ ИрГТУ), Иркутск. Именно они отправятся представлять Россию на международном финале 28–31 мая 2014 года в столицу Румынии Бухарест.

В 2014 году в конкурсе принимают участие студенты архитектурных вузов из 24 стран. В России с целью максимального территориального охвата и

справедливой оценки проектов конкурс проводился в несколько этапов. В течение февраля и марта 2014 года студенты из 19 городов боролись за первенство в полуфиналах национального этапа конкурса, которые проходили в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Волгограде, Якутске, Владивостоке, Томске, Тюмени, Иркутске, Челябинске, Москве и в режиме онлайн с Нижневартовском, Архангельском, Ульяновском и Пензой.

В рамках реализации глобальной стратегии по снижению выбросов в атмосферу углекислого газа, определенной Киотским соглашением, компания «Сен-Гобен» еще в 2005 году учредила международный студенческий конкурс «Проектирование мультикомфортного дома ISOVER». Его цель – формирование экологически ответственного мышления у будущих архитекторов и представителей строи-

тельной отрасли, а также привлечение их к решению важных задач: создание проектов, ориентированных на экономию энергоресурсов и обеспечение максимального комфорта.

Каждый год международный экспертный совет разрабатывает уникальные конкурсные задания. В 2014 году оно заключается в создании проекта энергоэффективной школы для турецкого города Газиантеп. Учебное заведение предназначено для детей от 6 до 10 лет и рассчитано на 400–600 учащихся. Во внимание должны приниматься особенности программы экологического развития города, разработанного муниципалитетом Газиантепа.

300 студентов из Российских архитектурно-строительных вузов подали заявки на участие в данном конкурсе. Подобную популярность можно объяснить возможностью попробовать свои силы в работе над социально значимым проектом с использованием инновационных материалов в рамках концепции «Мультикомфортный дом». Немаловажным фактором является и вероятность практического воплощения проекта: студенческая работа, занявшая 1-е место на международном финале, который состоится 28–31 мая 2014 года в Бухаресте, ляжет в основу реального проекта.

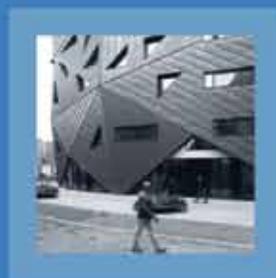
Елена Григорьева

С использованием материалов сайта
<http://www.isover.ru/>

Храмы XXI / Temples XXI

Храм Истины, Таиланд.
Божества индуизма порой
бывают требовательны и
жестоки, вплоть до челове-
ческих жертв. Но в обыден-
ной жизни им достаточно
пожертвовать немного еды
или цветов – символ радо-
сти жизни и восхищения
красотой этого мира

Abstract

The main difference between a temple and any other religious structure is that the former has an altar and a function of offering sacrifices. For thousands of years people have been offering various substances. The simplest sacrifices, like food or possessions, fragments of one's own body or human lives gave way to more complex and symbolic ones as the civilization evolved. People offered individuality, logic, common sense, lifestyle etc. Architectural features, structure and appearance of a temple are also formed according to characteristics of sacrifices. The temple of the 21st century is featured by sacrificing different kinds of emotions. That is why the temple architecture of the 21st century has such a wide range of diversity.

Keywords

Temple; sacrifice; culture; architecture; history; modern times; prospects

You also, as living stones, are built up as a spiritual house, to be a holy priesthood, to offer up spiritual sacrifices, acceptable to God through Jesus Christ.

1 Peter 2:5

According to the strict dictionary definition, a temple is not any structure where religious ceremonies are carried out. Unlike a chapel, a Christian temple has an altar, and it is in the temple where the main Christian sacrament of the Eucharist (transformation of bread and wine into Christ's flesh and blood) is administered (Neville, 2001). In this sense many religions have no temples at all – neither a mosque nor a synagogue have an altar and, consequently, they are not temples (Kieckhefer, 2014).

Thus the heart of the temple is an altar, a place for giving offerings to God (or gods). Let us look closer at the idea of sacrifice and offering sacrifices.

The most valuable and scarce things are offered to God. From the earliest times people offered food (cereal, vegetables, animals). The ancient Greeks, Romans and Jews burnt their food so that it

References

Ancient Greek art [Drevnegrecheskoe iskusstvo] (1890–1907). In: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes (82 vols. and 4 add.). vol. XI, pp. 126–133. Saint Petersburg.

Anselm of Canterbury (1995) Works. Translated by I.V. Kupreeva. Moscow: Kanon.

Bettini, Sergio (1984) Venice, the Pala d'Oro, and Constantinople. The treasure of San Marco, Venice. Metropolitan museum of Art. Milan: Olivetti, pp. 35–65

Дом жертвы / The House of Sacrifice

Аннотация

Главное отличие храма от любого другого культового сооружения – наличие алтаря и функция жертвоприношения. На протяжении многих тысячелетий люди приносили в жертву самые разнообразные сущности. Простейшие из жертв, как еда или имущество, фрагменты собственного тела или человеческие жизни, по мере развития цивилизации сменялись более сложными и символичными. В жертву приносились индивидуальность, логика и здравый смысл, образ жизни и так далее. Характер жертвы формирует и архитектурные особенности храма, его устройство и внешний вид. Для храма двадцать первого века характерно принесение в жертву эмоций, причем самых разнообразных. Поэтому храмовая архитектура XXI века – это архитектура, разнообразная в широчайшем диапазоне.

Ключевые слова

Храм, жертва, культура, архитектура, история, современность, перспективы

ТЕКСТ

Константин Лидин /
text

Konstantin Lidin

...И сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом.
Первое послание Петра, гл. 2, стих 5

Согласно строгому словарному определению, храмом можно назвать далеко не всякое сооружение, в котором совершаются религиозные обряды. В отличие от часовни (капеллы), христианский храм содержит в себе алтарь и в храме происходит главное таинство христианства – евхаристия, претворение хлеба и вина в плоть и кровь Христову.¹ В этом смысле многие религии вообще не имеют храмов – ни мечеть, ни синагога не содержат алтаря и, следовательно, храмами не являются.²

Итак, смысловой центр храма – алтарь, место, где происходит жертвоприношение Богу (или богам). Присмотримся теперь к понятию жертвы и жертвоприношения.

Богу жертвуют самое ценное, то, чего не хватает самим. С древнейших времен в жертву приносили еду – злаки, овощи, животных. Чтобы пища достигла божественных уст, древние греки, римляне и иудеи ее сжигали. С точки зрения индуизма или буддизма, прасад достаточно положить на алтарь, даже рядом с алтарем, и божества сами изымут из еды ее невидимую сущность. Для кришнаитов же любая еда в процессе приготовления одновременно

приносится в жертву, так что любая кухня становится храмом.³

Характер приносимой жертвы определяет и устройство, и архитектуру храма. Сжигать растительную, а тем более – животную пищу можно только в открытом, хорошо проветриваемом помещении. Так, греческий периптер вместо внешних стен окружен колоннадами, и даже целла продувается насквозь.⁴

А буддийский алтарь может примоститься практически в любом месте – на улице, в квартире, в древних развалинах – было бы куда поставить плочку с едой и питьем для бога.

Современному человеку гораздо труднее понять, какая связь существует между обычаем человеческих жертвоприношений и строительством ступенчатых пирамидальных храмов. Зиккураты Месопотамии, пирамиды Теночтитлана и пирамида Джосера в Саккара схожи не только формой, но и функцией. На ступенях всех этих пирамид происходили кровавые человеческие жертвоприношения. Особенно показательны в этом смысле египетские пирамиды. Похороны фараона сопровождалось массовым убийством слуг, наложниц и придворных – так, вокруг пирамиды Джера в Саккара обнаружено 388 захоронений, в основном женских. Практически все фараоны Первой династии уводили с собой в загробный мир десятки и сотни человек. Но уже ко временам фараона Снофру Третьей династии человеческие жертвы прекратились, и фараоны Четвертой династии строили свои пирамиды гладкими.⁵

1. Neville Robert C. Symbols of Jesus: a Christology of symbolic engagement – Cambridge: Cambridge University Press. 2001. – P. 64.

2. Richard Kieckhefer. Architectural Expression and Ways of Being Religious // The Oxford Handbook of Religion and the Arts. Edited by Frank Burch Brown. Oxford: Oxford University Press, 2014.

3. Klaus K. Klostermaier A Concise Encyclopedia of Hinduism. – Oxford: Oneworld 1998. – 243 p

4. Древне-греческое искусство // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907. Т. XI. – С. 126–133.

5. Ивик О. История человеческих жертвоприношений. М.: Ломоносов, 2010. – 256 с.

6. Мавзолей Ленина. – М.: Просвещение, 1972. – 128 с.

Bitsadze, N.V. (2009) Temples of neo-Russian style: ideas, problems, clients [Khramy neorussskogo stilya: idei, problemy, zakazchiki]. Moscow: Nauchnyi mir.

The Code of engineering and construction SP 31–103–99. Buildings, structures and complexes of Orthodox temples [Svod pravil po proektirovaniyu i stroitelstvu SP31–103–99. Zdaniya, sooruzheniya i komplekсы pravoslavnykh khramov] (1999) Adopted by resolution of Gosstroj of the RF dated 27 December 1999. No 92. Launched on 27 December.

7. А. В. Щусев Начало работы над мавзолеем // Строительная газета, – 1940. – №11, 21 янв.

8. Sergio Bettini. Venice, the Pala d'Oro, and Constantinople // The treasure of San Marco, Venice. Metropolitan museum of Art. Milan: Olivetti – 1984, pp. 35–65.

9. Robert Tavernor. Palladio and Palladianism.– London: Thames & Hudson, 1991.– 16 p

10. Эко У. Баудолино // Пер. с итал. и послесловие Е. Костюкович.– СПб.: Симпозиум, 2003.– 544 с.

11. Ансельм Кентерберийский. Сочинения. Переводчик И. В. Купреева. М.: Канон, 1995. С. 39–56

Камбоджа. Храм Ангкор-Ват, построенный в период расцвета империи кхмеров, не имел никакого отношения к учению Гаутамы Будды. Однако сегодня буддийский алтарь уютно пристроился на древних камнях. Каждый может за скромную плату пожертвовать Будде немного еды или палочку благовоний. Аромат, как и вкус, – земные удовольствия, подаренные богу

could reach gods. According to Hinduism or Buddhism, it is enough to put prasada on or near the altar, and gods will take the invisible substance from the food. As for Krishnaites, any food is sacrificed during cooking, so any kitchen becomes a temple (Klostermaier, 1998).

Characteristics of offering determine both structure and architectural features of a temple. Vegetable and especially, animal food can be burnt only in an open and well-ventilated area. For example, the Greek peripter is surrounded by colonnades instead of walls, and even the cella is fully ventilated (Ancient Greek art, 1890–1907). The Buddhist altar can be placed anywhere – in the street, in an apartment, in ancient ruins – everything that is needed is a place to put a bowl with food and drink for god.

A modern human being can hardly understand the connection between the custom of human offerings and construction of step pyramid temples. Ziggurats in Mesopotamia, the pyramids of Tenochtitlan and the pyramid of Djoser in Saqqara are similar not only in form, but also in function. Bloody human sacrifices were offered on

Впрочем, массовые убийства во имя высшей справедливости и высшего смысла ушли в прошлое не окончательно. Представление о том, что богу приятно уничтожение одних людей другими, казалось бы, изжитое за много тысяч лет до нашей эры, вернулось в XX веке и воплотилось в гекатомбах Гражданской войны, красного террора и в архитектуре щусевского Мавзолея Ленина.⁶ Идеологическая и историческая основа ступенчатой формы Мавзолея, впрочем, не оглашалась. Архитектурное решение «просто возникло» безо всяких объяснений.⁷

В развитии храмовой архитектуры можно проследить периоды, когда люди приписывали богу собственную страсть к золоту и драгоценным камням. Сверкающие украшения теснились на алтаре, перекрывая любые современные представления о здравом смысле. Например, алтарь базилики св. Марка в Венеции (Пала д'Оро) из золота и позолоченного серебра содержит 300 сапфиров, 300 изумрудов, 50 рубинов, 400 гранатов, 90 аметистов, 1300 жемчужин, 75 кристаллов рубиновой шпинели, 4 топаза и 2 камеи. Алтарь составлен из 250 миниатюр в технике перегородчатой эмали на золотых пластинках, которые крестоносцы по наущению дожа Энрико Дандоло вывезли из разграбленного Константинополя в 1204 году.⁸

Позже, в эпоху Ренессанса, богу стали жертвовать не просто золото, но и ту власть и могущество, которое дает богатство. Церковь превратилась в политическую силу, папы римские – в банкиров и военачальников, а Бог стал царем и воином, величественным и великолепным, но одновременно жестоким и жадным. В результате сложился храмовый архитектурный стиль, в полной мере воплотивший идею власти, полученной непосредственно от Бога. Кристаллизовавшись в палладианстве, эта идея продолжает существовать и сейчас в архитектуре, казалось бы, далекой от Бога – в зданиях разнообразных правительств, банков, администраций и так далее.⁹

Чем сложнее и тоньше сущность, приносимая в жертву богам, тем труднее проследить связь между характером жертвы и архитектурой храма. Катакомбные храмы первохристиан погружают человека во внутриутробное состояние «до-рождения». Здесь верующий приносит в

the steps of all these pyramids. By the times of pharaoh Snofru of the Third dynasty human sacrifices had stopped, and the pharaohs of the Fourth dynasty made their pyramids smooth (Ivik, 2010).

The idea of annihilation of people to please god returned after many thousands of years and was embodied in hecatombes of the Civil war, the red terror and the architecture of Lenin's Mausoleum by Shchusev in the 20th century (Khan-Magomedov, 1972). However, the ideological and historical background of the Mausoleum's step form was not announced. The architectural decision 'just appeared' without any explanation (Shchusev, 1940).

As the temple architecture evolved, there were periods when people ascribed to god their own passion for gold and precious stones. Shining jewels were heaped on the altar, which was incompatible with present-day common sense. The altar of the St Mark's Basilica in Venice (Pala d'Oro) made of gold and silver gilt can serve as an example (Bettini, 1984).

Later, in the Renaissance epoch, people began to offer not only gold, but also the power it gives. The church turned into a political

жертву всю свою предыдущую жизнь, весь привычный уклад ее и ценности. Переродившись, он выходит на поверхность другим, новым человеком, чтобы по-новому строить отношения с полным соблазнов Римом и миром.

Однако превращение христианства в государственную религию отменило требование тотального перерождения. Византийское христианство подразумевает наличие Бога лишь внутри, в душе верующего. Внешние же формы его поведения должны служить земным повседневным делам. Можешь даже пытаться и убивать, если ты по профессии палач, но обязательно с молитвой.¹⁰ Таинство евхаристии окончательно приобрело смысл жертвы индивидуального «внутреннего пространства», прайвесии. Принимая Бога внутрь себя, причащающийся приносит в жертву глубины своей души. Идея отказа от индивидуальности и принятие единства во Христе выразилась в пузырящейся архитектуре Аия-Софии. Круглые купола византийского храма накрывают молящихся единым пространством, замыкая их в круге общей веры, где «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет

power, the popes – into bankers and commanders, and God became a tsar and a warrior, glorious and great, but at the same time cruel and greedy. This resulted in a new style of temple architecture reflecting the idea of power received directly from God. Having crystallized in the Palladian style, this idea still occurs in the present-day buildings of governments, banks, administrations, etc., though contemporary architecture seems to be quite distant from God (Tavernor, 1991).

The more complex and subtle the substance of offering is, the more difficult it is to trace the connection between the offering's nature and the architecture of the temple. Catacomb temples of the early Christians sink a human being into a prenatal condition. Here a believer offers all his previous life, its routine and values. Having been reborn, he goes out as a new human being to build new relationships with Rome and the world full of temptations.

However, when Christianity became a state religion, the total rebirth was no longer necessary. Byzantine Christianity requires a believer to have God only in his soul. His outward behavior should serve the mundane everyday life. If he is a headman, he can even

torture and kill, but the prayer is a must (Eco, 2003). Ultimately, the mystery of the Eucharist has acquired a sense of offering the individual 'inner space', or the privacy. When receiving God inside themselves, oblationaries sacrifice the depth of their souls. The idea to reject individuality and to receive communion was embodied in the bubbling architecture of Hagia Sophia. The round cupolas of the Byzantine temple cover the praying people with a common space, enclosing them in a circle of common belief.

The Gothic temple designed like a skyward tube contemplates a sacrifice of worldly goods and pleasures for the sake of the higher good and the higher pleasure. Anselm of Canterbury said: "There is a Nature, or Substance, or Being which through itself is good and great and which through itself is what it is; and through this Nature exists whatever truly is good or great or something. And this Nature is the Supreme Good, the Supreme Greatness, the Supreme Being, or Subsistence – i.e., the highest of all existing things" (Anselm of Canterbury, 1995). It is the supreme being that the graceful vaulting of Gothic aims at

Eco, U (2003) Baudolino. Translated from the Italian by E. Kostyukovich. Saint Petersburg: Symposium.

Ivik, O. (2010) The history of human sacrifices [Istoriya chelovecheskikh zhertvoprinosheniy]. Moscow: Lomonosov.

Khan-Magomedov, S.O. (1972) Lenin's Mausoleum [Mavzolei Lenina]. Moscow: Prosveshchenie.

Kieckhefer, Richard (2014) Architectural Expression and Ways of Being Religious. In: Frank Burch Brown ed. The Oxford Handbook of Religion and the Arts. Oxford: Oxford University Press.

мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Послание апостола Павла к галатам, гл. 3, ст. 27–28).

Готический храм, устроенный как труба, уходящая в небо, предполагает жертву земными радостями и благами ради высшей радости и высшего блага. Ансельм Кентерберийский пишет: «есть некая природа, или субстанция, или сущность, которая сама по себе добра и велика, и через себя есть то, что она есть, и через которую есть всякое благое, или великое, или нечто, или которая есть высшее благо, высшая величина, высшее сущее и существующее, т.е. высшее (в отношении) всего существующего». ¹¹ Вот туда-то, к высшей сущности и ведет грациозная стрельчатость готики.

Каков же должен стать облик храма двадцать первого века? Какие жертвы созвучны нашему времени? Чем готовы мы пожертвовать?

В самом деле, новейшие времена характеризовались необычной тенденцией, согласно которой жертвоприношения одно за другим теряли религиозную сакральность и перемещались в сферу быденного. Человеческие жертвы присвоил себе профессиональный спорт – в этой сфере сломанные кости, вывернутые суставы, разбитые позвоночники давно уже никого не удивляют. Вот и в нашем городе наконец-то достроили Ледовый дворец, несмотря на алюминиевую обшивку весьма похожий на одну из пирамид фараона Снофру. Еда, напитки и прочие товары широкого потребления приносятся в жертву в супермаркетах, и жрецы-мерчендайзеры трудолюбиво расставляют их на сверкающих алтарях из стекла и пластика. Витрины храмов торговли широко распахнуты в окружающий мир, наподобие колоннады периптера, а их святилища – кассы – днем и ночью пропускают потоки паломников. Банки и биржи присвоили себе эстетику храмов Ренессанса с античной гармонией классических ордеров, роскошью отделки и идеей жертвоприношения богатства. Концертные залы и кинотеатры готовы померяться с византийскими церквями силой объединяющего воздействия на многотысячные толпы – ведь перед лицом массовой культуры нет ни эллина, ни иудея...

Пожалуй, единственное, что человек двадцать первого века может пожертвовать Богу, – это свои эмоции. Все остальное у него уже отнято, поставлено на поток и производится промышленными способами. Только эмоции, переживания, волнения души все еще остаются подлинной личной собственностью, тем, что нельзя взять в кредит и передать по доверенности.

Эмоции бывают разные. Некоторые обладают очевидной и общепризнанной ценностью – например, эмоции группы «интерес» или группы «радость – гордость». Гордость воплощает восстановленный храм Христа Спасителя в Москве – высокомерный до заносчивости. Или храм Лотоса (церковь Бахаи) в Нью-Дели, своей причудливой формой привлекающий толпы любознательных туристов. В этом веке будет достроен и барселонский Саграда Фамилия, интереснейший проект великого Гауди.

Гораздо сложнее смириться с тем, что значительной ценностью могут обладать эмоции хаотического ряда из групп «гнев», «страх», «презрение». Этими эмоциями

12. К.Л. Лидин Бастинда наших дней // Архитектурный вестник, – 2007. – № 6 (99). – С. 34–36.

Мадара, Болгария. Скальный храм св. Пателеймона Целителя. Задолго до прихода христианства это место почиталось как жилище языческих богов. Сегодня люди, просящие об исцелении, приносят сюда жертвы – деньги и изображения христианских святых

Klostermaier, Klaus K. (1998) A Concise Encyclopedia of Hinduism. Oxford: Oneworld.

Laitar, N.V. (2010) Contemporary Orthodox church architecture of Russia. Trends of the style development and the typology of temples [Sovremennaya pravoslavnaya tserkovnaya arkhitektura Rossii. Tendentsii stilevogo razvitiya i tipologiya khramov]. Ph. D. in History of Arts Dissertation. Saint Petersburg. Retrieved from <<http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-pravoslavnaya-tserkovnaya-arkhitektura-rossii-tendentsii-stilevogo-razvitiya-i-0#ixzz2y7kQdRHL>>.

13. Н.В. Лайтарь Современная православная церковная архитектура России. Тенденции стилевого развития и типология храмов. Дисс. ... канд. искусствовед. СПб, 2010 // Науч. б-ка диссертаций и автореф. disserCat – <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-pravoslavnaya-tserkovnaya-arkhitektura-rossii-tendentsii-stilevogo-razvitiya-i-0#ixzz2y7kQdRHL>

14. Свод правил по проекти-

The new time had an unusual trend, according to which sacrifices lost their religious sacrality and moved into the sphere of routine. Human sacrifices are now offered to the professional sports: broken bones, dislocated joints, spine injuries have become a common thing. Food, drinks and other consumer goods are sacrificed in supermarkets, and sacrificers-merchandisers arrange them on the shining altars made of glass and plastic. Windows of trade temples are wide open to the world like a colonnade of the peripter. And every night and day flows of pilgrims go through their sancta – cashier's desks. Banks and exchanges have appropriated the aesthetics of Renaissance temples with ancient harmony of classic orders, luxury decorations and the idea of offering wealth.

In the 21st century the only thing people can offer to God is their emotions. All other things are turned into manufacture, produced in mass and do not already belong to them.

There are different kinds of emotions. The value of some of them is obvious and generally recognized, for example, the emotions of the group 'interest' or the group 'happiness-pride'. Pride is

embodied in the restored Cathedral of Christ the Saviour in Moscow, which looks haughty. Or the Lotus Temple (Bahá'í church) in New Delhi attracting crowds of tourists with its bizarre form. Or an interesting project by the great Gaudi, Sagrada Familia in Barcelona, which will be finished in this century.

It is harder to assume that emotions of the chaotic raw from the groups 'anger', 'fear' and 'contempt' can be of substantial value, too. There are a lot of such emotions in deconstructivism – an architectural analogue to the thriller genre. In Hainburg and der Donau (Austria) there is the Martin Luther Church built in a pure deconstructivist style (Coop Himmelb(l)au architects, 2008–2011). The authors of the project say that the idea was inspired by Zaha Hadid's works. We have analyzed more than one hundred photographs of Zaha Hadid's works from the website <http://www.e-architect.co.uk> with the program ImageExpert. With a rare exception, in the works by this fascinating master the emotions of anger, anxiety, contempt and annoyance prevail (Lidin, 2007).

насыщен стиль деконструктивизм – архитектурный аналог кинематографического и литературного жанра «триллер». Как ни странно, но и эти эмоции нынче оказались в дефиците. Им нет места в современном западном образе жизни. Их нельзя выражать открыто, приходится подавлять и прятать. Даже если все окружающее уже опротивело или приводит в бешенство – следует молчать и улыбаться. И вот уже в городе Гайнбурге-на-Донау (Австрия) построен храм Мартина Лютера в чисто выдержанном деконструктивистском стиле (бюро Coop Himmelb(l)au architects, 2008–2011 гг.) Авторы проекта утверждают, что идея была инспирирована работами Захи Хадид. Мы проанализировали программой ImageExpert всю подборку фотографий по работам Захи Хадид с сайта <http://www.e-architect.co.uk> (больше ста кадров).

Вывод однозначный: за редким исключением в работах этого замечательного мастера преобладают эмоции раздражения, гнева, тревоги, беспокойства, пренебрежения и досады.¹²

В немногочисленных аналитических работах, посвященных современному православному храмостроительству, настойчиво повторяется вывод о консерватизме новых проектов, их обращенности к одной и той же эпохе в развитии православной храмовой архитектуры.¹³ В качестве примеров новаторского решения темы называют всего несколько проектов – проект собора Архангела Михаила в Архангельске (архитектурная мастерская М.А. Мамошина), проект церкви Усекновения Главы Иоанна Предтечи для Кировска (П.И. Лошаков, 1998). В список попал даже дипломный проект

Храм Ясукуни, Япония. Синтоистский храм, посвященный не традиционным богам ками, а погибшим на поле сражения воинам. Среди канонизированных – и те, кто признан военными преступниками. Каждый раз, как этот храм посещает премьер-министр Японии, разгорается международный скандал, однако эти посещения продолжаются. В жертву богам приносится международная безопасность

Analytical works devoted to contemporary building of Orthodox temples, which are few in number, contain a repeated conclusion about conservatism of new projects and their reference to one and the same epoch of the development of Orthodox temple architecture (Laitar, 2010).

Conservatism of the Orthodox temple architecture was well demonstrated in a wonderful document "Code of engineering and construction. Buildings, structures and complexes of Orthodox temples" worked out and adopted by resolution of Gosstroj of Russia dated 27 December 1999 (The Code of engineering and construction SP 31-103-99. Buildings, structures and complexes of Orthodox temples, 1999). The document contains requirements for sizes and structures of churches, belfries and chapels and gives examples of temples that comply with canons of the Russian Church.

A stable orientation towards the "Byzantine-Russian" style refers us to the turn of the last century. In the late 19th – early 20th centuries the search for a new national ideal led to a split in

the emerging modern. The Moscow variant had more pompous and proud features typical of 'exemplary temples' by K. Ton. At the same time in Saint Petersburg the style evolved on the basis of traditions of northern architecture of ancient Novgorod and Pskov, which were much more severe and sober (Bitsadze, 2009). In the projects by V.A. Pokrovsky, S. Krichinsky, German Grim the emotions of the group 'shame' (meekness, humility) and 'conscience' (duty, honor) prevail. These very emotions serve as the basis for conservatism and traditionalism.

For me, it is obvious that in the current century a place where people can sacrifice as big variety of emotions as possible can play and will be able to play a role of a temple. If a city has many churches with various stylistic and emotional images, everybody will be able to choose an emotion to put on the altar. Maybe then citizens will turn their backs on primitive pleasures of sports fanaticism or shopaholism and turn their faces toward a spiritual sacrifice full of deep senses raising the soul.

Lidin, K.L. (2007) Latter-day Bastinda [Bastinda nashikh dnei]. Arkhitekturnyi vestnik. 6 (99), pp. 34–36.

Neville, Robert C. (2001) Symbols of Jesus: a Christology of symbolic engagement. Cambridge: Cambridge University Press.

Shchusev, A.V. (1940) The beginning of work on the mausoleum [Nachalo raboty nad mavsoleem]. Stroitel'naya gazeta, no. 11, 21 January.

Tavernor, Robert (1991) Palladio and Palladianism. London: Thames & Hudson.

собора Святого Николая Чудотворца в Нижнем Тагиле (М.В. Ченцов, 2003), выполненный на кафедре архитектуры Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. При этом в качестве новаторского элемента указывается использование железобетонных конструкций, «что выражается в динамичном взаимодействии геометрических архитектурных форм, в остроте архитектурных композиций» (там же). Впрочем, автор тут же признает, что эти принципы формообразования были характерны уже для зодчества конструктивизма.

Консерватизм православной храмовой архитектуры в полной мере выразился в замечательном документе: «Свод правил по проектированию и строительству. Здания, сооружения и комплексы православных храмов»,

составленный и принятый постановлением Госстроя России от 27 декабря 1999 года.¹⁴ «Свод» был разработан руководителями архитектурно-художественного центра при Московской патриархии – «Арххрам» М.Ю. Кеслером и А.В. Оболенским. В издании содержатся требования к размерам и конструкциям церквей, колоколен, часовен, представлены примеры храмовых сооружений, соответствующих каноническим правилам Русской православной церкви.

Позиция заказчика православных храмов, впрочем, становится более понятной, если учесть, какие эмоции приносятся в жертву в этих храмах. Устойчивая ориентировка на русско-византийский стиль отсылает нас к рубежу прошлого и позапрошлого века. В конце XIX – начале XX века поиски новой национальной идеи привели к расщеплению нарождающегося модерна. «Московский» вариант стиля приобрел черты более помпезные и горделивые, характерные для «образцовых храмов» К. Тона. В то же время в Санкт-Петербурге стиль развивался с опорой на традиции северной архитектуры древнего Новгорода и Пскова, гораздо более суровые и сдержанные.¹⁵ В проектах В.А. Покровского, С. Кричинского, Германа Грима преобладают эмоции группы «стыд» (кротость, смирение) и «совесть» (долг, честь). Эти-то эмоции как раз и являются основой консерватизма, приверженности традициям.

Тем временем, пока критики и аналитики спорят о путях развития зодчества в двадцать первом веке, этот самый век уже перевалил на второй десяток лет. И мне лично кажется уже очевидным: роль храма в этом веке исполняет и будет исполнять то место, в котором люди смогут принести в жертву как можно более разнообразные эмоции. Если в городе будет множество церквей с самым различным стилистическим и эмоциональным образом, то каждый сможет выбрать для себя какую эмоцию принести на алтарь. И, может быть, тогда современные горожане отвернутся от примитивных удовольствий спортивного фанатизма или наркотической одури шопинга. И повернутся лицом к возвышающей, полной глубоких смыслов жертве духовной.

рованию и строительству СП 31-103-99 «Здания, сооружения и комплексы православных храмов» (утв. Постановлением Госстроя РФ от 27 декабря 1999 г. №92). Дата введения 27 декабря 1999 г.

15. Н.В. Бицадзе Храмы неорусского стиля: идеи, проблемы, заказчики. – М.: Научный мир. 2009. – 368 с.

Деконструктивистский храм Мартина Лютера в Гайнбурге (Австрия). В жертву богу, в которого превратился борец за права чернокожих, приносятся эмоции группы «гнев, страх, презрение» – те самые, с которыми он сражался при жизни

Топофилия и хронофобия

текст

Александр Раппапорт

Аннотация

В статье развитие архитектурных концепций пространства и времени связывается постепенным или трансцендентным изменением представлений о пространстве и времени. Парадоксально, что Ренессанс возвращался к языческой архитектуре далекого прошлого и отказывался от христианской готики недавнего прошлого. Революционный авангард пытался перекинуть мост от самой древней мифологической архаики к утопическому будущему коммунизма. Сегодня архитектура стоит накануне новых онтологических революций, так как история исчерпала свои ресурсы, а глобализация подвела наше воображение к концу трансцендентных упований на космическое переселение.

Ключевые слова

Мир, пространство, время, трансценденция, мифология, история, революция, архитектура гностицизм.

После долгой монополярной власти пространства в архитектурном сознании постепенно появилось и время. «Топофилия» – так называлась известная книга И Фу-Туана (пространстволюбие) теперь могла бы дополниться и хронофилией, если не хлорофилией в духе новейших экологических настроений. Но любовь к пространству еще до этого соединилась с любовью к времени в бахтинском «хронотопе». Правда, хронотоп обозначал не столько любовь извне, сколько внутреннюю супружескую связь пространства со временем, тут Бахтин шел по стопам Эйнштейна и Минковского.

Тем не менее пространство и время, видимо, познакомились друг с другом с помощью посредника, а именно – человека. А вот у последнего любовь к пространству, как и любовь к времени, отличается свойственным вообще человеку непостоянством.

«А я и полюблю, да разлюблю», – сказал некогда склонный к откровенности Евгений Евтушенко.

Интереснее, однако, не столько сам факт любви или недоверия к пространству и времени, сколько переменчивость их конкретных форм.

Недавно мне довелось узнать, что Анна Броновицкая не согласна с моей мыслью о том, что любовь к Прошлому начинается с Ренессанса. Мне понять это возражение легче, чем собственную мысль, хотя я бы продолжал ее придерживаться.

Ведь на самом деле отношение ко времени в кватроченто довольно сложно. Оно возненавидело недавнее прошлое – готику, хотя никаких серьезных поводов против готики не было. Сохранялись ремесленные традиции в строительстве, неколебимым оставалось католичество – а вот готику возненавидели. То есть нелюбовь коснулась лишь недавнего прошлого. Возлюбили же прошлое давно ушедшее – Римскую Империю, которая исчезла чуть не тысячу лет назад. Эту дистанцию во времени нам настолько трудно себе представить, что нашлись даже поклонники Фоменко и Насонова, упразднившие ее.

Вспомним, как быстро истаял в нашей памяти славный авангард 20-х годов – а ведь с его кончины прошло всего лишь полвека с небольшим. А тут – тысяча лет, и вдруг такая страсть!

Это наводит на мысль о том, что любовь предполагает большую дистанцию, страсть тянет к разрывам. А разрывы к страсти. Это относится и к пространству, и к времени. Возлюбить ближнего оказалось намного труднее, чем полюбить дальнего. Сочувствие к чернокожим американцам в

Abstract

In the article architectural ideas of space and time are connected with radical changes in the world views, historical and perpetual, transcendental and radical. It is a paradoxical comeback of Christian Renaissance culture to pagan Roman and Greek antiquity from its recent achievements denied in gothic architecture. Avant-garde in 20th century did even more radical attempt to tie prehistoric past and futuristic utopia in radical architectural forms.

Today we approach a new revolutionary change of space and time concepts coming to the end of modernism and global disillusion of cosmic expansion.

Keywords

World, space, time, transcendental, mythology, history, revolution, gnosticism, architecture.

советских людях странным образом уживалось с неприязнью к соседям по коммунальной квартире, не говоря уж об узниках ГУЛАГА («У нас просто так не сажают»).

В мифологии далекие края постоянно окрашиваются в утопические тона избытка и досуга. Тогда как близкие земли полны труда и стихийных бедствий.

Казалось бы что в таком случае миф о золотом веке, как о счастливом прошлом (и его зеркальное отражение в мифе о Коммунизме), говорит о том, что любовь к прошлому существовала с древнейших времен. И. Броновицкая права, если я верно понял ее мысль с чужих слов.

Но тут в дело вмешивается историзм самого понимания истории. Было ли мифологическое время прошлым в историческом смысле, или оно было чем-то иным, хотя и прошлым, разумеется?

Мифологическое прошлое существовало в сознании древнего мира как время начальное. А начальное время отличается от исторического времени отсутствием в нем непрерывности.

Начало есть трансцендентный момент, сингулярное событие, Большой Взрыв – то есть нечто, не укладывающееся в обычное и естественное представление. В том числе и в идею времени. Христианство унаследовало мифологическое время сотворения мира, и оно было естественно временем райского блаженства, конец которому положило грехопадение. С тех пор – только после грехопадения, и началась история, так как с тех пор началась смертная судьба, люди начали умирать.

Умерли прародители наши Адам и Ева, и род их начнет новое восхождение к раю, уже после Страшного суда.

Это историческое восхождение к новому раю в свою очередь сохранило трансцендентность Начала – сам конец света, который вносит в историческую непрерывность новую точку отсчета, магическую и тайную трансформацию всего сущего.

Эта метаморфоза открывает и перспективу райского блаженства в будущем как такового, которое не может искать своего идеала в историческом времени прошлого и может видеть образец только в доисторическом и довременном бытии начального рая.

Коммунизм выдвинул идею такого преображения истории, связав ее с революцией. Собственно, Революция сама оказывается уже не историческим событием, а магическим перевоплощением истории в новую созидательную силу. История, опять-таки, только начинается с коммунистической революции и это новая история уже есть не история,

а проектное созидание и реализация Великого Плана.

В кватроченто этого плана еще не было. Маркс еще не родился. История продолжала непрерывную судьбу человека падшего. И в этом смысле любовь к римской древности для христиан была парадоксальной переоценкой языческого прошлого, парадоксальной потому, что по сравнению с ним византийская архитектура и готика явно должны были быть шагами по направлению к раю.

То, что новый идеал возник не в Писании, а, в противоположность Апокалипсису, в самой римской древности – древности казней христианских великомучеников, говорит о каком-то перевороте сознания, которое не было в то же время и теологической революцией. Католичество сохраняло свою преемственность с первохристианами, и в Риме строился собор на Зевсу, а святому Петру.

Протестантизм Нового времени в равной мере сохранял известное почтение к готике и архитектурная любовь к классике никак с протестантизмом не связана, хотя марксизм связывает ее с буржуазной идеологией и периодом первоначального накопления.

Позднее, в Викторианскую эпоху, А. Пьюджин ищет возвращения к католицизму как раз в готике, то есть снова в историческом прошлом, сдвинутым на тысячу лет вперед.

С Кватроченто практически начался период идеологии реформизма или реформ как посюстороннего действия, не выходящего к трансценденции. Но для архитектуры, в отличие от социальных реформ, трансценденцию преодолеть так и не удалось, и сегодня вопрос о трансцендентном в профессиональной интуиции стоит так же, как и 2500 лет назад. Ни наука, ни философия, много раз бравшиеся ее преодолеть, с этой задачей не справились.

Переход от римской классики к эллинской был еще одним шагом назад во времени. А за ним в это же историческое (хотя и доисторическое), а не библейское прошлое сдвинулась и архитектура конца XIX столетия – в Египет. Но Египет был уже даже не столько историческим, сколько географически дистанцированным от европейской современности.

И влияние Китая и Японии в XX веке было чисто географическим, а не историческим.

В русском авангарде мы видим отказ от всей истории и сдвиг в мифологическое время первых языческих эпох происхождения языка, глоттогонии. Здесь покидается и время, и пространство современного исторического бытия в какое-то условное время Начала как такового. Но не библейского Начала мира, а в научно-мифологическое Первоначало мира как такового, чуть ли не в геологическое начало.

Геология и археология привели к синтезу пространства и времени и вектором такого синтеза стала глубина, а не высота, не небо и не будущее, а субстанциальная глубина.

Можно предположить, что эта новая субстанциальная глубина была не геологической, а скорее психологической, и что Хлебников интуитивно переживал в самом себе время рождения смыслов в глубине темного языкового подсознания. И что Малевич эту же субстанциальную глубину подсознания обнаружил в цвето-геометрии космоса.

Возвращение Кватроченто к римской классике и Пьюджина к готике было в этом отношении возвращением к историческому прошлому, а не к первоначальному времени творения. И значило такое возвращение отказ от инициативы сверхъестественной и трансцендентной, переход к инициативе творческой и рукотворной. В этом смысле при всех расхождении Пьюджин и Рескин сходятся.

Авангард XX века в этом отношении, скорее всего, возвращается к доисторическому времени, то есть опять-таки выходит за рамки истории, и его прошлое есть ненависть уже ко всему историческому времени, хронофобия выс-

шего порядка.

Авангардистские художники выходили за рамки всякого мифологического предания и сами становились новыми мифологами. Малевичевский «Черный квадрат» был во многом иконой, плоским символом, графической эмблемой, а преодоление исторического времени символизировалось тем, что в нем он закрасил черной краской свой собственный натюрморт. Это было самоубийство как высший ранг исторической рефлексии.

Футуристы простились с историей и, «проколов синий купол неба», устремились в будущее, став бюджетянами. В таком случае их будущее типологически восстанавливало новый рай (Новый мир) на земле, а убийство времени означало Страшный суд.

Ближайшее прошлое – от символизма через кубизм – становилось для Малевича своего рода ускорителем, некоторой аналогией электронного ускорителя или ракеты и использовалось только для того, чтобы достичь сверхскорости, позволяющей преодолеть космическую гравитацию земли и выйти в черный космос.

Вопрос о том, сохранится ли в будущем само Время, оставался открытым. Марксисты считали, что подлинная История только начинается Революцией, но что такое эта подлинная История и сохранит ли она категорию времени как таковую, остается открытым.

Если принять во внимание преодоление всяческого натурализма проектным сознанием, можно считать, что в деятельной онтологии будущего не останется ни времени, ни пространства, а если вспомнить Мишеля Фуко с его археологией знания, то и человека, который жил еще пространством и временем.

Возможно, что подлинная история не знает уже ни пространства, ни времени, ни телесных атрибутов вечности, все преодолевая мышлением и проектной свободой трансформации Бытия.

Можно видеть в таком представлении экзальтированную утопию или прямую экстраполяцию первоначала, акта творения Творца, который существовал до пространства и времени. Супрематизм должен был бы тогда «схлопнуть» естественную вселенную и преобразовать мир в некое лучистое бытие Сухово-Кобылина, перспектив, которая вдохновляет и некоторых нынешних сторонников физического преобразования жизни (Г. Давиташвили).

В христианской теологии такая онтологическая трансубстанциализация могла бы быть истолкована как ересь, противная троичной онтологии, или сближаться с гностицизмом.

«Википедия» разъясняет, что:

В мире, по мнению гностиков, рассеяны частицы потустороннего света, которые должны быть собраны и возвращены к своим истокам. Искупителями являются просвещенные силы, знающие тайный смысл бытия, прежде всего Христос, но их призыву следуют лишь «духовные» люди («пневматики»), тогда как не принявшие гностического посвящения «душевные» люди («психики») вместо подлинного «познания» достигают лишь «веры», а «плотские» люди («соматики») вообще не выходят за пределы чувственной сферы.

В основе гностицизма – учение об иллюзорности материи. Гностики пошли еще дальше античного скептицизма и их «учение о чистой кажимости материи не скептическое, но абсолютно догматическое в своем отрицании существования материи». Для гностицизма характерно представление о ступенях, или сферах, мира и их демонических властителях, препятствующих искуплению.

Так возникает совершенный «гностик», как отрешившийся от мира, владеющий собою дух, живущий в Боге и готовящийся к вечности. Остальные же люди – «гилики». Но есть выдающиеся учителя (школы Валентина), отли-

чающие «гиликов» от «психиков», называя последними людей, которые живут законом и верой, для которых вера общины достаточна и необходима. Центр тяжести гностицистических систем находился не в меняющихся, нам недостоворно известных деталях, но в их цели и в основных предположениях. Высшие спекуляции сообщались лишь под конец и, очевидно, не всем; о различных ступенях преподавания можно заключить из письма Птолемея к Флоре».

Так что отказ от времени и пространства, как и любовь к пространству и времени выражают онтологические цен-

ности, вызывавшие трансмутации художественных и архитектурных инициатив Нового времени и до сего дня не утратившие своей силы вопреки многочисленным редукциям их к разного рода идеологическим «заблуждениям».

Если не доводить оппозицию натурализма и интеллектуализма таких метафизических систем до крайности, можно видеть в них постоянно действующие пружины или силы критики и художественных концепций Нового времени и их онтологических оснований.

Клерикализация российского экскурсионного туризма

текст

Борис Родман

Аннотация

В современной России почти все светские экскурсии становятся похожими на религиозное паломничество – сводятся к посещению православных монастырей и храмов; много рассказывается о святых и их чудесах, ведется откровенная религиозная пропаганда, история страны преподносится в клерикально-монархическом духе.

Ключевые слова

Туризм, экскурсии, паломничество, монастыри, храмы.

Старейшим видом туризма несомненно является паломничество. С этим утверждением не согласятся многие организаторы паломнических поездок, желающие видеть в своей деятельности нечто особое и более возвышенное, нежели перемещение людей в сфере досуга по другим поводам. На мой взгляд, паломничество относится к туристской сфере не только потому, что его обслуживание туристскими фирмами, транспортные средства и дорожно-гостиничный быт принципиально не отличаются от инфраструктуры «светского» туризма. Нерелигиозный туризм, если это сложные познавательные и спортивные путешествия, а не стационарный отдых возле пляжа или многократный спуск с одного и того же горнолыжного склона, тоже в изобилии содержит элементы культа и поклонения разнообразным элементам природного и культурного наследия. Для русского интеллигента священны Михайловское А.С. Пушкина и Ясная Поляна Л.Н. Толстого. Не равнодушный к географии человек испытывает «священный трепет» при лицезрении таких гор, как Эверест, Фудзияма, Килиманджаро. Даже географическая градусная сетка сакрализована светской культурой: достижения полюсов, пересечения полярных кругов, тропиков и экватора отмечаются церемониями. Путешественник, соприкоснувшийся с такого рода особыми местами, считает себя духовно (или душевно) обогащенным.

Читая у входов в православные храмы приглашения в зарубежные паломнические поездки, я радуюсь за их участников. Любое путешествие расширяет кругозор, хотя бы немного излечивает от предубеждений и предрассудков, открывает ворота здравому смыслу. Особенно радуюсь я за своих престарелых соотечественников. Еще четверть века назад они то ли не верили в бога, то ли скрывали, что верят в него; притворно или искренне клеймили на партийных и профсоюзных собраниях американских империалистов и израильских агрессоров. Теперь эти советские пенсионеры

Abstract

In the modern Russia almost every secular excursion is starting to resemble a religious pilgrimage, while reducing itself to a visit to Orthodox monasteries and temples. A lot of stories are told about saints and their actions, an unconcealed religious propaganda is carried on, and the history of the country is presented in a cleric-monarchical manner.

Keywords

Tourism, excursions, pilgrimage, monasteries, temples.

ничтоже сумняшеся пользуются подаренными им деньгами своих потомков, занимающихся самым что ни на есть волчьим капиталистическим бизнесом, чтобы с удовольствием посещать бывшие проклятые и враждебные страны. В пестрой толпе паломников, говорящих на разных языках и с разным цветом кожи, наши россияне воочию убеждаются, что на российском православии свет клином не сошелся; что быть православным, любить Россию и обожествлять главу этого государства – не одно и то же; что много есть разных православных и неправославных христианских церквей; что разные люди по-разному поклоняются одному и тому же богу или почитают разных богов в одних и тех же общих святых местах; что трудно поверить, будто милосердный бог пошлет в ад пять из шести ныне живущих миллиардов землян только за то, что они отродясь не знали Христа. Любое путешествие хорошо, в том числе и религиозно-паломническое. А что же плохо?

Плохо, когда светский туризм усилиями его организаторов превращается в узко конфессиональное религиозное паломничество. А именно это и происходит сегодня с внутренним экскурсионным туризмом в России.

Организованное туристскими фирмами ознакомление российских туристов с культурным наследием нашей страны на 80–90 % состоит из посещения действующих православных храмов и монастырей, а большую часть рассказов экскурсоводов занимают жития святых и разные чудеса. Экскурсоводы и работники музеев навязывают экскурсантам православные взгляды вместе с паранормальными верованиями, относящимися к сфере колдовства и магии.

Правда, в последнем случае и сама господствующая церковь отмежевывается от «суеверий», но только как от своих конкурентов на рынке веры, поскольку церковные чудеса с точки зрения науки ничуть не лучше и не хуже,

чем фокусы колдунов, а в сознании большинства верующих все сверхъестественные явления имеют одну природу. Для современного российского обывателя, помимо официальной религии питающегося отбросами шарлатанской паранауки, совершенно естественно убеждение, что православные святые были экстрасенсами, владевшими «биоэнергетикой», а церковные кресты и купола суть антенны и аккумуляторы, своего рода спринцовки, сосущие и накапливающие энергию космоса. В священных узловых точках некоторой всемирной биоэнергетической сети, там, где раньше стояли языческие капища, а ныне возвышаются православные храмы, верующий может подолгу обходиться без еды, питаясь духовной пищей или, что, видимо, то же самое, солярной и астральной энергией космоса.

Подобные сведения, в изобилии льющиеся с экранов самого мощного средства массового оболванивания (СМО), подхватываются и творчески развиваются благодарными телезрителями, многие из которых, получив в молодости степени кандидатов геологических, географических, биологических, философских, педагогических и прочих «привычных» наук, ныне подвизаются в качестве преподавателей вузов, научных сотрудников и экскурсоводов музеев, называя себя докторами энергоинформационных наук, академиком многочисленных самозванных академий. Не только на толпу разношерстных туристов, но и на головы студентов в вузах и колледжах выливается коктейль из острой смеси православия с магией, включенный и в программы, причем в самых разных учебных предметах, от геологии до политологии! Делают ли это наши мелкие научные сотрудники и «треподаватели» по инструкции сверху или по велению души и сердца? Скорее второе. Они и без всякого понукания бегут впереди паровоза, нутром ощущая, куда катится вся страна. Уже родилось и выросло новое поколение носителей ученых степеней и званий, окончательно порвавшее с наукой в классическом смысле слова, но сохранившее приверженность к наукообразию. Следы былого высокого престижа науки можно считать и сегодняшние наивные попытки объяснить с ее помощью разные чудеса, в том числе левитацию и телепортацию святых, зарождение источников «святой» воды, муроточивость икон (не могу удержаться от написания через «ижизу») и т.п.

Пока где-то обсуждают, надо ли вводить в общеобразовательных школах основы православной культуры, предмет этот кустарно, самодеятельно и вульгарно преподается вне школы, на экскурсиях для детей и взрослых. Рядовые провинциальные учителя, экскурсоводы, работники музеев давно уже не мыслят никакой русской культуры вне православия. А если кто-то и мыслит, то благообразно помалкивает – как помалкивали и мы (мое поколение) в советское время, скрывая свои немарксистские и религиозные взгляды от «посторонних».

Советская марксистско-ленинская государственная идеология, строго говоря, не была безрелигиозной, она являлась ярким примером некоторой квазирелигии или новой языческой религии, даже с элементами явного теизма (догматизм, «священное писание» в виде сочинений «классиков», играющих роль богов и святых (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин), поклонение мощам (нетленность коих поддерживается силами науки), культ разных святых и героев-мучеников (от Розы Люксембург до Павлика Морозова), богослужения в виде партсобраний, человеческие жертвоприношения и т.д.). Вместе с тем, непримиримость советской идеологии к традиционным религиям позволила хорошо изучать их с научно-атеистических позиций. При всех своих вульгарно-марксистских дефектах настоящий научный атеизм в СССР состоялся, так что теперь его можно продолжать на новой, гуманистической основе.

Один из уроков научного атеизма – как преподносить в светском образовании религиозные идеи и артефак-

ты – имеет прямое отношение к нашей теме, т.е. к познавательному экскурсионному туризму. В советское время многочисленные религиозные объекты фигурировали в обширном нерелигиозном контексте, сформированном искусствоведением, а также социально-экономической и политической историей общества. Постройки рассматривались в потоках влияния различных региональных архитектурных школ с учетом запаздывания волн новшеств при распространении из столиц в провинцию.

В религиозной живописи выявлялись земные мотивы, общечеловеческие страсти и ценности. Выдающиеся храмы подавались как символы усиления княжеской власти и перемещения ее географических центров. Двойко, т.е. более объективно, представлялась роль монастырей: передовые очаги хозяйственного освоения и алчные феодалы, порабошавшие местное население. Конечно, все эти аспекты по-прежнему присутствуют в научной литературе и о них специалисты рассказывают специалистам на элитарных экскурсиях, но от массового экскурсанта это «побочное» куда-то ушло, и осталась одна религия – храмы, иконы, святыне как таковые, а также творимые ими чудеса.

Российская историография для массового потребителя и так уже полна фальсификаций. (По моим подсчетам, наша «официальная» история, представленная статьями в энциклопедиях и школьными учебниками, только в XX веке пересматривалась не менее девяти раз.) Путем крайне редких и невнятных упоминаний замалчивается одно из двух огромных русских государств – Великое княжество Литовское; все наше средневековое прошлое узурпировано «наследниками» Московского великого княжества. Главным праздником современной России стал вымышленный день мифического избавления от «польских захватчиков», т.е. в основном от православных белорусов, украинцев, казаков, выступавших не под московскими знаменами. Многочисленные сражения, устроенные без всякого смысла, закончившиеся вничью или даже проигранные, а также несостоявшиеся битвы, которых удалось благообразно избежать, ныне выдаются за «славные победы».

Церковь присовокупила к этим мифам вмешательство своих святых и икон: они, оказывается, были «авторами» побед и избавлений. И даже невзятие немцами Москвы в 1941 году выдается за результат облета нашей столицы на самолете с чудотворной иконой. Но, думаю мне, по такому важному поводу данная икона могла бы летать и сама, без помощи самолета, как летела же в 1383 году над Ладожским озером на глазах у рыбаков невесть откуда взявшаяся икона Пречистой Богородицы, пока окончательно (во второй раз) приземлилась в стране вепсов на берегу реки Тихвины. А именно такими чудесами, но не реальной историей района, заполнены теперь рассказы экскурсоводов в светских государственных краеведческих музеях.

Из сообщений наших гидов ушли темы колонизации, «нешадной эксплуатации», тяготы крепостного права. В преданиях о святых, убиенных язычниками, довольно прозрачно просматривается драма захвата князьями и духовенством земель и вод коренных народов – мерян вокруг Ростова, мордвы на нынешних нижегородских землях. Живущих в XXI веке православных призывают почитать тех, кто убивал их предков, отнимал у них последние средства существования.

Князья и цари в наши дни подаются исключительно как благодетели русского народа, поскольку они ревностно служили православной церкви – главной и чуть ли не единственной хранительнице Русского государства. А важнейшим богоугодным делом наших правителей считается «воссоединение русских земель». В энциклопедических словарях отечественные монархи оцениваются пропорционально территории, присоединенной за время их правления. Согласно сегодняшним идеологическим веяниям,

наиболее святы те, кто ублажал церковь, проводил антизападную политику и нещадно истреблял внутренних врагов. Теперь можно ожидать, что после Николая II канонизируют Ивана IV и Александра III.

Клерикальность современного экскурсионного туризма выражается не столько в обилии религиозных объектов и сведений, сколько в недостатке у преподносимой туристам информации обширного светского контекста. Нет спору, преобладание в российском недвижимом культурном наследии (а стало быть, и среди объектов экскурсионного осмотра) религиозных артефактов само по себе естественно и закономерно. В допетровской России храмам уделялось несравненно больше средств и внимания, чем светским сооружениям. Наиболее надежными военными крепостями были монастыри. Церкви строились из камня и кирпича, в то время как почти все гражданские постройки оставались деревянными и часто горели. (Впрочем, по той же причине исчезло и множество деревянных храмов. Теперь они могут сохраняться лишь будучи перенесенными в городские и пригородные музеи под открытым небом или в качестве недавно построенных и действующих в городской среде, которой они генетически, органически и эстетически совершенно чужды.)

В городах, где земля быстро дорожает, деревянные дома обречены стать жертвой риелторских поджогов (нередко устраиваемых в сговоре с пожарными), а в сельской глубинке не хватает средств и сил их поддерживать. Менталитет многих россиян требует украсть или уничтожить все, что плохо лежит и недостаточно охраняется вооруженными силами. В малонаселенной местности любую выдающуюся, неохраняемую или бесхозную деревянную постройку обязательно сожгут хулиганы. Парадоксально, что самой лесистой стране мира так не повезло с сохранением памятников деревянного зодчества, в отличие, скажем, от Норвегии, Турции, Непала (сужу по личным наблюдениям).

Другой уникальный компонент российской, да и мировой культуры – русская усадьба – пребывает в более чем плачевном состоянии. После революции 1917 года сельским усадебным домам и паркам нашлось, казалось бы, неплохое применение – больницы, школы, детские дома, санатории, дома отдыха и т.п. Но время шло, постройки ветшали и уже не соответствовали новым санитарным нормам и бытовым требованиям. Сегодня переезд школы или больницы в более благоустроенное помещение означает, что усадебный дом навсегда опустел и быстро превратится в руины, не подлежащие никакому восстановлению. Если что и уцелело от прежней усадьбы, то только церковное здание, случайно не взорванное при советской власти, а ныне восстановленное для прежнего применения.

Мечты отечественных архитекторов-реставраторов и культурологов найти для русской усадьбы новых рачительных хозяев развеялись. Традиционный русский помещик жил с многодетной семьей и челядью в окружении своих крестьян, не отгораживаясь стеной от внешнего ландшафта. Его имение было исторически сложившейся экономической вершиной местности, а не произвольным вкраплением в нее. Мне трудно представить, что олигарх, разбогатевший на приватизированной добыче полезных ископаемых, согласится поселиться в старинном доме, не совместимом с современной канализацией и автомобилизацией, и подчинит свой повседневный быт делу охраны культурного наследия, пуская к себе экскурсантов за ничтожную плату и отчитываясь перед разнообразными инспекторами и комиссиями. Окруженные высокими непрозрачными заборами частные латифундии с упрятыми в глубь лесов дворцами возникают в наши дни в столичных пригородных зонах, но объектами всенародного туризма они не являются и к охране культурного наследия не имеют отношения.

Итак, мы видим, что из-за допущенного российским обществом упадка светских памятников архитектуры на перед-

ний план еще больше выдвинулись объекты религиозные, т.е. храмы и монастыри, поскольку вернулась возможность использовать их по назначению. Но этим использованием сплошь и рядом подрывается статус памятников из-за их радикальной перестройки по вкусам современного духовенства.

Один из замечательных, воистину дьявольских парадоксов российской культуры заключается в том, что в годы советских гонений на религию церковное наследие героически сохранялось самоотверженными подвижниками – научными работниками музеев, искусствоведами, художниками-реставраторами, среди которых было немало атеистов и лиц, неправославных по своему происхождению, а теперь на обладание этими сокровищами претендует церковь, не всегда способная и желающая сохранять их в том виде, который рекомендуют ученые. Для важнейших объектов федерального уровня эта проблема кое-как решена, но для второстепенных, размещенных в провинции она остается открытой.

Сегодня под золочеными крестами восстановленных храмов обычно белеют гладкие бетонные стены, синеют купола и крыши. Уже сложился какой-то единый для всей огромной России унылый стандарт. Обширные ультрамариново-синие поверхности, серебристые заборы-стены из гофрированного металла, такие же, как вокруг новорусских дворцов-коттеджей, – что может быть более чуждым для традиционного русского пейзажа! «Синители прекрасного» – так окрестили церковных горе-реставраторов руководившие нашими научными поездками профессиональные архитекторы (между прочим, весьма лояльные к религии и церкви).

Восстановленные для религиозной службы храмы в большинстве своем, строго говоря, перестали быть в натуре памятниками архитектуры прошлых веков; таковыми они являются лишь на старых фотографиях, реконструкционных чертежах и макетах. Но какими бы неуклюжими, аляповатыми, эклектичными не казались нашим профессионалам переделанные и новопостроенные храмы, они все равно интереснее и красивее каждого новорусского жилого или административного здания, не говоря уже о серо-белых советских бетонных коробках. Способность православных храмов любого архитектурного стиля украшать российский пейзаж остается незываемой, и это, конечно же, большой плюс в пользу церкви, пользующейся колоссальными эстетическими ресурсами, накопленными русским искусством, начиная со Средневековья.

Поездки на комфортабельных автобусах в обществе «единомышленников» и единоверцев, которым можно излить душу в разговорах, восхищение разнообразием и красотой православных храмов, созерцание благолепных священников, сияющих любовью и добротой и умело демонстрирующих свое моральное превосходство над мирянами, – все это оказывает несомненное терапевтическое воздействие на основную, традиционную клиентуру церкви – женщин климактерического возраста, которые, в большинстве своем отлученные от полноценных плотских утех, «своевременно» задумались о душе и начали активно готовиться к загробной жизни. Неважно, в какой субъективно осознаваемой ипостаси явились в храм эти почтенные женщины – в качестве настоящих паломниц, заранее облаченных в длинные юбки и головные платки, или в составе светских экскурсий, нацепив маскардные тряпки, выданные им при входе в монастырь. (О, как легко обмануть бога, лишь слегка переодевшись!) И те, и другие посетительницы осеняют себя крестным знаменем, покупают и ставят свечи, заказывают молебны о своих близких и родственниках, интересуются церковной литературой, опускают деньги в прозрачные церковные «кружки» (для неверующих или не доверяющих попам – на реставрацию храма; не исключено, что потом все деньги валяются в одну кучу). Все это и дает нам повод рассуждать о фактическом

слиянии нерелигиозного познавательного туризма с профессиональным паломничеством.

Сегодня не верующие в бога, третируемые православными фундаменталистами, находятся в таком же незавидном положении, в каком находились в ранние советские годы верующие, шельмуемые воинствующими безбожниками. Одного чересчур активного православного, оказавшегося в экскурсионном автобусе, бывает достаточно, чтобы извратить запланированную экскурсию, направить ее всю в паломническое русло. На робкие замечания, что надо бы посетить знаменитый водопад или подольше задержаться в природном национальном парке, последует шиканье конформистского большинства: «Как вы можете возражать, ведь это же наша культура!»

Преподносимая ныне провинциальными экскурсоводами упрощенная картина российской истории и культуры на все сто процентов является клерикальной, монархической и военно-патриотической. Иные точки

зрения пока не исчезли и формально не запрещены, они представлены в Интернете и даже в книгах, все еще где-то продаваемых, но при генерализации материала для массового слушателя и зрителя они выпадают, остается лишь «чистая» религия, а экскурсовод становится ее примитивным проповедником. Какую бы явную чушь он не порол, стоя с нами возле паперти храма или у стен монастыря, никто, находясь в столь «святом для каждого русского человека месте», не посмеет хотя бы малейшим возражением нарушить благостный ход туристско-экскурсионной «литургии». Мы снова дожили до такого времени, когда инакомыслие считается ересью, а самые слабые сомнения в содержании и уместности самостоятельных проповедей клеймятся пугающим термином «кошунство».

В статье обобщены впечатления, полученные в 2002–2012 годах, в том числе на экскурсиях, организованных для участников научных конференций, а также в экспедиционных поездках Общества изучения русской усадьбы.

Проект Байкал продолжает рубрику ФОТОГАЛЕРЕЯ работами Аллы Арцис. Представляем читателям две фотографии с ее выставки, проходившей не так давно в Центральном доме архитекторов в Москве.

Аннотация

Традиционность храмовой архитектуры обеспечивает связь времен и ощущение глубины исторической перспективы, необходимой обществу. Архитектор не вправе проектировать религиозные сооружения по своему усмотрению и в соответствии со своей индивидуальной философией. Сфера инноваций в храмовой архитектуре весьма ограничена и касается в основном декоративного убранства, соответствующего господствующим стилям и модным веяниям.

Объемно-пространственная структура религиозных сооружений не может быть изменена архитектором вне изменений религиозной парадигмы.

Ключевые слова

Храмовая архитектура, религиозная парадигма, традиция, инновации.

Abstract

Traditionalism of temple architecture gives the society a “link of times” and a necessary sense of deep historical perspective. An architect does not have a right to design religious structures using his own discretion or philosophy. The sphere of innovations in temple architecture is rather limited. It mostly refers to decorations complying with the dominant styles or trends.

The volumetric and spatial structure of religious buildings cannot be changed by an architect apart from the religious paradigm.

Keywords

Temple architecture, religious paradigm, tradition, innovations.

Нужны ли новые формы православным храмам?

ТЕКСТ

Елена Багина

Есть область в архитектуре, где инновационное формотворчество резко ограничено. Это культовые сооружения. В формах христианских храмов присутствует память и о Сионской горнице, где произошла, по преданию, первая евхаристия, и о круглых световых отверстиях катакомб, и о первых богослужениях в базиликах римских патрициев. Изменение архитектуры храма всегда следовало за изменением вероучения или за реформами церкви.

Православная церковь недаром во все времена называлась ортодоксальной. Никонианская реформа (1666–1667 гг.), направленная на введение единообразия церковной службы и исправление церковных книг по греческим образцам, имеет противников и сегодня. Затронув незначительные элементы обрядности (двуперстное крестное знамение было заменено на трехперстное, вместо Иисус стали писать Иисус, наряду с восьмиконечным крестом стали признавать восьмиконечный), реформа вызвала резкий протест у части духовенства. Этот иррациональный, на первый взгляд, протест нашел широкую поддержку в различных слоях общества. Произошел раскол, погубивший немало жизней.

Но, благодаря никонианской реформе стали возможны изменения в архитектуре православных храмов. Патриарх Никон в 1653 г. повелел завершать церкви пятиглавием, а не шатром. Раскольники же посчитали, что в пятиглавии проявилась никонианская гордыня: центральная глава – патриарх московский, четыре главки поменьше – четыре восточных патриарха – константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский. Традиционная пентархия. Символика пятиглавия сегодня трактуется как Спаситель и четыре евангелиста.

В рамках русского православия не раз менялись религиозно-философские предпочтения. Почитание Софии Премудрости Божией сменил культ Святой Троицы, затем святого Александра Невского. Эти перемены были растянуты во времени. Они, несомненно, сказывались на внешнем облике храмов, но не были революционными. Влияли на церковную архитектуру и господствующие стили, и местные традиции. Если перемены накапливались постепенно, они не вызвали резкого отторжения. Так не сразу сформировалась в православной церкви идея иконостаса, без которого сейчас невозможно себе представить Русскую православную церковь.

В настоящее время в новых католических церквях архитекторы стали проектировать алтарные преграды, которые были одно время сочтены ненужными. Восстанавливаются алтарные преграды и в старых церквях, там, где они были удалены. Возобновление установки алтарных преград – тенденция, которая вписывается в общий контекст литургических преобразований, проводимых нынешним папой римским Бенедиктом XVI. Ее можно оценить как «мягкую» и частичную реставрацию традиций, существовавших в католической церкви до Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.).

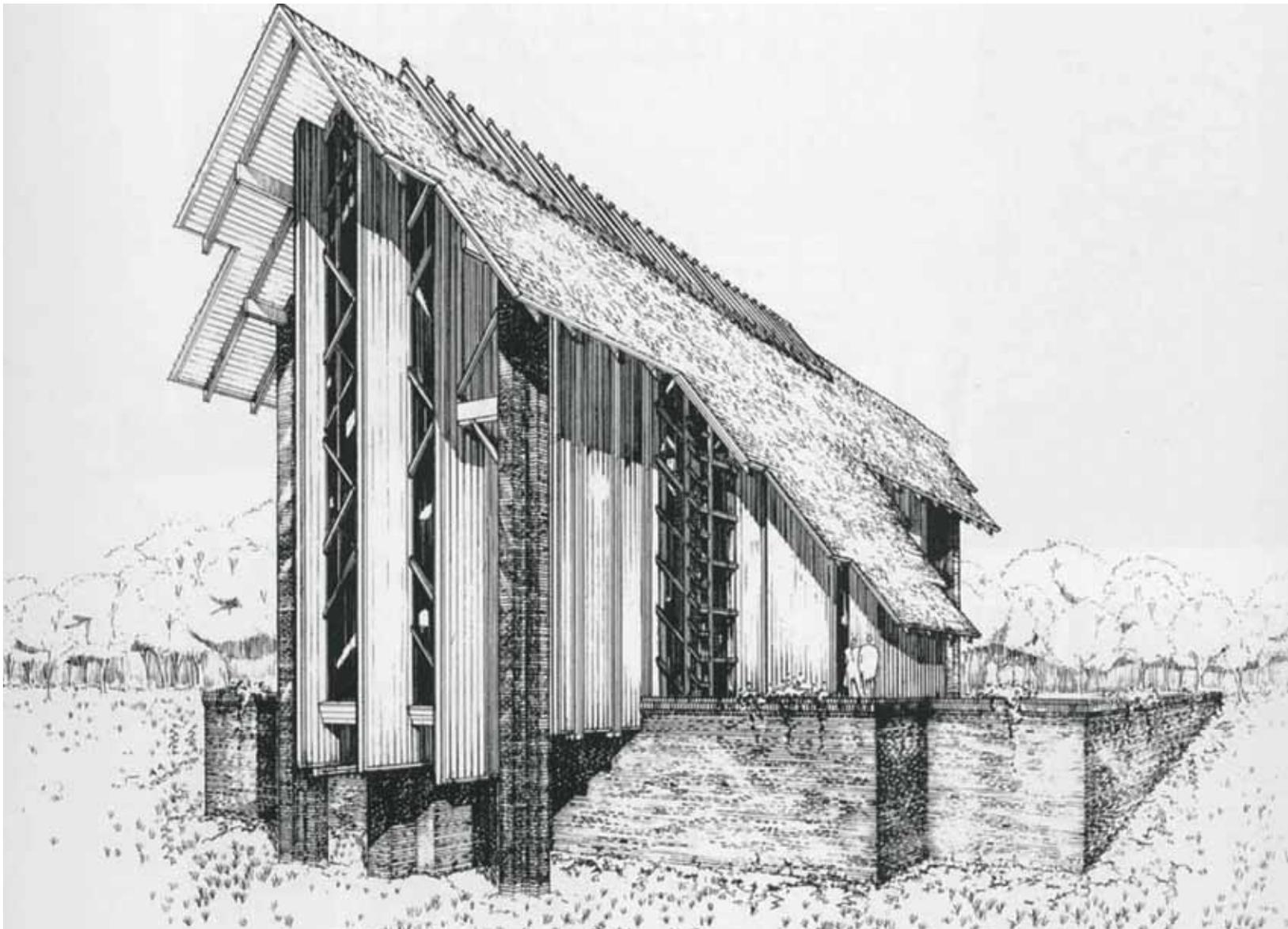
Огромное разнообразие форм церквей обнадеживает и подбадривает современного архитектора, жаждущего новизны. Есть примеры кардинальных инноваций в церковном зодчестве. Можно вспомнить капеллу в Роншане Ле Корбюзье, скальную церковь в Хельсинки и пр. Между тем, первоначально нестандартное здание корбюзинской капеллы вызывало бурные протесты местных жителей – католиков: они отказывались ходить в этот храм молиться, не разрешали даже подавать в новое строение воду и электричество. Многие из них и до сих пор не признают творение Ле Корбюзье храмом. К церкви в скале жители Хельсинки отнеслись с большим пониманием. (Темпелиауки была создана в 1969 году братьями-архитекторами Туомо и Тимо Суомалайнен, которые просто взорвали часть скалы, обработали поверхность и накрыли образовавшуюся воронку куполом). Но Темпелиауки принадлежит к лютеранской церкви, где к архитектурным экспериментам относятся с интересом и готовы их принимать в силу особенностей лютеранского вероучения.

Но жаждет ли новизны православная ортодоксальная церковь, сохранившая традиции и в ритуалах, и в песнопениях, и в облачении священников? Жаждут ли новизны православные прихожане? Сомнительно, поскольку для этого нужны существенные подвижки в трактовке вероучения, которые пока не предвидятся.

Желание архитекторов создавать новые формы понятно. Это предмет профессиональной доблести и гордости. Города и страны соревнуются в том, где будет построено самое удивительное и необычное строение. И становятся похожими друг на друга, посеяв на своей территории семена новейшей стеклянно-бетонной поросли. Есть среди этой поросли и уникальные объекты. Но, как всегда и во все

> Храм на Куликовом поле,
3-й вариант (1908)

v Капелла Св. Леонардо в
Роз-Хилл-Парк в Калифорнии

▲ Капелла Ле Корбюзье в Роншане (1955)

времена, шедевров много не бывает. Очень показательно, что в Дубае продают в качестве сувениров в основном изображения двух сооружений – знаменитых Бурдж-Халифа («Иглы») и Бурдж-аль-Араб («Паруса»). А ведь многие объекты в Дубае претендовали на уникальность. Интересно, что мечети в городе архитектурных чудес строятся вполне традиционные. Конечно, каменная резьба сделанная вручную, заменена в них менее трудоемкими декоративными элементами, и муэдзины уже не поднимаются на минареты, чтобы призывать правоверных на молитву (на минаретах есть динамики), но тем не менее связь времен в мечетях, построенных из новых материалов и по новым строительным технологиям, не прерывается. Традиция есть традиция.

Но вернемся к теме новых православных храмов. Казалось бы, кто мешаает сделать стеклянно-бетонное строение и насытить интерьер традиционными предметами культа. Или не так – сделать внутри стены-экраны и проецировать на них изображения икон. К одному празднику – один набор, к другому – другой. Сделать иконостас тоже экраном. Сделать купол, на который бы проецировались фотографии с телескопа Хаббл. Да и традиционное облачение священников заменить на современное. Я думаю, модельеры могли бы помочь церкви создать новые наряды для служителей культа. Федерико Феллини в фильме «Рим» уже предвосхитил эту идею в гротескном эпизоде с «парадом церковной моды». Но благословения папы этот эпизод фильма «Рим» вряд ли бы получил.

А ведь каким фантастически современным мог бы быть храм, насыщенный новейшими гаджетами. Сменяющие друг друга голографические картины ада и рая, просмотрные кабины-молельни, где можно увидеть фильмы о житии святых, цветомузыка, проповеди, сопровождаемые зрительным рядом... Игра света... Лифты, возносящие венчающиеся пары на высоту нескольких сот метров. Да что там... Нано-лифт, поднимающийся в изумительных целях в небеса. Технически это все или уже возможно или скоро будет возможным. Японцы хотят потратить около 10 миллиардов долларов на создание нано-лифта уже сегодня.

Кардинально новых проектных предложений сегодня нет. Или они не публикуются, изначально забракованные заказчиком. Это значит, что церковь, с одной стороны, боится

и не хочет никаких новшеств, а с другой стороны, понимает, что того интереса к религии, который был в обществе в 90-х годах XX века уже нет, перемены нужны, особенно молодежи, живущей ныне в виртуальном мире Интернета, и робко предлагает архитекторам поразмыслить над новыми формами.

Какие проекты победят? Куда будет обращен взгляд архитектора? На Сионскую горницу, на катакомбные храмы? Возможно. Но, как правило, до таких глубин не доходит. Сегодня строят и проектируют гротескные вариации крестово-купольных одноглавых и многоглавых храмов. Предлагают упрощенные варианты пятиглавой церкви в русско-византийском стиле, столь милом современному православному сознанию.

Но это уже было

В конце XIX – начале XX века, чувствуя необходимость обновления, православная церковь готова была проводить архитектурные эксперименты. Единственным ориентиром в поисках обновления и очищения стала архаика. А иначе и быть не могло. И.В. Штром, один из авторов Владимирского собора в Киеве (1882 г.) детально изучал византийскую христианскую архитектуру. Виктор Васнецов, чтобы сделать росписи в этом соборе смотрел римские и византийские мозаики.

Источником вдохновения для Алексея Щусева при строительстве Марфо-Мариинской обители и храма на Куликовом поле была псковская и новгородская архитектура XII–XIV вв.

И сегодня архитекторы обращаются к архаике в поисках традиции и ритуалы, проводимые в нем, – воспоминания и символическое воспроизведение событий незапамятных времен, описанных в священных книгах. Обновление памяти об этих событиях, очищение от искажений и ненужных толкований – вот что значит ориентация на архаику. Но ведь все христианские секты, не приемля официальной церкви, именно с этого и начинали – искали истоки в раннем христианстве.

Нет, я ни в коей мере не ратую за то, чтобы взгляд архитектора был обращен только назад, чтобы среди стеклянных небоскребов не появлялись церкви, насыщенные современной техникой. Более того, я думаю, их появление неизбежно, также как и обновление гардероба священнослужителей.

Вместе с тем традиционные церковные здания в современном мире – своеобразный духовный якорь.

△ Гарнизонный православный храм-маяк

△ Католический храм в Вене

∨ Интерьер церкви Темпелиаукио братьев Суомалайнен в Хельсинки (1969)

Храмы XXI

Разговор на тему номера

редактор текста
Марина Ткачева

фото
Лариса Крылова
Евгения Крайнева

В Иркутский дом архитектора на обсуждение темы современного храмостроительства были приглашены: Алексей Буйнов – главный архитектор Иркутской области; протоиерей Марк Косолапов – настоятель Александро-Невского храма, Иркутск; протоиерей Алексей Середин – настоятель Князе-Владимирского храма, Иркутск; Николай Смирнов – главный специалист департамента градостроительного проектирования ОАО «Иркутскгипродорнии», член научно-методического совета Международного Байкальского зимнего градостроительного университета; Сергей Элоян – живописец, график, заслуженный художник РФ. В разговоре принимали участие члены редколлегии: Елена Григорьева – архитектор, главный редактор ПБ; Николай Жуковский – архитектор, директор ООО «Архитектурная фирма Н. Жуковского»; Константин Лидин – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента ИрГУПС; Марина Ткачева – культуролог, философ, кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГУЭП.

Елена Григорьева Главная тема номера – храм XXI века. Со времени иркутского конкурса на храм Александра Невского проявились разные позиции по отношению к архитектуре современного храма. Тему мы заявили еще в прошлом году и, оказалось, проявили недюжинную интуицию. Спустя несколько месяцев Союз архитекторов России совместно с патриархией объявил конкурс на современный образ православного храма. Мы знаем, что проектирование православных храмов имеет свои исторические традиции. Они были прерваны в 1917 году, как и вообще традиция строительства церквей на большом пространстве СССР была трагически прервана на несколько десятилетий. Уже более 20 лет, как массовое строительство храмов возобновилось. В Иркутске, Улан-Удэ, Чите за последние 20 лет построено несколько десятков новых храмов разных конфессий. Откликается ли облик культового здания на современные тенденции архитектуры, следует ли этого ожидать? Мы нашли полярные мнения в разных источниках, в том числе и в материалах круглого стола, прошедшего недавно в Москве. Сегодня мы пригласили людей, мнение которых считаем ценным для нашего редакционного сообщества, чтобы обсудить этот вопрос.

Николай Смирнов Каковы тенденции современной архитектуры, к которым должно прислушиваться храмостроительство?

ЕГ В архитектуре выводы делаются уже после архитектурного события. Поскольку то, что сейчас происходит в архитектуре, еще не обобщено, перечислить тенденции по пунктам нельзя, аналитика последует позже. Но очевидные особенности есть. Сегодняшняя архитектура более лаконична. Можно также вспомнить о выстраданной идее эоархитектуры, к которой причисляются деревянные зда-

ния, деревянные церкви. В прошедшем конкурсе мне из 10 лауреатов одним из самых интересных представляется здание деревянной церкви. Оно лаконичное, перекликается с русскими традициями, оно очень вдохновенное. Безусловно, среди трендов надо отметить работу с рельефом, иногда создание искусственного рельефа. Кажется очевидным, что в истоках традиций строительства русских церквей – работа с ландшафтом.

Константин Лидин Может быть, к современной архитектуре можно применить слово «разнообразный»? Если даже появляющееся сегодня – цитаты из прошлого, то в сочетании они образуют некое новое качество. Наверное, это неотъемлемый признак современности. И именно этого, может быть, маловато в современной храмовой архитектуре. Большинство строящихся храмов, по крайней мере в Иркутске, выглядят именно как цитата из прошлого, более-менее грамотно согласованная с городским пейзажем. Авторы апеллируют к канону, традиции. Но традиция российской православной храмовой архитектуры в том, что она все время менялась. И эта традиция прервалась.

Николай Жуковский А вот примеры развития католических храмов налицо. Лаконизм некоторых храмов, возможно, помогает сосредоточиться на своем внутреннем переживании. Плюс пластика (как у Корбюзье), использование современных материалов. В каком-то сборнике были опубликованы дипломные работы студентов Строгановского училища 1914–1915 гг. Они шли в авангарде и представили неординарные и, надо сказать, прогрессивные проекты православных храмов. А ведь дух православия у них был еще в крови! Неудивительно, что мы начинаем ломать стереотипы только сейчас и начинаем с событий вековой давности.

НС И католики, и в еще большей мере протестанты – модернисты. Православные храмы отличает от них принципиальный консерватизм. Кажется, Бердяев писал: «Консерватизм – это не то, что мешает двигаться вперед, а то, что мешает сползть назад и вниз». Для меня пример такого интересного консерватизма – Марфо-Мариинская обитель Щусева: принципиально новое, но консервативное. Надо еще помнить, что внутренняя символика, внутренняя структура храма является канонической и пересмотру не подлежит. В моем представлении единственный путь развития храмовой архитектуры – это медленная эволюция. Есть английский термин **non accelerated development**, развитие без ускорения. По-моему, это тот путь.

ЕГ Мы знаем, что сравнительно недавно близко к историческому облику был восстановлен Храм Христа Спасителя. У него в подиуме несколько уровней, где спрятана масса новейших технологий: залы с цифровым переводом, Интернетом... Мир стремительно меняется. Как на это реагирует церковь, как учитывает, что молодая паства живет совсем иначе, чем раньше? Архитектурная форма, как правило, откликается на содержание. И если жизнь изменилась, то форма – рано или поздно – тоже откликнется. Архитектура влияет на обустройство общественного пространства: в Монреале на площадях в мощении предусмотрены розетки для подзарядки гаджетов. Но это внешние признаки, главное же – начинают формироваться новые подходы. Каким образом церковь реагирует на изменение жизни?

Отец Марк (Косолапов) Материальное, включая гаджеты и прочее, не лежит в сфере прямых интересов церкви. Это вторичное. У православных другой способ установления связи с Всевышним, чем у католиков. Поэтому и храм свой собственный, особенный. Уже князь Владимир старался, чтобы храм был монументальной проповедью, поражал воображение. Можно сказать, что главный путь развития образа храма – медленная эволюция. Но иногда происходили резкие изменения – например, нарышкинское барокко. Скорее всего, эволюция, консерватизм всегда будут.

ЕГ Процесс внесения новой формы в православной церкви шел болезненно?

ОМ(К) Бывало по-всякому. Самое главное, что храмы передавали духовный опыт, несмотря на обилие стилей,

вариантов и всего прочего. Мне кажется, что сейчас копируют старые образцы потому, что не выросли те общины приходские, которые в этих храмах будут молиться. Сменятся одно-два поколения – и все современные архитектурные, строительные и прочие наработки не пропадут, не останутся за бортом. Если все делать изначально серьезно и красиво, то храм будет отражать современные реалии, но в православном понимании.

Марина Ткачева Мы знаем, что современные микрорайоны, особенно жилые, строятся очень плотно. И найти в них место для храма чрезвычайно трудно. Не означает ли это, что храмы будут сосредоточены в старой части города, где они окажутся более соразмерны функциям и масштабу, который имеют исторические памятники? Как же приблизить проповедь и храм к месту жительства горожан?

ОМ(К) Общая тенденция – располагать храмы по микрорайонам в шаговой доступности. А как храмы вписать в тесную застройку – архитекторам и топографические карты в руки, как говорится.

НС Наши градостроительные нормативы требуют определенного внутримикрорайонного озеленения – 6 метров на человека. Озеленение жилого района – еще 6 метров на человека. Озеленение в масштабах города – еще 10 метров на человека. Тот, кто этого не исполняет – нарушитель закона. А в зеленой зоне выбрать место для небольшого храма, я думаю, не составит труда.

ЕГ Мне кажется, это очень правильный градостроительный подход. Кроме того, раньше церковь была доминантой в городе. Теперь быть доминантой среди 9–12–16-ти этажных зданий – задача неблагодарная. Более того, это одна из предпосылок к изменению архитектурных форм храма. Церковь в Финляндии, построенная в 1969 году, практически подземная; это острое решение вполне понятно.

НС Доминантой был, как правило, собор. Псковско-новгородские квартальные церкви не доминировали. Городской собор – другое дело. В традициях православия было и строительство подземных пещерных церквей, особенно на Ближнем Востоке.

КЛ У каждого времени и исторической ситуации фактически свой бог: бог слишком велик, и люди берут только фрагмент этого гигантского образа. Соответственно, этот

фрагмент меняется в разных ситуациях. А каким должен быть образ бога сейчас, чтобы привлекать людей? Ведь ждать, пока люди сами себе его придумают – можно и не дожидаться. Ежели все в буддизм уйдут, как их потом обратно выманить? Не очень понятно.

ОМ(К) Мне представляется, что очень многое зависит от деятельности церкви. Во многих городах большая часть храмов строится с расчетом, чтобы это был храмовый комплекс, где можно разместить вспомогательные службы и т.п. Но главная современная тенденция – это воскресная школа, где и взрослые, и дети общаются с Богом. 230–700 человек – нормальное количество для воскресной школы. И идея пещерного храма оказывается очень современной: в цоколе размещается вся инфраструктура. А храм пространственно может и не доминировать. Главное – он должен быть культурным центром, местом общения. Ведь оказывается, что современный человек крайне одинок, и любая возможность общения принимается с неописуемым восторгом. Кроме того, в Белгородской епархии реализованы проекты типовых сборно-разборных храмов. Когда паства духовно созреет – ставят нормальный храм, а этот разбирают и увозят дальше.

НЖ Итак, храм может приобретать любую форму, может быть даже контейнерного типа. По сути дела – это соцкультбыт. И численность мест в воскресной школе скоро надо будет рассчитывать, как в общеобразовательной школе – на 1000 жителей. Я допускаю, что над храмом будет плотный микрорайон; вполне возможно, что мы его и не отличим от жилого дома. Николай Владимирович, Вы говорите, его нельзя изменять. Но я думаю, его можно интерпретировать, вполне возможно, что это перспектива его развития.

НС Вот примеры из жизни, которые я считаю современными. В мусульманском Стамбуле храм-подворье русского монастыря Пантелеймона на Афоне размещается на 6-ом этаже жилого дома. Но внутри вы не отличите его от любого православного храма. В Гонконге нет религиозных ограничений, но земля очень дорога, и храм занимает помещение в многоэтажном доме.

ОМ(К) В нынешней России православным на такое решение согласиться будет сложно. Ведь храм всегда выделялся, было видно, что это храм. Но сейчас ситуация изменяется: требования общественного порядка (тишина, запрет на

колокольный звон и т.п.) преобладают. Тогда и реализуются описанные варианты существования в недружественной обстановке.

НЖ Здесь-то и намечается эволюция храма. Эволюция происходит там, где сложно, где абсолютно необходимы новые формы. А раз они необходимы, то и приемлемы.

КЛ А церкви, которые открываются, скажем, в аэропортах, соответствуют ли канону храма?

ОМ(К) Говоря современным языком, там достаточно обремененный функционал. Главное – чтобы человек не трясся от страха, а выплеснул свою энергию в нужном направлении.

КЛ Канон можно как-то трансформировать?

ОМ(К) Не изменяются только догматы, то, что сказано о Боге. А каноны подвержены изменению, особенно в исторической перспективе.

КЛ Что должно произойти с Русской православной церковью, чтобы действительно начался видимый глазом эволюционный процесс? Ощущение такое, что только там, где давление уже достаточно серьезное, начинает появляться что-то новое. Судя по результатам строительства, мы живем слишком хорошо, чтобы эволюционировать. Что должно случиться, чтобы церковная архитектура начала изменяться?

НС Изменения далеко не всегда видны со стороны. Еще 30 лет назад о социальной функции церкви, которую она выполняет в настоящее время, даже подумать было сложно. А сейчас это вошло в жизнь: при храме в нашем приходе действует любительский театр, каждое лето организуется детский лагерь. Эти функции не видны. А во внешних формах они выразятся, когда созреет. Церковь имеет достаточно большую гибкость, она не ригидна. Догматы – другое дело, как совершенно правильно сказал отец Марк. Канон изменяем, поскольку он служит удовлетворению потребности церкви именно как общества.

НЖ Я сейчас пришел к чему-то кощунственному: жизнь идет своим чередом и без архитектора. Если есть возможность появиться хорошему храму стать – его поставят. Храм сам найдет себе место. Город сам построится и без архитекторов.

ЕГ Не соглашусь. Город без архитекторов, церковь без архитекторов... Однако, когда смотришь современные проекты церквей, иногда создается впечатление, что,

во-первых, архитекторы мало знают; во-вторых, из-за того, что они мало знают, они мало смеют. У меня ощущение, что возможностей много, просто архитекторы робеют.

Сергей Элоян Я вообще не вижу в храмовой архитектуре никакой эволюции. Здесь нет поступательного движения, когда следующий стиль рождается из предыдущего. Барокко достигло своей вершины, сменилось классицизмом, который как бы заново начал развиваться совершенно из других корней и истоков. В каждом стиле остались непревзойденные вершины. Смена стилей рождается из каких-то внутренних потребностей, духовных ориентиров. Поступательного движения здесь в принципе быть не может. Я думаю, что сейчас именно такое время. Это новое будет опираться на нечто старое, но примет новую форму. Может быть, нашему сегодняшнему религиозному чувству больше всего соответствует именно форма пещеры и катакомб, куда можно спуститься, уйти, ощутимо разорвать визуальные связи с реальностью? Процесс созревания новой формы храма медленный. Так же примерно в храмовой живописи. Устоявшийся современный стиль ориентируется на достижения XV-XVI вв. в древнерусской живописи – вершину, к которой вроде бы и надо шагать. А не получается, потому что это – вершина, и к ней нужно пройти нелегкий путь. Надо опять искать какие-то исходные точки и не за одно поколение приходиться к новому стилю иконописи, который будет и соответствовать современным формам сознания, и отвечать художественным критериям. Понятно, что какие-то нематериальные понятия должны приобрести визуальную форму, которая переносит молящегося в духовную плоскость. Поиск современного языка иконы будет происходить, чтобы выразить религиозную идею предельно понятным образом. Главный смысл храмовой архитектуры, наверное, тот же – донести ту символическую суть, церковную Истину, которая должна выразиться через эту форму. А способов выражения, естественно, может быть много.

КЛ Правильно ли я понял, что в своей работе вы обращаетесь к тому периоду, когда реалистическая волна в искусстве себя исчерпала и художники обратились к символической форме и метафорическим идеям? Насколько это созвучно тому виртуальному миру, в который молодежь уже в значительной степени переселилась? Это ведь тоже определенный

уход от вещного, материального в мир неких символических абстрактных идей.

Отец Алексей (Середин) Вы говорите о несопоставимых вещах. Церковь – место, в котором совершается таинство, место богообщения. Главное таинство – евхаристия. Вокруг этого, по большому счету, неважно, какая будет архитектура. Это все уже имеет вторичное, третичное значение. Необходимое в богообщении – люди, община, литургия, общее дело. Это такое пространство, которое создают люди, оно наполнено божественной энергией духа, особым присутствием Божиим. Какая будет форма, в каком месте, по какой надобности – это уже второй-третий вопрос. Архитектурная эстетика может служить одним из языков расшифровки, мостиком для перехода человека от физического к духовному. Во все времена существовали разные формы выражения единой идеи спасения человека, его духовного призвания к жизни вечной. В современной практике проектирования важна не только идея участия человека в таинствах, но и гармония храма и окружающей среды, соответствия строительным и технологическим нормам и канонам. Красота – не только святость, но и правда – правда места, архитектурной идеи. Обратимся к XIX веку: исторически назрела революционная ситуация, началось брожение в обществе, власть царя зашаталась. Но вера спрямила противоречия. И как реакция здоровых сил общества – попытка вспомнить истоки крещения Руси. Как воплощается в архитектуре нашего Князе-Владимирского храма идея Москвы – третьего Рима? Берется форма базилики, сверху ставится русский модерн, закрывается куполами. Получается архитектурная форма связи византийской древней архитектуры и российской XIX века. Это язык, это та же форма. Но сущность происходящего внутри храма не изменяется уже много-много времени. Архитектура, новые материалы – всего лишь форма, обрамление, соответствующее современной обстановке. Но люди, которые живут в современном мире, каждый раз открывают для себя Христа в пространстве, где они собраны, ради совершаемых там таинств. Новое создается, но насильно его не создашь. Как священнику, мне хотелось бы, чтобы в архитектурных проектах участвовали люди воцерковленные. Тогда это будет то, что нужно, будет правдой. Если же формы будут привнесены извне – церковь с этим тоже справится.

Приспособит дома, пещеры – ведь это все вторично, по большому счету. Важна богословская мысль, которая лежит в основе. Истина – она одна, она не меняется. Каким языком ее донести – это дело выбора.

КЛ Я вижу огромное разнообразие вариантов, на которые можно опираться. Как выбирать из огромного количества форм, уже наработанных, уже проверенных, уже созданных боговдохновенными художниками? Часть из них канонизирована, и уже никаких сомнений нет в том, что это соответствует содержанию. Любую великую мысль можно сказать бесконечным числом способов. А как выбирать из этого множества? Какая из ситуаций прошлого большего всего похожа на сегодняшний день? Вот это, собственно, мы обсуждаем сейчас.

ОА(С) Рецептов, на мой взгляд, не существует. Можно поставить одну икону Спасителя и перед ней молиться. Со временем формы найдутся. Жизнь на разных этапах приносит какие-то новые функции, даже чисто технические (современное отопление, противопожарные выходы и т.п.). Сейчас даже трудно сказать, каков был по первоначальному замыслу тот или иной храмовый комплекс. С точки зрения эстетики чистота формы нарушена. А с точки зрения жизни – нормально. Приходить людям в храм это не мешает, таинства совершаются, храм функционирует. Я не стал бы уделять большое внимание архитектурной форме.

МТ У меня ощущение, что от общекультурных процессов, происходящих сегодня – обмирщение сознания воцерковленных людей, ускорение жизни, Интернет – церковь дистанцируется. И, возможно, внутренняя замкнутость церковного мира в определенном смысле людям мешает.

ОА(С) Я бы привел такую аналогию. Можно делать вино по традиционным рецептам, а можно наместить суррогатов. Так и церковь придерживается традиционного пути. Вопрос в том, что вам нужно – суррогаты или настоящее? Церковнославянский язык сохраняется в церкви. Мы сейчас лишены огромного пласта культурного, потому что все не могут на нашем историческом языке читать свою историю. От этого мы становимся более культурными и просвещенными или более бедными? Священники вполне образованные люди, цивилизованные, они все это понимают. Они ведь традицию сохраняют, принадлежащую нашему народу. Лишиться этой традиции означает народ потерять. По-другому вопрос не стоит.

НС Я хочу заострить проблему. Церковь не должна идти за обществом. Церковь должна идти только за Христом. И если общество не следует вслед за церковью и за Христом, тем хуже для общества. Когда церковь начинает идти за обществом, мы видим то, что сейчас творится в Западной Европе: процесс, уводящий от Христа.

КЛ Насколько я знаю, высший смысл молитвы – благодарность. Когда молящийся человек о чем-то просит бога – это большая ошибка с его стороны. Хотя такое понимание молитвы, к сожалению, очень распространено, особенно в среде молодежи. А каким образом приводить человека к тому, чтобы он благодарил за то, что существует, живет в этом мире? Это цель, но к ней же не одна дорога. И интерьер храма, росписи, порядок службы – все имеет одну-единственную цель: приводить человека к состоянию восторга и благодарности перед лицом бога. Все остальное уже эпифеномены. Не значит ли это, что храмы и росписи могут приобретать формы не канонизированные, не закрепленные, что они должны меняться? Люди ведь очень разные и, соответственно, разными путями приходят к этим состояниям души. Не значит ли это, что мы вообще не имеем права закреплять формы, потому что тем самым мы отбрасываем огромное количество людей, которым эта форма не подходит, которым нужен другой путь?

ОМ(К) Просьба – первый шаг, когда человек приходит от неверия к тому, что Бог есть. После этого начинают

запускаться религиозные механизмы, когда человек начинает входить в жизнь церкви, расти. А куда он растет – это уж его личные проблемы и возможности. Главное – процесс пошел. А в архитектуре изменения в ней скачками идут, эволюцию зачастую бывает трудно найти. И для русской истории много значит личность с харизмой (не обязательно архитектор), чтобы мог отстоять свою точку зрения. Так и получается следующий, очередной шаг.

КЛ Я как психолог знаю, что выбор человек может делать не больше чем из 7 объектов. Поэтому когда даже самый властный человек выбирает из 15 тысяч вариантов, это значит, что выбор просто невозможен. Может быть, задача архитектора как раз в том, чтобы выбрать этот минимум – 7 или 9?

СЭ Мне кажется, что ошибочно понимание канона как некоей преграды, охранения застывших форм. Канон про форму практически никогда ничего не говорит. Он охраняет смыслы. А в каких формах этот смысл выразить – это и есть проблема выбора или отбора. Если смыслы, которые выражаются как форма, выполняют свое назначение – это не клише. Это воплощение смысловых маяков в зримую форму.

КЛ А ваши росписи Князе-Владимирского храма к кому обращаются? Ведь вы пользуетесь языком, а ни один язык в мире не понятен всем. Вы на каком языке говорите?

ОА(С) Слово Бога понятно всем. Состояние понятно. Роспись – это состояние, это определенная среда, которая догматически выражает православное учение. Поэтому понятно, что оно воплощено в современной форме; мы же современные люди. Каждое время рождает свое восприятие. Просто потому, что мы родились в это время, мы есть сейчас, получили определенное образование, живем в определенной социальной среде. Мы говорим на одном языке, понятном большинству людей. Естественно, что всем не может нравиться одно и то же. Вы говорите про разнообразие. В церкви разнообразие представлено как нигде. В церкви больше всего либерализма, если разобраться. И для любого человека, томимого духовной жадностью, найдется понятный ему язык.

ЕГ Архитектура тоже обращена ко всем, ведь город – это общая среда. Тогда надо задуматься о роли художника, который эту общую среду создает. Но у каждого свои предпочтения, и мы всегда обращаемся к конкретному человеку и конкретному художнику.

ОА(С) Это огромная тема, которая красками не исчерпывается. Есть Евангелие. Каждый из нас его будет читать по-своему. Роспись – это Евангелие в красках. По мере того, как человек в духовную жизнь входит, развивается духовно, он может в изображении, как в евангельском тексте, видеть совершенно разные планы бытия. Есть планы физические, есть духовные, есть исторические. За любым изображением стоит духовный подтекст. И притчевость, и символика уводят человека к древнейшим библейским текстам, откровениям Божиим и пророческим. Как и символика храма, росписи и иконы – это такой же огромный внутренний пласт, достаточно сложный для восприятия.

СЭ К кому обращена икона? К прихожанам! В зависимости от того, кто на нее смотрит, она и раскрывает дополнительные смыслы. В идеале, как любое произведение искусства, она обращена к максимальному количеству людей.

КЛ Но не всем. Я так понял, что она обращена в первую очередь к людям очень образованным и культурным, которые знают, что перед картиной надо постоять некоторое время. Это далеко не все знают.

Алексей Буйнов Мы говорим о церкви, о ее месте в обществе, о языке, которым пользуется церковь. И из разговора становится ясно, что на данном временном отрезке проблема формирования и изменения современного архитектурного образа храма для православной церкви

стоит на каком-то далеко не первом и даже не на десятом месте. Увы...

Хорошо, что здесь собрались убежденные и знающие люди. Но разговор шел не совсем по теме. Теперь собственно про архитектуру. Не надо забывать, что стилистика российских храмов напрямую зависела в первую очередь от пристрастий государя императора, и только во вторую – от архитектурной моды. При этом самодержцев российских воспитывали тщательно, последовательно, комплексно, прививая им соответствующие навыки, формируя багаж знаний и пристрастия. И об этих пристрастиях мы судим сейчас все-таки, как это ни парадоксально, по лучшим образцам их знаменитых создателей-зодчих. Но однажды мне попались гравюры конца XVIII – начала XIX вв. с видами провинциальных российских городков, где присутствовали изображения храмов в стилистике провинциального барокко. И я, наверное, первый раз поймал себя на крамольной мысли, что некоторые храмы вообще не стоило бы сохранять, такая это была ярмарка безвкусицы. Да и сейчас далеко не от каждого храма ощущение, что это шедевр. Но мы, как правило, судим о стиле и эпохе по шедеврам.

Теперь о современности. Я все-таки обращусь к практике проектирования католических храмов. Там все постоянно, очень смело экспериментируют, делают это, можно сказать, отважно. И опять о лучших образцах: всем известен Ле Корбюзье и его капелла в Роншане. Сам он – неверующий, невоцерковленный человек. Но создал шедевр, уникальную работу: ни до, ни после в его проектах ничего похожего не было. Постройка действительно гениальна, она очень красива, она словно вырастает из окружающей природной среды, органично сплетаясь с ней в единый ансамбль. Архитектор Ричард Мейер – человек, далекий от религиозности, лет 15 назад создал храм. Это в хорошем смысле чистый, светлый, добрый образ.

Может ли быть таким православный храм? Если архитектурная функция не так уж привязана к сложившемуся видению – тогда да, почему бы и нет? Новые тенденции в архитектуре оказываются зачастую гораздо более жизнеспособными, чем мы думаем. Аристотеля Фиорованти, которого в свое время тщательно выбирали, привезли в

Россию и заставили посмотреть лучшие образцы, прежде чем проектировать храмы. Что у него получалось? Посмотрите внимательно на Успенский собор Московского Кремля – классическая итальянская архитектура адаптированная к функции – и соотношения, и пропорции, и лекала... И еще вопрос: почему, собственно, только храма? В огромном количестве случаев он является, хоть и доминирующей, но частью целого комплекса. В Иркутской области сейчас проектируются два таких объекта. Интересно, что получится у архитекторов с православной гимназией для мальчиков возле Князе-Владимирской церкви и на родине Свяителя Иннокентия Вениаминова в Анге...

Теперь о профессии архитектора сегодня. Грустно, но у нас сегодня она деградирует, во многом «благодаря» принятию Болонской хартии и соответствующего обучения. Есть у нас проблемы с качеством системы высшего образования. Соответственно – есть проблемы и с архитектурной практикой. Не самые лучшие тенденции мы наблюдаем в настоящее время.

И в этой ситуации православная церковь – та скала, которая держит удар на протяжении многих веков, сплачивая людей. Я думаю, что когда появится гениальный зодчий, который сделает нечто выдающееся, православная церковь это событие примет: выдающиеся, в хорошем смысле слова яркие символы ей свойственны, это бесспорно. Тем более, что это будет одним из высших проявлений души и веры. А вера – это единственное, на чем все держится.

Никто не говорит о том, что консерватизм – синоним отсутствия развития. Это развитие, еще какое развитие. Но, видимо, нужно время для роста, а пока вариации на тему храма – это, к сожалению, от незрелости, бедности и, увы, низкого уровня внутренней культуры. Кстати, настоящий профессионализм бездуховным быть никак не может!

Отец Алексий говорил о чувстве голода, которое знакомо всем. Я подумал, что чувство духовного голода тоже всем знакомо, но, мне кажется, не все умеют им руководствоваться. Надо научить людей извлекать уроки из духовного голода.

«Современное архитектурное решение образа православного храма»

Открытый профессиональный конкурс

текст

Ольга Франко

л М90052

Ежи Устинович – руководитель авторского коллектива

Марфа Устинович

Ежи Новосельский

Григорий Романович

Камил Бзура

Томаш Рубин

л В15037

Шипков Владимир

Олегович

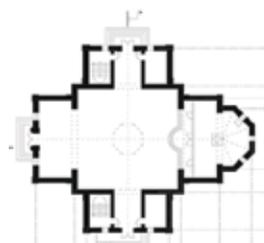
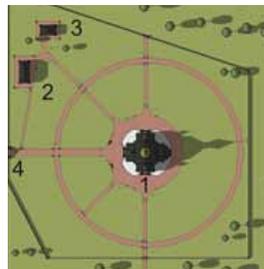
Конкурс был объявлен 24 сентября 2013 года Союзом архитекторов России и Союзом благотворительных организаций России при поддержке Московского патриархата Русской православной церкви. Участникам конкурса было предложено создать проект православного храма, учитывая современные эстетические, технические, инженерные условия, но соблюдая при этом необходимые религиозные каноны.

Прием работ завершился 29 ноября 2013 года. Всего от архитекторов из России, Украины, Польши, Латвии и других стран поступило 111 проектов. Десять лучших проектов было отобрано авторитетным жюри, в которое вошли народный архитектор РФ В.Д. Красильников, президент Союза благотворительных организаций России П.А. Ищенко, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, наместник московского Сретенского монастыря. Тихон (Шевкунов), другие известные российские архитекторы и деятели православной церкви.

19 декабря в Центральном доме архитектора состоялось вскрытие девизных конвертов и обсуждение итогов конкурса (список лауреатов прилагается).

Выставка победителей конкурса прошла в рамках фестиваля «Зодчество-2013», который состоялся с 23 по 24 декабря в Гостином Дворе. Было принято решение помимо 10 премированных работ отметить 10 работ дипломами Союза архитекторов России. Проекты-победители будут собраны в отдельный альбом и рекомендованы для реализации приходам Русской православной церкви.

Авторы проектов-финалистов награждены премиями в размере 100 000 рублей и поездкой на Святую землю. В путешествие отправится и журналист, наиболее активно освещающий ход конкурса.

Комментарии организаторов и членов жюри

Комментарий к конкурсу дал протоиерей Леонид Калинин, член Патриаршего совета по культуре, член Союза художников России, председатель экспертного совета конкурса:

«Главным критерием ценности архитектурных поисков современных зодчих является духовность их произведений. Не случайно в самой среде архитекторов возникла мысль пригласить для участия в экспертном Совете священнослужителей.

Мне выпало такое послушание – как священнику и как художнику одновременно. В этом послушании главное – чувствовать красоту как материализацию Святого Духа в архитектурных формах.

Человеку Церкви легко жить в послушании: ты, чувствуя себя частью Тела Христова, принимаешь послушание не как повинность, но как благодатный труд во Славу Божию в составе целого большого организма, частью которого являешься.

В Церкви, по слову Апостола Павла, есть разные служения. В Первом Послании к Коринфянам святой Апостол пишет: «...4. Дары различны, но Дух один и тот же; 5. и служения различны, а Господь один и тот же; 6. и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. 7. Но каждому дается проявление Духа на пользу».

Духом Святым через людей, живущих в Нем, творились великие произведения: Священное писание, иконопись, церковные песнопения, церковное зодчество. По другому быть не может: если не Духом Святым, то каким же? И какова может быть ценность для Церкви того, что сотворено вне благодатного действия Святого Духа?

Времена меняются, меняются и облики, и формы. Не меняется только Сам Бог, которому мы служим и Которого стремимся прославить в «современных» архитектурных формах. От того, насколько получилось это Прославление, и будет зависеть итоговая оценка представленных проектов».

Л А23107

Шошин Анатолий
Викторович

Соколова Татьяна
Борисовна

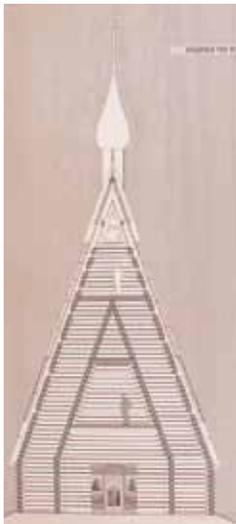
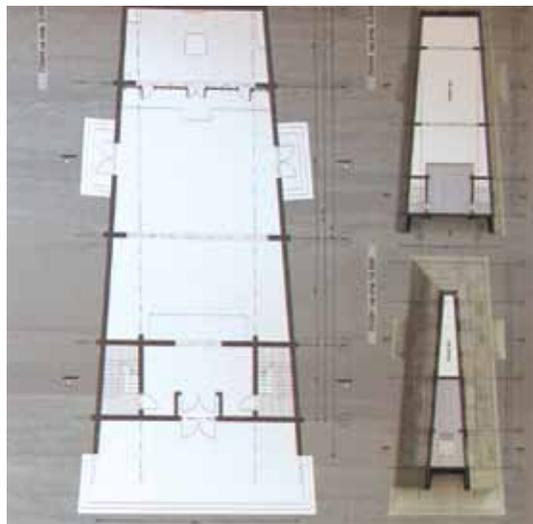
Требунских Андрей
Валерьевич

в К70300

Лебедев Андрей
Михайлович

Лебедева Ольга
Владимировна

Л A23675
Антон Сергеевич
Литовский

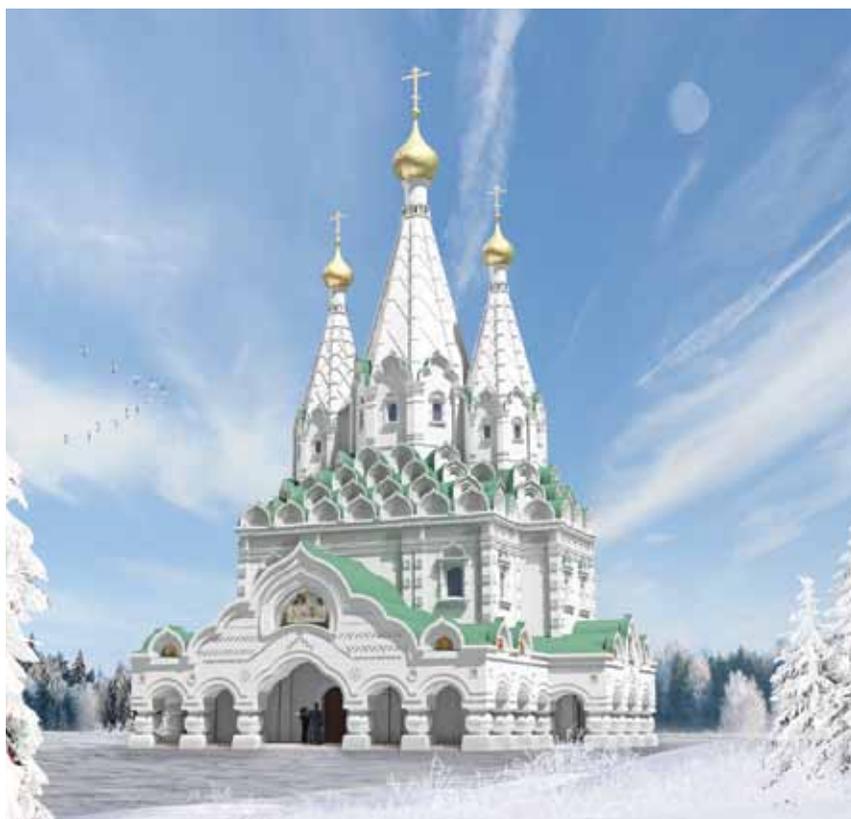
Л A00988
Афуксениди Федор
Иванович – руководитель
авторского коллектива
Харченко Андрей
Сергеевич
Уласевич Вячеслав
Антонович
Картаси Афанасий
Иванович
Воронова Елена
Вячеславовна

Президент Союза благотворительных организаций П.И. Ищенко: «Не секрет, что многие считают, что православное зодчество достигло совершенства, законченности, и в дальнейшем развитии не нуждается. С этой точкой зрения не согласилось руководство Союза архитекторов России. Профессиональное сообщество поддержало Союз – на конкурс было подано 114 работ».

Протоиерей Андрей Юревич: «Представленные на конкурс проекты совершенно разные: есть и традиционные, а есть и храмы уже не XXI, а даже XXII века. Есть вещи

интересные с точки зрения поиска современного образа храма, а есть крепкие, традиционные».

Председатель жюри В.Д. Красильников сказал, что «была поставлена задача провести конкурс наиболее демократично. Мы коснулись очень деликатной темы — храмовой архитектуры. Мы предпочли вручить не одну, а 10 равных премий, чтобы отразить тенденции современного храмового строительства. Кроме того, мы выбирали не только проект, но и автора, который в будущем может быть привлечен к дальнейшей работе в этой тематике».

R19179
Рогожников Александр
Николаевич

Аннотация

В статье идет речь о новых культовых сооружениях, построенных на территории столицы Бурятии, в Улан-Удэ, в конце XX – начале XXI века. Дается информация об их месторасположении, кратко описывается внешний облик и характер постройки. Дается небольшая историческая справка.

Ключевые слова

Бурятия, дацан, Улан-Удэ, культовые сооружения, мечеть, староверы, храм, церковь.

> Рис. 1. Католический приход Святейшего Сердца Иисуса

Новые культовые сооружения в столице Бурятии Улан-Удэ

ТЕКСТ

Светлана Макотина

В Бурятии мирно соседствуют буддизм, шаманизм, православие и старообрядчество, мусульмане и католики, мормоны и протестанты. Сразу вспомнился Октябрьский район города Улан-Удэ, здесь на проспекте Строителей в течение последних десяти лет были построены сразу три разных культовых здания: католический приход Святейшего Сердца Иисуса, церковь Христиан Веры Евангельской «Путь Веры», храм буддийской общины, дацан Дхарма. Вокруг расположился жилой район, молодой и развивающийся округ Улан-Удэ. По соседству с храмами находится большая городская зеленая зона отдыха с детским городком и аттракционами, а также очень популярный у горожан торгово-развлекательный комплекс «Пипл-парк». Эта близость несколько не смущает настоятеля католической церкви отца Адама. **По его словам, это очень неплохо, так как и раньше, в Средневековье, храмы тесно соседствовали с торговыми и развлекательными учреждениями, там где больше бывает людей, там хорошо живется церкви.** История католической веры в Улан-Удэ насчитывает много лет. В 2009 году произошло торжественное празднование в честь столетия открытия первого католического храма на бурятской земле (рис. 1).

Строительство протестантской Церкви Христиан Веры Евангельской «Путь Веры» растянулось на десять лет, работы по благоустройству территории не завершены до сих пор. Церковь необычна по своему формообразованию, в основании ее лежит десятигранная призма, накрытая многогранной почти плоской крышей. Завершением сооружения служит фонарь под полукруглым куполом и большой крест. Рядом, над пристроем, возвышается шестигранная колокольня со складчатой крышей с крестом (рис. 2).

Бурятия – центр российского буддизма. В главном буддийском храме страны – Иволгинском дацане – находится резиденция главы Буддийской традиционной Сангхи России Пандито Хамбо-Ламы Дамбы Аюшеева. Здесь же находится самый крупный в стране университет Даши Чойнхорлин, где будущие священнослужители постигают основы буддийской философии, изучают восточную медицину, этнографию, тибетский, старомонгольский и бурятский языки, а также иконографию, основы тантризма и медитации. За последнее время в столице Бурятии построено много буддийских хра-

мов. Два самых известных представлены в нашем списке: дацан Дхарма и дацан Ринпоче Багша. Первый, как уже было сказано выше, располагается в самом центре жилого района, рядом с широкой магистралью, перинатальным центром и рынком. Этот храм является центром не только городского района, его также посещают прихожане из других городов и поселков республики (рис. 3).

Второй, дацан Ринпоче Багша, является настоящей гордостью столицы Бурятии, привлекает к себе многочисленных туристов и паломников. Месторасположение дацана РинпочеБагша достойно отдельного рассказа. Это самая высокая точка города, так называемая Лысая гора, с которой открывается прекрасный вид на город и его окрестности. Основателем дацана является достопочтенный Еше Лодой Ринпоче. Строительство начато в 2000 году с благословения Его Святейшества далай-ламы, при поддержке правительства Республики Бурятия. Торжественное открытие храмового комплекса состоялось в 2004 году. Дацан и его территория постоянно преобразуются и благоустраиваются. С двух сторон от главного входа в здание дацана установлены молитвенные барабаны (хурдэ) и большой буддийский Колокол Четырех печатей. В июле 2011 года в дацане состоялась торжественная церемония открытия зеленой парковой зоны ГорооутанаҺанайхаргы (обход святынь по направлению движения солнца, дорога долгой жизни). Закладка парковой зоны посвящена празднованию 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав России. Длина пешеходной дорожки парка около одного километра. На всем ее протяжении расположены двенадцать беседок соответственно числу лет цикла буддийского календаря. В июле 2013 года на территории храмового комплекса были открыты две священные буддийские ступы Примирения: восточная ступа Долгой жизни и западная ступа, служащая конференц-залом. Внутри восточной ступы размещены две алтарные галереи. В верхней галерее находятся статуи Будды Шакьямуни и рукописные буддийские изображения, украшенные драгоценными камнями. В нижней галерее располагаются статуи 1080 Божеств долгой жизни. Галереи доступны для посещения. Большая ступа Примирения имеет высоту 23 метра, в диаметре 14 метров. Территория храмового комплекса и здания Дацана открыты для всех и нацелены на то, чтобы, обходя

▲ Рис. 2. Церковь Христиан Веры Евангельской «Путь Веры»

▲ Рис. 4. Дацан Ринпоче Багша

▼ Рис. 3. Дацан Дхарма

> Рис. 6. Храм Покрова
Пресвятой Богородицы

✓ Рис. 5. Ступа Примирения

буддийские святыни, посетители обретали умиротворенность и душевное равновесие (рис. 4, 5).

Говоря о новых культовых сооружениях, расположенных в Октябрьском районе города, нельзя не упомянуть небольшую домовую церковь, построенную при улан-удэнском доме-интернате для престарелых инвалидов. Это храм Покрова Пресвятой Богородицы. Построен (и освящен) храм в 2005 году по проекту архитектора В.И. Сизова, по инициативе матушки Алефтины и Валентины Матвиенко. Возглавляет приход ключарь Петр Шестаков. Несколько лет назад домовая церковь Покрова Пресвятой Богородицы была передана в состав Улан-Удэнской и Бурятской епархии (рис. 6).

Продолжая тему православных храмов и вспоминая тяжелую долю старообрядцев на Руси, хочется обратить внимание на древлеправославные церкви Улан-Удэ. В замечательном месте, в одном из самых доступных и видных мест города на пересечении улиц Ткацкой, Боевой и Сахьянова по прошению прихожан древлеправославной церкви, городская администрация выделила 50 соток земли под строительство храма старообрядцев. Строили храмовый комплекс Рождества Христова с церковью Великомученицы Варвары долго, в несколько этапов с 2000 года по 2013 год. До сих пор идут отделочные работы и благоустройство территории. В 2001 году была построена и освещена церковь Святой Варвары. В 2007 году в рамках Встречи старообрядцев мира был заложен первый камень в фундамент будущего большого храма Рождества Христова. Для его постройки в 2009 был устроен благотворительный марафон. Его организаторами выступили Русская древлеправославная церковь региональная общественная организация «Общество культуры семейских Бурятии», Министерство культуры Бурятии. Строительство большого храма продолжается и сегодня.

На территории храма силами прихода был построен дом для административных нужд, возведена церковная ограда, проведено водоснабжение, многое сделано по благоустройству церкви и благоустройству территории. Настоятель храма отец Сергей с особой благодарностью рассказал о художнике и архитекторе храма Сергее Баманчеве. На каждом богослужении будет возглашаться ектенья за «блаженных и приснопамятных создателей святого храма» (рис. 7).

< Рис. 7.
Древлеправославный
храм Рождества Христова
с церковью Святой
Великомученицы Варвары

Последней культовой достопримечательностью Октябрьского района Улан-Удэ для меня стала мусульманская мечеть. Монументальное здание из красного кирпича стоит на высоком берегу реки Селенги. Два высоких минарета с синими куполами, как стражники, охраняют территорию мечети. Стены мощного забора и чугунные кованые ворота создают впечатление неприступности, однако встреча и разговор с имамом оказались очень приятными и открытыми. Архитектором мечети стал местный автор Геннадий Федорович Хунхенов. Мечеть в столице Бурятии строили «народным методом», долго искали участок под строительство, и лишь в 2007 году удалось найти территорию в районе улицы Бабушкина. Строительство началось в 2008 году и завершилось в 2011. Минареты были достроены в 2013 году. В настоящее время в мечети ведется преподавание арабского языка, корановедения и основ ислама (рис. 8).

Далее наш путь лежал в Железнодорожный район города. В местности Шишковка, на территории бывшего кинотеатра «Восток», возвели красивое современное здание. Помещение кинотеатра долгое время находилось в заброшенном состоянии, его снесли и построили молитвенный дом мормонов – церковь Иисуса Христа Святых последних дней. Приходы мормонской церкви существуют почти во всех странах мира, церковь ведет активную миссионерскую деятельность в 162 странах. Участок для нового молит-

венного дома был приобретен около четырех лет назад вместе со стоящим на нем зданием театра, 1961 года постройки. Земельный участок расположен на пологом склоне холма с видом на долину Улан-Удэ, где сливаются реки Селенга и Уда. В феврале 2010 года было торжественно объявлено о строительстве храма. В настоящее время высокое здание из красного кирпича стало достопримечательностью отдаленного и довольно запущенного района Улан-Удэ. Рядом с церковью находится средняя общеобразовательная школа и большой малоэтажный жилой массив. В облике сооружения узнаются мотивы административных зданий, стоящих на центральной площади Советов в городе Улан-Удэ. Это многоступенчатость постройки и завершения в виде башенок со шпилем. На боковых фасадах присутствуют элементы бурятского орнамента (рис. 9, 10).

В завершение нашей необычной экскурсии по столице Бурятии вернемся к центральному железнодорожному вокзалу на станции Улан-Удэ-пассажирский, недалеко от которого в 2006 году построили православный храм в честь святителя Николая Чудотворца. Еще в 2002 году ветераны-железнодорожники Улан-Удэнского отделения ВСЖД предложили начальнику отделения А.С. Кореневу построить вблизи ЖД вокзала небольшую часовню. Спустя два года начальником ВСЖД А.Г. Тишаниным было принято решение о строительстве храма. Возведение храма стало возможным

< Рис. 8. Мусульманская
мечеть

Л Рис.10. Дом радио на площади Советов в Улан-Удэ

Л Рис. 9. Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней

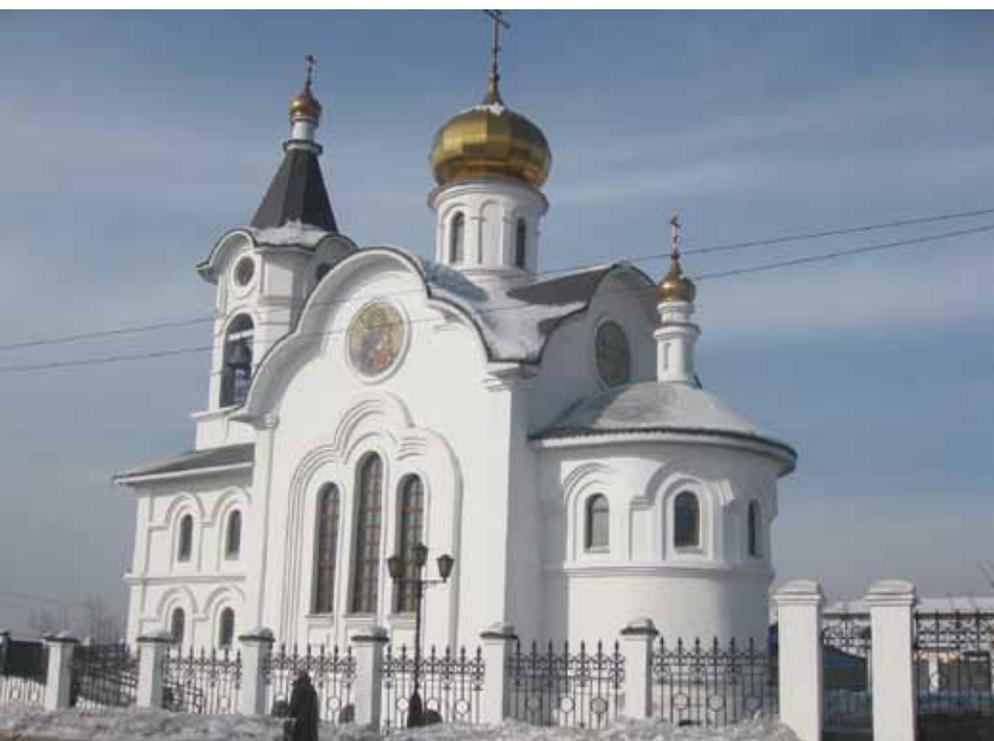
благодаря пожертвованиям железнодорожников Улан-Удэнского отделения ВСЖД. Авторами проекта стали уже известный нам архитектор В. И. Сизов, начальник проектной группы С.Б. Карпов, главный инженер проекта С.И. Камышев (Иркутскжелдорпроект, ПСГ-3), работа велась при участии первого настоятеля храма священника Евгения Старцева. 2 августа 2006 года состоялось освещение храма Святителя Николая Архиепископа Мирликийского. Храм освящен архи-

рейским чином, управляющим Читинской и Забайкальской епархии епископом Евстафием. Здание церкви белого цвета с золотыми куполами и живописными круглыми плафонами на фасаде привлекает внимание гостей города. Приятно войти в храм и помолиться о дальней дороге, ведь, как известно, святитель Николай Чудотворец является покровителем всех путешественников (рис. 11).

У Рис. 11. Приход храма Святителя Николая Архиепископа Мирликийского

Литература

1. Геше-лхарамбаТензин Лама. Дацан Ринпоче Багша: реликвии и хуралы. – Улан-Удэ: Изд-во Ринпоче Багша, 2010. – 52 с.
2. Древлеправославная церковь в Бурятии / сост. С. П. Петров. – Улан-Удэ, 2010. – 48 с.: ил.

Новые храмы Улан-Удэ

Материал подготовила Светлана Макотина

Культовые сооружения	Название	Адрес	Коллектив архитекторов	Годы постройки
Католический храм Настоятель храма отец Адам	Местная религиозная организация «Римско-католический приход Святейшего Сердца Иисуса»	Улан-Удэ, проспект Строителей, 3	Бурятгражданпроект: директор Грязнова Н.И., Главный архитектор проекта Сизов Валентин Иванович, Ершов Илья Николаевич Главный инженер проекта Можин Максим (Премия на конкурсе «Зодчество»)	Год постройки 2003, освещение – 2005
Протестантский храм Настоятель храма пастор Сергей	Церковь Христиан Веры Евангельской «Путь Веры»	Улан-Удэ, проспект Строителей, 7а	Архитектор Дарижапов Дмитрий «Бурятгражданпроект»	2006
Буддийский храм	Улан-Удэнская местная религиозная организация буддийской общины Дхарма, дацан Дхарма	Улан-Удэ, проспект Строителей, 46	Архитектор Доржиев Зорикто Дариевич ОО Творческая мастерская «Улан-Удэ Архпроект»	Год постройки 2005, открытие 6 апреля 2005
Буддийский храм Ело Ринпоче	Дацан Ринпоче Багша Ступы Примирения	Улан-Удэ, ул. Стрелецкая, 1 (Лысая гора) www.yelo-rinpoche.ru	Бадмацыренов Батор Батомункуевич Агропроект	2004 год Ступы построены в 2013 году
Мусульманский храм Председатель Нургалиев Абдульбасыр Василович	Улан-Удэнская местная религиозная организация мусульман Соборная мечеть	Улан-Удэ, ул. Бабушкина, 156 а	Хунхенов Геннадий Федорович, ООО «БИАР СТУДИО»	2008–2011 Минареты построены в 2013 году
Православный храм Настоятель храма Иерей Олег Исаев	Местной православной религиозной организации приход храма Святителя Николая Архиепископа Мирликийского, Улан-Удэнской Бурятской епархии РПЦ (Московский патриархат)	Улан-Удэ, ул. Революции 1905г., 56 а	Иркутский Желдорпроект, ПСГ-3 Архитектор Сизов Валентин, Начальник группы Карпов, Главный инженер проекта С.И. Комышев, куратор проекта священник Евгений Старцев	2005–2006
Древлеправославная церковь Настоятель храма отец Сергей	Церковь Святой великомученицы Варвары	Улан-Удэ, ул. Ткацкая 2	ОАО «Бурятпроектреставрация» Архитектор Сергей Баманчев	2007–2013 2000–2001
Православный храм	Свято-Покровский храм	Улан-Удэ, ул. Мокрова, 20 а	Архитектор В.И. Сизов По инициативе Валентины Матвиенко	Построен и освещен в 2005 году
Православный храм	Свято-Ильинский храм	Улан-Удэ, Авиазавод ул. Краснодонская, 10		2004
Мормонская церковь	Церковь Иисуса Христа Святых последних дней	Улан-Удэ, ул. Чертенкова, 102 б	Руководитель проекта Андрей Баженов; директор строительной организации СТАМСтрой Сергей Цыдыпов	2010–2013
Христианская церковь Пастор Виктор Калмынин	Христианская пресвитерианская церковь Церковь Улан-Удэ	Улан-Удэ, ул. Ключевская, 4 д		1997
Православный храм	Церковь иконы Иверской Божьей матери	Улан-Удэ, 110-квартал, 2 а		

Храмы: проекты и реализации

Интервью с архитектором Владимиром Стегайло

В процессе подготовки материалов номера «Храмы XXI» члены редколлегии журнала провели ряд бесед с иркутскими архитекторами, имеющими опыт проектирования храмов. Марина Ткачева встретила Владимира Стегайло. Краткое изложение этой беседы мы приводим ниже.

МТ Сегодня архитектура храмов примерно на том уровне, где она была лет сто назад. Но тогда, кроме проектирования гражданских сооружений, в программу подготовки студентов-архитекторов входило и проектирование храмов, а в архитектурной среде была достаточно сильная и отчетливая тенденция к инновациям, о чем много раз говорилось.

ВС Сегодня в храмостроении нет целостного, общего видения проблемы храмостроения. Кроме того, личность архитектора в храмостроении не является главной; более важной оказывается вера в Бога и идея Бога. Когда мы начали проектировать храмы, то пережили процесс глубокой ломки: имеем ли мы моральное право кому-либо что-то навязывать в области понимания духовности и веры? Мне кажется, что нами еще не пройден путь глубинного понимания исторического наследия, а вы говорите о новых тенденциях! Про себя могу сказать, что я еще не проникся тем, что делали предыдущие поколения. Пока мы не почувствуем, насколько являемся проводниками чего-то более серьезного, чем авторская идея, с храмами ничего не получится. Об этом мне говорит личный опыт. Кроме того, первый, естественный шаг – сохранять и восстанавливать, реставрировать те храмы, которые сегодня находятся подчас в ужасающем состоянии. Тогда создание новых храмов окажется более осмысленным. В Иркутске было более 100 храмов. Надо пытаться их восстановить. Это будет правильно, и тогда создание новых храмов станет более осмысленным.

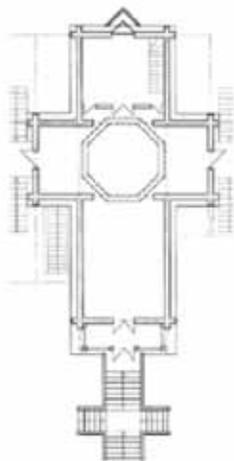
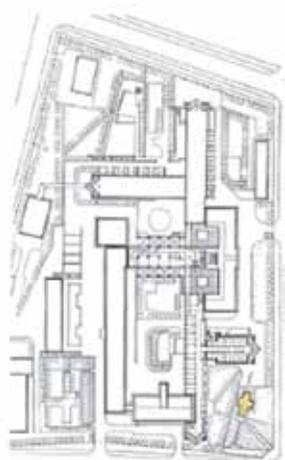
МТ Как складывается союз архитектора и РПЦ? Насколько современны те принципы, на которых настаивает заказчик? Каковы результаты этого союза?

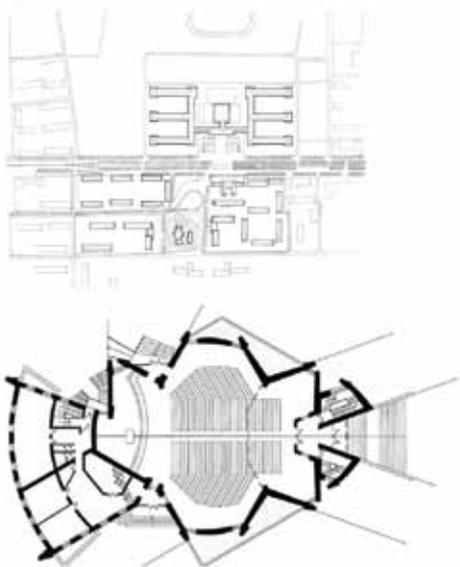
ВС Можно ли считать сегодня заказчиком для строительства храмов городское сообщество? Мне кажется, оно не будет стимулировать этот процесс. РПЦ также не всегда выступает непосредственным инициатором. Обычно она не возражает против инициативы спонсо-

ров строительства. Так было с восстановлением Входа-Иерусалимского храма. То же произошло и с храмом Ксении Петербургской для детской больницы. Я был одним из авторов реконструкции больницы и, разговаривая с врачами, чувствовал ее функцию, настроение, «дух места». Для меня это не просто здание, а больница именно для детей. Когда появился петербуржец В. Матюшков, который предложил построить на ее территории храм, его предложение оказалось естественным и для нас, и для больницы. Было очень много споров и относительно размеров, и относительно формы и материалов. Мне было приятно, что мое видение деревянного храма как сооружения теплого, традиционного, «детского» нашло понимание. Храм задумывался как гармоничное, чистое по форме сооружение. И иконостас, и стилистика восходят к иконописи XIV–XVI веков. Мы доказывали, что это и есть органичный для данного случая стиль. И действительно, в интерьере ощущается это единство. Мы спроектировали храм из крупных бревен, даже на лесосеки выезжали, чтобы выбрать материал. То есть архитектор не просто нарисовал, а буквально руками пощупал каждый элемент. Для меня это была серьезная школа жизни. Потом, уже без нас, храм стали достраивать, появились декоративные элементы... Но даже они не исказили первоначального замысла.

МТ На какой период Вы ориентируетесь, когда соглашаетесь на проектирование храма?

ВС У меня нет полной уверенности, что сейчас надо переходить к современным формам; надо проникнуться тем, что уже было. Архитектор считает себя носителем какой-то традиции, но и сама традиция храмостроения должна сложиться. А этого сегодня еще нет. Поэтому я ориентируюсь на аналоги XIV–XVI веков. Понятно, что потом было много стилей, но пока я склоняюсь к этим формообразующим принципам. Если бы мы не перескакивали почти через сто лет навязанного атеизма, может, формообразование храма было бы другим. 25 лет возобновления храмостроительства – это мало, чтобы в нем появились новые идеи. Ведь строительство храма – это не персональное дело личности, это историческая линия развития религии, общества. И вдруг в XXI веке приходит кто-то и начинает настаивать на своем

индивидуальном видении. Я поддерживаю идею восстановления храма Христа Спасителя именно потому, что – пусть с некоторыми конструктивными поправками – был восстановлен его исторический облик. Но главное – был восстановлен его исторический архитектурный облик.

МТ Какие идеи XIV–XVI веков Вам особенно близки?

ВС Духовность, чистота форм, образ, который влияет на человека, внутреннее пространство, которое поддерживает религиозное состояние – больше ничего и не надо, «мишур» там не должно быть.

МТ Вам доводилось проектировать не только православные, но и католические храмы. Как Вы ощущаете разницу в своем состоянии при их проектировании?

ВС Православные храмы консервативны в отношении новых архитектурных форм, в них, по большей части, сохраняются канонические элементы архитектуры. А в католических храмах, сохраняя их канонические функции, часто модернизируют внешние формы. Поэтому наш храм Сердца Божией Матери имеет массу определенных канонических элементов в плане и функциях, но современен во внешнем облике, пластике, он ассоциативно связан с образом складок покрывала Божией Матери. Одновременно в нем есть нечто от романской архитектуры. Нам кажется, что католический храм получился. Мы погрузились в тему, смотрели, изучали. Нам помогал польский архитектор. При проектировании мы искали видовые точки, рассчитывали место храма в пространстве города. Это была общественная территория. Но в дальнейшем произошла градостроительная ошибка. Недавнее строительство торгово-развлекательного центра – не только градостроительная, но и противоправная ошибка. Разрушена площадь, а торговый центр повернут к храму, извините, задом, перекрыты все видовые точки. О чем думали новоявленные проектировщики – совершенно непонятно! Где было городское сообщество? Почему не протестовал никто, кроме жителей соседних домов? Мы приходили в технический университет, дошли до ректора. Мы встретили равнодушные. А если сообщество молчит – возможно все.

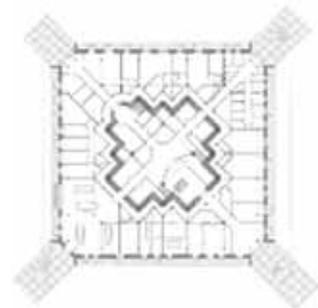
МТ Вы участвовали в архитектурных конкурсах на проекты храмов. Как они проводятся? Каким образом реализуются проекты-победители?

ВС Мы участвовал в конкурсе на проект храма Александра Невского. В проекте были элементы новизны, мы делали шаг к современному решению при всей кажущейся историчности и консерватизме. Мы сами считали свою попытку не очень современной, а владыка и другие священнослужители сочли ее чересчур авангардной. Мы предложили применить витражные конструкции, элементы остекления, которые бы придавали воздушность внутреннему пространству. Александр Невский – воин, и поэтому решили использовать образ шлемов в облике храма. Нам казалось, что щиты на фасаде ассоциативно связаны с его воинским подвигом. Первое место мы не получили, хотя победивший проект мне не нравится: в нем прочитывается эклектичность и какая-то стилистическая нечистота.

МТ Какова роль архитекторов как экспертов в проведении этого конкурса?

ВС Архитекторов в комиссии было немного; решающее слов имели представители епархии. Настораживает дальнейшая судьба проекта: даже проект-победитель не стал базовым для воплощения. На этом холме с системой пандусов, подходов стоял храм чистый по форме, монументальный и цельный в плане, правильно ориентированный алтарем на Восток. Мне показалось, что проект, взятый для строительства, на 90 процентов содержит наши идеи. Мне не очень нравится, что кто-то украл наши идеи, особенно если это связано с таким богоугодным делом, как храм. Конечно, нам хотелось бы самим участвовать в реализации проекта. Это не просто жалоба одного архитектора на другого. Но есть вещи, которые делать нельзя!

Конечно, проектирование и строительство храмов – это только один из многих элементов градостроительства. Печально, что в процессе градостроительства городское сообщество практически не участвует. Тогда неудачные градостроительные решения терзают город, а сиюминутные интересы не имеют связи с перспективным планированием и стратегическими целями его развития. Интересами комплексного развития Иркутска.

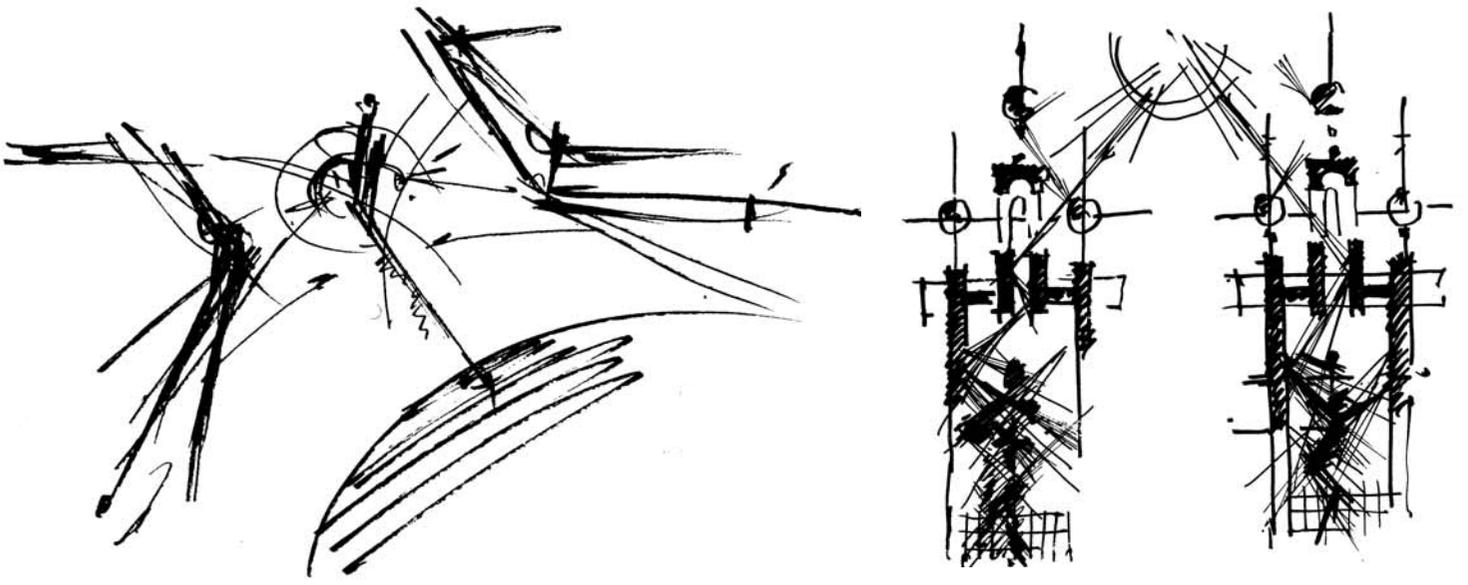

Новые храмы Иркутска

Материал подготовила Александра Кострубова

Культовое сооружение	Название/настоятель	Адрес	Архитекторы	Годы постройки
Католический храм 	Католический собор Непорочного Сердца Божией Матери, настоятель отец Владимир	Иркутск, ул. Грибоедова, 110	А. Хвалибог, В. Стегаило, О. Бодула	1999–2000, освящен 8 сентября 2000 г.
Православный храм 	Храм Рождества Христова, настоятель протоиерей Сергий Герашенко	Иркутск, ул. Мира, 122. На месте падения самолета «Руслан»	А. Яковлев	1998–1999, освящен 1999 г.
Православный храм 	Храм Святых Мучениц Веры, На- дежды, Любви и матери их Софии, настоятель протоиерей Владимир Кокорин	Иркутск, ул. Байкальская, 165 в	А. Красильников, В. Горбенко	2007–2008, освящен 30 сентября 2008 г. Подробнее см. ПБ23, с. 139
Православная 	Армянская апостольская церковь	Иркутск, ул. Байкальская, 37/1	А. Папанян, Р. Селиванов	2004–2008. Подробнее см. ПБ23, с. 138
Православный храм 	Свято-Никольская церковь, настоятель протоиерей Евгений Копысов	Иркутск, ул. Пискунова 146/3	Ф. Каштял (начало XX в.)	Освящен 2008 г.
Православный храм 	Храм Александра Невского, настоятель протоиерей Марк Косолапов	Иркутск, ул. Якоби, 3		Освящен 27 апреля 2000 г.
Православный храм 	Храм Касперовской Иконы Божией Матери, настоятель протоиерей Алексий Середин	Иркутск, ул. Лесная, 145		Освящен 2005 г.

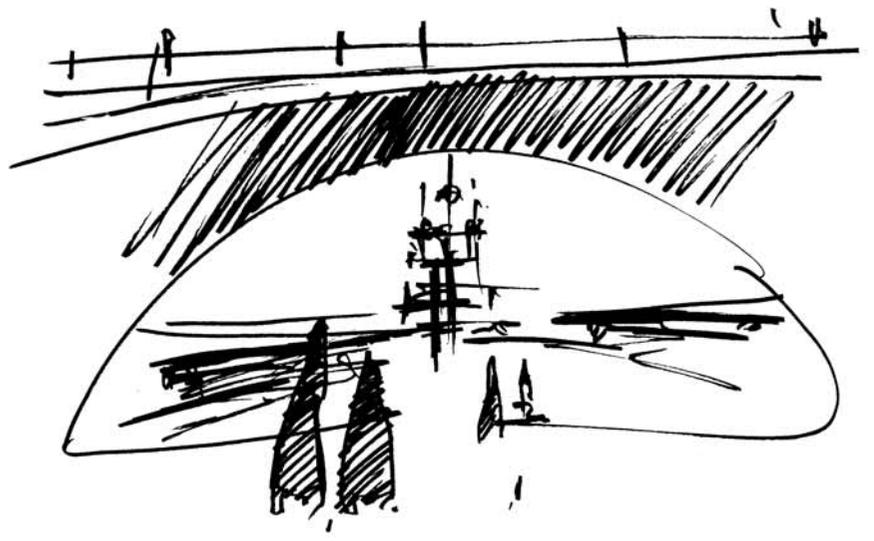
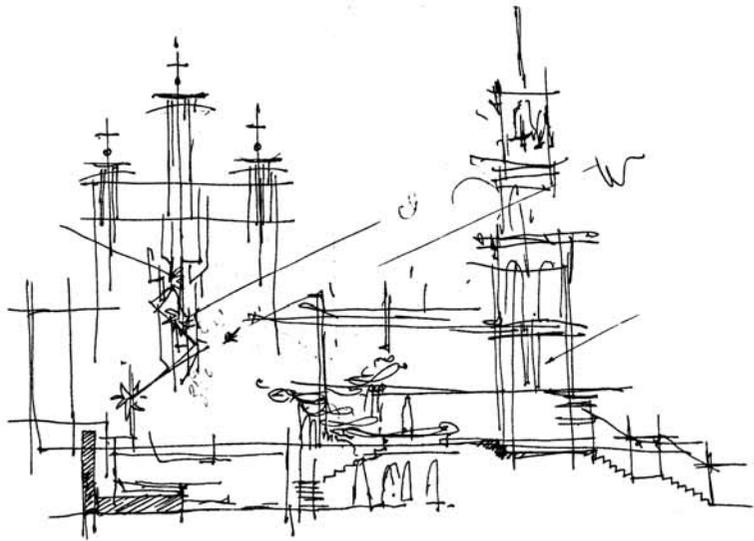
Культовое сооружение	Название/настоятель	Адрес	Архитекторы	Годы постройки
Православный храм домовый храм 	Храм во имя Святого Благоверного Великого Князя Дмитрия Донского	Иркутск, ул. 1-я Советская, 176 (на территории бывшего ИВВАИИ)		Освящен 5 ноября 2005 г.
Православный храм 	Храм Святой Блаженной Ксении Петербургской и Святого Праведного Иоанна Кронштадтского, настоятель протоиерей Александр Василенко	Иркутск, ул. Советская, 57а	В. Стегайло, О. Бодула	Заложен 4 августа 1997 г. 12 октября 2003 г. освящен придел Ксении Петербургской Подробнее см. ПБЗ, с. 54–55
Православная церковь 	Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, настоятель протоиерей Александр Василенко	п. Пивовариха Иркутского р-на	О. Бодула	2008–2011
Православный Храм	Храм Святого Сафрония	Иркутский р-н, с. Мамоны, ул. Раминского, 9а		
Православный Храм	Свято-Георгиевский храм, настоятель протоиерей Герман Кузнецов	Иркутского р-он п. Молодежный Подгорная 15		
Православная часовня	Часовня Двенадцати Апостолов настоятель протоиерей Филипп Макаров	Иркутск, б. Рябикова, 38		С 2012 г. Часовня, Осенью 2013 г. начато строительство церкви
Православный храм	Петропавловский храм, настоятель протоиерей Алексей Яковлев	Иркутск ул. Терешковой 24/1а		строится
Дом молитвы (церковь баптистов) 	Дом молитвы церкви Евангелистских Христиан-Баптистов	Иркутск ул. Кайская 5	О. Бодула	

На перекрестке

Интервью с архитектором Николаем Жуковским

Разговор с архитектором Николаем Жуковским на тему номера оказался непростым и растянулся на довольно долгий срок. В итоге он оформился в виде двух частей: собственно интервью, в котором возникли темы общего характера, и текст, написанный Н. Жуковским в качестве содержательной сопроводительной записки к проекту православного храма Святого благоверного князя Александра Невского в Иркутске.

МАРИНА ТКАЧЕВА Расскажите о вашем опыте проектирования православных храмов.

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ Во-первых, я не берусь обсуждать инновации современного храмостроительства как такового. В Интернете я нашел в основном критику так называемого модернизма в храмостроительстве. Я уже говорил на круглом столе в Иркутском доме архитектора, что идеи дипломников Строгановского училища начала XX века выглядят очень современно. В них я ощущаю легкость, изящество. Многие современные проекты ориентируются на тот период развития русской архитектуры, когда отличительными чертами православных храмов были устойчивость, плотность, приземистость, тяжеловесность. Я же стараюсь, чтобы в каждом моем проекте ощущалась легкость: здания не должны давить, они должны как бы висеть над землей, быть наполнены воздухом.

МТ Вспоминаются Айя-София, Пантеон – сооружение, где купол как бы парит над землей...

НЖ Тяжесть – это напоминание Средневековья, это как боевая поза защиты.

МТ Мне кажется, что эта черта присуща не только современной православной, но и католической архитектуре.

НЖ Мне бы хотелось предметно, в проектных решениях, обсудить не только особенности внешнего облика современных храмов, но и проблему условности восприятия распятия, возможно, отсутствия иконостаса... Когда мы работали над проектом храма в поселке Магистральный, я искал художников, которые пишут условно, неконкретно и даже не совсем канонично. Зато такими приемами можно воплотить образ благородного, чистого, обобщенного лика.

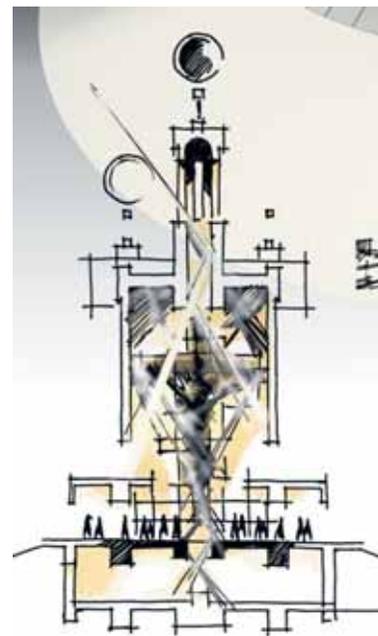
МТ Это хорошо вписывается в идеал иконописи XIV–XV веков.

НЖ Хочется вернуть в образ храма тему природы, ее естественных циклов. Солнце, дождь, ветер могут войти в сам ритм богослужения. Кроме того, у меня была идея использовать систему зеркал для создания сияния в храме, а многослойное стекло использовать так, чтобы «на просвет» они намекали на образ креста. Но проект не осуществился, и я задумался о влиянии стихий вообще на жизнь храма. Природные звуки, должным образом организованные, могут создавать особые образы. Акустика храма может тоже создавать такую звуковую среду, которая усиливает природные процессы. Тут, конечно, нужны эксперименты, чтобы отрегулировать и гармонизировать силу присутствия природы... Я для себя создал проект храма всех стихий. Только стоит ли об этом говорить?

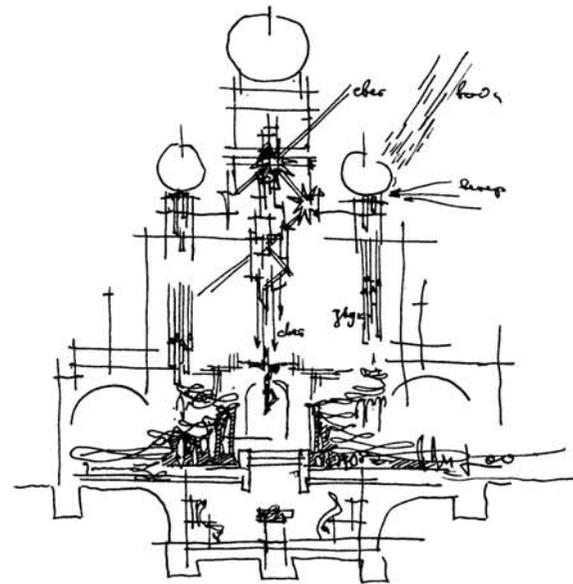
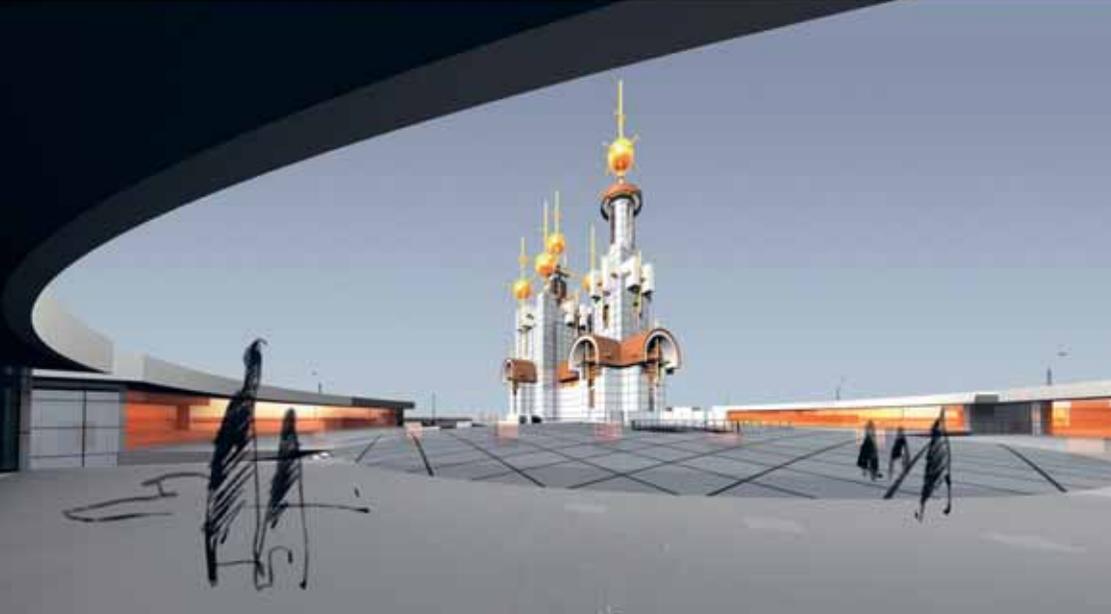
МТ Думаю, что стоит, ведь существует современное язычество, которое не перекрывается никакими мировыми религиями. Это устойчивая идея, целая эпоха в сознании человечества, когда поклонение и общение с силами природы составляли стержень культуры. И почему бы не дать слово тем людям, которые ощущают эту связь с природой? Мы уже писали о твоём проекте храма всех стихий (ПБ24).

НЖ Кое-какие идеи из него вошли в конкурсный проект православного храма Святого Благоверного князя Александра Невского. Я считаю, это был интересный опыт; в нем решались не только собственно архитектурные, но и градостроительные задачи.

МТ По сути дела, храм создается на перекрестке четырех «потоков»: религиозного – содержащего догматы и каноны православия, диктующего функции храма; гражданского – ориентированного на духовные запросы людей, их участие в церковной жизни; градостроительного – вписывающего храм в городское пространство; собственно инженерного – предполагающего систему чисто технических решений.

текст
Марина Ткачева

Православный храм Святого Благоверного Князя Александра Невского в Иркутске

Конкурсный проект

текст
Николай Жуковский

Авторы проекта исходили из признания важной функции храмов (не только православных) как градостроительных доминант. В проекте предложено разместить храм Святого Благоверного Князя Александра Невского в развязке городских магистралей, а не на предложенной ранее площадке, зажатой этими магистралями и находящейся в непосредственной близости от окон жилых домов.

Предпринята попытка градостроительными методами удовлетворить общественные, конфессиональные и утилитарные – транспортные потребности.

Проект предполагает устройство в районе поселков Иркутской ГЭС чуть приподнятой кольцевой развязки – актуальной и предусмотренной градостроительной документацией. Подход к храму не отсечен интенсивным потоком транспорта; о существовании транспортного потока можно только догадываться. Пешеходные дорожки от окружающих жилых массивов идут к храму с четырех сторон через парк. Они беспрепятственно из-под дороги, снизу вверх выводят на открытую центральную площадь перед храмом. Отсюда предполагается широкий выход к водоему, который в обряде крещения выполняет функцию купели.

Храмовый комплекс размещен внутри транспортного кольца чуть выше дорожного полотна. Необходимые для храма помещения (кельи, столовая, воскресная школа и др.) обращены окнами на центральную площадь, а коридором – к транспортному кольцу. Вместе с обильным озеленением и стоянкой автомобилей в санитарно-защитной зоне они защищают объекты от шума и загрязнений.

Архитектурное и объемно-планировочное решение полностью соответствует канонам и традициям православных храмов, однако его наружное и внутреннее решение основано на ассоциативном, образном восприятии объекта, что требует от прихожан активных интеллектуальных усилий.

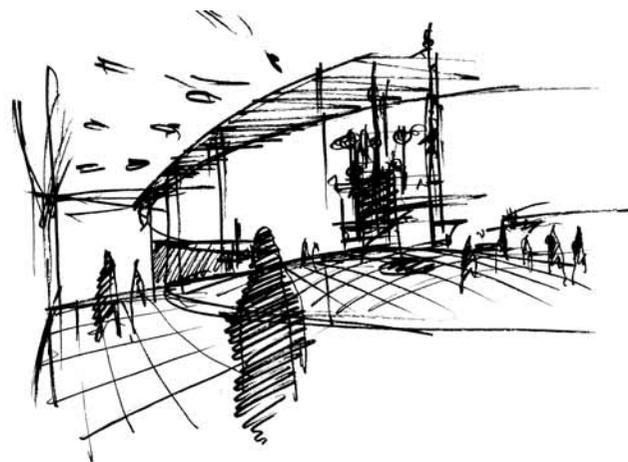
Образ Александра Невского символизирует воинский подвиг. Многоглавие зеркальных куполов в виде идеальных шаров и удлиненные стилизованные кре-

сты являются попыткой создания образа войска в походном режиме с поднятыми копьями.

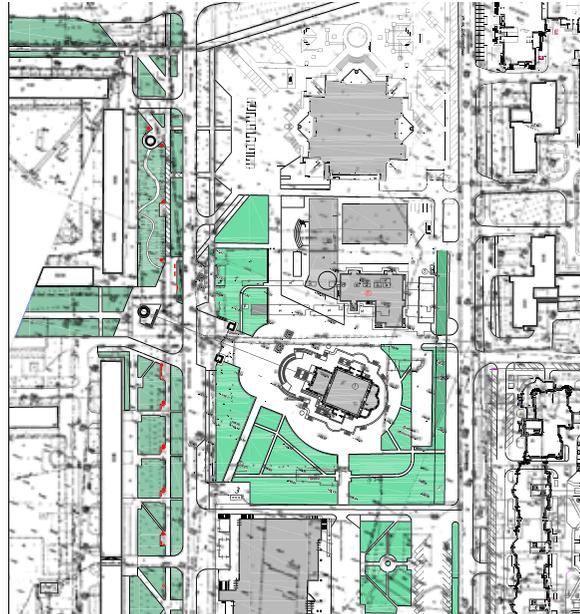
Храм сливается с природным окружением, становится его частью благодаря тому, что природные процессы включены в его бытие. Потоки ветра, усиленные двумя чашами под куполом, проходят через трубы различного диаметра. Дождевая вода, переливаясь через многочисленные чаши внутри помещения, вкупе со звуками ветра создают в пространстве храма организованную акустическую среду, благозвучную симфонию.

Световые лучи, проходя в определенное время дня и года в отверстие в барабане, отражаясь в многочисленных зеркалах, мгновенно озаряют солнечным светом пространство храма, а проходя сквозь многослойное стеклянное панно, выявляют сияющий образ распятия.

Погрузиться в пространство звука и света, ощутить восторг и благодать, неповторимость каждого мгновения, дня и года – вот истинная цель внутренней конструкции храма. Проект предполагал возвращение православных традиций в лоно природы, слияние с ней духа людей через проявления сил природы, которые не зависят от расписания, экономической ситуации и настроения человека, являющегося лишь тленной частью природы...

Храм Рождества Христова в Красноярске

архитекторы

Владимир Ульянов Татьяна Изотова

место строительства

Красноярск, ул. Щорса, 144а

заказчик

Общественный фонд содействия строительству храма Рождества Христова.

проектирование

МУП «Красноярскгорпроект», ООО «Красноярскпроект»
начало проектирования 2005 г.

строительство

ОАО «УС-604»

окончание строительства

2012 г.

Храм Рождества Христова размещается на правобережье Красноярска в рабочей слободе района Первомайка. Квартал в границах улиц Академика Павлова – Щорса – Добролюбова – Менделеева ранее предполагался для строительства общественного центра жилого района. В первые годы постсоветского периода участок был зарезервирован для размещения православного храма. К сожалению, строительство в начале девяностых годов не состоялось из-за отсутствия средств. В результате часть отведённой территории была передана для временного размещения продовольственного рынка. В мае 2003 года попечительский совет вновь активизировал работу по проектированию и строительству храмового комплекса. Но, к сожалению, реализация проекта по первоначальному градостроительному замыслу была уже невозможна. В мае 2005 года был заложен первый камень в фундамент храма Рождества Христова, а в сентябре 2012-го строительство было завершено и освящено святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом.

Храм Рождества Христова по типологии относится к приходскому типу и включает здание храма, православную гимназию, гараж и церковные киоски. По завершении строительства храмового комплекса в отведённых границах проектом предусматривается реконструкция благоустройства прилегающей территории с западной стороны храма и формирование Рождественского бульвара вдоль ул. Менделеева с возведением скульптурной композиции на православную тематику.

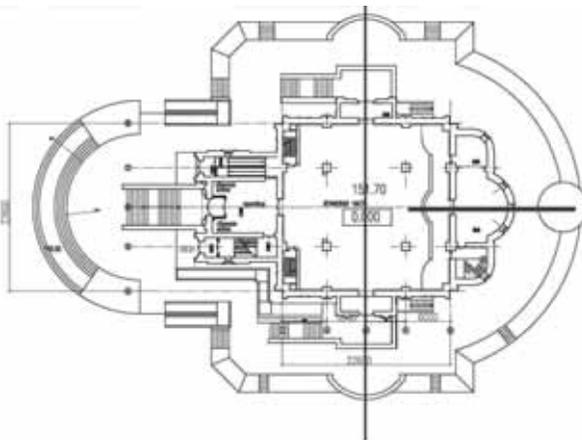
Архитектурная композиция храма построена с соблюдением следующих основных канонов и правил православия:

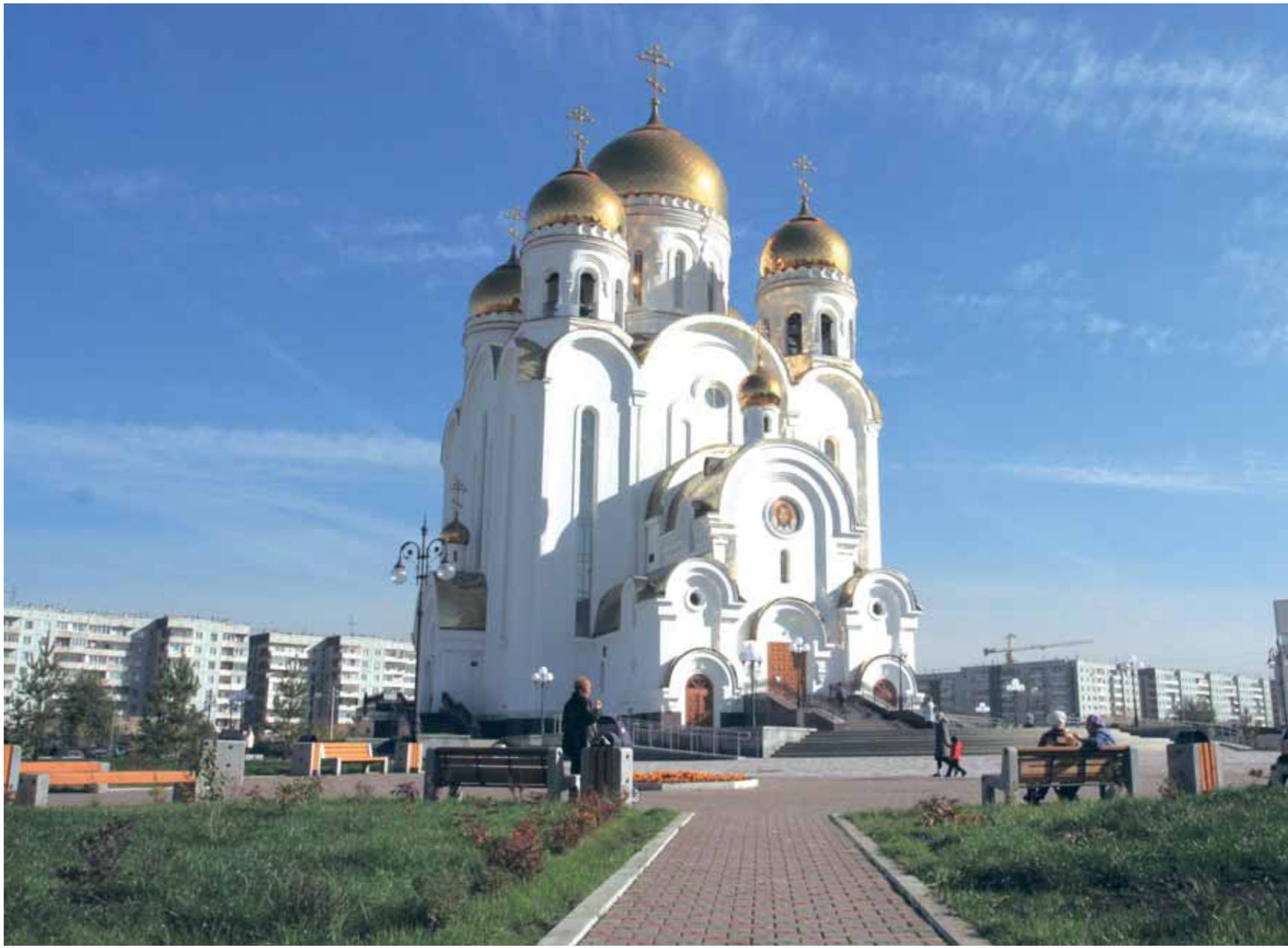
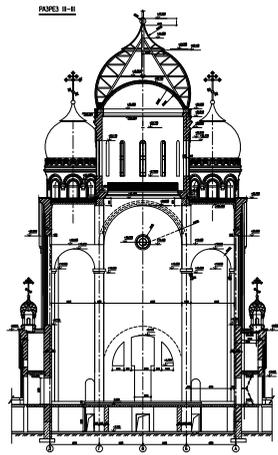
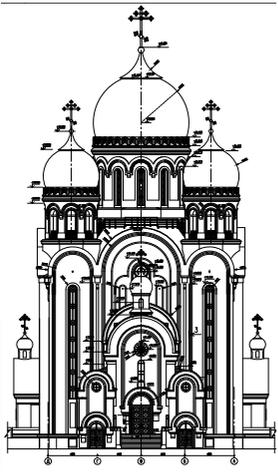
- трехчастная структура плана: алтарь – храм – притвор;
- кубическая форма средней части храма, увенчанная четырьмя главами полукруглого очертания и центральным куполом;

- лаконизм, строгая простота внешнего оформления и богатство внутреннего убранства храма, округлые, арочные формы в интерьере и на фасадах;
- соответствие наружных членений внутреннему декору здания;

Центральная храмовая часть имеет четырехстолпную конструктивную систему с арочно-сводчатой структурой перекрытия с размерами в плане 22x22 м. Высота храма до креста 47.00 м. В храме одновременно могут размещаться 1000 прихожан. Парадный вход с притвором по канонам православия строго ориентирован на запад. На отм. 3.90 находится балкон для хора. В притворе предусмотрены места для свечных киосков. В юго-западной и северо-восточной главках храма размещены две колокольни. Доступ на колокольни предусматривается с балкона по служебной лестнице на отм. 24.00.

В цокольном этаже находится нижний храм на 100 прихожан с возможностью проведения крещения и других церковных обрядов. По периметру наружных стен располагаются подсобные помещения священнослужителей.

Храмовый комплекс христианской церкви «Благодать»

проектирование

Сибирский проектный институт

авторский коллектив

архитекторы
А.И. Попов
А.П. Былков
С.М. Касьянов

Храмовый комплекс христианской церкви «Благодать» расположен в городе Ангарске Иркутской области северо-восточнее пересечения улиц Чкалова и Иркутской.

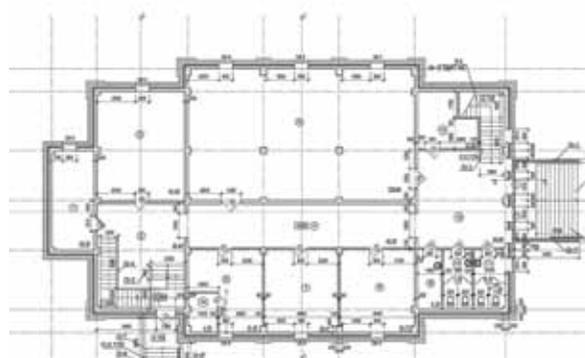
Участок находится на пересечении улиц Иркутской, Чкалова и Восточной – в одном из важных градостроительных узлов перспективного развития города. Место располагает к размещению социально значимого общедоступного объекта. Стилистическое и образное решение христианского культового здания призвано обогатить прилегающую территорию стандартной жилой застройки и внести вклад в духовное воспитание жителей города.

На первом этаже – зал молитв с вестибюлем и хором. Над вестибюлем в осях 2–3 расположен балкон.

В цокольном этаже – гардероб, холл, зал богослужения, подсобные помещения, санузлы и технические помещения. Наружная отделка – высококачественный лицевой кирпич, фрагментарно – штукатурка.

Храмовый комплекс включает – корпус 1 – основное здание для проведения церковных служб;

- корпус 2 – вспомогательное здание;
- хозяйственный блок.

Новые храмы Читы и Забайкальского края

Материал подготовила Евгения Крайнева

Культовые сооружения	Название	Адрес	Архитекторы	Годы постройки
 <p>Приходской храм</p>	Кафедральный собор в честь Казанской Иконы Божьей Матери	Чита, ул. Бутина, 6	В. Кулеш	2001–2004
	Часовня для воинской части ОМОН УВД Забайкальского края	Чита, ул. Туринская, 1	В. Кулеш	1997
 <p>Приходской храм</p>	Свято-Воскресенский храм и келья при храме	Чита, ул. 9 Января, 54	В. Кулеш	Деревянный храм – 1846 г. (сгорел в 1990 гг.), реконструкция и реставрация – 2000-е годы
 <p>Часовня</p>	Часовня во имя Пророка Илии	Чита, Старо-Читинское кладбище	В. Кулеш	2009
 <p>Приходской храм</p>	Храм во имя святителя Луки Симферопольского (Войно-Ясенецкого) при Медицинской академии	Чита, ул. Горького, 39 Б	В. Кулеш	2007–2014
 <p>Приходской храм</p>	Успенская церковь в с. Монастырское	Забайкальский край, Нерчинский р-н, с. Калинино (бывшее Монастырское)	В. Кулеш	1706–1712 Реконструкция – 2014 г.
 <p>Спасская церковь</p>	Спасская церковь	Забайкальский край, с. Курлыч	Г. Шплет Реконструкция – В. Кулеш	Деревянная Спасская престольная церковь – 1774 г. Спасский храм – 1902–1904 гг. Реконструкция – 2014 г.
 <p>Католический приходской храм</p>	Римско-католическая церковь св. апостолов Петра и Павла	Чита, ул. Мостовая, 1, к 1	В. Кулеш	Перестроена из старой городской котельни, реконструкция – 2000 г.
 <p>Кондуйский Богородице-Рождественский храм</p>	Кондуйский Богородице-Рождественский храм	Забайкальский край, Борзинский р-н, с. Кондуй	В. Кулеш	1805 г. В 1930-х гг. церковь была закрыта, сломана колокольня, в здании сделаны перекрытия. Реконструкция – 2014 г.

Храм-часовня Георгия Победоносца

в составе Мемориала славы сотрудникам МВД Кемеровской области

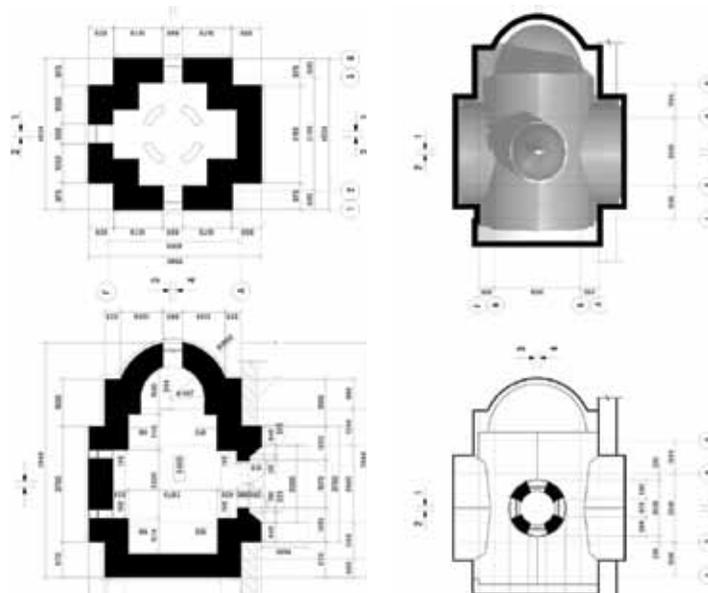
Пересечение улиц Кирова и Н. Островского.
Проектирование и строительство: 2003 г.
Храм-часовня встроен в мемориальный комплекс, созданный ранее по проекту архитектора В. Полтавцева и скульптора В. Трески в центральной части города Кемерово, на пересечении улиц Кирова и Н. Островского. Рядом расположены административное здание ГУВД КО и городской сад.

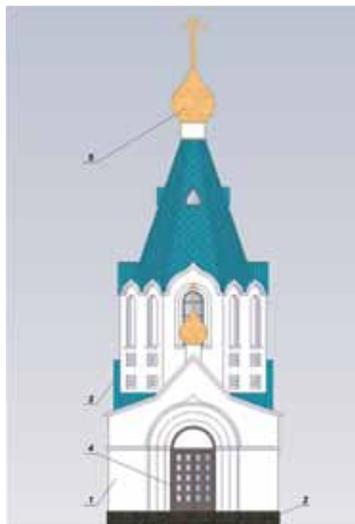
авторы-архитекторы

Сергей Зыков,
Иван Шестаков

автор барельефа

Евгений Тищенко

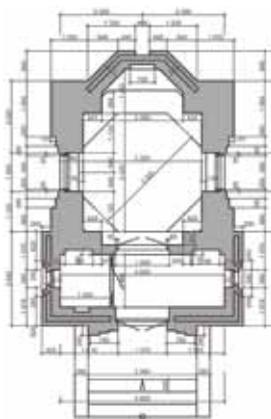
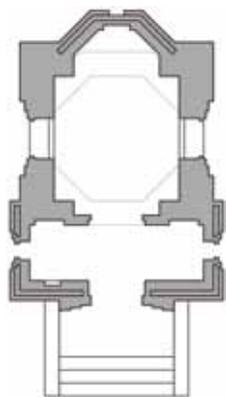
Храм-часовня Николая Чудотворца в Кемерово

Проектирование и строительство: 2004 г.

Храм-часовня Николая-Чудотворца проектировалась как придорожная церковь при выезде из Кемерово в Иркутск по автодороге М-53 «Байкал».

С разрешения автора по этому же проекту строится церковь в республике Хакасия.

автор
Сергей Зыков

Православный храм при угледобывающем предприятии Кемеровская область, шахта «Полысаевская»

Храм проектировался на территории действующей шахты на площади перед зданием АБК и связывался с ним теплой галереей.

Предпринят поиск новых архитектурных решений на основе традиционной композиции шатрового храма.

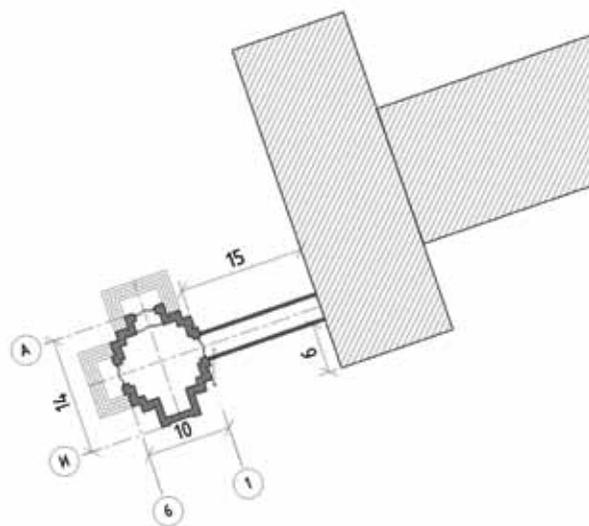
Применены большие светопрозрачные поверхности из современных материалов и традиционной кирпичной кладки.

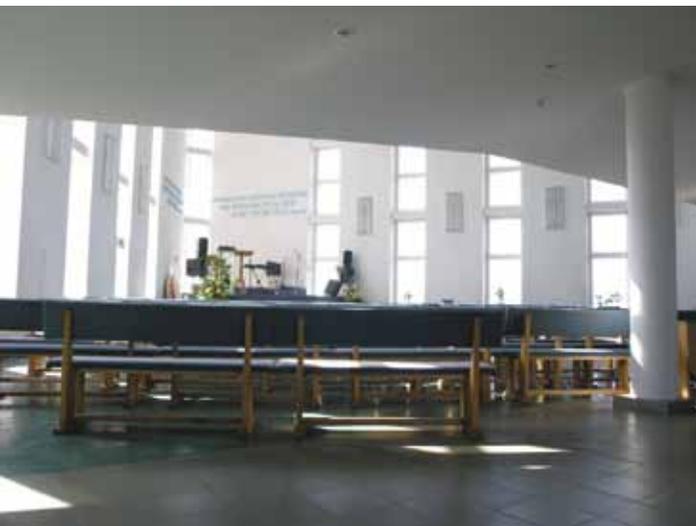
Авторы попытались органично вписаться в индустриальный пейзаж, архитектурно-композиционно организовать площадь.

авторы

Сергей Зыков,
Иван Шестаков

проект 2007г.
(не реализован)

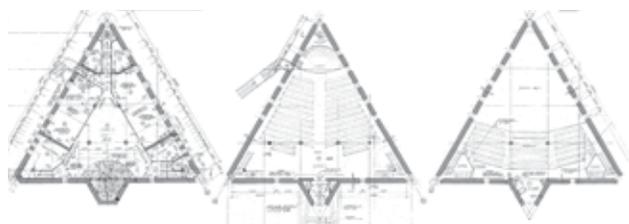

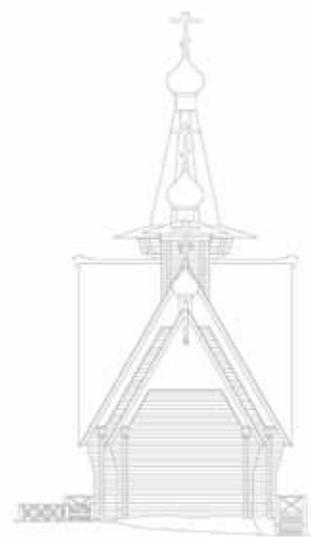
Евангелистская церковь «Возрождение» на ул.Терешковой

автор
Сергей Зыков,
при участии
Дмитрия Струкова

шее дерево на скале на «покаянном камне». В «скале», как это было в первых христианских катакомбных храмах, сегодня происходит таинство крещения. Мертвая каменная глыба – греховные руины вавилонской башни, и единственный путь к спасению – в живом деревянном ковчеге. Поэтому двухэтажное здание храма имеет форму корабля, который, как ковчег, вселяет веру во спасение души среди безбрежного моря мирской суеты. Но путь к церкви как на горе Афон усложнен крутыми подъемами, напоминая о том, что каждый из нас несет свой крест во имя Христа и своего спасения. Как награда за покаяние и труды нас встречает, словно мать, светлый и легкий образ Богородицы, вселяющую радость и уверенность в победе над злом.

Решения фасадов аскетичны и стилизованы в духе деревянной архитектуры Русского Севера. Однако пропорции и декор также сочетаются со стилем модерн,

который преобладал в России в 1905 году, когда повсеместно стали строиться старообрядческие храмы. Сочетание этих двух эпох и отражает внешний вид деревянного храма Пресвятыя Богородице Образа Ея Всем Скорбящим Радость в Родниковом проезде.

Архитектурное и градостроительное решение храма было рассмотрено и утверждено на градостроительном совете администрации Новокузнецка. На межрегиональном конкурсе «Золотая капитель – 2009» проект храма награжден дипломом конкурса.

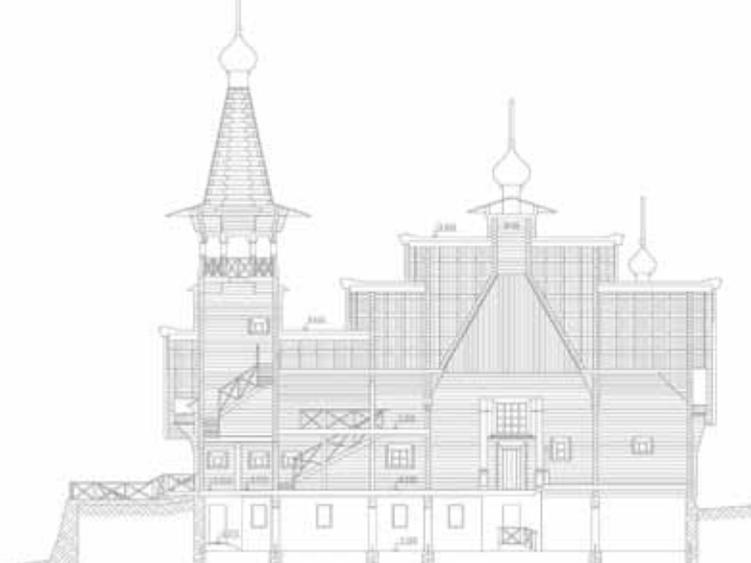
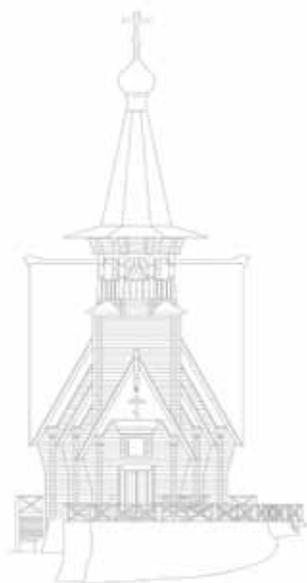
В плане храм имеет общий размер 9 x 26 м, а высота достигает 26,6 м.

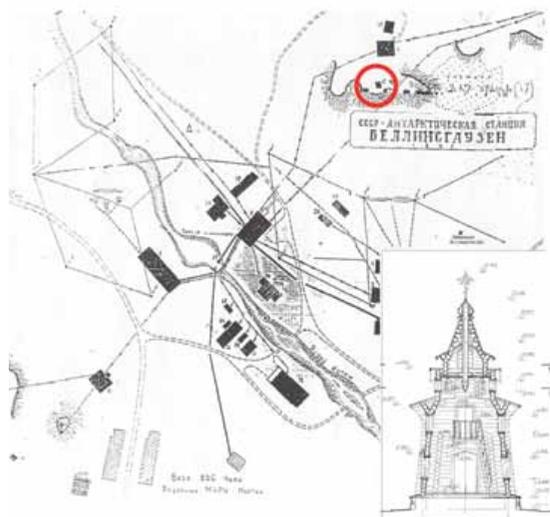
Основа конструктивной схемы зданий – бревенчатый сруб, что является очень эффективным решением при сейсмике. Калиброванные бревна толщиной 260 мм, пропитаны антипиреновыми (огнезащитными) лаками в заводских условиях. Кровля купола и шатра храма выполнена, как в древние времена, деревянными лемехами, вырубленными вручную старообрядцами из с. Мульта Республики Алтай.

Строительство храма начато в 2009 году. 7 октября 2012 года состоялось освящение, на котором присутствовали представители высшего православного старообрядческого духовенства митрополит Московский и всея Руси Корнилий, епископ Новосибирский и всея Сибири Силуян, представители областной и муниципальной власти, произнесшие приветственное слово и вручившие духовенству памятные подарки. На торжество собрались гости из разных регионов, присутствовали делегации из Минусинска, Барнаула, Новосибирска, Томска, Воронежа и других городов России.

В дальнейшем предполагается развитие храмового комплекса и старообрядческого поселка при храме, а также создание духовного центра истории старообрядчества. Представители власти выразили свою готовность оказывать всяческую помощь и поддержку в развитии территории. Храм, построенный на основе библейской истории об апостоле Петре, вновь стал объектом, создающим предпосылки кардинального преобразования окружающей среды.

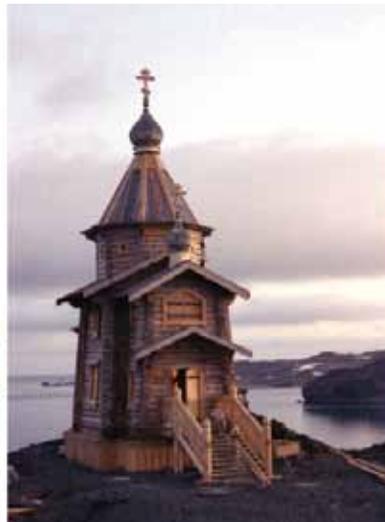

Храм во имя Живоначальной Троицы Первый православный храм в Антарктиде на станции Беллинсгаузен

В 1820 году российскими мореплавателями Ф.Ф. Беллинсгаузенем и М.П. Лазаревым на шлюпках «Мирный» и «Восток» была открыта Антарктида. Это было одно из крупнейших географических открытий XIX века. Планомерное изучение Антарктиды во второй половине XX века привело к созданию на ее территории научно-исследовательских станций и баз для длительного пребывания на них ученых и специалистов. Вся богатая мировая история первопроходцев неразрывно связана с тем, что любое новое поселение всегда начиналось со строительства храма той конфессии, чья религия была распространена в каждой стране. Почти 50 лет работы России в Антарктиде не обошлись без потерь. На ряде российских станций существуют кладбища, где нашли покой полярники, летчики, ученые и специалисты различных специальностей, чей самоотверженный труд и чья жизнь оборвались в Антарктиде. Восстановление роли Русской православной церкви в жизни нашего государства дает право надеяться на то, что и эта далекая земля сможет войти в сферу забот русской патриархии.

Для того, чтобы это стало реальностью, по инициативе Российской ассоциации полярников, Русской Православной Церкви, Российской антарктической экспедиции полярная авиакомпания «Антекс-Полус» учредила в июле 2007 года благотворительный фонд «Храм в Антарктиде». Основной задачей фонда является восполнение упущенного ранее: возведение православного храма на россий-

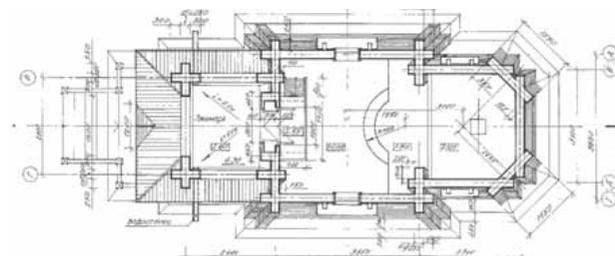
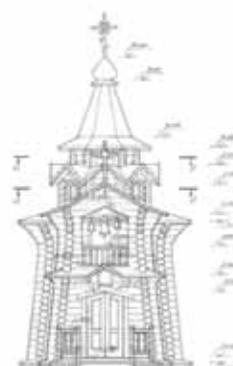

ской станции «Беллинсгаузен» и строительство часовен на всех российских антарктических станциях, приведение в порядок захоронений погибших и умерших в Антарктиде полярников, организация отправления православных служб на шестом континенте. Это не разовая акция, а кропотливый и многолетний труд, направленный не на прославление себя, а для всех, кто работал прежде в Антарктиде, работает там сейчас и будет нести свою нелегкую вахту в будущем.

На конкурсной основе был выбран эскизный проект Светланы Рыбак. Для устойчивости от шквального ветра конструктор А.Б. Шмидт разработал монолитный фундамент с системой цепных тяг.

Церковь срублена в Горном Алтае, в селе Кызыл-Озек. Перевезена в город Калининград, затем кораблем «Академик Вавилов» доставлена в Антарктиду, где за два месяца собрана мастерами из Алтая, Урала и из Новосибирска.

Православный Храм Живоначальной Троицы (2001–2004 гг.)

инициаторы проекта

В.В. Лукин Российская антарктическая экспедиция – начальник
г. С.-Петербург
П.И. Задилов – ООО «Антэкс-Полюс Холдинг» – председатель совета директоров г. Москва

финансирование

– группа компаний «Руян» – А.П. Кравцов, президент, г. Москва
– группа компаний «Антэкс-Полюс» – П.И. Задилов председатель совета директоров, г. Москва

проектирование и строительство храма

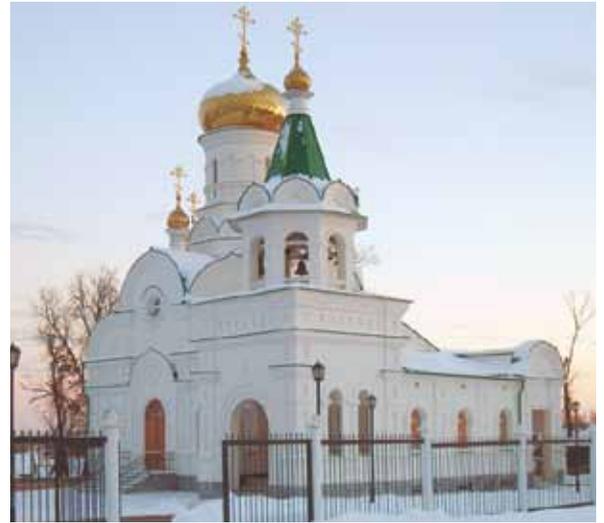
– ЗАО «ТМА Анисифорова» г. Барнаул:
П.И. Анисифоров – руководитель
С.Г. Рыбак – архитектор
А.Б. Шмидт – конструктор
КВ. Хромов – бригадир-строитель

директор
П.И. Анисифоров

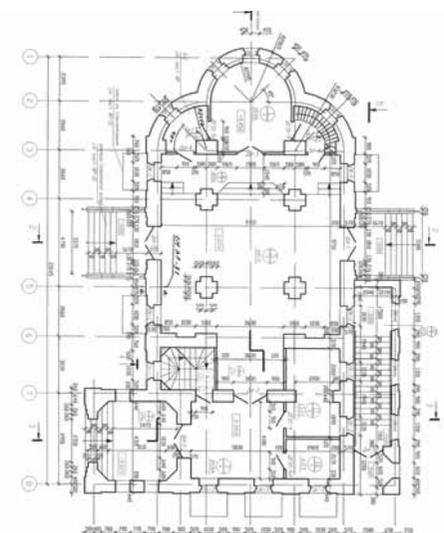
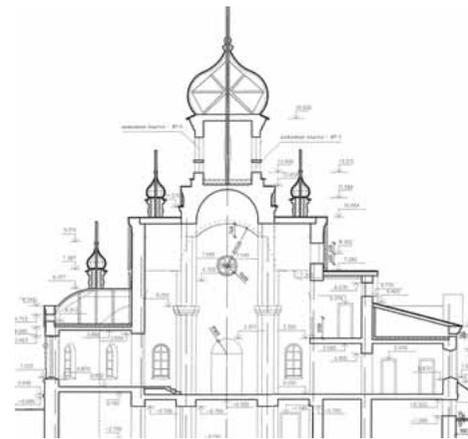
гл. арх.проекта
Т.Ф. Дьякова

конструктор
В.А. Ильиных

реализовано
в 2007 г.

Храм Святой Троицы в селе Дебесы, Республика Удмуртия

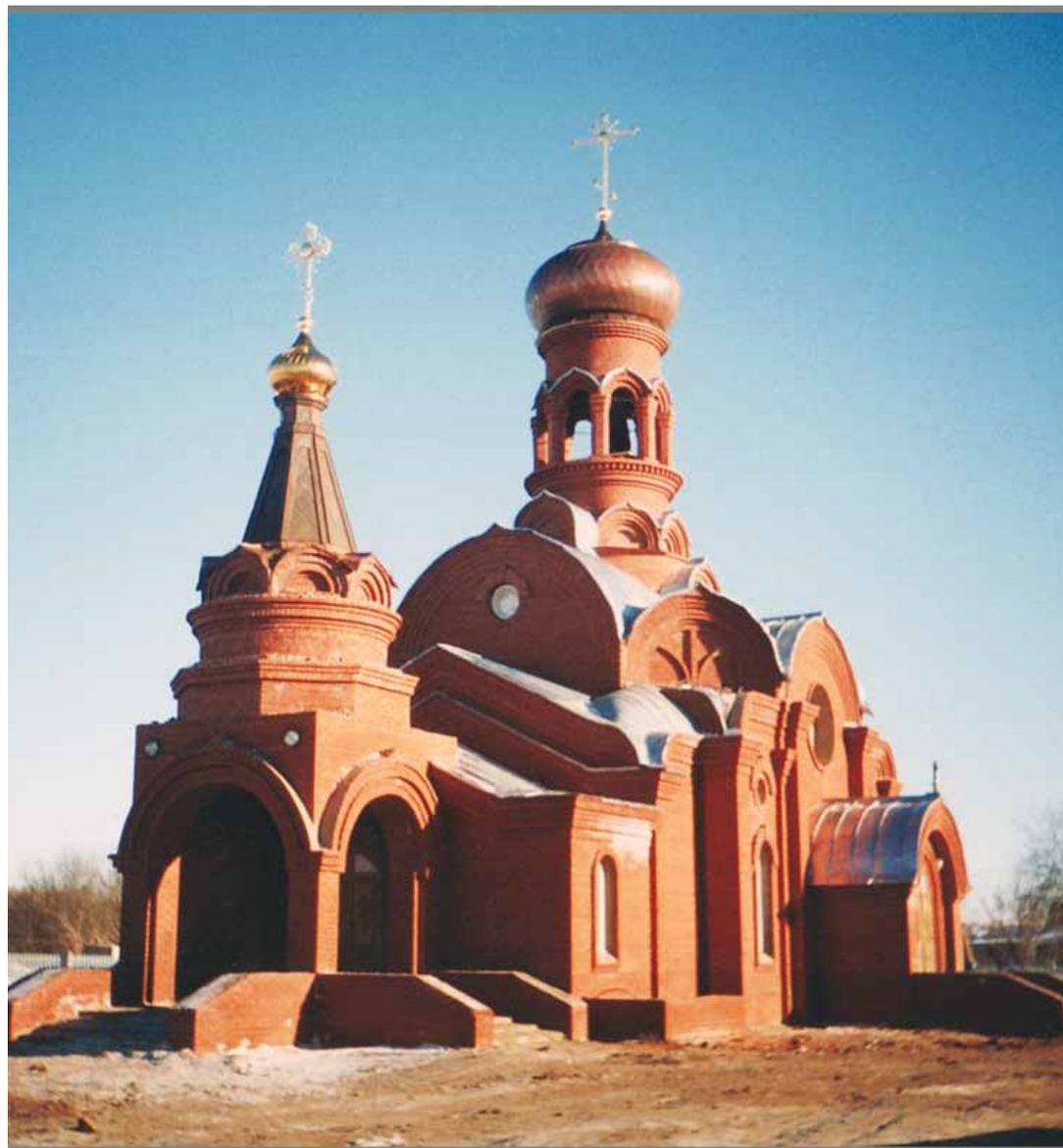

Церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери, Оренбургская область

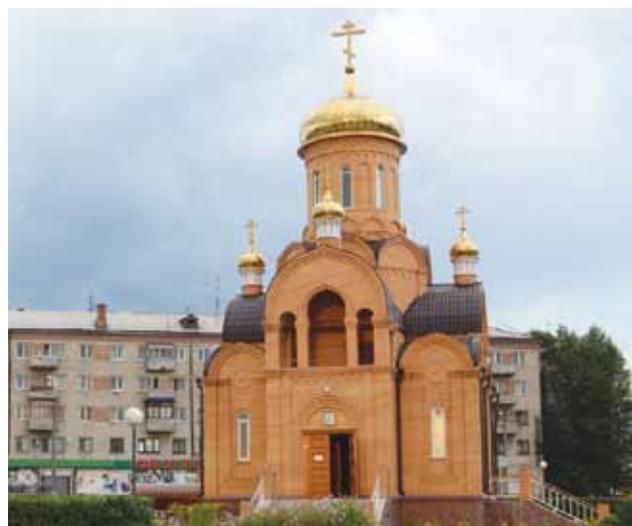
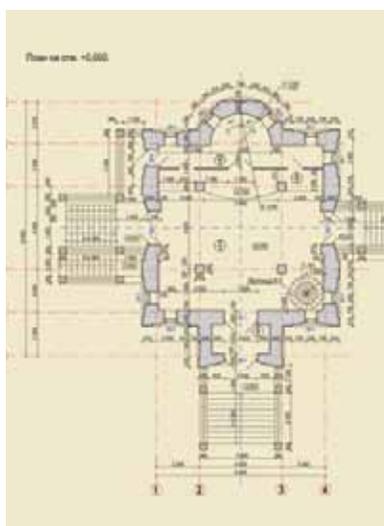
директор
П.И. Анисифоров

архитектор
С.Г. Рыбак

заказчик
П.И. Задилов –
ООО «Антэкс-Полюс», председатель совета
директоров, г. Москва
реализовано в 1998 г.

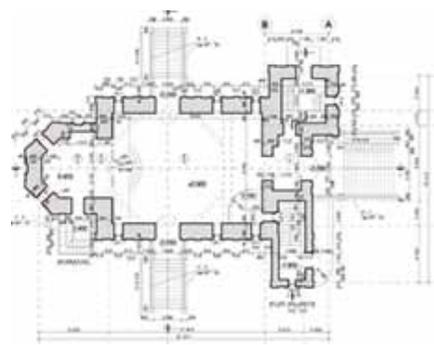
директор
П.И. Анисифоров
гл. арх. мастерской
Т.Ф. Дьякова
архитекторы
Е.А. Назарова
при участии
Ю.А. Федорова
реализовано
в 2007 г.

Храм Архистратига Михаила в Новоалтайске

Храм Св. апостолов Петра и Павла в Новоалтайске

директор П.И. Анисифоров
гл. арх. мастерской Т.Ф. Дьякова
архитекторы Е.А. Назарова, Е.Г. Федорова
реализовано в 2012 году

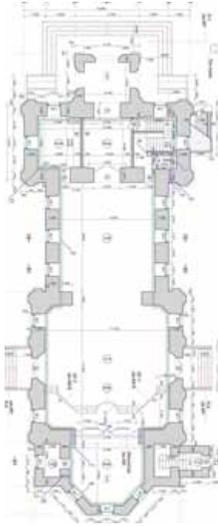

директор
П.И. Анисифоров

гл. арх. проекта
Т.Ф. Дьякова

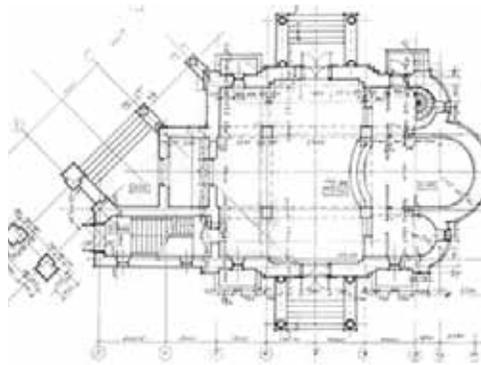
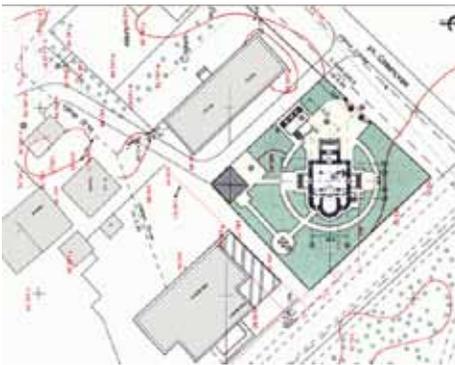
архитекторы
С.П. Анисифоров
Е.Г. Федорова
Д.В. Алксеев

конструктор
Ю.Д. Михеев

Реконструкция памятника архитектуры – Церкви в с. Курья, Алтайский край

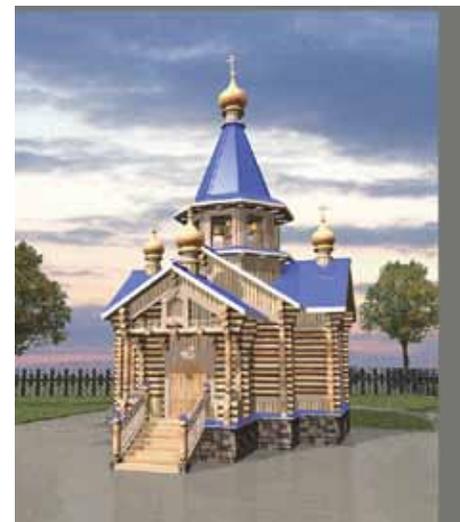
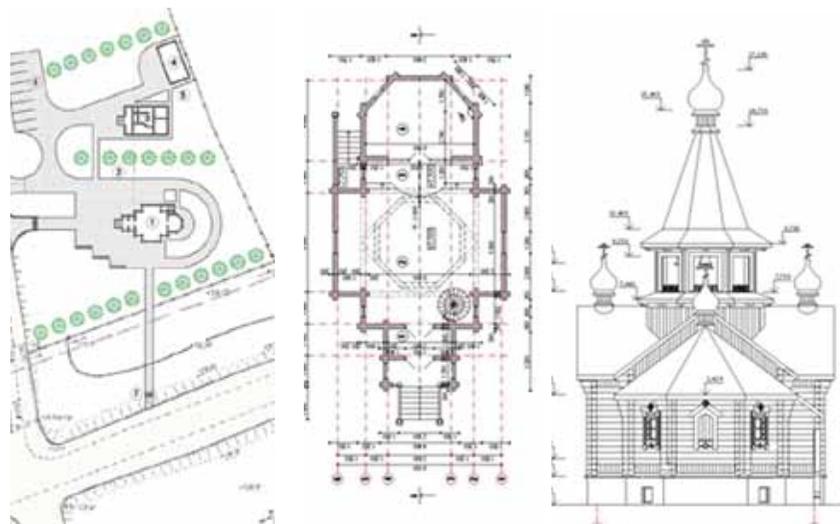
Свято-Троицкая Церковь в с. Косиха, Алтайский край

Директор:
П.И. Анисифоров

Архитектор:
С.Г. Рыбак

директор
П.И. Анисифоров
архитектор
Е.А. Назарова
реализовано в 2008 г.

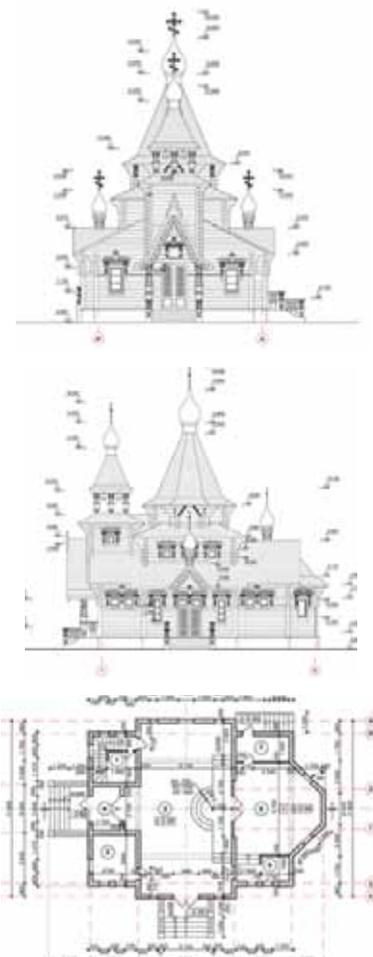

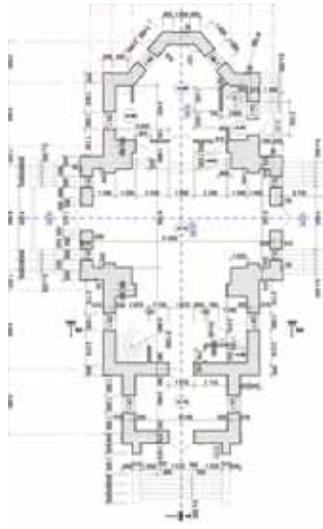
Покровская церковь в с. Журавлиха

Церковь в с. Барановка, Алтайский край

директор П.И. Анисифоров
гл. арх. проекта Т.Ф. Дьякова
архитектор Е.Г. Федорова
реализовано в 2012 г.

директор
П.И. Анисифоров

гл. арх. проекта
Т.Ф. Дьякова

архитектор
Д.А. Попов

заказчик
«Фонд содействия
строительству церкви Свято-
Серафимского прихода
в г. Заринск»

Храм в с. Сорокино, г. Заринск

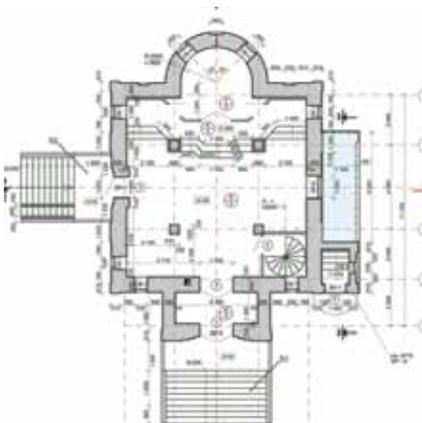
Церковь Архистратига Божия Михаила в с. Малышев Лог Волчихинского р-на

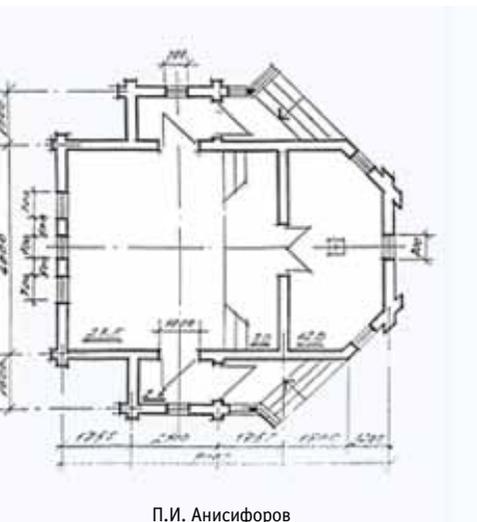
директор П.И. Анисифоров

гл. арх. проекта Т.Ф. Дьякова

архитектор С.П. Анисифоров

конструктор Ю.Д. Михеев

П.И. Анисифоров

Храм в честь иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша» в учреждении УБ

Церковь в честь иконы Покровской Божьей Матери в селе Быстрый Исток Алтайского края

руководитель

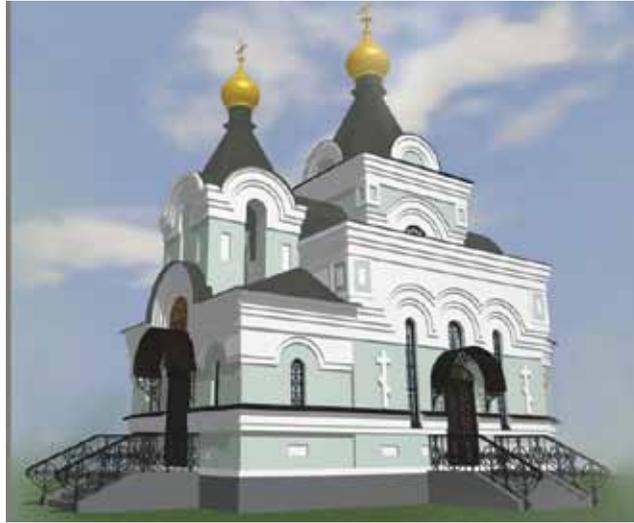
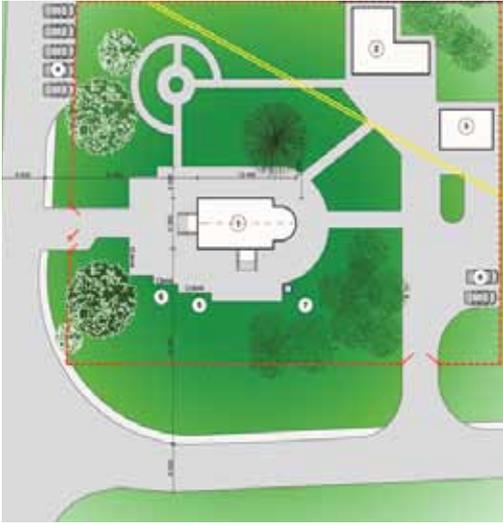
П.И. Анисифоров

гл. арх. проекта

Т.Ф. Дьякова

реализовано в 2003 г.

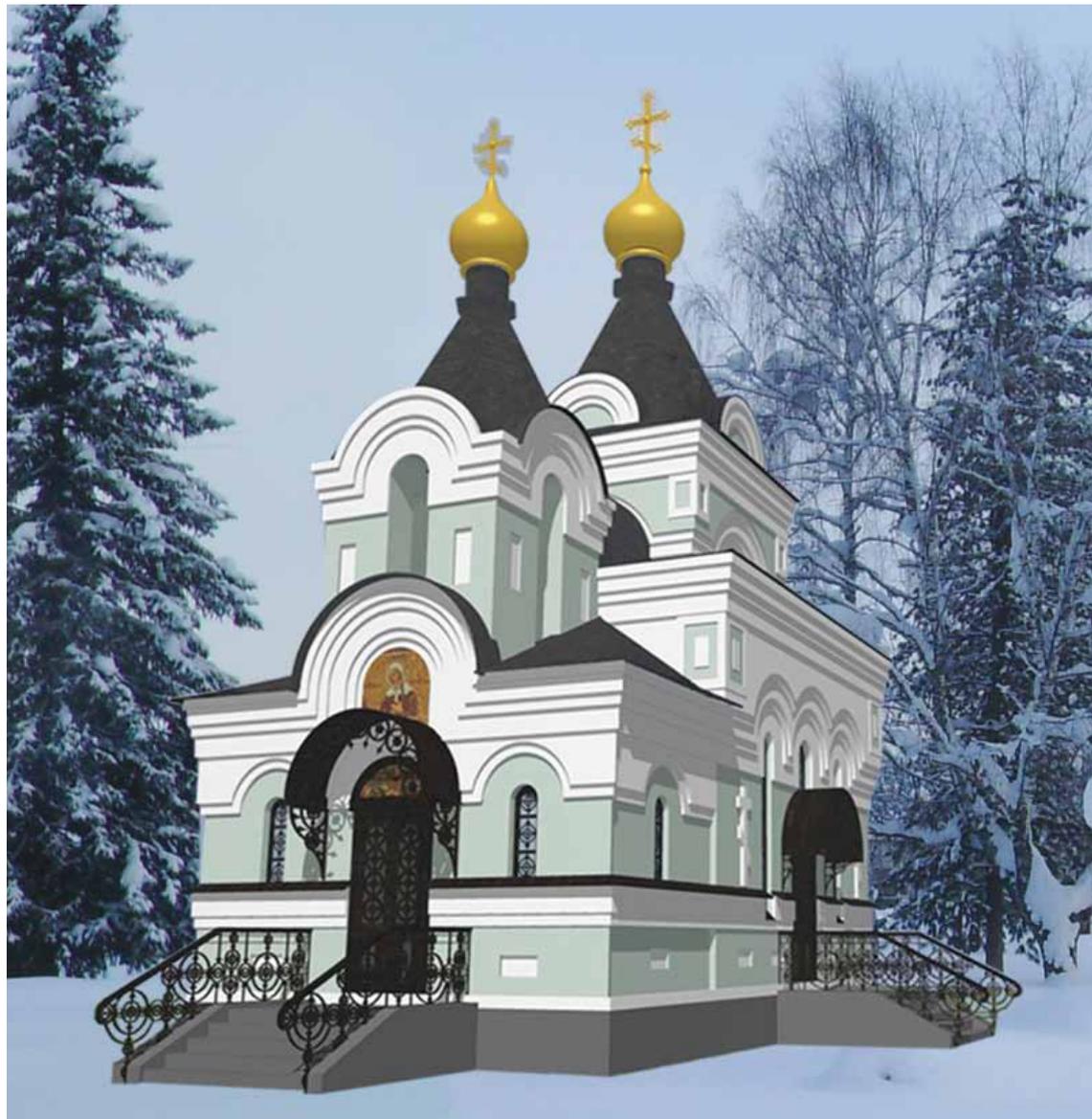
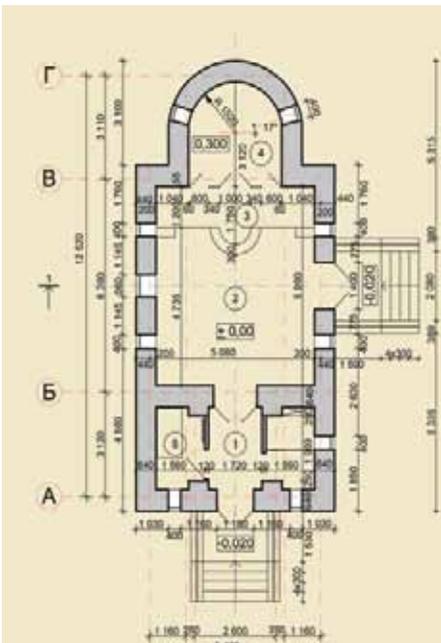

Церковь Святой Блаженной Ксении Петербургской, с. Усть-Пыжа, Республика Алтай

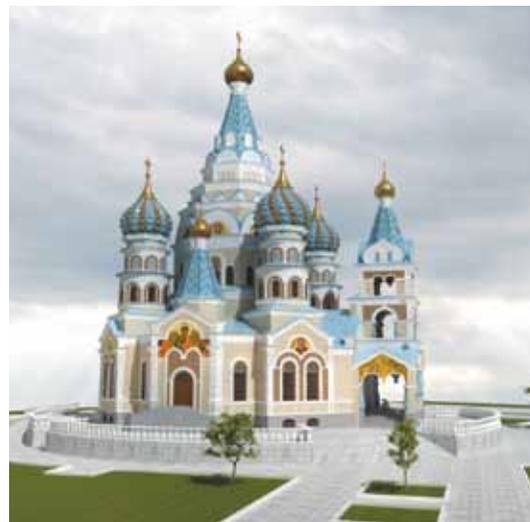
директор
П.И. Анисифоров

гл. арх. проекта
Т.Ф. Дьякова

архитектор
Е.Г. Федорова

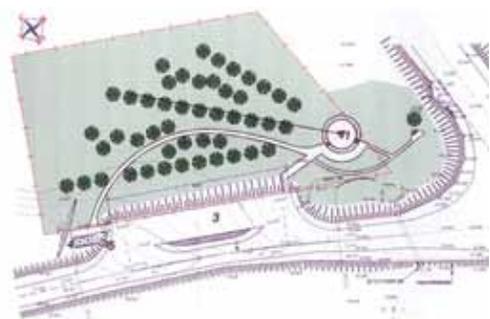

директор
П.И. Анисифоров
гл. арх. проекта
Т.Ф. Дьякова
архитекторы
А.В. Гребнева
Д.А. Попов
Е.А. Бердников
реализован в 2014 г.

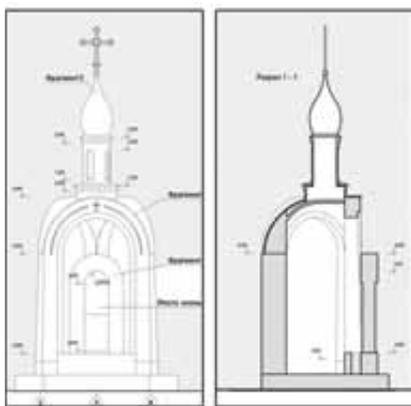

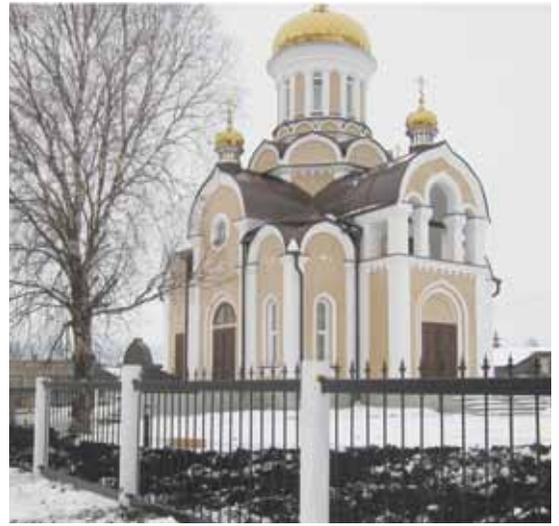
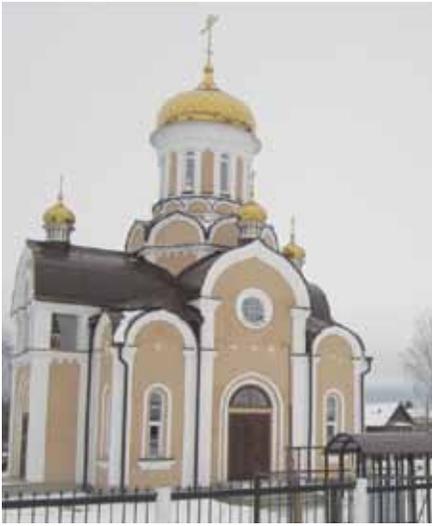
Храм Иверской Иконы Божьей Матери с церковно-причтовым домом в Ижевске

Православная часовня Святого Архистратига Михаила на месте гибели губернатора Алтайского края

гл. арх. проекта
Т.Ф. Дьякова
архитектор
С.П. Анисифоров
Е.А. Бердников
конструктор
Ю.Д. Михеев
реализовано в 2006 г.

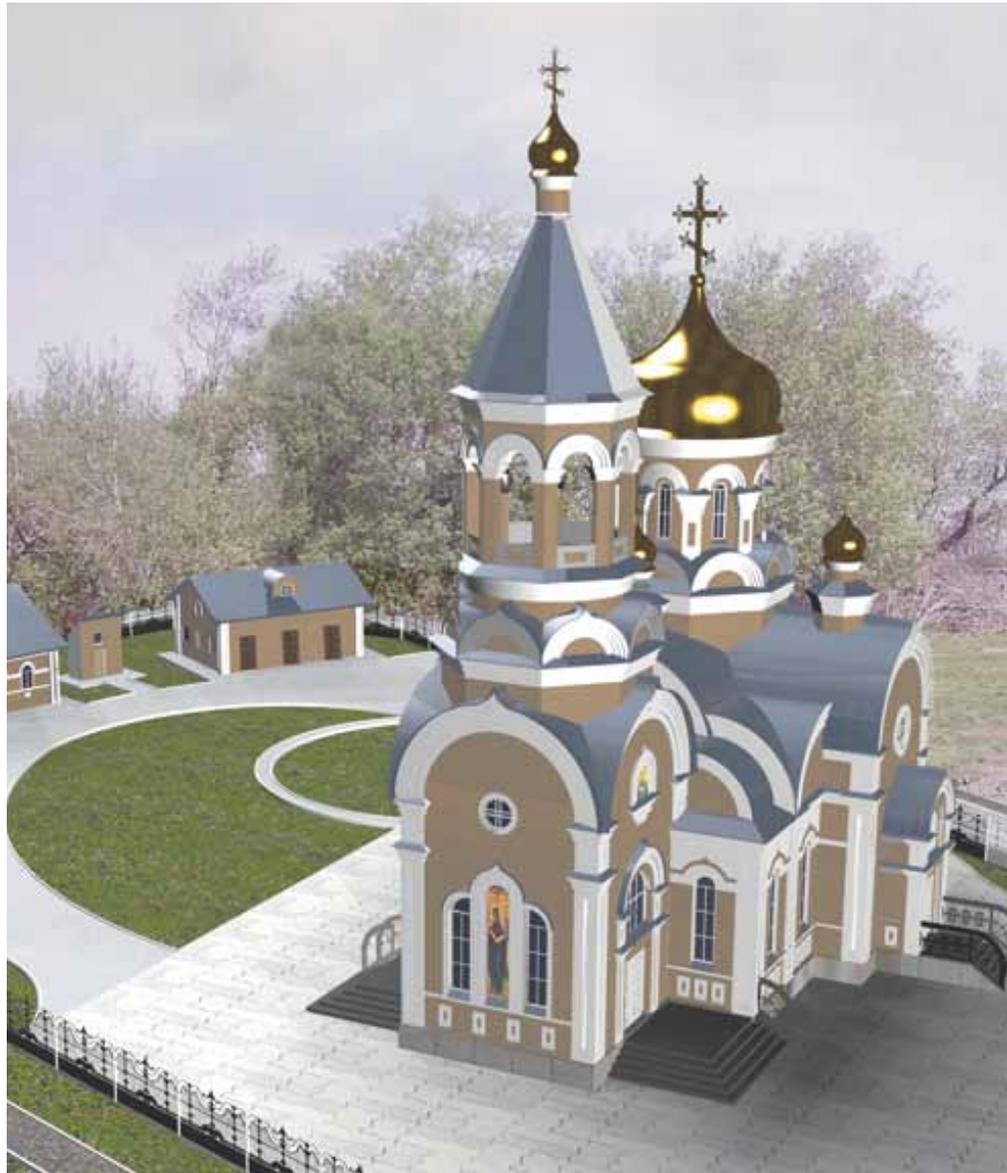
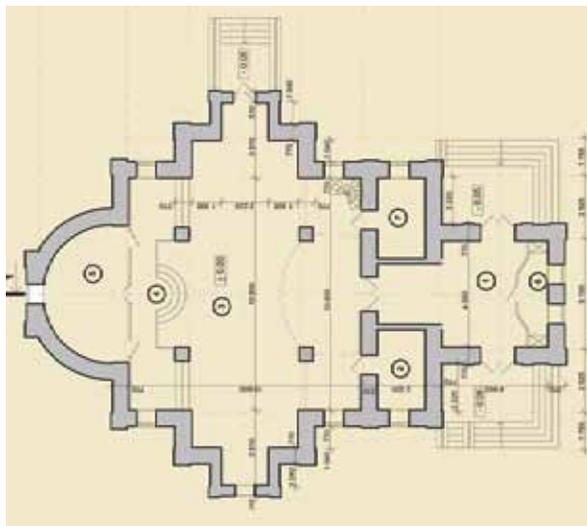

Храм в Удмуртии

Церковь в с. Новороманово, Алтайский край

директор
П.И. Анисифоров
гл. арх. проекта
Т.Ф. Дьякова
архитектор
Е.Г. Федорова

Руставский Сион

Церковь Успения Пресвятой Богородицы (или «Руставский Сион»), город Рустави, Грузия

текст и фото

Андрей Иванов

архитекторы

отец Бесарион (Менабде)

Николоз Абашидзе

Николоз Дадиани

искусствовед

Кетеван Абашидзе

конструктор

Гигла Чануквадзе

руководитель коллектива строителей, реставратор

Теймураз Буркиашвили

(возрожденная технология кладки на известковом растворе запатентована)

спонсор

бизнесмен

Тамаз Гвелукашвили

Рустави, расположенный в 11 километрах к юго-востоку от Тбилиси – один из древнейших городов Грузии, основание которого относят к V–VI вв. до н.э. В период советской индустриализации Рустави стал крупным промышленным центром с огромным металлургическим заводом в качестве градообразующего предприятия. Но развал Советского Союза стал для Рустави катастрофой: 65% населения потеряло работу, что привело к росту нищеты и преступности. Количество жителей упало со 160 тыс. в середине 1990-х до 116 тыс. в 2002 г. Возможно, именно поэтому в 2000-е годы было принято решение построить в новой части города, состоящей из унылых советских многоэтажек, не только общественный комплекс в характерных для эпохи Саакашвили модернистских формах, но и достаточно большой православный храм. Заказчиком выступил патриарх Грузинской православной церкви, а прямым патроном строительства – сам Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II.

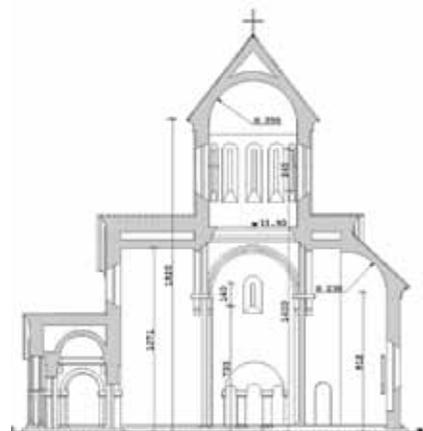
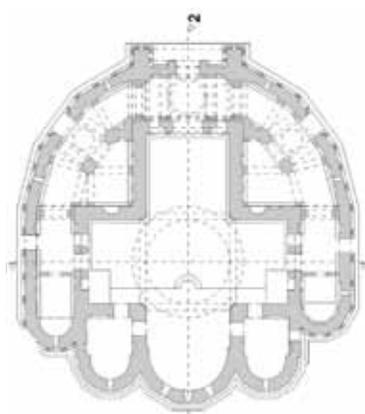
Храм поражает прежде всего рукодельностью и мастерством кладки и проработки деталей, совершенно не характерной для наших новодельных церквей. Возрождена традиционная технология нерегулярной сейсмоустойчивой каменной кладки на известковом растворе, утраченная в Грузии более четырех веков назад. В постройке принципиально не применялись железобетон и цемент. Перед началом строительства были

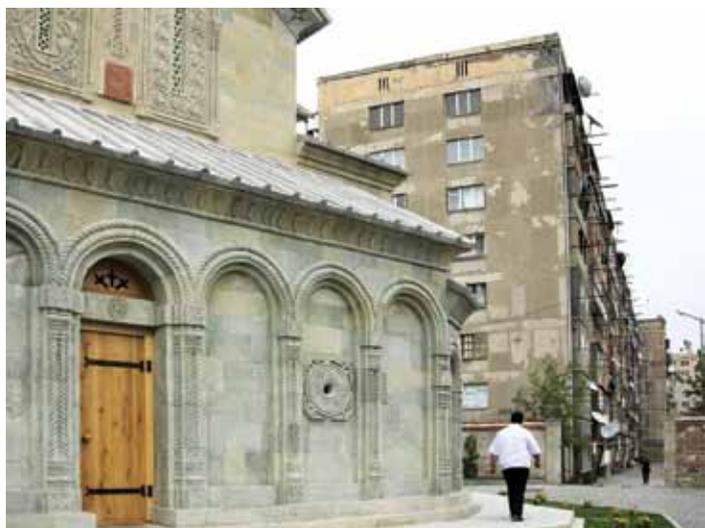
проведены эксперименты по составу скрепляющей смеси на основе извести с применением органических веществ (получен соответствующий патент), а также специальные исследования конструктивных приемов «антисейсмичной» каменной кладки с помощью современных компьютерных технологий (дано положительное заключение Институтом строительной механики и сейсмостойкости им. К. Завриева АН Грузии).

Храм абсолютно точно вписан в грузинскую строительную культуру и традиции. Он отличается строгостью композиции, четкостью и тектоничностью архитектурных форм, сдержанным применением декора, изобретательным плановым решением с переходным пространством полукруглой галереи притвора.

И представляется, что уйдут со временем окружающие церковь панельные бараки, горожане обретут более достойное жилье, а Руставский Сион, построенный с такой тщательностью и любовью, будет стоять вечно и останется духовным центром этого города.

Храм получил высокую оценку Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II: «Вам удалось возродить традицию и создать восхитительное здание!», а на 13-м Международном фестивале архитектуры «Интерарх-2012» в Софии был награжден золотой медалью и почетным дипломом Международной академии архитектуры – IAA.

Abstract

The tale of the rebuilding of the Pauluskerk (St. Paul's Church) in the Dutch city of Rotterdam is a multilayered story that blurs the lines between architecture, societal issues, policymaking and urban redevelopment.

The original Pauluskerk was built in the late 1950s in a city centre that was still recovering from the damage it suffered during the Second World War. The church may never have received the attention it has now for Reverend Visser, who developed the church into a refuge for the outcasts of Dutch society: asylum seekers, homeless people and drug addicts. Visser's activism eventually evolved into the Perron Nul (Platform Zero) initiative, through which he organized support for the addicted and indigent on a scale not seen before in the city.

The close proximity of the Pauluskerk to Rotterdam Central Station and the controversy surrounding its mission brought it slowly but steadily onto a collision course with the renewal and redevelopment of the station area, which would eventually lead to the demolition of the original Pauluskerk in 2007 and the construction of a new church building as part of the CalypSO project, designed by British architect William Alsop.

This article brings these storylines together to showcase the complex process involved in an inner-city urban development founded in the well-established practice of local democracy, where consensus-seeking is the norm, even when this crosses societal borders.

Keywords

Church; Pauluskerk; Rotterdam; CalypSO; Alsop; station development; Rotterdam Central Station; Visser; Perron Nul; homelessness; drug use

Паулюскерк – необычная церковь в Роттердаме/

Аннотация

История реконструкции церкви Паулюскерк (церкви Святого Павла) в голландском городе Роттердаме очень непростая, в ней тесно взаимосвязаны архитектура, социальные проблемы, политика и вопросы перепланировки города.

Впервые церковь Паулюскерк была построена в конце 1950-х в центре города, который все еще восстанавливался после ущерба, причиненного Второй мировой войной. Церковь могла бы остаться в стороне от всеобщего внимания, если бы не священник Виссер, который превратил ее в приют для отверженных обществом: беженцев, бездомных и наркозависимых. Деятельность Виссера со временем переросла в проект Нулевой Перрон (Платформа Зеро), в рамках которого он организовал поддержку наркозависимым и нищим в масштабе, который город доселе не видывал.

Близость церкви Паулюскерк к Роттердамскому центральному вокзалу и разногласия, которые она вызывает, медленно, но верно привели к острой ситуации, связанной с обновлением центрального вокзала. Перепланировка вокзальной территории в конечном счете повлекла за собой снос первоначального здания церкви Паулюскерк в 2007 году и строительство нового здания церкви, как части проекта CalypSO, британского архитектора Вильяма Альсопа.

В данной статье представлены все стороны сложного градостроительного процесса, в основе которого лежит прочно установленная местная демократия, при которой нормой является поиск консенсуса, даже если при этом приходится выходить за социальные границы.

Ключевые слова

Церковь, Паулюскерк, Роттердам, CalypSO, Альсоп, застройка вокзальной территории, Центральный вокзал Роттердама, Виссер, Нулевой Перрон, бездомность, употребление наркотиков

Первоначальное здание церкви Паулюскерк

Церковь Паулюскерк была построена в конце 1950-х как часть плана реконструкции центра города Роттердам в Голландии. В 1960 году здание было передано голландской реформатской церкви, заменив две церкви, разрушенные при бомбардировке в мае 1940 года [1]. Внешний вид здания сильно отличался от зданий римской католической или восточной православной церквей, чей декор считается более богатым.

Материалы о первом здании церкви появились в 1961 году в периодических изданиях *Wouw* [2] и *Wouwkundig Weekblad* [3], где архитектор Баренд ван Веен рассказал о своем проектном решении. Небольшой по размерам участок под строительство церкви требовал определенного уровня интровертированности, что хорошо подходило довольно строгой природе голландской реформатской церкви. Ван Веен намеренно не стал придавать зданию Паулюскерк вид башни или использовать какой-либо другой традиционный прием, который бы свидетельство-

вал о его религиозной функции. Намек на это виден лишь в небольшом колоколе на переднем фасаде. В центре внутреннего пространства здания ван Веен помещает баптистерий, при этом алтарную часть оставляет не поднятой.

Единственным значимым аспектом было расположение здания вдоль зеленой оси Вестерсингель, идущей прямо к центральному железнодорожному вокзалу города (Rotterdam Central), расположенному всего в 500 метрах от церкви.

Священник Виссер

В начале 1960-х процесс секуляризации в Голландии сильно отразился на протестантской церкви. В то время как количество прихожан уменьшалось, число пустующих религиозных зданий увеличивалось. В результате часть церквей стала использоваться для иных целей, а часть была снесена. Церковь Паулюскерк могла бы также незаметно исчезнуть, если бы не священник Ханс

Introducing the original Pauluskerk

The Pauluskerk was originally built in the late 1950s as part of the reconstruction plan for the centre of the Dutch city of Rotterdam. The building was inaugurated in 1960 by the Dutch Reformed Church, replacing two churches that were destroyed twenty years earlier in the May 1940 bombardment (1). The design was quite different from Roman Catholic or Eastern Orthodox churches, which are much more ornate.

The original Pauluskerk was documented in 1961 in the periodicals *Bouw* (2) and *Bouwkundig Weekblad* (3), in which the architect, Barend van Veen, outlined his design decisions. The small site where the church was built required a certain level of introversion that would accord well with the rather austere nature of the Dutch Reformed Church. Van Veen deliberately chose not to give the Pauluskerk a tower or other traditional elements that would give away its religious function, with only a small bell on the front facade hinting at this. Inside the building, the baptistery was centrally

positioned and Van Veen chose not to raise the liturgical section of the church.

The only prominent aspect of the building was its position along Westersingel, a green axis that leads directly to the city's central train station, Rotterdam Central, only 500 metres away.

Reverend Visser

At the beginning of the 1960s, secularization took hold in the Netherlands, with the Protestant Church especially affected by it. Church visits declined and an increasing number of religious buildings became vacant. As a result, churches were transformed in order to fulfil other functions, or even demolished. The Pauluskerk might also have silently disappeared if it was not for Reverend Hans Visser. Visser who had worked in Indonesia during most of the 1970s, returned to the Netherlands in 1979 to start a diaconal centre in the Pauluskerk. Here he would provide support to the outcasts of society: homeless people, asylum seekers and drug addicts.

Паулюскерк в Роттердаме по проекту Вильяма Альсопа, 7 апреля 2014 года, фото: Франк ван дер Хувен. CC BY 3.0 / Pauluskerk in Rotterdam. Design by William Alsop. 7 April 2014, image by Frank van der Hoeven. CC BY 3.0

The Pauluskerk: an unorthodox church in Rotterdam

Виссер. Проработав в 1970-х в Индонезии, в 1979 году он вернулся в Голландию и организовал дьяконский центр в церкви Паулюскерк. Там он оказывал поддержку людям, отвергнутым обществом: бездомным, беженцам и наркозависимым. Священник Виссер считал, что церковь должна помогать самым незащищенным членам общества, и действовал весьма необычным способом, обеспечивая нуждающихся едой и ночлегом, разговаривая с ними, а также позволяя употребление и даже распространение наркотиков на территории своей церкви [4].

Политика борьбы с наркоманией в Голландии: другой вид контроля

Для того чтобы изучить социально-политические условия, на фоне которых существовала церковь Паулюскерк, необходимо взглянуть на политику борьбы с наркоманией в Голландии в целом, а также отметить некоторые аспекты, под влиянием которых находилась жизнь в Роттердаме в то время. Голландские политики в большинстве своем считают злоупотребление наркотиками скорее заболеванием, нежели формой преступного поведения. Таким образом, муниципальная система здравоохранения в центре внимания всегда ставила физическое и умственное здоровье наркоманов, внедряя такие программы, как «чистая игла» и «метадон». Предоставление бесплатных и чистых игл для внутривенного введения наркотиков помогло сдержать распространение ВИЧ и гепатита, а метадон, использовавшийся в качестве заменителя героина, позволил наркозависимым направить свою жизнь в более приемлемое русло. Иностранцы наблюдатели неодобрительно относились к такой «либеральной» политике, на что голландские эксперты в области здравоохранения отвечали, что подобные программы позволяют государственным органам знать имена, адреса и страховые номера наркозависимых. Таким образом, как утверждали они, Голландия могла обеспечивать больший контроль, нежели другие страны, где наркоманы живут на улицах анонимно. Тем не менее, действия голландских властей были связаны законом и международными договорами, и поэтому роль муниципальной системы здравоохранения имела ограничения. Там, где эта система встречала запрет, мог

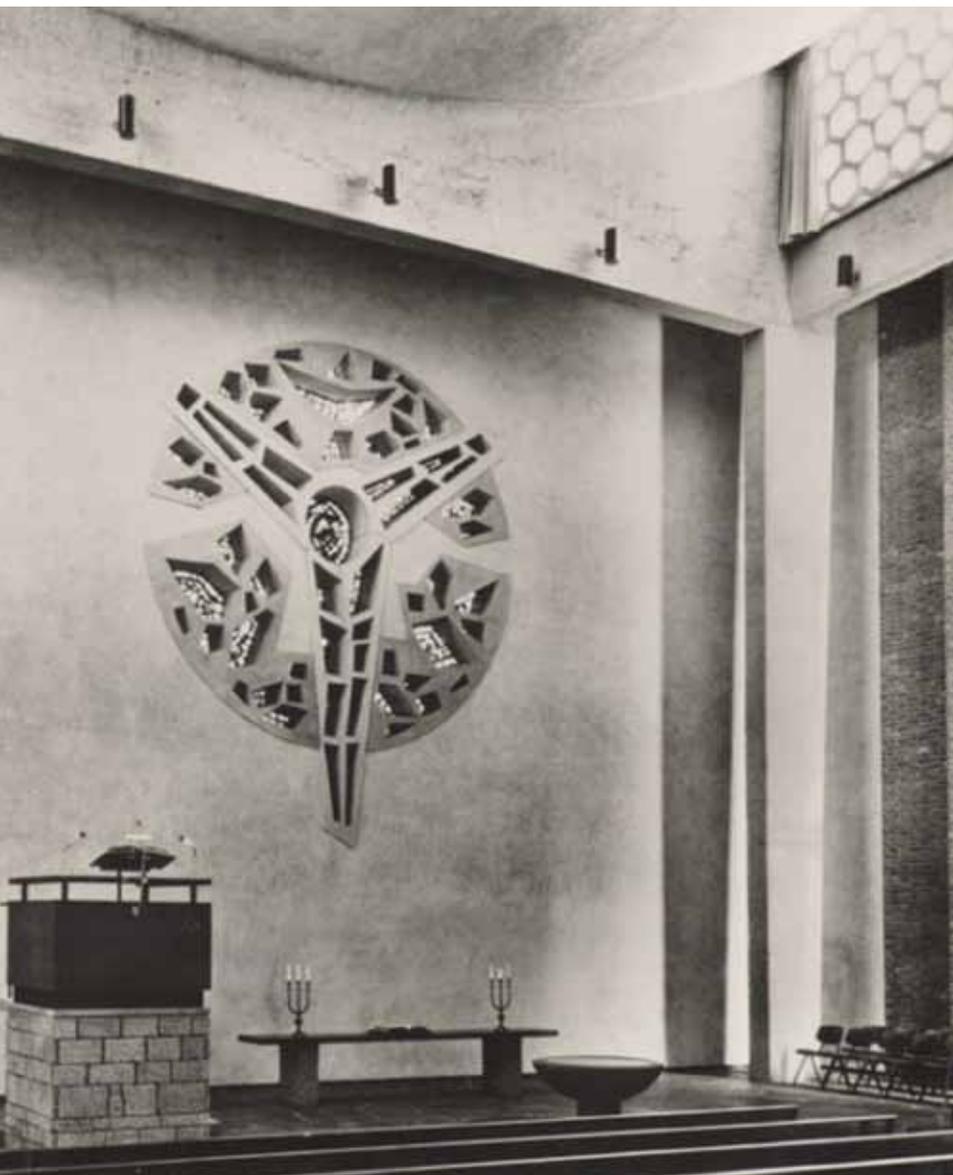
Первоначальное здание церкви Паулюскерк. Проект Баренда ван Веена, 2007 год. / Original Pauluskerk. Design by Barend van Veen, 2007.

Reverend Visser felt that the Church had to protect and provide services to those who were most vulnerable among us, and the way he went about it was quite unorthodox, providing food, conversation and a place to sleep as well as tolerating drug use and even permitting drug dealers in his church (4).

Dutch drug policies: another kind of control

To address the socio-political space in which the Pauluskerk operated requires a brief examination of Dutch drug policies generally, as well as some of the issues that affected the quality of life in the city of Rotterdam at the time. The fundamental view of Dutch policymakers on drug abuse is that it is a medical condition rather than a form of criminal behaviour. The municipal health services thus learnt to focus on the physical and mental well-being of users and on this basis introduced 'clean needle' and 'methadone' programmes. This provision of free and clean needles for intravenous drug use helped contain the spread of HIV and hepatitis, while

methadone was used as a substitute for heroin and enabled drug addicts to regulate their lives to a more acceptable degree. While foreign observers frowned on such 'liberal' policies, health experts defended their practices, explaining that such programmes meant the Dutch authorities knew the drug addicts by name, address and social security number. In this way, they argued, they had much more control over them compared to other countries, where addicts lived on the streets anonymously. Nevertheless, the actions of the Dutch authorities were bound by law and international treaties and so there were limits to the role of municipal health services. Where they had to stop Reverend Visser could step in, relying on the religious autonomy of his Pauluskerk. After Visser became aware that the well-being of addicts was affected by the 'quality' of the drugs they took, he allowed a select number of drug dealers to operate in the church. This was obviously something the city could not do, even if it shared his point of view.

заниматься своей деятельностью священник Виссер, пользуясь религиозной автономией церкви Паулюскерк. Поняв, что здоровье наркозависимых зависит от «качества» употребляемых ими наркотиков, он позволил ограниченному числу наркоторговцев продавать наркотики в церкви. Такие действия муниципалитет позволить себе никак не мог, даже если и разделял точку зрения Виссера.

Платформа Зеро

Так Паулюскерк стала эпицентром самых серьезных проблем, которые в 1980-х и 1990-х волновали город Роттердам, – город, согласно Кастеллу, имеющий «дуальную природу» [5]. Неослабевающая энергия священника Виссера привела к тому, что своей деятельностью он охватил даже Роттердамский центральный вокзал, который стал сценой нарастающего конфликта пользователей общественного транспорта с бездомными и наркозависимыми. Чтобы решить эту проблему, рядом с вокзалом священник Виссер открыл заведение, которое назвал «Нулевой Перрон» (Платформа Зеро).

Платформа Зеро стала альтернативой самому вокзалу. Наркоманы уже не околачивались по терминалу, не принимали наркотики в туалетах и не ночевали в вокзальном ресторане. Они получили собственное пространство. Сначала концепция показалась удачной. Даже руководство Нидерландской железной дороги признало, что ситуация улучшилась. Однако фотографии, сделанные в тот период, производят неоднозначное впечатление: например, на одной из них священник Виссер, переодетый в Святого Николаса (голландского аналога Санта Клауса), навещает посетителей Платформы Зеро. Тем не менее, на фотографиях реалистично отображены те усилия, которые были сделаны, чтобы нормализовать, насколько это возможно, жизни нищих и наркозависимых.

Со дня открытия Платформы Зеро волонтеры обслуживали до 100 человек в день, общаясь с ними, давая им еду, питье и ночлег. Это число стабильно росло и достигло 1000 человек в день – эффективный контроль такого количества уже был не под силу местным правоохранительным органам. Платформа Зеро превратилась в место, куда со всей страны съезжались самые проблемные (то

Platform Zero

In this way, the Pauluskerk became the epicentre of some of the most persistent social problems that plagued the city of Rotterdam in the 1980s and 1990s, a city that would match Castell's description of a dual city (5). The untiring engagement of Reverend Visser drove him to expand his area of work to include Rotterdam Central Station, which had become the scene of increasing friction between public transport users and the homeless and addicted. In 1987, Reverend Visser opened a facility just next to the station in order to resolve this issue. He called it 'Perron Nul' (Platform Zero).

Platform Zero provided an alternative to the train station itself. Drug addicts no longer had to hang out in the terminal, take drugs in the toilets or find shelter in the station's restaurant. They were now given their own space. At the beginning, the concept seemed to work well. Even the Netherlands Railways acknowledged that the situation

had improved. Pictures taken from that period show some puzzling scenes, for example, on one occasion Reverend Visser dressed up as Saint Nicholas (the Dutch version of Santa Claus) and visited those using Platform Zero. The images, however, paint a realistic picture of the efforts that were made to normalize, as much as possible, the lives of the addicted and indigent.

From the beginning, Platform Zero volunteers provided services to up to 100 people a day, including drinks, food, shelter and conversation. This number would steadily grow towards 1,000 users a day, a level which the local law enforcement authorities were no longer able to deal with effectively. Platform Zero had become a place where the most problematic (that is, mentally disturbed) drug users began to gather, coming from across the country. Tensions and clashes in 1992 and 1993 with taxi drivers and with the marines who were stationed in the city led to a climate in which the experiment would eventually derail. Platform Zero

есть с психическими нарушениями) наркоманы. Стычки с таксистами и моряками в 1992 и 1993 годах привели к ситуации, в которой эксперимент должен был потерпеть крах. Платформу Зеро закрыли в 1994 году, а священнику Виссеру пришлось вновь сконцентрировать свою деятельность на церкви Паулюскерк.

Строительство станции высокоскоростной магистрали

Теперь нам необходимо бросить взгляд на более широкое территориальное окружение церкви Паулюскерк и ее расположение в пешеходной доступности от центрального вокзала Роттердама. В 1998 году правительство Голландии приняло решение о строительстве высокоскоростного железнодорожного сообщения (HST) между аэропортом Шифоль в Амстердаме и бельгийской границей (HSL-Zuid). Центральный вокзал в Роттердаме должен был стать одним из трех остановочных пунктов на территории Голландии (два других – это сам аэропорт и центральный вокзал Амстердама) по пути следования высокоскоростного поезда до Брюсселя/Парижа. Считалось, что появление высокоскоростного поезда увеличит значимость центрального вокзала Роттердама как общественно-транспортного узла, при этом в качестве примера выступал французский Евралиль, где станция высокоскоростной магистрали дала необходимый экономический стимул индустриальному району

[6]. Учитывая, что Роттердам все еще находился на пути выхода из сильного экономического кризиса 1980-х, нельзя было оставить без внимания стратегическую ценность такой станции. В связи с этим, муниципалитет инициировал разработку генерального плана реконструкции вокзала и перепланировки прилегающей территории. Одновременно с этим Министерство жилищного обеспечения, планирования пространства и охраны окружающей среды Нидерландов (VROM) запустило специальную программу «Новые ключевые проекты» с целью реконструкции шести станций в городах: Роттердам, Амстердам, Гаага, Утрехт, Арнем и Бреда, которые должны были стать связующими звеньями скоростных линий до Брюсселя/Парижа и Кельна/Франкфурта. И хотя генеральный план вокзала в Роттердаме был уместным с политической точки зрения, по прошествии времени он оказался излишне сложным и дорогостоящим, а также не отвечающим потребностям горожан.

Центральный район Роттердама

Генеральный план вокзала и прилегающей территории был создан британским архитектором Вильямом Альсопом совместно с департаментом градостроительства Роттердама в 2001 году [7]. Согласно проекту, напротив вокзала должны были находиться офисные здания в форме бокалов для шампанского стоимостью

Священник Виссер распространяет купоны на еду среди наркозависимых по случаю празднования переезда Платформы Зеро. 15 марта 1993 года, фото: Пауль Столк. CC BY-NC-ND 2.0/Referent Visser distributes food coupons to drug addicts at the occasion of celebrating the relocation of Platform Zero, March 15, 1993, image by Paul Stolk. CC BY-NC-ND 2.0

Священник Виссер, переодетый в Святого Николая, на церемонии закрытия Платформы Зеро. 5 декабря 1994 года, фото: Пауль Столк. CC BY-NC-ND 2.0/Referent Visser dressed up as Saint Nicolas at the closing ceremony at Platform Zero, December 5, 1994. Image by Paul Stolk. CC BY-NC-ND 2.0

was to be closed in late 1994 and Reverend Visser would have to concentrate his activities in the Pauluskerk once more.

HST station development

At this point we need to look briefly at the broader spatial context of the Pauluskerk and its position within walking distance of Rotterdam Central Station. In 1998, the Dutch government decided on the construction of a High Speed Train (HST) connection between Schiphol Airport Amsterdam and the Belgium border (HSL-Zuid). Rotterdam Central was to be one of the three Dutch stops on the HSTlink to Brussels/Paris, alongside the airport itself and Amsterdam Central. It was considered that the arrival of the HST would strengthen the importance of Rotterdam Central as a public transport hub, with the EuraLille showcase in France having demonstrated how an HST terminal could provide a much needed economic boost to a predominantly industrial region (6). With Rotterdam still emerging from a severe economic recession experienced

in the 1980s, it was not in a position to ignore the strategic value of an HST station. Therefore, the city initiated the development of a master plan for the reconstruction of the station and the redevelopment of the adjacent area. In a parallel development, the Dutch Ministry of Housing, Spatial Planning and the Environment (VROM) initiated a special 'New Key Projects' programme, the aim of which was to redevelop the six train stations that would serve as HSTlinks with Brussels/Paris and Cologne/Frankfurt: Rotterdam, Amsterdam, The Hague, Utrecht, Arnhem and Breda. Although the master plan for the Rotterdam HST station was well-timed from a policy point of view, in hindsight it was unnecessarily complex and costly, while also failing to address important concerns of the city's citizens.

Rotterdam Central District

The master plan for the station and the adjacent area was presented in 2001, designed by the English architect William

Генеральный план Центрального общественно-транспортного узла Роттердама. Проект Вильяма Альсопа, 2001/ Master Plan for the Rotterdam Central public transit hub. Design by William Alsop. 2001.

около двух миллиардов евро, в которых должна была располагаться многоуровневая транспортная инфраструктура, частично размещенная под землей. Такие деньги город выделить не мог. Кроме того, население уже устало от больших градостроительных проектов, обещающих далекое светлое будущее, в то время как качество жизни в городе ухудшалось из-за проблем, связанных с наркотиками, преступностью и нелегальной иммиграцией. В 2002 году на местных выборах правящая социал-демократическая партия (PvdA), которая держалась у власти в Роттердаме с момента окончания Второй мировой войны, потерпела унижительное поражение. Возникшая ниоткуда местная партия Leefbaar

Rotterdam привлекла на свою сторону более одной трети голосов избирателей благодаря своей программе общенационального масштаба «качество жизни». Был учрежден новый городской совет, чье видение дальнейшего развития было диаметрально противоположным предыдущему. План Альсопа был отклонен, после чего был разработан новый генплан для центрального вокзала и окружающей территории, менее дорогостоящий и более эффективный. Он получил название «Центральный район Роттердама» [8].

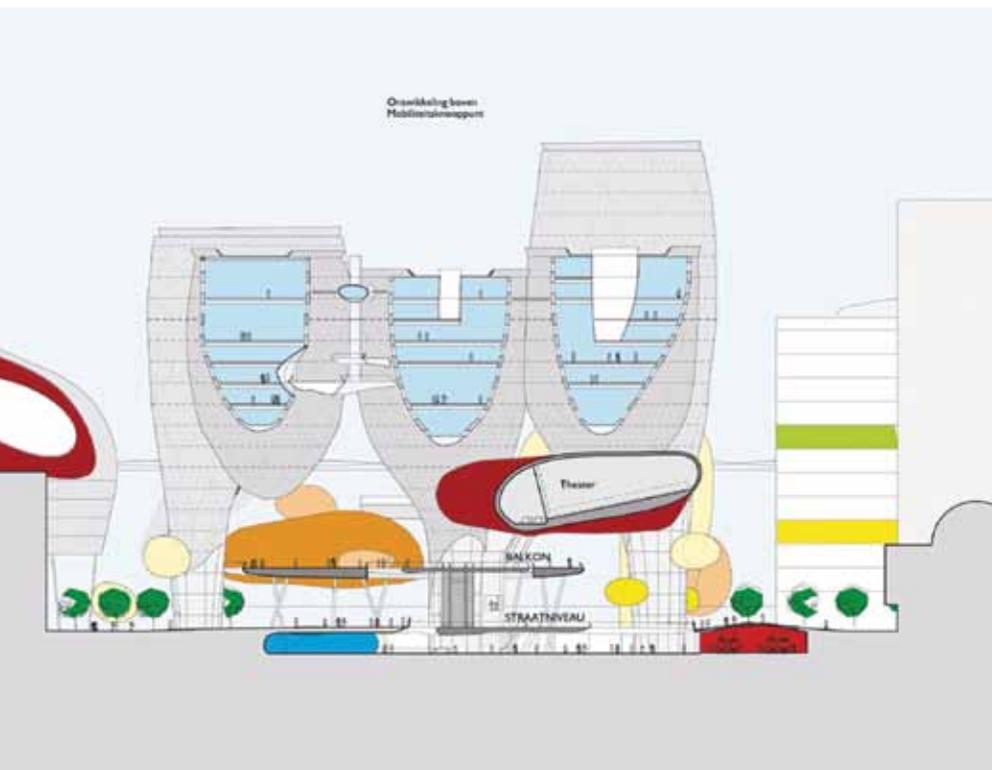
CalypSO

Но давайте вернемся к событиям сегодняшнего дня. 13 марта 2014 года король Виллем Александр торжественно открыл новый центральный вокзал Роттердама. За неделю до этого телевизионные новости показали архивные видеоматериалы о том, как во времена Платформы Зеро вокзал превратился в запретную зону [9], и продемонстрировали новый облик вокзала, выигрышно смотрящийся в этом сравнении. Центральный вокзал Роттердама по проекту Бенгема Кроувела действительно производит впечатление.

Однако телевизионщики, которые вели репортаж об открытии вокзала, не показали реализацию проекта CalypSO. Наряду со строительством центрального вокзала по соседству возводился футуристический проект, который включал в себя 400 квартир, офисы, магазины и... новую церковь Паулюскерк [10].

Старая церковь Паулюскерк была закрыта в 2006 году, а год спустя она была снесена вместе с отелем Rijn и кинотеатром CalypSO, дав место проекту CalypSo. В 2007 году священник Виссер ушел на пенсию в возрасте 65 лет.

Старая церковь Паулюскерк была построена на территории, принадлежащей голландской реформаторской церкви. Следовательно, церковь могла продать часть земли застройщику CalypSO, который в свою очередь построил бы новое здание церкви. Британский архитектор Вильям Альсоп, чей генеральный план отклонили в 2002 году, получил заказ на проектирование CalypSO, тем самым став автором и новой церкви Паулюскерк.

Alsop in collaboration with the Rotterdam urban planning department (7). The project featured iconic champagne glass-shaped office buildings just in front of the station and would cost about €2 billion due to its multi-level, partly underground transport facilities. This was money that the city obviously did not have. Moreover, the population had become tired of large urban projects that promised a far brighter future while the quality of life in the city was perceived to be deteriorating as a result of drug problems, crime and illegal immigration. In the 2002 local elections, the ruling social-democrat party (PvdA) suffered a humiliating defeat after having been in power in Rotterdam since the end of the Second World War. A local party called 'Leefbaar Rotterdam' came from nowhere, winning more than one-third of the popular vote on a 'quality of life' ticket that struck a chord nationally. A new city council was installed with a radically different perspective on the decisions to be made. The Alsop plan was scrapped and a new master plan for the central station and surrounding area was developed which

was less costly and more effective. It was dubbed Rotterdam Central District (8).

CalypSO

Let us now return to current events. On 13 March 2014, King Willem Alexander inaugurated the new Rotterdam Central Station. Just one week earlier, TV news was keen to air archival footage on how the station had become a no-go area during the Platform Zero era (9), demonstrating, in rich contrast, how much better it now looked. Rotterdam Central Station, designed by Bentheim Crouwel, is indeed monumental and impressive.

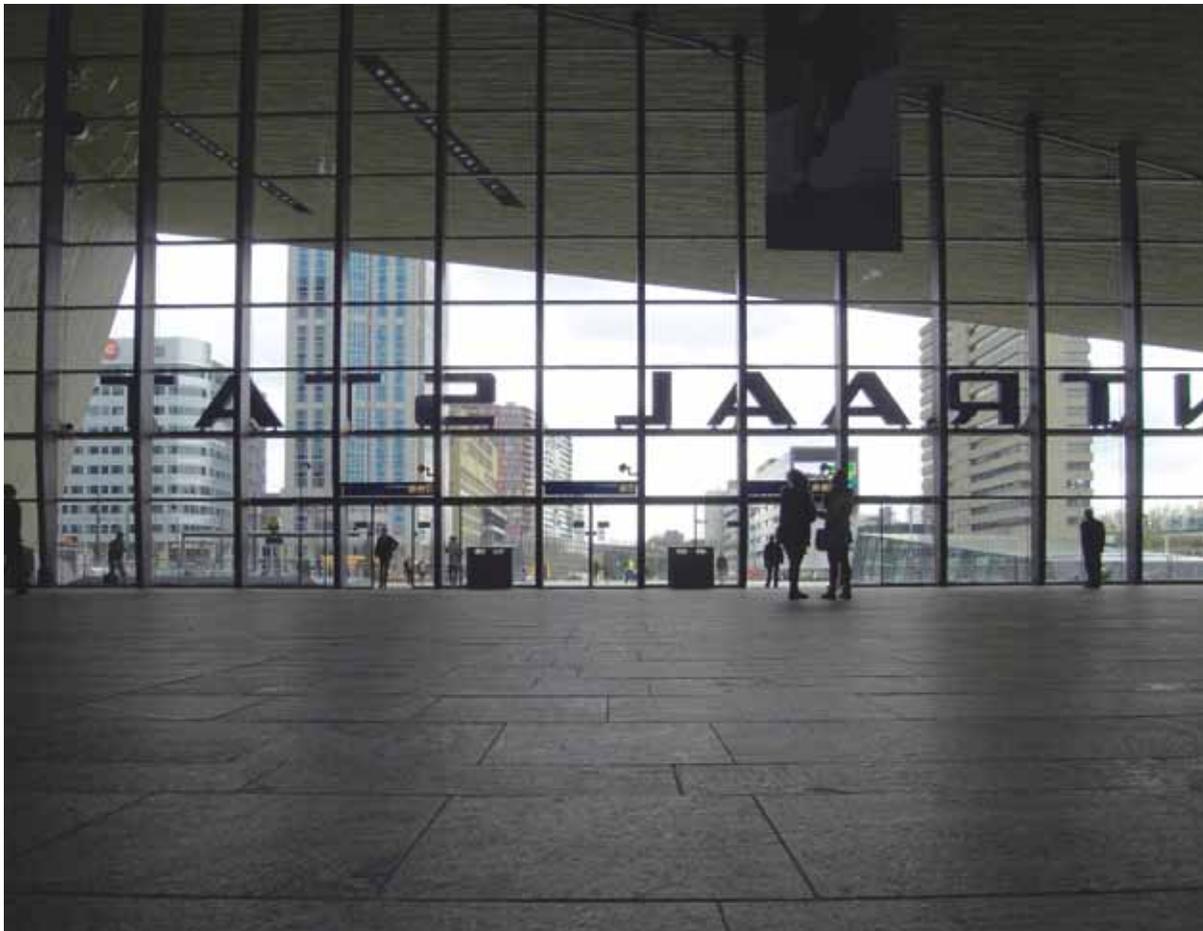
However, the television crews that reported on the opening of the train station did not document the development of the CalypSO project nearby. Along with the construction of Rotterdam Central, the city had developed a futuristic-looking project comprising 400 apartments, offices, shops and ... a new Pauluskerk (10).

Кристалл

Новая Паулюскерк с сегментированным медным фасадом по проекту Вильяма Альсопа вновь оказалась не похожа на церковь. Альсоп сравнивает ее с кристаллом, упавшим со скалы, из-за ее плотного примыкания к более высокому зданию – части проекта CalypSO. И снова колокол служит единственным декоративным элементом, свиде-

тельствующим о том, что это религиозное здание. Забота о наркозависимых перешла специальному фонду (Nico Adriaans Stichting), который предоставляет свои услуги децентрализованным способом и в малом масштабе, что обеспечивает более легкий контроль и эффективность работы. Однако церковь по-прежнему является тем местом, где бездомные и нищие могут получить еду

Центральный вокзал Роттердама по проекту Бентема Кроувела. Вид с терминала на CalypSO, 7 апреля 2014 года, фото Франка ван дер Хувена. CC BY 3.0/ Rotterdam Central Station. Design by Bentheim Crouwel. View from the terminal towards the CalypSO. 7 April 2014, image by Frank van der Hoeven. CC BY 3.0

The original Pauluskerk closed its doors in 2006 and was demolished the year after, along with the Rijn Hotel and the Calypso cinema, making way for the CalypSO project. In 2007, Reverend Visser retired at the age of 65.

The old Pauluskerk had been built on ground that was owned by the Dutch Reformed Church. Consequently, the church could sell part of the land to the developer of the CalypSO, who in his turn delivered a new church building. British architect, William Alsop who had seen his master plan scrapped back in 2002, was awarded the commission to design the CalypSO, and thus became the designer of the new Pauluskerk.

The Crystal

With its fragmented copper-plated facade, Alsop's Pauluskerk still does not look much like a church building. Alsop described it as a crystal which had fallen off a cliff referring to its location tight up against the base of the larger building that is part of the CalypSO project. Once

again, the bell is the only ornamental element to signify to passers by that it is a religious building. The care for the drug addicts has been transferred to a special foundation (Nico Adriaans Stichting) which organizes its services on a decentralized and small scale that can easily be contained and works to the satisfaction of all involved. However, the church is still a place where homeless people, refugees and others can eat or sleep (11). This means that the building remains the diaconal centre which it had developed into over the years.

The Pauluskerk was thus able to enter a new phase in its existence. It may no longer be a point of controversy, and the new inhabitants of the CalypSO will most probably not mind, despite paying roughly €3,000 per square metre for their apartments, ranging from 60 to 220 square metres in size (12). Ultimately, the redevelopment of Rotterdam city centre thus required an alternative to the original approach envisaged by Reverend Visser. The demolition of the original church

Паулюскерк, уличные сцены. 6 апреля 2014 года, фото Франка ван дер Хувена. CC BY 3.0/
Pauluskerk, street scenes. 6 April 2014, image by Frank van der Hoeven. CC BY 3.0

и ночлег [11]. Это означает, что здание сохранило статус дьяконского центра с многолетней историей развития.

Таким образом, церковь Паулюскерк смогла войти в новую фазу своего существования. Возможно, она уже не будет камнем преткновения, а новые жители CalypSO, скорее всего, не будут выступать против нее, не смотря на то, что они платят около 3000 евро за квадратный метр своего жилья, размеры которого варьируются от 60 до 220 кв.м. [12]. Итак, для перепланировки центра города Роттердама потребовалась альтернатива первоначальному подходу, намеченному священником Виссером. Снос старой церкви и строительство нового здания ясно свидетельствуют об определенных изменениях в политике муниципалитета.

Заключение

История церкви Паулюскерк стала показателем того, как совокупность социальных проблем (бездомность, нищета, наркозависимость, низкое качество жизни), экономических интересов (строительство станции высокоскоростной магистрали HST, застройка центральной части города) и политических решений (в отношении наркозависимых, генерального плана, обновления центральной части города, новых ключевых проектов) способствовала появлению нового здания церкви по проекту Вильяма Альсопа, сильно отличающегося от первоначального здания, но в то же время носящего его черты.

Муниципалитет пришел к выводу, что проблемы наркомании и бездомности должны решаться на местном уровне и согласно модели децентрализации. В случае

building and the reconstruction of a new one represents a clear change of direction in the city's politics.

Conclusion

The case of the Pauluskerk demonstrates how an agglomeration of societal issues (homelessness, asylum seekers, drug use, the quality of life), economic interests (HST station development, inner-city project development) and policymaking (drugs, master plan, inner-city renewal, new key projects) produced a new church building designed by William Alsop that is rather different from, but yet similar to, the original religious building.

The city learned that it must address the problems of drug abuse and homelessness, but on a local scale and according to a decentralized model. The revitalization of the city centre must promote an above-average quality of life if it is to succeed. As Rotterdam painfully discovered, the city centre is therefore not the best place for social experiments such as

the Pauluskerk or Platform Zero. The policy shifts regarding the Rotterdam Central Station area and the Pauluskerk which led to the success of a number of development projects (new train terminal, Rotterdam Central District, CalypSO and Alsop's Pauluskerk) bear witness to a new direction in the urban management of the city. And, for what it is worth, the New York Times rated Rotterdam number 10 on its list of '52 Places to Go in 2014' (13). There seems to be something in the new approach that even resonates globally.

Литература / References

1. Van der Hoeven, F. (2013). Deconstructing Rotterdam's modern city centre. *Project Baikal*, 10(36), 60-71. Retrieved from <<http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/133>>.
2. Van Veen, B. (1961, June 17). Pauluskerke Rotterdam. *Bouw* 24, pp.740-741.
3. Van Veen, B. (1961). Pauluskerkaan de Mauritswegte Rotterdam. *Bouwkundig Weekblad*, 23, pp.456-459.

Паулюскерк в Роттердаме по проекту Вильяма Альсопа, 7 апреля 2014 года, фото: Франк ван дер Хувен. CC BY 3.0/
Pauluskerk in Rotterdam. Design by William Alsop. 7 April 2014, image by Frank van der Hoeven. CC BY 3.0

CalypSo. 6 апреля 2014 года, фото Франка ван дер Хувена. CC BY 3.0 /CalypSO. April 6, 2014. Image by Frank van der Hoeven. CC BY 3.0.

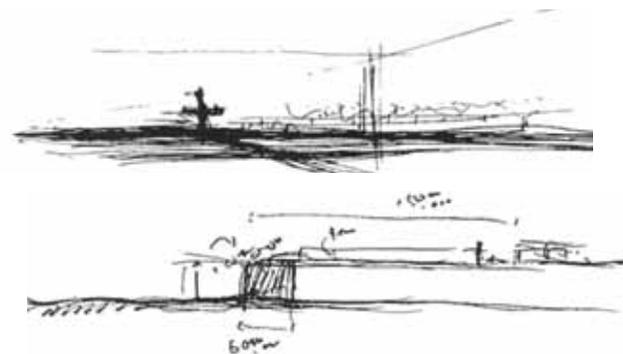
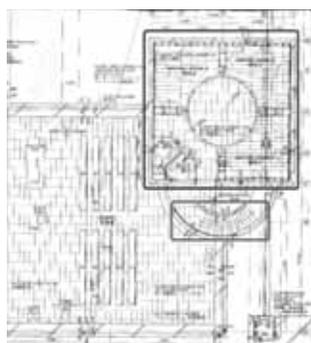
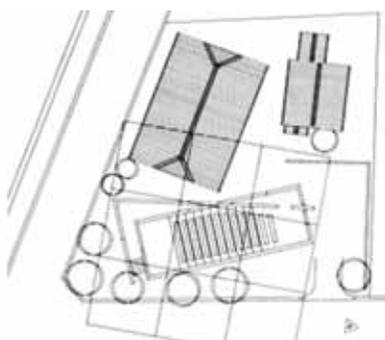
4. Rowles, M. & Schell, B. (2001). A Human in Action: The Reverend Hans Visser of the Pauluskerk in Rotterdam. Retrieved 1 April 2014, from <<http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/12-a-human-in-action-the-reverend-hans-visser-of-the-pauluskerk-in-rotterdam>>.
5. Mollenkopf, J.H. & Catells, M. (1992). Dual City. Restructuring New York. New York, NY: Russell Sage Foundation.
6. Trip, J.J. (2004, July) The contribution of HST-related development projects to a competitive urban climate. Rotterdam Centraal and Euralille. Paper presented at the City Futures Conference, Chicago, IL. Retrieved 1 April 2014 from <http://www.feweb.vu.nl/en/Images/spatial10_tcm97-122715.pdf>.
7. Alsop Architects. (2001). Rotterdam Centraalontwerp Masterplan. Projectbureau Rotterdam Centraal/Alsop Architects, Rotterdam/London.
8. Mara, F. (2013). Rocky Rotterdam: CalypSO by Alsop Architects, Will Alsop now ALL Design. Retrieved 1 April 2014

from <<http://www.architectsjournal.co.uk/buildings/rocky-rotterdam/8654695.article>>.

9. NOS. (2014). Het nieuwe Rotterdam Centraal is af. Retrieved 1 April 2014 from <<http://nos.nl/video/619914-het-nieuwe-rotterdam-centraal-is-af.html>>.
10. AM & Volkerwessels. (2012). CalypSO Rotterdam. Retrieved 1 April 2014 from <<http://www.calypsoyou.nl>>.
11. Diaconaal Centrum Pauluskerk Rotterdam. (2013). Beleidsplan. Retrieved 1 April 2014 from <<http://www.pauluskerkrotterdam.nl/over-de-pauluskerk/organisatie/beleidsplan/>>.
12. Kraemer, O. (2012). Apo-Calypso. Retrieved 1 April 2014 from <http://kanairo.wordpress.com/tag/pauluskerk/>
13. Mala, E. (2014) 52 Places to Go in 2014: 10. Rotterdam, the Netherlands. The New York Times. Retrieved 1 April 2014 from <<http://www.nytimes.com/interactive/2014/01/10/travel/2014-places-to-go.html?>>.

успешной модернизации центра города уровень жизни населения должен стать выше среднего. По горькому опыту Роттердама можно сделать вывод, что центр города – не самое лучшее место для социальных экспериментов, таких как Паулюскерк или Платформа Зеро. Сдвиги в политическом курсе, касающиеся территории Центрального вокзала Роттердама и церкви Паулюскерк, которые привели к успешной реализации ряда градостроительных проектов (новый железнодорожный терминал, центральный район Роттердама, CalypSo и Паулюскерк архитектора Альсопа), говорят о новом направлении в управлении городской средой. Кстати сказать, газета «Нью-Йорк Таймс» поставила Роттердам на десятое место в списке «52 мест, которые стоит посетить в 2014 году» [13]. Похоже, что новый подход вызывает интерес даже за рубежом.

Дайджест. Две церкви Тадао Андо

Объект: Церковь Света (Church of the Light)

Место: Ибараки, Япония 1991 г.

Архитектор: Тадао Андо

Так же как и Храм на воде Церковь Света отражает философскую парадигму Андо — тонкой взаимосвязи между природой и архитектурой. Когда нематериальная сущность света играет роль в создании пространства и атмосферы внутри него не меньшую, чем материальные стены и потолок.

Объект: Церковь на воде

Место: Хакайдо, Япония 1988 г.

Архитектор: Тадао Андо

Храм на воде – христианский храм. Основным инструментом архитектуры церкви является окружающая природа. Бетонные стены лишь правильно обрамляют и подают природную красоту зрителю. Войдя в часовню, посетителю открывается самый эмоциональный вид: пруд, окруженный деревьями и распятие установленное прямо на воде.

On an area of private parkland in the historic town of Versailles, this stunning new chapel has been built to replace a simple canvas marquee. The large tent formerly provided a modest place of worship for the religious community of the Deaconesses of Reuilly, before a gale in 1999 caused its near destruction. The severe damage, both to the tent and the park, led the Deaconesses to decide on the construction of a permanent, durable chapel.

The Deaconesses asked Marc Rolinet to design their new chapel. Their wish was that this would be, in a symbolic echo of the tent – a discreet, but warm and welcoming refuge. The challenge for the architect was to create a structure in harmony with its natural surroundings, yet with lasting character and strength.

An architecture of contrasts

In a metaphor for unity of the spiritual and corporeal, the building's two tiers are designed to aesthetically counterbalance each other. The geometric, triangular form

Часовня диаконис Рейли/ The Chapel of the Deaconesses of Reuilly

текст
Марк Ролине /
text
Marc Rolinet

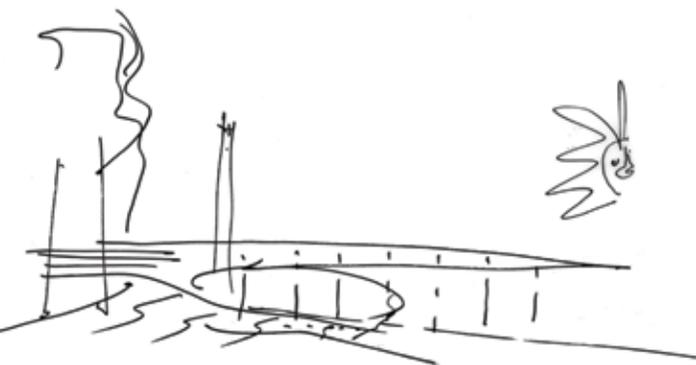
Эта часовня была построена на месте простого парусинового шатра на частной парковой территории в историческом городе Версаль. Раньше религиозное сообщество диаконис Рейли использовало шатер в качестве молитвенного дома, который в 1999 был практически разрушен штормовым ветром. Из-за сильных повреждений шатра и парка диаконисы приняли решение о строительстве более прочной часовни.

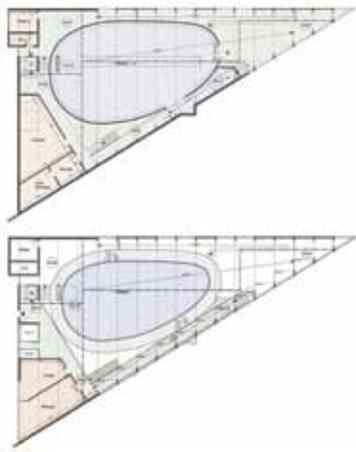
Проектирование новой часовни было поручено Марку Ролине. Диаконисы попросили его, чтобы новая часовня символически была похожа на скромное, но теплое и гостеприимное укрытие. Перед архитектором стояла задача создать конструкцию, гармонично сочетающуюся с естественной средой и, кроме того, прочную и долговечную.

Архитектура контрастов

Здание состоит из двух уровней, которые эстетически уравнивают друг друга, воплощая метафору единства духовного и телесного. Треугольная наружная конструкция из прозрачного стекла обрамляет внутренний каркас органической формы, состоящий из перекрещивающихся гибких деревянных реек.

Образуя структурный переход, пространство между двумя лежащими друг на друге слоями представляет собой естественный коридор для медитативных прогу-

of a transparent glass casing envelops a sculptural, organic-form interior 'shell', constructed from interlaced, supple wooden slats.

While creating a structural transition, the space between the two superimposed 'layers' opens up a natural corridor area for meditative strolling. The curve of the building's wooden core is echoed in the seamlessness and continuity of this walkway, which, encircling the chapel, rises at a gentle angle towards the farthest end of the building, then descends again discreetly towards the chapel entrance, following the natural rise and fall of the terrain.

The use of natural materials reinforces the chapel's integration into its woodland environment, but also gives it durability in time, establishing it as both contemporary and lasting.

Conceived for minimal use of tri-dimensional steel supports, the clear glass 'skin' creates a volume substantial enough to balance with the solidity of the interior

wooden core, while retaining the essential lightness and transparency with which this whole project is infused.

An architecture of light

The chapel benefits from almost 360° exposure to daylight, filtered only here and there through tall trees. Vast glass façades allow the interior spaces to be washed in natural light which is in turn reflected in myriad directions. The tapering angle of the transparent 'canopy' gives a rising impression to the chapel's silhouette, and this, along with the dramatic interplay of light, gives an animated feel to the building that is in counterpoint with the pureness of its structural lines.

Balancing and intermingling volume and space

The aperture-like entrance to the chapel invites discovery of a unique interior – intimate, with more filtered, subdued light, yet still richly illuminated by the sun's rays that seep through the latticed shell. While the outer glass screen

лок. Изгиб деревянного ядра здания перекликается с непрерывностью этого перехода, который, проходя вокруг часовни, поднимается под легким углом к дальнему концу здания, а затем мягко спускается к входу, повторяя естественные уклоны рельефа.

Использование природных материалов усиливает слияние часовни с окружающим лесным массивом.

При минимальном использовании трехмерных стальных опор «оболочка» из стекла создает объем, достаточный для того, чтобы оптимально сочетаться с массивностью внутреннего деревянного ядра, при этом сохраняя легкость и прозрачность, которые лежат в основе всего проекта.

Архитектура света

Дневной свет попадает в здание практически со всех сторон, лишь местами рассеиваясь через кроны высоких деревьев. Благодаря широким стеклянным фасадам внутреннее пространство омывается естественным светом, который отражается во многих направлениях. Уклон прозрачного навеса создает ощущение возвышенности, что вместе с эффектной игрой света придает зданию динамичность на фоне четких очертаний конструкции.

Баланс и соединение объема и пространства

Сквозь узкий вход в часовню вы попадаете в уникальное уютное помещение, наполненное более мягким, рассеянным светом солнечных лучей, которые просачиваются сквозь решетчатую оболочку. В то время как внешнее стекло ловит и отражает свет, внутренняя деревянная решетка преломляет и рассеивает его.

Изогнутые очертания помещения ассоциируются с музыкой (выпуклая полая форма напоминает средневековый инструмент); с пещерой или укрытием первобытного человека; и с первоначальным шатром – благодаря мягкому свечению, поступающему сквозь деревянную решетку так же, как когда-то оно проходило сквозь ткань.

Стекло, дерево и биоклиматическая архитектура: естественное взаимодействие

В основе проекта часовни лежит принцип устойчивости, согласно которому оптимально используются долговечные природные материалы и обеспечивается экологи-

catches and reflects light, the second, inner 'screen' of trellised wood refracts and diffuses it.

The curved form of this interior resonates with inferences – to music: the bowed, hollow shape recalling a medieval instrument; to a cave, the primal shelter; and again, to the tent the building has replaced, with the light softly permeating the wood as it once shone through the woven canvas.

Glass, wood and bioclimatic architecture: a natural synergy

Sustainable principles underpin the chapel's design which optimises natural, durable materials and environmentally sound function. Additional spaces beyond the cloister are designed for flexible use, while the benefits of a natural lighting strategy are complemented by maximised use of natural ventilation. The bioclimatic function of glass and wood, which balances with the materials' aesthetic value, is a key issue for the architect.

чески безопасное функционирование. Дополнительные пространства за пределами клуатра универсальны в применении, а преимущества стратегии естественного освещения подкреплены максимальным использованием естественной вентиляции. В основу проекта заложена биоклиматическая функция стекла и дерева в сочетании с эстетической ценностью материалов.

Здание предназначено для пассивного использования энергии с учетом местного климата. Тепло проходит сквозь деревянную оболочку, что идет на пользу промежуточным пространствам в период, когда используется центральное отопление. Существуют также периоды, когда солнечный свет, струящийся через стеклянную панель, производит достаточно тепла, и пористая система работает в обратном направлении.

Биомимикрия и развитие проекта

Мембрана, кокон, а также другие элементы, где постоянно присутствуют взаимодействие с климатом и экологический аспект, делают проект многогранным, воплощающим как современные, так и вечные принципы.

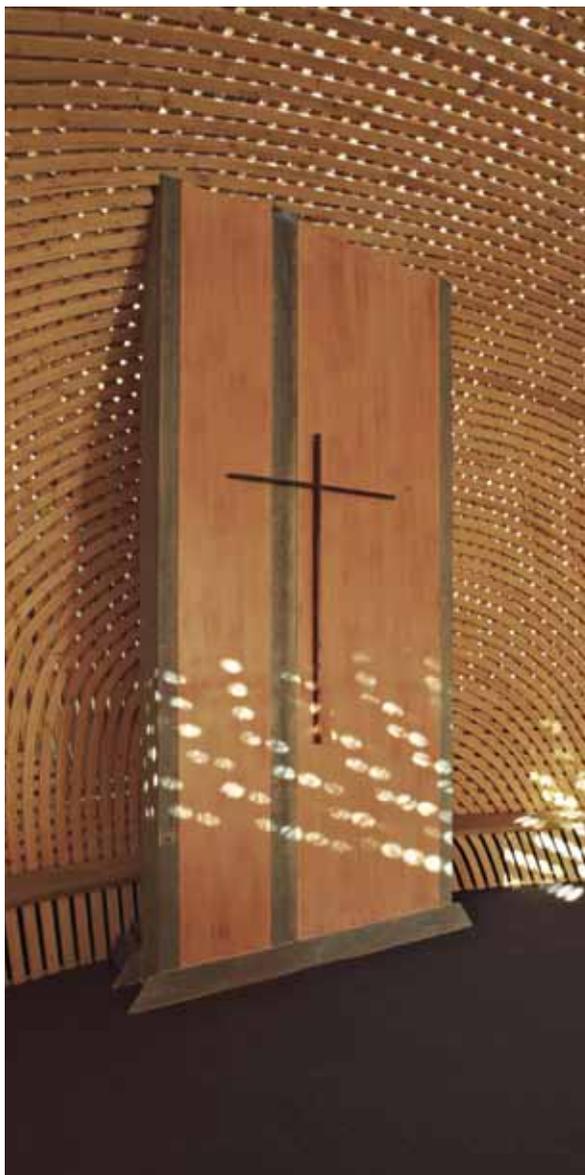
Сейчас, когда будущее природной среды и рациональное применение новых технологий находятся в фокусе социального сознания, концепция Марка Ролине воплотилась в работе, элегантно и разумно соединяющей основополагающие принципы архитектуры: пространство, материалы и свет.

The building is designed for passive energy efficiency which adapts to the local climate. Heat passes through the wood skin, to the benefit of the intermediary spaces when the central heating is in use. There are then periods when the sunlight, shining through the glass panels, produces significant heat, and the porous system works in reverse.

Biomimicry and evolving design

Rich in references to nature and ecology – the membrane, the cocoon, an eternal interaction with the elements and the climate – this structure is a multi-dimensional expression of both contemporary and enduring principles.

At a time when the future of the natural environment and a constructive relationship with new technologies are at the forefront of social consciousness, Marc Rolinet's vision has resulted in an inspiring work, intelligently and elegantly synthesising the fundamental elements of architecture: space, materials and light.

заказчик

Сообщество диаконис Рейли

главный архитектор

Марк Ролине

стоимость

€2 600 000
(исключая налог)

общая полезная площадь

620 кв.м. на 4 уровнях

площадь участка

40 156 кв.м./

project owner

La Communauté des
Diaconesses de Reuilly

project leader

Marc Rolinet

cost

€2 600 000 (ex tax)

surfaces

620 m² SHON on 4 levels

surface of site

40 156 m²

Вид со смотровой площадки на живописный
Селезневский распадок и далее – на Овсянку

О вечном: путевые заметки в Красноярском урочище. Прозрения

Аннотация

Статья рассказывает о своеобразии природного Красноярского урочища и сохранении подлинной исторической романтики большого города на великой реке с традициями деревянного и храмового зодчества, сбережении настоящего культурного наследия.

Ключевые слова

Средовое окружение, культурное наследие, деревянное зодчество, храмы

Л Манское село Нарва, фото Калачева. 1936 г. ККМ

У Северные скалы вблизи Знаменского скита и поныне великолепны как на старом (фото ККМ)

**Плывут облака отдыхать после долгого дня.
Стремительных птиц улетела последняя стая.
Гляжу я на горы, и горы глядят на меня, и так
Мы сидим, друг друга не утомляя...
(Ли Бо, VIII век)**

И рождается творческое созерцание, понимание единства средового окружения – это и есть любовь. Это поклонение Божественной Природе как храму и основе земной жизни, особенно в Сибири ощутимо и бережно сохранено потомками как главная идея русских промысловиков и казаков-первопроходцев. Жизнь общины в природных просторах – на воле и слитность с окружением деревни или города.

С юга обрамляет город в урочище великолепная горно-таежная зона Куйсумов и заповедника «Столбы».

Красива дорога на Дивногорск над Енисеем и располагает к раздумью, а за беседой с бабульками-певуньями узнаем такие ценные деревенские истории, что сами просятся на бумагу. Овсянские жители вспоминают, как при возвращении в деревню В.П. Астафьев был удивлен названию «Слизнево», появившемуся незаметно

на месте живописного распадка и речки Селезнево, где на енисейских отмелях при повороте реки было много уток (да очень хлопотно было менять название – на прежнее...). А нынешние дети даже и не скажут вам кто такой селезень – им «стерли» древнюю память западными однообразными мультиками-сериалами и тем, что в 1960-е годы поменяли дорожный указатель, обратив народное название в непонятную «слизь»... Поколения сменились и значения забылись, помнят только бабушки в Овсянке как происходили эти перемены и подмены. При произношении нового названия сельчане все же упорно делают ударение на привычное срединное «е». Вся эта путаница дорожных указателей подобна ерничанью, что в народном понимании означает передергивание смысла – со скользким оттенком, всегда происходящее при спящей совести человека... Ерничанье это противоположно юмору и смеху, и не вписывается в твердые нравственные устои и обычаи народа. Корни явления таких сибирских «усмешек» объясняются, возможно, послевоенным планом Даллеса, предполагавшим «сделать ставку в развале великой Державы на советскую молодежь...», перевернув в наших умах решительно все: «свет-

v Вблизи мужского Знаменского скита на рубеже XIX–XX веков

лое – очернить, демонстрировать неуважение к родной истории и культуре дедов, стереть память о былом». А в заключение этого плана было цинично заявлено: «Так мы это сделаем!». Про пресловутый план, вдохновленный энергией Черчилля: «Русских не победить, но можно растлить...» все будто позабыли за 67 лет (более двух новых поколений уже пришло), но он развивается как запущенный «бессознательный» злой механизм. И события в Украине с 1994 г. явственно подтверждают это. Хорошо иркутянам – у них есть В.Г. Распутин как истинная живая совесть, а в нашем регионе особенно необычайное, почти чрезвычайное отношение к подлинному культурному красноярскому наследию – об искажении правды и подлинной истории надо вкратце сообщить здесь.

Так жители села Выезжий Лог Манского района, где в 1967 г. снимался фильм «Хозяин тайги» бережно хранили дом, в котором жил главный герой фильма и любимый сибирским народом В.С. Высоцкий – здесь дорога спускается к речке Мане. Ныне там каждый год проводится фестиваль памяти Высоцкого и камень на берегу напоминает о тех временах, а дом то – святыня сельчан и всех почитателей подлинной правды жизни не уцелел... Теперь стена от него перевезена в ресторан в «Бобровом логу», как взбрело в голову кому-то из культурных чиновников – так и распорядились народным наследием враз по своему усмотрению, когда строился фан-парк.

Да и подлинный скромный дом бедной бабушки самого В.П. Астафьева, который хотели бы посмотреть ценители творчества и представить детство писателя в деревне Овсянке – «утрачен» стараниями краевых властей и «реставраторов», вопреки даже возмущениям вдовы его! Так сказать «облагородили» родные места писателя на свой вкус... На том месте теперь образцовая усадьба с гляцевым домом ничего общего не имеющая с истинным домиком старушки-певуны Катерины Петровны и сколько уже возмущений слышали от гостей, просто не передать... А видели бы зодчие-реставраторы или хоть плотники подобие карниза в том новоделе перестроечных времен – о-о-о! это ж «ни пером описать...» Да вот верно же сказал перед уходом покаянное слово оставивший: «Я пришел в этот мир добрый, родной, и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам больше на прощанье».

При подъезде к Дивногорску с востока – до осени 2011 г. был указатель «Гермагенов ручей» по имени плотника, срубившего церковь Знаменского скита и Нарвскую Троицкую – на речке Мане. Зодчего Гермагена из Киренского монастыря Иркутской губернии пригласили красноярские монахи для возведения храмов «по образу» – как было принято издревле и если бы не было названия ручья, то о мастере бы и не вспомнили. И логичен

был указатель с его именем на востоке от города. Новая табличка у ручья теперь – «Филаретов...» по имени настоятеля Знаменского скита, но все дивногорцы знают, что Филаретов ключ с вкуснейшей водой в листованном ложе протекает выше. Это в горном распадке рядом с крутой лыжной трассой, и спускается ручей к Енисею западнее скита и дендрария на его территории. Кому же понадобилось в 2000-х годах вводить народ в заблуждение, обозначая на дороге с востока Филаретов ручей далеко за въездом в Дивногорск, будто Филарет никакого отношения не имеет к Знаменскому скиту?

Итак «Гермагенов» ручей, если не глядеть на путанные поздние таблички, находится на подезде к городу Дивногорску. Это редкое название из греческой мифологии давно интересовало нас, но без пользы было спрашивать народ Дивного, никто не мог ответить что-либо, поясняющее старинный дорожный указатель. А народ дивногорский неспроста сохранил благодарную память о нем в названии ручья, возможно плотник Гермаген оставался здесь жить на долгое время...

Главное, наверное, в любом поиске, как и в творческом научном интересе, это – правильно поставленный вопрос, даже если и только для себя – все же ответ обязательно придет и часто весьма неожиданно...

Летнее открытие 2007 г.: В красноярском краеведческом музее (ККМ), занимаясь предпроектными исследованиями по реставрации церкви в Верхней Кежме – д. Мозговой, в июле 2007 года и пересматривая изображения всех деревянных храмов Енисейской губернии, нечаянно обнаружили стеклянные негативы Манского деревянного храма у мельницы в районе Нарвы. Тогда еще и не чаяли, что здесь – истоки названия дивногорского ручья, а возможно и самого Дивного города. Запоминающийся образ Нарвской Троицкой церкви наподобие сказочного трехглавого Змея-Горыныча запечатлелся в памяти, а по прежним работам для Енисейской епархии в госархиве Красноярского края – (ГАКК, по ул. К. Маркса, 6), знали, что это была Манская заимка с мельницей и покосами загородного Успенского общеземского монастыря на Плотбище. Ныне он расположен выше по течению Енисея – от академгородка и рядом с археологической стоянкой «Плотбище».

В Иркутске, где я собирала материалы аналогов по всему Приангарью – для проекта восстановления кежемского храма, этим же летом прояснилось про Нарву на речке Мана и Дивногорский скит Знамения. Воистину, подтверждается, что: «случай – это псевдоним Бога,

когда он не желает подписывать свое имя...». Благодарение иркутскому подвижнику начала XX века, изучавшему деревянное зодчество Сибири, замечательному Ивану Иннокентьевичу Серебрянникову. Мы и ранее встречали – в красноярском архиве упоминания о нем, в связи с его трудами по древним деревянным башням и храмам. Он знаменит в научных кругах летописью о прибайкальской Сибири, а также и редкими краеведческими фотофондами. В Иркутском областном архиве меня сразу спросили: «Видели выставку, посвященную И.И. Серебрянникову в Молчановской публичной библиотеке?» – (Как раз проходившую в эту неделю...) И что же находим? Удача! В представленных фото Киренского монастыря Илимского воеводства Иркутской губернии – образец нашего деревянного двухсветного скитского храма Знамения в Дивногорске (фото ККМ, № 1001) – строил ангарский монах Гермаген...

А в красноярском архиве есть документы, подтверждающие, что Успенскому монастырю, кроме живописных угодий по двум берегам Енисея – до Знаменского скита, были выделены дополнительно позже, специально для пашни, покосов и мельницы – земли на речке Мане. Это и была дальняя монастырская заимка в Нарве, которую облюбовала позже при переселении в Сибирь белорусская община.

Да и Киренский деревянный храм с тремя главами (по проекту А.Н. Померанцева) удивительно схож, что называется – «один в один» (см. фото ККМ, №о/ф. 10406/400; №24457/1 – 1936 г., ф. Калачев, Нарва, «у мельницы»...), с Троицкой церковью в Нарве – такого же яркого образа, деревянная церквушка, найденная на стеклянных негативах из нашего красноярского краеведческого музея, но не сохранившаяся донны.

В 2007 г., когда мы проводили системные разыскания с помощью сотрудников архива по объектам деревянного зодчества и храмам Енисейской губернии в связи с предстоящим затоплением Богучанского водохранилища, обнаружили приятно поразившие нас факты. Большинство храмов региона было посвящено Троице и в каждом селении почти, а в городе непременно, был Троицкий храм. Так значимо было издревле в русской культуре триединство, что шло от уважения к корням рода, укреплявшего Дух человека, дававшего приют бессмертной Душе и ее воплощению на земле с чувствами и мыслями – разумному верующему православному жителю деревни, села или города. Так каждая деревенская община, предпо-

лагая строительство церкви в своем приходе, предпочтение отдавала образу Триединства – Животворящей Троицы Господней.

Манское Белогорье (и Нарва) по расположению хозяйственно было связано с Илимским воеводством Иркутской губернии и красноярские монахи Успенского общежительного монастыря пригласили Гермагена-плотника из Киренского монастыря срубить Троицкую церковь у мельницы в Нарве по образцу киренского деревянного храма. В 1888 г. – в Дивном был отстроен Знаменский скит с деревянным храмом – от Успенского мужского монастыря – для монахов-схимников.

Возможно, что и этот илимский мастер первым назвал места в устье Маны и далее на запад – дивными. А скитскую церковь на берегу срубил по образцу киренской, точно повторяющую формы построенного им ранее киренского монастырского храма – с шатровой колоколенкой и скромными наличниками, обрамленными «заушиниками» по углам. Стоит внимательно рассмотреть фото ККМ (Красноярского краеведческого музея) №3244/92 и о/ф.10275/29, №3173/150 и сравнить с иркутскими храмами XIX века – вы убедитесь в подобии образов.

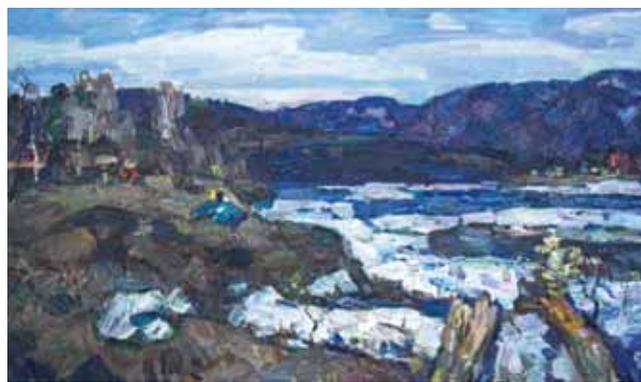
Документов о строительстве 2-х дивных храмов пока не обнаружено в Красноярске – только фото музея. Это объясняется тем, что восточная часть Манского Белогорья, как и Верхнего Приангарья в XVIII и XIX веках относились к Иркутской губернии – Илимскому воеводству, поэтому там более сохранилось подтверждений о нашей истории. Вероятно у иркутян бережнее отношение к своим истокам.

Картины В. А. Сергина «Вечер в верховьях Маны» и «Ледоход на Мане» показывают величие окружающих мест и понятно восхищение киренского монаха Гермагена...

У каждого города есть своя идея развития, географическая специфика, пейзаж и световой климат. Например, в Дивногорье солнце приходит лишь к десяти часам утра, постепенно высвечивая горы и Енисейскую синь с северной стороны – в насыщенных цветовых переливах – особенная свежесть городского колорита. Это давно отметили художники и верно, поэтому так ярко представляют на зональных выставках свой любимый город в разных состояниях дивногорские мастера.

Итак, история двух дивных храмов прояснилась из названия ручья Гермагенова.

Есть еще одна загадка, не дающая покоя исследователям-дендрологам... В дендрарии вблизи «старого скита» вдоль берега Енисея – по направлению запад-восток есть «аллея» из девяти

мощных древних кедров, ровно расположенных, которым по виду не менее трехсот лет... Кто мог их высадить на равном расстоянии друг от друга на одной линии на крутом берегу – три века назад или даже более того? Диды подсказывают, что название «Старый Скит» идет от старинной староверческой часовни, стоявшей на опушке леса на склоне сопки – выше Знаменского храма 1880-х годов. Это какая-то тайна скита...

Так вспоминая основные символы и подмену их значения, прежде обратим внимание на силуэт часовни на Караульной горе в центре Красноярска – памятное место героической защиты острога Красного яра – вот она стоит как игрушечка с большой маковкой, а была ведь в образе стрелы с маленьким яблочком на барабане. Надо возратить истинные пропорции завершению бывшей «сторожевой» башни на горе Кум-Тигей (с тюрк. – тугой тетивы лука), возведенной горожанами в память об отважных служилых людях... Ныне веселая громадных размеров маковица уже растиражирована во многих изданиях, но ведь всем известно, что неверные пропорции худо влияют на душевное здоровье. И почему в Красноярске в 1997 г. было возможно так лихо заменить форму главного символа города, охраняемого государством?

Ныне даже Троица не празднуется в Дивногорске и Овсянке – выборы важ-

△ Картины В.А. Сергина «Вечер в верховьях Маны» и «Ледоход на Мане»

Л Вид Успенского обще-
жительного монастыря
с братским корпусом и
храмом на берегу Енисея,
западнее Красноярска
(фото ККМ)

нее, все средства определены на них, а на организацию народных певческих коллективов и детских студий из других районов, как это происходило в лето 2007–2009 годов – нет возможности у администрации. Народная культура, это очевидно существует отдельно от лозунгов о патриотизме и родной истории. Мы бы и не вспомнили без овсянских бабулек-певуний этих традиций начала лета, когда праздновали Троицу на приречных лугах, плели венки из полевых цветов, водили хороводы и пели песни о трех стихиях – земле, воде и ветре на берегу Енисея.

Когда убрали буквы со смыслом и духом древнего языка, исказили образы, то и возможно стало посеять страх... И вот уж русская буква «е» намеренно убирается из печатных изданий – сколько букв уж выброшено постепенно: с IX века (уничтожались берестяные дощечки и древние книги), в XVIII-м и начале XX-го – из русской азбуки, чтобы дети вообще не понимали сути родной словесности. Когда убрали буквы со смыслом и духом древнего языка – исказили образы, то и возможно стало посеять страх, «окрестить рабами» и внушать нужное правящим слоям... Так седьмая буква настоящей старинной азбуки называлась «Есмь», со звуком «йе» и означала связь и многомерность развития, что только теперь постигают ученые, исследуя кластеры. Двенадцатую букву, которая показывала образ Мира-Вселенной – звали «Ижен». Тринадцатая буква «Инить» со звуком «и» значила общинное житье, что называлось в старину «всем миром...» помогали, например, миряне строить дом

новой семье. А четырнадцатая буква «Гервь» со звуком «гх» обозначала прекрасное душевное женское начало, да и на Украине до сих пор говорят «гхарна дивчина», и «гхеть» подразумевая – стремиться к чему-то прекрасному...

Далее изъята была буква «Оукъ» (25-ая со звуком «оу») – означавшая Устои! Вот так многозначна была... Как и всякая значительная буква «Ять» со звуком «ие» – отмечала Божественную связь человека с Творцом, и ныне определение чего-либо – «на ять!» подразумевает высочайший уровень... Эту букву, стоявшую у многих слов, не смог убрать даже Петр I, и удалось только в XX веке, когда необходимы стали посредники для соединения с Богом в виде священников... Двадцать восьмая буква «Отъ» значила предел и результат, также забыт смысл буквы «Червль» – это красный. Буква под №38 «Арь» вообще прочно забыта, а значила Образ и структуру одного рода, как и тридцать девятая – «Эдо» со звуком «ие» означала – прикосновение к цельности и форму познания Целого. Так в ярких буквенных образах и через родные арийские звуки детки могли ранее познать многие сложные понятия жизненного уклада, как «добро» значило и Дом, и всемирный закон воздаяния – Дхарму.

Сороковая буква «Омь» означала сияние, созидание и сохранилась в языках Индии, как первозвук творения... Как буква «Ень» отмечала Образ, так и с ней исчезли все образы букв для нас и наших детей... Буква под №42 – «Одь» значила Правду и согласие, близость, а №44 звалась «Ота», помечала неприятие невежества и с нею писались слова –

отходы, оттереть, отвести...

Буква «Кси» (– №45 в азбуке) значила – Дух, а «Пси» (– №46) – Душу. И буква «Фита» (– №47) отмечала единство духа, слияние. «Ижица» (под №48) – это гармоничное движение и благодать души, а сорок девятая из старинных букв – «Ижа» со звуком «йа» означала такое важное понятие, как Мера времени и вот теперь у нас его нет... Представляете какой гаммы переживаний лишили народ, устранив буквы с корневыми смыслами – целые философские понятия и затем, просто переписав историю общинного житья древней Гардарики (страны городов) в Природе на рабское существование на деревьях «под игом»... Детей из творческих помощников превратили с юного возраста в потребителей, встраивая в систему убогим алфавитом обрезанной родной речи без истинного многогранного значения символов и – Родноведения.

Древняя буква е называлась «Ета» – произносилась «е» и означала «познание». Вот оказывается, чего нас упорно стараются лишить теперь, оставив лишь потребление – и будьте довольны. А, как следствие нынешней вседозволенности и неумности рьяных потребителей, видим вдоль дорог и на берегу Енисея, и у природных ручьев увеличение человеческого мусора. Люди просто забыли, что они в гостях у природы – нашего земного временного пристанища по пути к небесному Роду...

Дорогой С.А. Есенин замечательно философски определяет так весь русский уклад родовой жизни: «...наша Древняя Русь, где почти каждая вещь

через каждый свой звук говорит нам знаками о том, что здесь мы только в пути, что здесь мы только «избяной обоз», ... и что за шквалом наших земных событий недалек уже берег...» Такое родное отношение поэта к Божественному, к вечности – как к родительскому очагу...

«И како же люди мыслете, таков и покой (мир отображенный) наш...?»

«Засвети вместо слов лампаду Души, прекрати гонку и, освободившись от пут, возрадуйся!»

В Красноярске мы можем и добавить – **«Благослови судьбу! Смотри на величие Природы, великолепного урочища, которую не смог загубить человек при всех многолетних стараниях покорения ее...»** Природа окружающая Красноярск – все еще так же величественна и прекрасна!

В этом красивом родном приволье каждый ощущает свою истинную мелодию. Тогда находит и творческое состояние, и уже не повторяет чужих творений, будь он архитектор, учитель или повар – рождает свою песню, как отклик на прекрасное природное окружение города в Красноярском урочище (среди окрестных ландшафтов).

Можно оспаривать городскую застройку в послеперестроечный период, но все согласны, что своеобразие всего Красноярского урочища – несомненно. Благодаря великолепному природному окружению город отличается от многих русских пейзажных мест, основанных в XVII веке с учетом раскрытий на реку и горные массивы и холмы. Это сохранившиеся древнерусские прозоры – виды окрест Красноярска, что доставляют

жителям его много душевных наслаждений.

И если на новые долгостройки смотреть не хочется, то вот они живописные природные ориентиры для любованья, на которые раскрыты улицы и площади исторического центра – Большая сопка, скала Так-Мак и Диван-гора перед ней, Саянские отроги и Черная сопка, что восточнее, а на западе – целая гряда, так называемая старожилками Долгая грива.

«Эти точеные веревы – потомки забудут о них...» В.И. Суриков

И ведь не только забыли, но и разрешают иногородцам и иноверцам убирать их в исторических охранных зонах вопреки всем законам об охране наследия РФ и предостережения Василия Ивановича... Красноярцы нынче не так яры сердцем, как прежде – гораздо измельчали и разбавлены иным народом, особенно в архитектурном цехе. Иные и за копеечку готовы под землю лезть вблизи парка, и в проектах дорожное наследие перекрывать громадными «памятниками самим себе» – любимым... Уничтожая тем временем, с таким рвением остатки исторической романтики в красивом городе. Слава Богу, что великолепное природное окружение славного города человек изменить не в силах! И можно любоваться с гор всей панорамой Красноярского урочища с контрастными ландшафтами четырех разных по сторонам света зон вокруг краевого центра. И действительно при этом становится ясно, что красный – значит красивый, как и принято было еще в древнерусском.

Забавно, что объясняя концепцию своего проекта разными иностран-

ными словами вроде «идентичность» и «бренд», а также и поиски этого в Красноярске со своеобразным окружением... – эти дизайнеры выглядят абсурдно на взгляд красноярских зодчих и горожан. Ясно, что ищется какое-то подобие и единообразие с чем-то западным или иркутским, но в нашем замечательном городе это «идентичное брендовое» совершенно неприемлемо. Когда человек не вполне уверен, о чем он говорит и особенно, что сделал – он употребляет иностранное слово, чтобы размыть значение и толковать различно можно было позже, это нечто «сляпанное» наспех... Когда все ясно и чисто, то говорится по-русски – творчески, как впрочем, и думается, естественно включая оба полушария. Пора придерживаться традиций и время возрождать основы деревянного зодчества, которое передавалось по отеческой линии от дедов – ко внукам.

«Как счастлив был бы мир, если бы каждый понял, что его грань восприятия может быть в лучшем случае неполна и, чтобы быть истинной, она требует гармоничного сочетания – со множеством других взглядов...»

Отсюда и убеждение приходит, что преподавать студентам-архитекторам, одной из самых социальных профессий ныне, должны обязательно практики, которые могут передать свой опыт изысканий и проектирования. Знание становится реально, когда познано на опыте – на практике в творчестве, так «Знание истинное открывается – через восприятие»

Катерина Гевель

^ Храм Троицы в Нарве Манской. Фото со стеклянно-го негатива из фондов ККМ

^ Дивногорский Знаменский скит на берегу Енисея. Фото из фондов ККМ

Литература

1. Путь Мастеров. – М., 2003.
2. Дэй К. Места, где обитает Душа: архитектура и среда как лечебное средство. – М.: Ладья, 2000. – 280 с.
3. Гевель Е.В. Образ города в Красноярском урочище. – Красноярск, 2012.

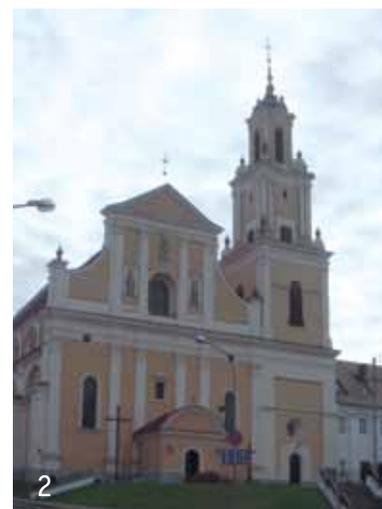
Гродно – город культуры многих конфессий

В начале ноября 2013 г. мы с женой и нашей подругой, тоже любительницей путешествий, провели почти 4 дня в интереснейшем, как нам показалось, городе Гродно. Это самый западный населенный пункт Белоруссии (15 км до границ с Польшей и 30 км – с Литвой). Специфика его географического положения на реке Неман и почти 900-летнего существования характеризуется двумя особенностями:

– до настоящего времени город находился под юрисдикцией Галицко-Волинского княжества, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, Польши, БНР, БССР и СССР, что отразилось в сосуществовании и поныне множества конфессий.

В Гродно функционируют национальные общества русских, поляков, литовцев, татар, немцев, евреев, украинцев и раз в два года проводится международный фестиваль национальных культур;

– город был свидетелем прошедших через него вооруженных конфликтов. Его захватывали первым, а освобождали последним. Причем вооруженные полчища, как правило, так стремились с запада на восток, что не успевали разрушить городские сооружения, а освободители, в свою очередь, так же стремительно отгоняли противника, практически не нанося ущерба городу (за исключением Нового замка). Страдал в основном лишь мост через реку Неман, который был, как минимум, трижды

разрушен и каждый раз вновь восстановлен и усовершенствован (после средневековых войн, Первой и Второй мировых войн).

В левой части (фото 1) Замковая гора, с которой началась древняя история Гродно. Здесь в X–XI в.в. на высоком холме, в устье рек Немана и Городничанки было заложено укрепленное поселение. От первой постройки замка на краю берегового обрыва остались только фрагменты крепостных стен. В настоящее время в возведенном лишь в конце XVI в. и впоследствии реконструируемом каждое столетие здании Старого замка действует историко-археологический музей.

Левее Гродненского областного драматического театра (в центре фото 1) – построенный в середине XVIII в. Новый замок, от которого в настоящее время подлинными остались лишь ворота со сфинксами.

В правой части фото 1 – расположенный на самом высоком холме города костел Обретения Святого Креста (фото 2). Построен в начале XVII в. Жители города называют его Красный костел. Один из важных комплексов, формирующих главную площадь города – Советскую. До конца XIX в. здесь находился и монастырь бернардинцев, впоследствии упраздненный. В 1990 г. здесь была размещена Высшая римско-католическая семинария, которая готовит католических священников (ксендзов).

Наконец, о занимающем центральное положение на фото 1 и фланкирующем, как и Костел Обретения Святого креста, Советскую площадь, областном драматическом театре (фото 3). Начало театральной жизни в Гродно относится к концу XVIII в., а новое здание театра построено около 30 лет тому назад (основной зал на 700 мест, малый зал в 1-ом этаже на 200 мест и репетиционный зал в цокольном этаже). Существует легенда, что форма сооружения похожа в перевернутом виде на корону великого князя Великого княжества Литовского Стефана Батория.

Рядом со Старым и Новым замками соседствует ряд значительных и крупных объектов. Это памятник архитектуры каменного зодчества XII в. Борисоглебская (Коложская) церковь, монастырь Рождества Богородицы и Большая хоральная синагога.

Борисоглебская церковь (фото 4), одна из старейших святынь Белоруссии, стоит на краю берегового обрыва реки Неман. Второе название связано с жителями псковского пред-

местья Коложа, поселившимися здесь в начале XV в. Стены церкви из плинфы (тонкий обожженный кирпич с примерно одинаковой длиной и шириной). Снаружи в стены вмонтированы майоликовые плитки и тесаные камни, внутри (для усиления акустики) – кушины-голосники. Церковь включена ЮНЕСКО в список памятников мировой культуры.

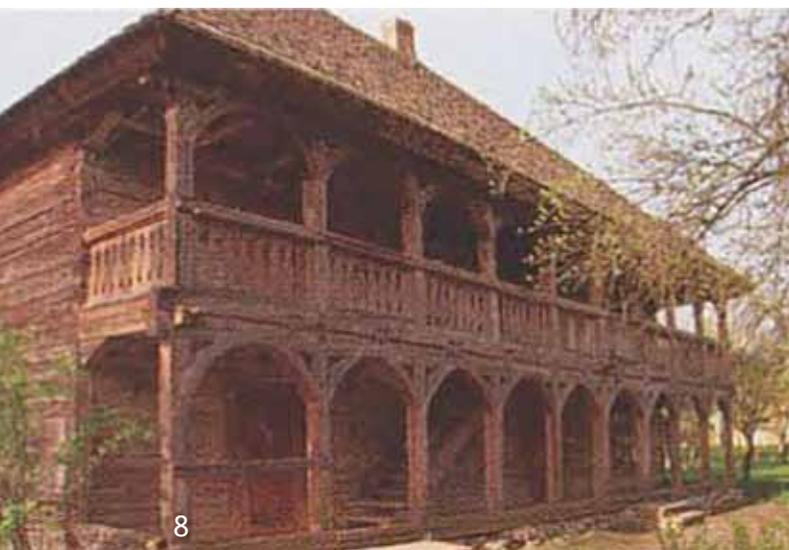
Монастырь Рождества Богородицы (фото 5) берет свое начало с первой трети XVII в. Каменная церковь была построена здесь в начале XVIII в. Известно, что попавшая в Россию из этой церкви Владимирская икона все еще находится в подмосковном храме села Ермолино. При монастыре работает воскресная школа.

Большая хоральная Богородицы, здание третьей в истории, начиная с

XVI в., каменной синагоги. Инициатором строительства первого здания синагоги был приехавший в Гродно в 1572 г. уроженец Праги, раввин Мордехай Яффе. Интересно, что я работаю в одном отделе с его далеким потомком, главным архитектором проекта Эдгаром Максовичем Яффе (мир тесен!).

Вернемся на главную в городе Советскую площадь. На противоположной от берега Немана стороне доминирует Кафедральный костел Святого Франциска Ксаверия (фото 6). Идея в XVI в. теперь уже польского короля Стефана Батория о строительстве Костела начала реализовываться с конца XVII в. обособившимся в Гродно и сильным тогда орденом иезуитов. Почти через четверть века в 1705 г. Костел был освящен. К этому

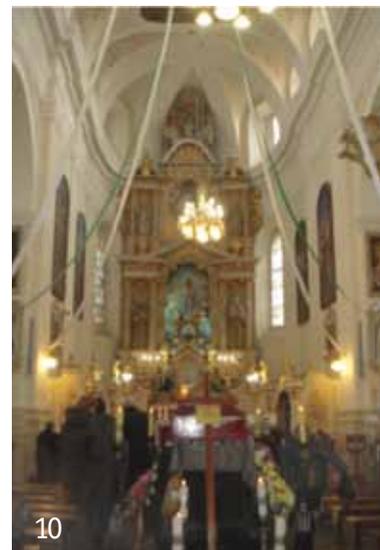

8

9

10

11

событию приурочили свои визиты в Гродно русский царь Петр I и польский король Август II. С 1873 г. Костел стал фарным (приходским). Вместе с монастырем иезуитов ансамбль зданий Костела включал коллегийум, первую в Белоруссии аптеку, работающую и поныне, библиотеку и др. Фарный костел и монастырь считаются выдающимися памятниками зодчества Белоруссии. Главные достопримечательности интерьера Костела – деревянный, тонированный под мрамор, алтарь 20-метровой высоты и дарованная Папой Римским в 1641 г. жителям Гродно икона Матери Божьей Конгрегатской. На одной из башен (на фото 6 слева) часы, механизм которых изготовлен в конце XV в. (старше механизма часов Праги).

Очень важно, что в старой центральной части Гродно сохранилась городская среда. Радуют таблички на очень многих домах, информирующие о принадлежности их к памятникам архитектуры XVIII и других веков прошлого. Улица Карла Маркса с такими домами-памятниками архитектуры, идущая от Костела Святого Франциска к Благовещенскому костелу и монастырю Святой Бригиты Шведской (фото 7).

Это единственный в Белоруссии храм ордена Святой Бригиты Шведской. Считается, что возведение таких объектов более характерно для преимущественно протестантских стран. В ансамбль монастыря бригиток входят костел, жилой корпус, деревянный «лямус» (фото 8) и каменная стена.

«Лямус» – это уникальное сооружение, построенное в 30–40 г.г. XVII в.,

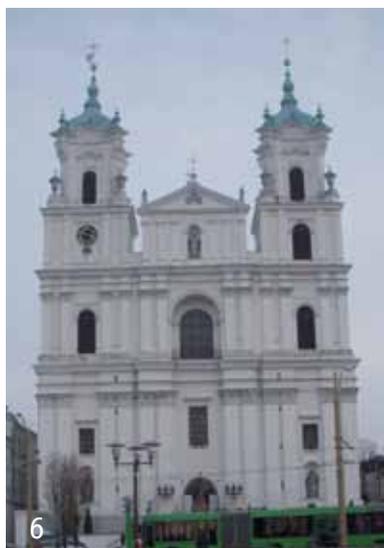
из дерева без единого гвоздя.

У каждого этажа своя функция: 2-й этаж жилой, а 1-й этаж складской.

На противоположном, левом берегу Немана, откуда было сделано фото 1, высится еще один Костел, при котором, как правило, есть звонница и монастырь, в данном случае, францисканцев (фото 9, 10). Комплекс основан в 1635 г., сначала деревянный, а после разрушений во время русско-польской войны в 1659 г. – каменный, перестроенный затем после пожара 1759 г. Из 20 существовавших во времена Великого Княжества Литовского францисканских костелов гродненский – один из немногих сохранившихся и непрерывно действующих. Правда, с 1863 г. по 1919 г. монастырь использовался как тюрьма для польских священников и монахов. После этого он уже стал вновь францисканским, а в 1991 г. был взят под опеку вернувшимся в Гродно францисканцами.

Впадающая в правобережье Немана речка Городничанка придает городу ландшафтно-планировочную специфику. В устье Городничанки над обрывом на берегу Немана стоит описанная выше дивная Борисоглебская (Коложская) церковь. Пройдя от нее по дивному парку, минуя стелу в честь 850-летия Гродно, можно перейти через Городничанку по пешеходному мосту. Здесь предусмотрены специальные аппарели для «колясочников» и инвалидов и мы уже в центральной части города у пешеходной улицы Советская.

А речка Городничанка на противоположной стороне центральной части

6

7

12

города дала возможность создать прекрасный двух-уровневый парк. Здесь и «вечный огонь» – память отдавшим свою жизнь за освобождение от фашистских иноземцев, и Люте-ранская кирха Святого Иоанна (фото 11), и бывший театр Тызенгауза, ныне театр кукол (фото 12), и комплекс Государственного университета, на припарковках площадках которого проходят концерты, а также неподалеку от парка – Свято-Покровский православный собор (фото 13).

Лютеранская кирха Святого Иоанна – памятник архитектуры начала XIX в.

С 1779 г. в Гродно размещалась большая община ремесленников лютеран, которые по приглашению гродненского старосты, графа Антония Тызенгауза, приехали из Германии для работы на королевских мануфактурах. Здание бывшей таверны в 1793 г. подарено общине польским королем Сигизмундом II и первоначально приспособлено под кирху. Впоследствии до 1912 г. оно перестраивалась, реконструировалась и достраивалась. После перерыва в начале XX в. деятельность общины была возобновлена в 1993 г., а в 1995 г.

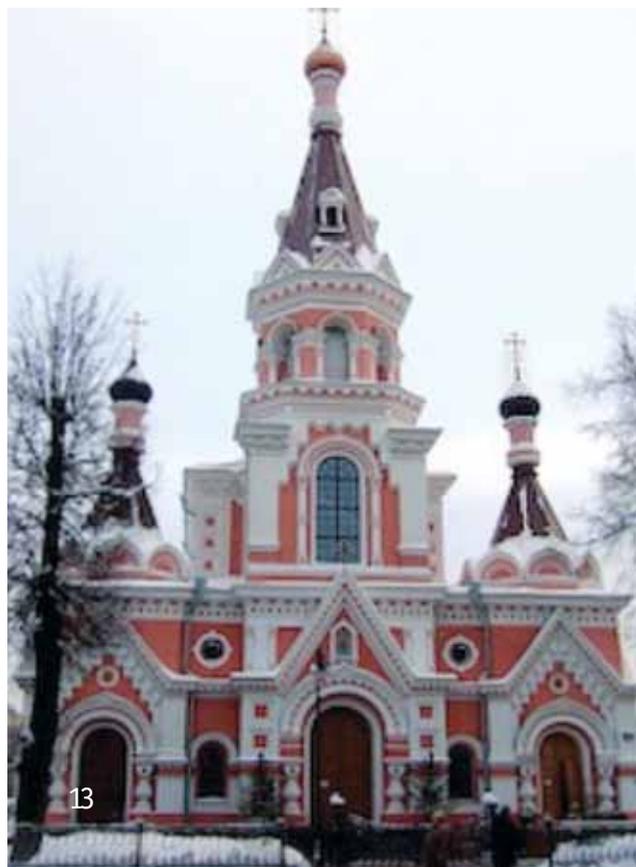
Театр кукол (быв. Тызенгауза). В 1772 г. построен первоначально как первый публичный театр. Здесь работала высокопрофессиональная оперно-балетная труппа А. Тызенгауза, некоторые из которых впоследствии стали звездами Варшавского балета. Сохранились сведения о постановке на сцене театра комедии П.Бомарше «Севильский цирюльник», «Сельский

балет», «Балет пекарей». В межвоенный период тут функционировал театр имени польской писательницы и общественной деятельницы белорусского происхождения, родившейся неподалеку от Гродно, Элизы Ожешко. После Второй мировой войны тут был областной драматический театр, а с 1984 г. стал работать Областной театр кукол.

Первоначально в 1907 г. возведена Покровская церковь в память о погибших в русско-японской войне гродненских офицерах и низших чинах. В 1961 г. храм получил статус собора. В Соборе хранятся святыни – чудотворная икона Богоматери Казанской, копии креста Ефросинии Полоцкой, мощи шестилетнего Святого Гавриила Мученика.

А сколько еще памятников архитектуры, истории и культуры в этом городе?! Дом врача и Гродненская женская гимназия, Пожарная каланча и Водо-напорные башни, Дом-музей белорусского поэта Максима Богдановича и Домик Элизы Ожешко, Медицинская академия и Музыкальная школа и т.д.! В таком насыщенном наслении встретившихся здесь пластов культур разных конфессий и живут 350 420 жителей этого одного из самых древних городов Белоруссии, административного центра Гродненской области, города храмов, замков, королевских дворцов и современной застройки!

Эдуард Товмасьян
Фото автора

13

1

Аннотация

Раскрывается культурный феномен «сибирского барокко» на примере строительства иркутских храмов XVIII века. Показывается художественное своеобразие этого направления и его происхождение в композиции и декоративном убранстве храмов. Выделяются две линии местной архитектурной интерпретации барокко («профессиональная» и «фольклорная»), повлиявшие на создание уникального стиля. Архитектурно-художественные особенности иркутских храмов XVIII века описываются на фоне и во взаимосвязи с экономической, политической и культурной жизнью города этого периода.

Ключевые слова

Иркутские храмы, «сибирское барокко», архитектурные интерпретации.

Abstract

The article reveals an architectural phenomenon of “Siberian Baroque” on the example of the Irkutsk temples built in the 18th century. It shows peculiarities of this variation and its occurrence in the composition and decoration of temples. There were two levels of local architectural interpretation of Baroque (professional and folk levels) that affected the formation of this unique style. Architectural and art features of the Irkutsk temples are described with reference to economic, political and cultural life of the city of that period.

Keywords

Irkutsk temples; Siberian Baroque; architectural interpretations.

Храмы Иркутска. Культурный феномен «сибирского барокко»/

2

3

When interpreting the baroque style in Siberia, specialists usually refer to the architecture of the 18th century. This period is characterized by formation of stable stylistic elements of monumental architecture of Irkutsk related to the regional trend under the name of Siberian Baroque. Having existed for half a century (the 1720–70s), it is of particular interest because of its bright local artistic features, as distinguished from preceding and succeeding official styles. Irkutsk has preserved some excellent examples of this trend, which contribute to the present-day image of the city.

Speaking about the Baroque architecture, it can be noted that it was not a monolithic style. Being the first universal

aesthetic system on a European scale and the first “international” style integrating Slavonic culture with the culture of other nations, Baroque, however, could easily acquire home-base features. Originated in Moscow and Saint Petersburg, it was spread Russian-wide, making local versions in the province. Upon a closer view the provincial version was also a composite whole capable to split into regions and, possibly, into towns. At the same time, within such local units the formal systems of Baroque had much in common to make up a certain artistic unity. Siberian Baroque is also a kind of this artistic unity. Formation of the local stylistic dialect of Baroque was to a certain extent facilitated by its aesthetic freedom intended to make it easier for the

nation to adopt and assimilate the other nation’s cultural achievements. Population of Siberia, and Irkutsk in particular, was highly heterogeneous both in terms of nationality and occupation. Naturally, different social groups were inclined to certain ways of living based on national and class traditions. Coming into contact with this or that art form, they experienced individual associations; and Baroque was also perceived in their own way. In such circumstances the known architectural trend proved to be a system with high communication qualities, an architecture of “inclusion”.

Dissociation of personality between the earth and the sky, the spirit and the body became the main antinomy of Baroque

The Irkutsk Temples. Cultural Phenomenon of “Siberian Baroque”

Говоря об интерпретации барокко в Сибири, специалисты, как правило, обращаются к архитектуре XVIII века. Именно в этот период в монументальном зодчестве Иркутска формируются устойчивые стилевые признаки, связанные с региональным направлением «сибирское барокко». Просуществовав полвека (20–70-е годы XVIII в.), оно вызывает особый интерес тем, что, в отличие от предшествующих и последующих официальных стилей, получило достаточно яркие локальные художественные характеристики. Город сохранил первоклассные образцы этого направления, участвующие в формировании его современного облика.

Обращаясь к архитектуре барокко, можно заметить, что монолитным этот стиль не был. Являясь первой всеобщей в европейском масштабе эстетической системой, первым «интернациональным» стилем, объединившим славянскую культуру с культурой других народов, барокко, тем не менее, легко принимало национальные оттенки. Зародившись в Москве и Петербурге, оно получило широкое распространение по всей России, создав местные варианты в провинции, где при ближайшем рассмотрении оно также оказывается составным целым, предполагающим возможность дальнейшего членения по регионам и, возможно, городам. Вместе с тем в пределах таких локальных образований формальные системы барокко имели достаточно много общего, чтобы составить определенное художественное единство.

Таким своеобразным художественным единством предстает и «сибирское барокко». Формированию местного стилевого диалекта барокко в определенной степени способствовала допускаемая им значительная эстетическая свобода, облегчающая усвоение и ассимиляцию достижений культуры одного народа другими. Состав населения Сибири, и Иркутска в частности, был чрезвычайно неоднороден как по национальной принадлежности, так и по роду занятий. Естественно, что разные социальные группы тяготели к определенным моделям жизнеустройства, опирались на национальные и сословные традиции. При контакте с той или иной художественной формой у них рождались характерные ассоциации, своим было и восприятие языка барокко. В этой ситуации известное архитектурное течение оказалось системой, обладающей высокими коммуникативными свойствами, своего рода архитектурой «включения».

Раздвоение человека между земным и небесным, духовным и плотским началами стало главной антиномией барочного искусства. Отсюда направленность этого архитектурного стиля на многообразные способы выражения правды жизни, которая происходила сразу на двух уровнях («высокого» и «низового» барокко), осуществляя связь с разными слоями городской культуры. Особенности мировосприятия этнических и социальных слоев населения свелись в архитектурной практике Иркутска к «профессиональной» и «фольклорной» интерпретации языка барокко,

каждая из которых была достаточно сложна и многопланова. Но оба типа по-своему выражали специфику культурной жизни города.

«Профессиональная» интерпретация – линия «высокого» барокко – предполагала сложные, ученые формы освоения местной художественной культуры в русле барочного направления в достаточно условном, доступном для посвященных канонизированном виде. «Фольклорный» тип, обращаясь к ранее неизведанным пластам жизни, являл собой преемника народной городской культуры, в основном ориентируясь на публику с традиционными эстетическими вкусами. Между «высоким» и «низовым» языками барокко существовали своеобразные художественные контакты, из их совокупности рождался местный стилевой диалект. Рассмотрим подробнее каждый вид и его особенности, выразившиеся в архитектуре культовых сооружений XVIII в.

Профессиональная трактовка барокко оказалась в нашем городе достаточно вольной. Законы принятого в центре официального стиля, «добравшись за тысячи верст до Иркутска и подышав местным воздухом, сплошь и рядом соскальзывали со своих уставных колодок на грешную сибирскую землю – поэтому зданий, построенных в чисто том или ином стиле, здесь очень немного» [1]. Сооружения получали иную стилистическую окраску в значительной степени из-за удаленности от столичных центров. Новые художественные веяния проникали сюда с

art. That is why this architectural style was focused on diverse means for expression of realities of life on two levels simultaneously (the “high” and the “lower” Baroque), communicating with different layers of city culture. Peculiar world perception of ethnic and social layers of population led to “professional” and “folk” interpretations of Baroque in Irkutsk architecture. Each level of interpretation was rather complex and extensive, expressing the specific features of city cultural life in its own way.

The “professional” interpretation – the line of “high” Baroque – implied complicated and scientific modes of assimilation of the local art culture within the framework of the Baroque trend in a conventional canonized form, which was

an insider tip. The “folk” interpretation referred to unexplored layers of life and was a successor of city folk culture generally intended for people with traditional aesthetic tastes. The “high” and the “lower” Baroque styles had specific artistic relations, jointly producing a local style dialect. We shall take a detailed look at each kind with its peculiarities expressed in religious architecture of the 18th century.

The professional interpretation of Baroque was rather liberal in Irkutsk. The rules of the official style assumed in the capital, “having reached the far-away Irkutsk and breathed in the local air, they slipped from their statutory boots down on the sinful Siberian earth, that is why there were very few buildings of

pure style” (Rasputin, 1980). Buildings acquired their stylistic difference mostly because of their remoteness from the capital centers. New art trends reached this place tardily and took along time to become naturalized. Thus in the image of religious constructions there was along-time coexistence of Baroque patterns and the pre-Peter architectural forms free from strict canonization, which contributed greatly to a peculiar kind of the local professional interpretation of Baroque. The first stone church in the city, the Church of Our Savior, was built in the same old way (1706–1713). It was designed along the lines of early posad temples: with a simple square body, without a belfry, and with an ornate, though rather restrained decoration.

опозданием и приживались не сразу. Так, в облике культовых сооружений долго соседствовали рядом барочные мотивы и свободные от жесткой канонизации формы допетровской архитектуры, благодаря которым сложилась своеобразная местная профессиональная интерпретация барокко. Во многом по старинке строится первая каменная церковь города – Спасская (1706–1713 гг.), задуманная по типу ранних посадских храмов: с простым объемом четверика, без колокольни, с нарядным, но достаточно сдержанным декоративным убранством. О преобладании строительных традиций древнерусского зодчества свидетельствуют простота и лаконичность объема, художественный контраст между чистой гладью стен и богатым узорочьем отделки окон и дверных проемов, а также небольшие окна

(в последствии растесанные). Однако, уже видны и черты надвигающегося нового архитектурного стиля, «дух барокко» присутствует в намеренном отступлении от геометрической правильности, в усложненной игре светотени и прихотливой моделировке деталей, в высоком техническом совершенстве выкладки сложного убора оконных и дверных проемов; встречаются и отдельные барочные мотивы – «разорванные» фронтоны над окнами. Декор Спасской церкви набирает силу от яруса к ярусу. При этом для каждого яруса найден свой неповторимый орнамент, варьирующий одну и ту же художественную тему полуколонок, перехваченных валиками (рис. 1). Это ощущение импровизационности развития темы, разночтение в мелочах напоминают ведущие принципы барокко – поли-

фонию, единство в многообразии и другие.

При изысканной сложности и некоторой причудливости декора Спасская церковь все же производит впечатление строгости. Эта «лебединая песня древнерусского зодчества» (как назвал последние памятники допетровской эпохи И. Грабарь) воплотила на иркутской земле общенациональные черты своеобразия архитектуры XVII в. Региональные особенности барочного направления здесь еще слабо различимы.

Заложенный несколько позднее Богоявленский собор (в 1718 г.), строительство которого растянулось до 1746 г., отмечен явным поворотом в сторону нового стиля. Усложняется композиция храма, появляются ярусность объема и обязательное декоративное пятиглавие. Вместе с чет-

6

4

5

The prevalence of building traditions of Old Russian architecture is evidenced by simplicity and laconism of forms, artistic contrast between a smooth surface of walls and a rich tracery of window and door trimming, as well as small windows (later enlarged). However, there are also some features of oncoming new architectural style: "the spirit of Baroque" is seen in intentional divergence from geometrical regularity, in sophisticated play of light and shadow and fanciful modeling of details, in high technical perfection of the patterns of window and door trimming, and in some Baroque motives – "broken" pediments above the windows. Decoration of the Church of Our Savior is growing from tier to tier. For each tier there is a unique

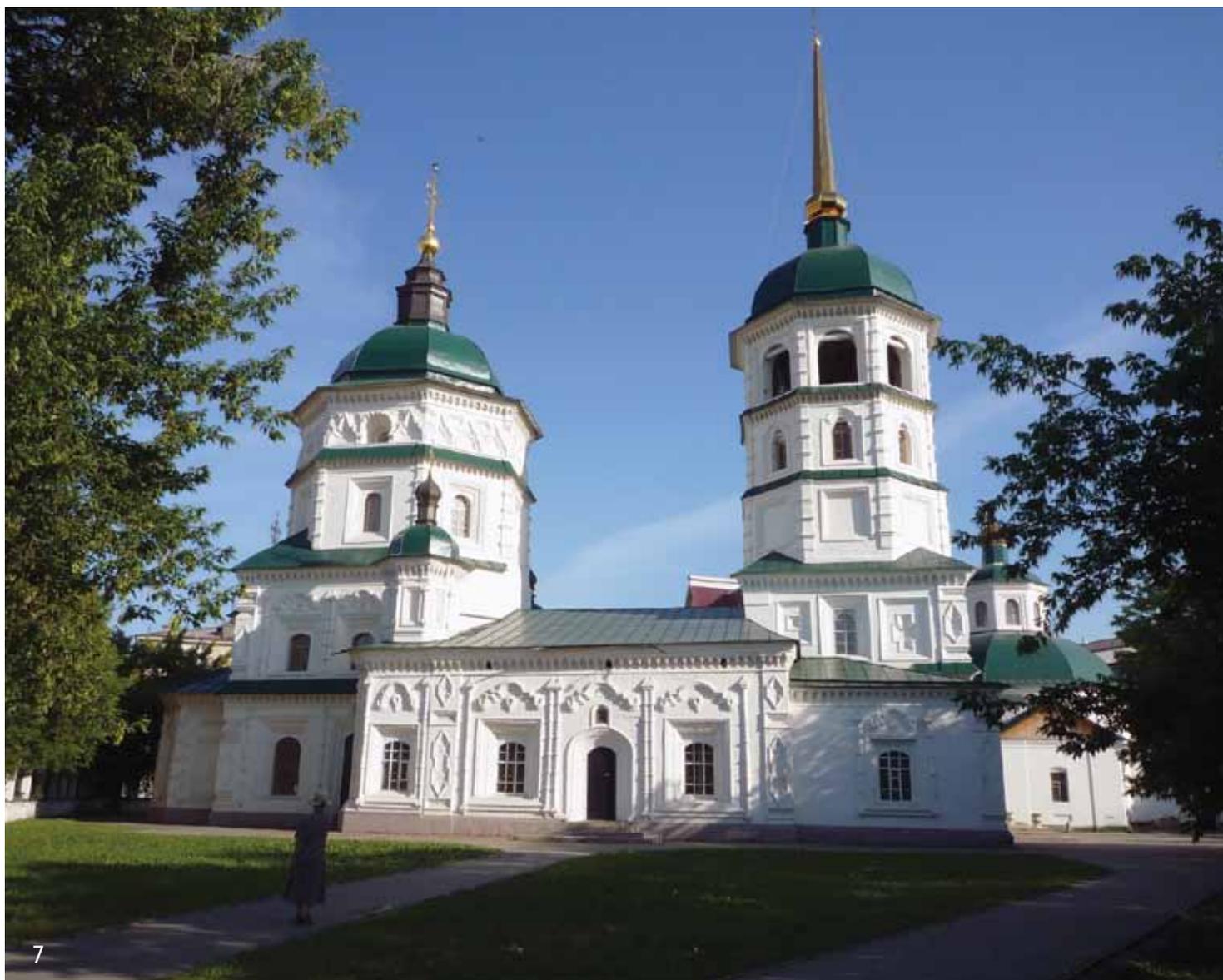
ornament varying one and the same artistic motif of the semi-columns topped with roll mouldings. This improvised development of the motif together with various readings of details remind of the leading principles of Baroque – polyphony, unity in diversity and others.

Although having intricate and fanciful decorations, the Church of Our Savior looks severe. This "swan song of the Old Russian architecture" (as I. Grabar called the late monuments of the pre-Peter age) brought the nationwide specific features of architecture of the 17th century to Irkutsk land. Regional peculiarities of the Baroque trend are barely discernible.

The Epiphany Cathedral, which foundation was laid later (1718) and

construction lasted to 1746, was marked by an obvious turn to the new style. The temple's composition becomes more complicated, involving tiers of the body and decorative five cupolas, which were obligatory. The belfry is built together with the square body and the frater. On the whole, its architecture acquires more picturesque and secular features.

The greatest influence of Baroque is seen in the monument's decoration, which is amazingly rich and distinctive. In the architraves of the lower tier of all the temple bodies there is a full order with small columns and head molds. Bunches of columns decorate the corners of the building and connections of its bodies. Their well-developed heads blend in the

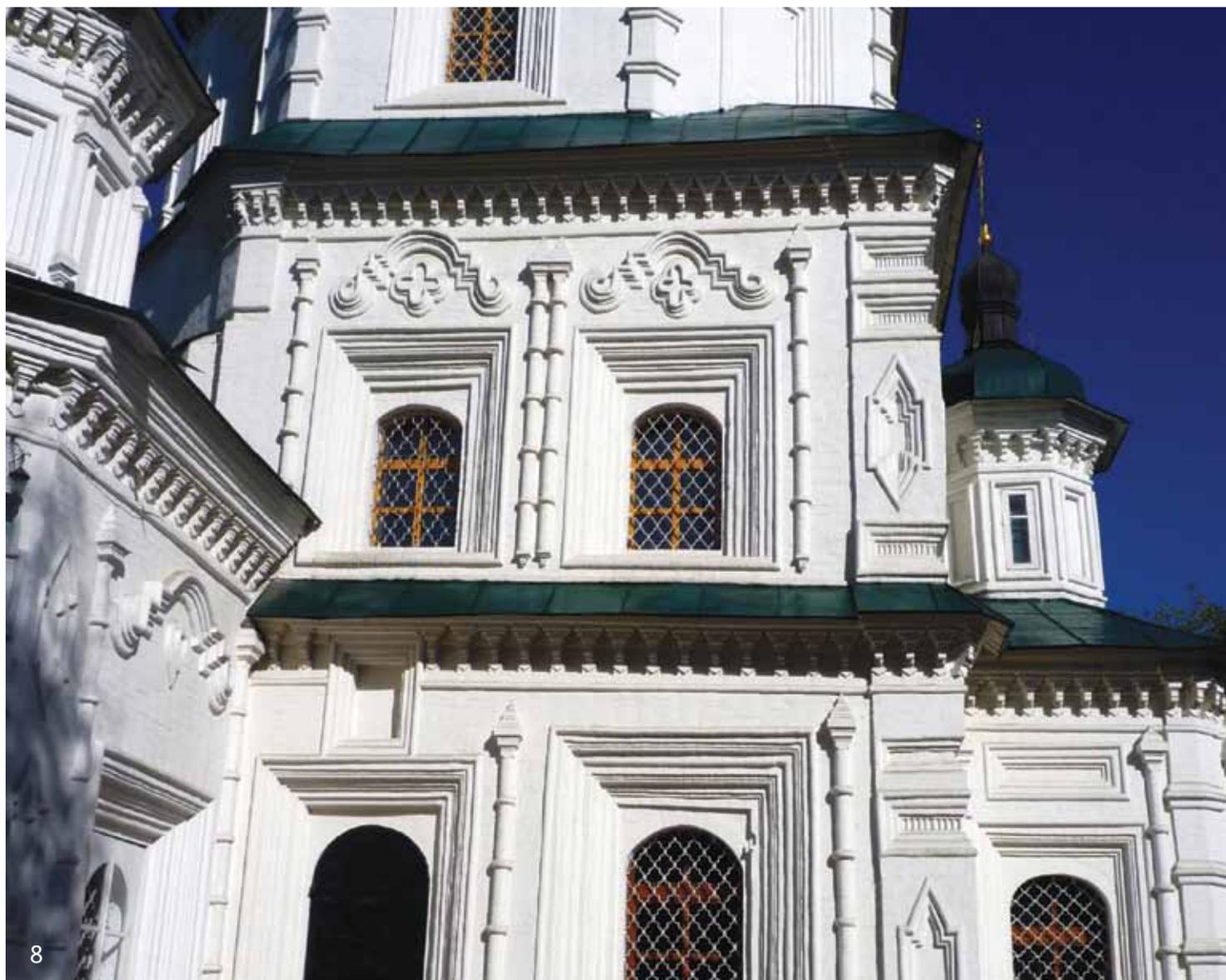
multipartite eaves crowning the walls. According to the principles of the early Russian Baroque period, correlated with Moscow Baroque techniques, the order on the fagades of the Epiphany Cathedral is merely of decorative value, turning into an element of rhythmical division and decor. Ornamentation of the building becomes more partitive, there is a small cutting scattered among all the details. The walls of the lower part of the building are covered with a solid ornamental belt. Mature forms of Baroque pervade the monument's decoration.

At the same time the composition and the image of the building are under the strong impact of the Old Russian architecture and present a fancy fusion of

the old and new styles. The tent roofing over the belfry is an element of antiquity that speaks for a certain inheritance from the wooden Siberian churches. Departing from the new canon, some decoration motifs are performed in the manner of Russian "uzorochie" (dee'or), for example, an intricate decorative brick masonry of one of the doorways and a rich ceramic frieze.

As the Baroque penetrated Irkutsk constructions, it gradually obtained regional features. In the image of buildings certain compositional techniques and ornamental motifs became permanent. For example, semi-columns used for framing the architraves of the Church of Our Savior acquired the order topping with heads and bases in the decoration of the Epiphany

Cathedral. And several artistic motifs, which appeared during construction of the Cathedral, were later applied to many religious buildings of Irkutsk in that period (the Wonderworker, the Tikhvinskaya, the Trinity Churches). In 1747 the experience of the local Baroque interpretation in the given temples contributes to fantastic decorations of the Church of the Raising of the Cross – a unique monument of Siberian Baroque, where the regional peculiarities are expressed to the utmost. The Baroque features of this construction built according to the space and layout design typical of Irkutsk reached their climax in elaboration of the plastic nature of the wall as a preferred element of the image of the monument. The main means of

artistic expression is the ornament filling the wall surface from the basement to the eaves. "Herewith the common idea of the brick masonry goes away – the wall imitates a solid monolith subtly treated with a craftsman's tool" (Ogly, 1979). The sculptural sense of the plastic nature of the wall is typical of Baroque, when the material, as H. Wölfflin noticed in a figurative sense, "has suddenly turned supple and soft". But general principles of the style (artistic and dynamic composition, aspiration for creative improvisation etc.) are rendered in the Church of the Raising of the Cross in their own way and demonstrate a skillful mastering of Baroque artistic language in the distant Siberian province.

The professional interpretations of

Baroque in Irkutsk acquired aliberal character not only because of the penetration of Old Russian architectural forms, but also because of the fusion of various cultures: the basic Russian culture, the culture of "yasak-imposed population" and the cultures of nations that had close trade and economic links with the city. This mutual penetration of the architectural traditions, which had their own idea of the high style, strongly influenced the local Baroque version.

The principles and forms of the Moscow and North Russian types of Russian architecture became fundamental for the city, because the greater part of the city population was initially composed of the natives of the central and the north

regions of Russia. The space planning decision of Irkutsk temples is based on the three-part plan structure typical of the local architecture of the 18th century: the temple with the altar part, the frater and the belfry were subsequently situated along the East-West axis. Later on, when side-chapels appeared, the composition became asymmetrical.

However, in Irkutsk monumental architecture this type of churches was interpreted within the framework of the new trend of "stretched dynamism". The layout was elongated along the axis, the system of space opening developed longitudinally, gaining maximum integrity.

Imitation of Moscow Baroque seemed to provide the principal spatial decisions:

вериком и трапезной сразу строится колокольня. Архитектура в целом приобретает более живописный светский характер.

Влияние барокко сильнее всего сказалось в декоре памятника, убранство которого удивительно пышно и своеобразно. В наличниках нижнего яруса всех объемов храма появляется полный ордер с колонками и сандриками. (рис. 2) Целые пучки колонн оформляют углы здания, соединения объемов; их развитые капители вписываются в венчающий стены многократно расчлененный карниз. Соответственно принципам раннего периода русского барокко, переключаясь с приемами «московского барокко», ордер на фасадах Богоявленского собора имеет сугубо декоративное значение, превращаясь в элемент ритмического членения и украшения. Более дробной становится орнаментация здания, появляется мелкая, рассыпанная по всем деталям порезка (рис. 3). Стены нижней части постройки закрываются сплошным орнаментальным поясом. Зрелые формы барокко пронизывают убранство памятника.

Но при этом композиция и образ сооружения находятся под сильным влиянием древнерусского зодчества, представляя причудливое сочетание старого и нового стилей. Элементом древности, свидетельствующим об известной преемственности от деревянных церквей Сибири, является шатровое завершение над колокольней собора. Отступая от нового канона, в духе русского «узорочья» выполнены и некоторые мотивы

декоративного убранства (например, сложная фигурная кладка из кирпича одного из порталов и богатый керамический фриз).

По мере того, как барокко набирает свою силу в иркутских постройках, оно постепенно приобретало региональную окраску. В облике сооружений закреплялись определенные композиционные приемы и орнаментальные мотивы. Так, полуколонки, примененные в обрамлении наличников Спасской церкви, получили в декоре Богоявленского собора ордерное завершение с капителями и базами, а отдельные художественные мотивы, родившиеся при его возведении, перешли впоследствии на многие культовые постройки Иркутска этого периода (Чудотворскую, Тихвинскую, Троицкую, Знаменскую церкви) (рис. 4, 5).

Опыт местной интерпретации барокко в данных сооружениях выливается в 1747 г. в фантастическую декоративность Крестовоздвиженской церкви – уникального памятника «сибирского барокко», где региональные особенности выражены с наибольшей силой. Черты барокко в композиции этого сооружения, построенного по традиционной для Иркутска планировочной и объемно-пространственной схеме, достигли своего кульминационного развития в разработке пластики стены, которой отдано предпочтение в образном строе памятника. Основным средством художественной выразительности является орнамент, который заполняет все поле стены от цоколя до карниза. «При

этом исчезает обычное представление о структуре кирпичной кладки – стена имитирует сплошной монолит, искусно обработанный резцом мастера» [2] (рис. 6). Скульптурное понимание пластики стены свойственно барокко в целом, когда материал, по образному выражению Вельфина, «точно размяк и стал сочным». Но общие принципы стиля (живописность и динамичность композиции, стремление к творческой импровизации и др.) по-своему интерпретированы в Крестовоздвиженской церкви и убедительно доказывают мастерское владение художественным языком барокко в отдаленной сибирской провинции.

Не только проникновение форм древнерусского зодчества придало вольный характер профессиональным интерпретациям барокко в Иркутске, но и слияние множества культур: основополагающей русской, «ясачного» населения и народов, имеющих с городом тесные торговые и экономические связи. Это взаимопроникновение архитектурных традиций, каждая из которых имела свое видение высокого стиля, наложило значительный отпечаток на формирование местного варианта барокко.

Основополагающими для города стали принципы и формы русского зодчества в его московском и северорусском вариантах, так как первоначально большую часть населения составляли выходцы из центральных и северных областей России. Планировочное и объемно-пространственное решение иркутских храмов берется по типичной для отечествен-

the big octagon on cube (“naryshkin” type of temple). But the local adjustments are made here as well: replacing the Moscow one-storey cube, there are two or three tiers of vertical-oriented bodies, which made the composition especially slender and upright. Comparing to its capital prototypes the square body of Irkutsk religious buildings “was greater in size and more formidable in plastic and ornamentality” (Proskuryakova, 1979). At the same time the “octagon on cube” compositional method is applied not only to the temple, but also to the belfry, which ensured the visual unity of the design (for example, the Trinity Church).

The Ukrainian nation that also belonged to the Slavonic group had the culture allied

to Russian culture. In the 18th century Ukrainian culture affected the Irkutsk forms of professional Baroque interpretation very profoundly. Its influence is evident in the general composition and decoration of constructions. For example, the five cupolas crowning the Epiphany Cathedral are designed after the Ukrainian type. The Ukrainian features can be traced in complex configuration of Baroque topping with doubly curved cupolas of the Church of the Raising of the Cross, etc. There are also several decoration elements of Ukrainian Baroque: curly three-leaf relief gablets crowning the architraves of the Trinity Church and “indented” crosses in the décor of the Church of the Raising of the Cross.

The Irkutsk professional interpretation of Baroque mostly dealt with the space and layout design of the constructions and their details, setting out a number of the most frequent compositional themes. Some artistic devices were reconsidered, for example, in the façade treatment the plastic nature of the wall was worked out deeper and almost sculpturally. This device accentuated the peculiar climate of the city – the brightness and the long duration of sunshine throughout the year. Herewith, given plenty of sunshine and transparency of the air, the white color of the walls made “a striking effect of simple playing of white and black, a white surface of the wall and a black pattern of shadows” (Boldyrev-

9

ной архитектуры XVII в. схеме трех-частной планировочной структуры, когда вдоль одной оси восток-запад последовательно располагались храм с алтарной частью, трапезная и колокольня. Впоследствии, как правило, появлялись приделы, и композиция получала асимметричное решение.

Однако, в иркутском монументальном зодчестве этот тип церкви был интерпретирован в новом стилевом русле «протяженной динамичности». План был более вытянут по оси, система раскрытия пространств развивалась в одном продольном направлении, достигая максимальной целостности (рис. 7).

Казалось бы, в подражание «московскому барокко» решались и основные объемы храмов: большой восьмерик на четверике (тип «нарышкинского» храма). Но и здесь внесены местные коррективы: на смену московской одноэтажной интерпретации четверика пришли два-три этажа вертикально устремленных объемов, что придавало особую стройность и вертикальность композиции. По отношению к столбичным прототипам четверик в иркутских культовых постройках «имел значительно большие объемы, более массивную пластику и орнаментальность» [3] (рис. 8). При этом композиционный прием «восьмерик на четверике» применялся не только в объеме храма, но и звонницы, что в целом позволяло создать единое образное решение (например, в Троицкой церкви).

Родственной русской культуре была культура другого славянского

Kazarin, 1924). The climatic peculiarities of the city are also considered in the Siberian Baroque concept to better decorate the southern façades, where light and shadow contrasts are the greatest. For example, the northern façade décor of the Church of Our Savior is much simpler, the size and the number of windows are smaller.

The professional interpretation of “the high style” is supplemented by the folk line. This very line brings to the plastic characteristics of Irkutsk monuments some distinct regional features. As a result, in the common artistic trend appears an individual local dialect, which can be seen in the ornaments of religious buildings.

The folk interpretation of Baroque was based on the fusion of decorative elements

of different art cultures. The Russian “uzorochie”, the Buryat national ornament and the Oriental luxurious decoration are twined together here.

The peculiar features of the Russian “uzorochie” in Irkutsk temples took shape firstly in small statuary – a big number of elaborate small architectural forms, and secondly in the colored tile and painting ornaments covering the walls of some temples.

This small statuary included the known motifs of the 17th century architecture called by I. Grabar “the epoch of sanctified five cupolas and uzorochie”. Thus the intricate decorative masonry of one of the doorways of the Epiphany Cathedral was woven of “plenty of cut beads, bottles

and melons twining round the doors and windows of the temple like a braid and giving rise to inexhaustible play of light and shadow” (Polunina, 1979). The wall with such patterns seemed to have lost its corporality and staticity. The most frequent and inherent sculptural motifs in Irkutsk were the “broken” stepped brick gables; high elaborate cornices dividing the upper part of the temple from the massive bases; various semi-circles, circles, triangles, triangular begunoks (the “runners”) etc.

The folk interpretation of Baroque was featured by multicolor glazed tiles produced in Irkutsk that brought in local motifs and symbols, the majority of which were inspired by old pagan legends. There were infinite variations of floriated

народа – украинского, оказавшая в период XVIII в. сильное воздействие на форму профессиональных интерпретаций барокко в городе. Ее влияние сказалось в общей композиции построек и их декоративном убранстве. Так, венчающее пятиглавие Богоявленского собора решено по «украинскому» типу. Украинизированные черты прослеживаются в сложной конфигурации барочных завершений с двойным изгибом куполов Крестовоздвиженской церкви и т.п. Проникли в архитектуру и некоторые характерные для украинского барокко элементы декора: фигурные трехлепестковые рельефные фронтоны, венчающие верх наличников Троицкой церкви, «вдавленные» кресты в декоре Крестовоздвиженской церкви. Профессиональная интерпретация барокко в Иркутске в основном коснулась объемно-планировочного решения сооружений и некоторых деталей, выдвинув ряд наиболее часто повторяющихся композиционных тем. По-новому были осмыслены и некоторые художественные приемы, например, более глубокая, почти скульптурная проработка пластики стены при обработке фасадов (Илл. 6). Этот прием умело подчеркивал климатические особенности города – яркость и большую продолжительность солнечного сияния в году. При этом белая окраска стен при обилии солнца и прозрачности воздуха позволяла получить «потрясающий эффект простой игрой белого с черным, белого поля стены и темного

узора теней» [4]. Климатические особенности города учитывал и характерный для сибирского барокко принцип наибольшего декорирования южных фасадов, где светотеневые контрасты были наиболее сильны. (Например, декор северного фасада Спасской церкви значительно скромнее, там меньше размер оконных проемов и их число.)

К профессиональной интерпретации «высокого стиля» примешивается другая линия – фольклорная. Она-то и вносит в пластическое решение иркутских памятников ярко выраженные региональные черты, образуя в общепринятом художественном направлении свой, местный диалект, что особенно ярко проявилось так же в орнаменте культовых построек.

Фольклорная интерпретация барокко основывалась на сочетании украшений различных художественных культур. В ней сплелись воедино «русское узорочье», бурятский национальный орнамент и пышная декоративность Востока.

Своеобразие «русского узорочья» в иркутских храмах определялось, во-первых, мелкой пластикой – многочисленными богато проработанными малыми архитектурными формами, во-вторых, цветным орнаментом, преимущественно изразцовым и расписным, покрывающим стены некоторых храмов.

Мелкая пластика включала знакомые мотивы зодчества XVII в., которое И. Грабарь назвал «эпохой освященного пятиглавия и узорочья». Так, сложная фигурная кладка одного

из порталов Богоявленского собора была соткана «из множества точеных, граненых бусинок, бутылочек, дынок, наподобие жгутов, обвивающих проемы и двери храма и рождающих неистощимую игру светотени» [5] (рис. 3). Стена из таких узоров теряла свою материальность, статичность. Наиболее повторяющимися и характерными для нашего города мотивами мелкой пластики явились разорванные фронтоны из кирпича, выложенного лесенкой; высокие, богато разработанные карнизы, отделяющие верх храмов от массивных оснований, разнообразные полукруги, круги, треугольники, треугольные бегунки и т.д.

Неповторимые черты вносили в фольклорную интерпретацию барокко многоцветные поливные изразцы, выполненные в самом Иркутске с введением местных сюжетов и символов, многие из которых были навеяны полузабытыми языческими преданиями. Бесконечно варьировались мотивы растительного орнамента: вазы с буйным полаханием неземных цветов, разного рода травы, растения (по славянским преданиям цветы – символ добродетели и песнопений, виноградная лоза – один из распространенных символов рая) [6]. В пластическую ткань «русского узорочья» вплетались элементы бурятского орнамента. Семантика барочных форм в Сибири была сознательно ориентирована на вкусы коренного населения края и связана с задачей насаждения православия среди инородцев, по возможности в понятных им формах. Борьба с буддизмом и ламаизмом отвечала

ornaments: vases with a mass of heavenly flowers, various kinds of herbs and plants. According to the Slavonic legends, flowers symbolize virtue and singing, and grapevine is one of the widely spread symbols of paradise (Uvarov, 1908). The plastic fabric of the Russian "uzorochie" was thread by some elements of the Buryat ornament. Semantics of Siberian Baroque forms was deliberately focused on the tastes of the native people of the region and was meant to enforce orthodoxy among aliens in the most comprehensible forms. The luxurious decoration of Baroque and its ability to assimilate different artistic trends, including the local ones, complied with the struggle against Buddhism and Lamaism.

The Buryat motifs can be traced in the

pattern of the keystones embedded in small cavities over the windows of the octagon of the Epiphany Cathedral. Some motifs of dazans are barely noticeable in the cornice mouldings of the Church of the Sign, the Tikhvinskaya and the Wonderworker Churches. The Buryats preferred geometrical ornaments. Their sunk reliefs with the combinations of simple figures (squares, circles, skewed rhombs) brightly demonstrate the ethnic identity of the region. Entwined with the Russian "uzorochie", these elements emblemize the Siberian Baroque.

The worldview of Buryat culture is very close to the Mongolian one. The Buriat culture sometimes served as a kind of intermediate connecting Irkutsk with

Mongolia and China, the countries that had tradelinks with Russia in the early 18th century. The local Baroque style was one of the easternmost in the country. The decorative orientalluxuriance pleased both native people and rich merchants of Irkutsk.

The influence of Oriental culture on the folk interpretation of Baroque in that period led to extra decoration and colour intensity in ornamental elaboration of walls that looked like an oriental carpet and lacked structural clarity. Several architectural details were also borrowed.

However, zoomorphic and anthropomorphic patterns were prevailing in the sculptural plastic of oriental temples. Only geometrical ornament was applied in

пышная декоративность барокко, способность ассимилировать различные художественные направления, в том числе и местные.

К распространенным бурятским мотивам восходит рисунок замковых камней, замурованных в небольшие углубления над окнами восьмерика Богоявленского собора. Отдаленно напоминают декоративные композиции дацанов карнизные тяги в соборе Знаменского монастыря, Тихвинской и Чудотворской церквях. Для бурят характерен преимущественно геометрический орнамент. Его элементы – вдавленные рельефы из сочетания простых фигур: квадратов, кругов, косо поставленных ромбов – ярко представляют в постройках этническое своеобразие края и, переплетаясь с русским «узорочем», становятся своего рода эмблемой «сибирского барокко».

Культура бурятского населения близка по своему мировосприятию монгольской и, в определенной степени, послужила промежуточным звеном в контактах Иркутска с Монголией и Китаем, с которыми Россия в начале XVIII в. имела торговые связи. Местное направление барокко оказалось одной из самых восточных ветвей в стране. Декоративная пышность Востока в равной степени импонировала и коренным жителям, и богатому иркутскому купечеству.

Влияние данной культуры на фольклорную интерпретацию барокко в постройках этого периода сказалось в повышенной декоративности и красочной напряженности, проявив-

Irkutsk. Sometimes other oriental motifs were also domesticated. One of the first researchers of Siberian Baroque, D. Boldyrev-Kazarin, said: "Even in the elaboration of stone walls some details of Mongolian and Chinese cultures acquire familiar forms of "kokoshniks" (corbel arches). One of the best examples of this mongolized ornamentation is the wall of the Church of the Raising of the Cross in Irkutsk, especially its southern wall" (Boldyrev-Kazarin). The sculptural working out of the walls of this temple gives an idea of folk fantasy together with a remarkable tact in folk interpretation of the grand style, which at the same time included several features of naïve realistic representation of reality peculiar to the "lower" Baroque level. These peculiar

features are pointed out by I. Grabar: "The distant and late Church of the Raising of the Cross demonstrates amazing vitality of traditional endeavor to "embellish". The naïve combination of reminiscences of Moscow and Ukraine is woven in a thick fancy carpet with a quaint flavor of the neighboring Orient" (Grabar, 1909–1910).

The folk rendering of the grand style has fused a lot of the elements of the Christian, Buddhist and Lamaist symbolics into the figurallanguage of the local dialect. The ornament conveyed a special semantic meaning and expressed the symbolic notions universal for those cultures that could not be described by other means. The "lower" Baroque enabled the poorly educated layer of urban population to

express their worldview, having access to the language of art.

Thus the folk interpretation of Baroque in Irkutsk could easily manipulate the forms of folk decorative and applied arts fused with the forms of professional art. It was brightly demonstrated in the temples' decoration, particularly in their ornament. At the same time the "lower" Baroque was often close to naïve realistic means for representation of reality and abounded with metaphors and symbols.

On the whole, Siberian Baroque is an outstanding cultural phenomenon of the 18th century architecture which featured the specific character of life in Siberia in general and Irkutsk in particular.

шихся в орнаментальной проработке стен, напоминавших восточный ковер и терявших всякую тектоничность. Заимствованными оказались и отдельные архитектурные элементы.

Однако в скульптурной пластике храмов Востока преобладали зооморфный и антропоморфный рисунки. В Иркутске применялся лишь геометрический орнамент. Местной переработке подвергались и другие восточные мотивы. Один из первых исследователей сибирского барокко Д. Болдырев-Казарин пишет: «Даже в обработке каменных стен некоторые детали монгольской и китайской архитектуры принимают знакомые формы кокошников (рис. 9). Едва ли не лучшим образцом такой монголизированной орнаментации является стена иркутской Крестовоздвиженской церкви, особенно южная стена» [7]. Скульптурная проработка стен этого храма одновременно дает представление о народной фантазии и удивительном такте фольклорной

интерпретации большого стиля, не исключавшей, однако, некоторых черт наивно реалистического отражения действительности, свойственных уровню «низового» барокко. Эти особенности отмечены И. Грабарем: «В большое изумление приводит живучесть традиционного стремления «приукрасить» в отдаленной и поздней по времени Крестовской церкви в Иркутске. Наивное сочетание отголосков Москвы и Украины причудливо сплелось в густой узорчатый ковер со своеобразным привкусом соседнего Востока» (8) (рис.10). Народная трактовка большого стиля переплавляла здесь в образный язык местного диалекта многое из того, что существовало ранее в христианской, буддийской и ламаистской символиках. Элементы орнамента несли определенную семантическую нагрузку, обозначая наиболее общие для данных культур символические понятия, не отображаемые никакими другими средствами. Здесь наглядно проявилось свойство

низового барокко – возможность выразить свое миропонимание малообразованным слоям городского населения, для которых, однако, был открыт язык искусства.

Таким образом, в фольклорном истолковании барокко в Иркутске свободно использовались формы народного декоративно-прикладного искусства, переплавляемые с формами искусства профессионального. Она наиболее ярко проявилась в декоративном убранстве сооружений, в частности, в орнаменте. При этом «низовое» барокко нередко оказывалось близким наивно-реалистическому методу воспроизведения действительности, было наполнено метафорами и символикой.

В целом «сибирское барокко» – яркое художественное явление архитектуры XVIII в. – предстает как культурный феномен, отразивший специфику жизни Сибири вообще и Иркутска в частности.

Алла Корзун

Литература

1. В.Г. Распутин Иркутск с нами // Памятники отечества. 1980 №1. С. 70
2. Б.И. Оглы Архитектурные памятники Иркутска XVIII – начала XX вв. // Архитектурное наследство. 1979. №27. С. 164.
3. Т.С. Проскурякова Особенности сибирского барокко // Там же. С.160.
4. Болдырев-Казарин Д.А. Народное искусство Сибири. Иркутск, 1924. С. 7.
5. Н.М. Полунина У истоков каменного града. Иркутск, 1979. С.54.
6. А.С. Уваров Христианская символика. М., 1908. Ч.1. С.
7. Болдырев-Казарин Д.А. Указ. соч. С.
8. И.Э. Грабарь История русского искусства. М., 1909–1910. Т.2. С.

References

- Boldyrev-Kazarin, D.A. (1924) Folk Art of Siberia [Narodnoe iskusstvo Sibiri]. Irkutsk.
- Boldyrev-Kazarin, D.A., opcit
- Grabar, I.E. (1909-1910) History of Russian Art [Istoriya russkogo iskusstva]. Vol.2. Moscow.
- Ogly, B.I. (1979) Architectural Monuments of Irkutsk of the 18th - early 20th centuries [Arkhitekturnye pamyatniki Irkutsk XVIII – nachala XX vv]. Architectural Heritage. No. 27, p. 164.
- Polunina, N.M. (1979) At the wellsprings of the stone town [U istokov kamennogo grada]. Irkutsk.
- Proskuryakova, T.S. (1979) Peculiarities of Siberian Baroque [Osobennosti sibirskogo barokko]. Architectural Heritage. No. 27, p. 160.
- Rasputin, V.G. (1980) Irkutsk with us [Irkutsk s nami]. Pamyatniki Otechestva. No. 1, p. 70.
- Uvarov, A.S. (1908) Christian symbolism [Khristianskaya simbolika]. Pt. 1. Moscow.

«Ты прекрасна, спору нет...»

Айя-София – здесь остановиться
 Судил Господь народам и царям!
 Ведь купол твой, по слову очевидца,
 Как на цепи, подвешен к небесам.
 И всем векам – пример Юстиниана,
 Когда похитить для чужих богов
 Позволила Эфесская Диана
 Сто семь зеленых мраморных столбов.
 Но что же думал твой строитель
 щедрый,
 Когда, душой и помыслом высок,
 Расположил апсиды и экседры,
 Им указав на запад и восток?
 Прекрасен храм, купающийся в мире,
 И сорок окон – света торжество;
 На парусах, под куполом, четыре
 Архангела прекраснее всего.
 И мудрое сферическое зданье
 Народы и века переживет,
 И серафимов гулкое рыданье
 Не покорбит темных позолот

Осип Мандельштам

Российские небеса окропили самолет, вылетающий в Стамбул, холодными каплями. Турецкий берег встретил солнечной улыбкой. Стамбул не был ни пыльным, ни серым, а его знаменитые мечети на историческом полуострове вовсе не походили на жаб или ракообразных, приведшихся Иосифу Бродскому в приступе мизантропии. Их купола напоминали скорее плоские морские раковины, а вертикали

минаретов гигантскую поросль хвоща, осторожно касающуюся неба острыми вершинками. По знаменитому мосту через Босфор на высоте двадцатитрёхэтажного дома бусинками разорванного ожерелья катились машины. В акватории Золотого Рога, вздымая брызги, взлетали и приземлялись архаичные гидросамолеты с туристами.

Святая София Константинопольская, заколдованная великанша, спала

под присмотром четырех минаретов и, наверное, видела цветные сны. Возможно, ей снилась череда патриархов, императоров, султанов, президентов... В светлых счастливых снах ей видятся торжественные христианские службы и лица ее гениальных создателей: Анфимия из Тралл и Исидора из Милета. В кошмарах – землетрясения, войны, пожары, рухнувшие стены и купола, первый намаз...

^ Мечети на историческом полуострове в Стамбуле

< Святая София

Прабабушка христианских соборов не была счастлива во втором браке, заключенном против ее воли по мусульманскому обряду.

29 мая 1453 года, в тот самый день, когда турки под предводительством султана Мехмета II ворвались в Константинополь, круша все на своем пути, Святая София стала мечетью. Говорят, из темных глаз Христа на знаменитой мозаике, в этот момент заструились красные слезы. Может быть, это были капли крови, брызнувшие из ран защитников храма.

Исламские дети Софии, появившиеся по воле правителей Османской империи, очень похожи на нее. Много веков они уговаривали свою мать забыть прошлое. Айя София смирилась

со своей исламской долей, привыкла к стражникам-минаретам, но христианство не забыла. Сегодня великанша предпочитает терпеть нашествие туристов по примеру престарелых римских родственников – базилики Максенция и Пантеона: Кемаль Ататюрк декретом 1935 года превратил ее в музей.

Были очищены от слоя известки знаменитые мозаики, изображающие Христа, Марию, святых и ушедших в вечность императоров Второго Рима. Христианские владыки, столь же властолюбивые и жестокие, как и их языческие предшественники, в мозаиках Великого Храма выглядят смиренными и богобоязненными, почти святыми. А ведь в порядке вещей было ослепить или оскопить самых близких родствен-

ников, если они претендовали на трон.

Мозаики открыли, но круглые щиты, обтянутые верблюжьей кожей, на которых начертаны имена Аллаха, пророка Мухаммеда, его внука и османских правителей никто убирать не стал: времена меняются. В турецком парламенте сегодня на полном серьезе обсуждают вопрос о том, чтобы Айя София вновь стала мечетью.

Крики муэдзинов раздаются в Стамбуле каждый день в соответствии с одобренным пророком Мухаммедом расписанием. Напоминание о намазе не сбивает движение на магистралях, не прерывает работу в офисах, не останавливает лекции в университетах, но и мечети в час молитвы не пустуют. Их устланное коврами внутреннее про-

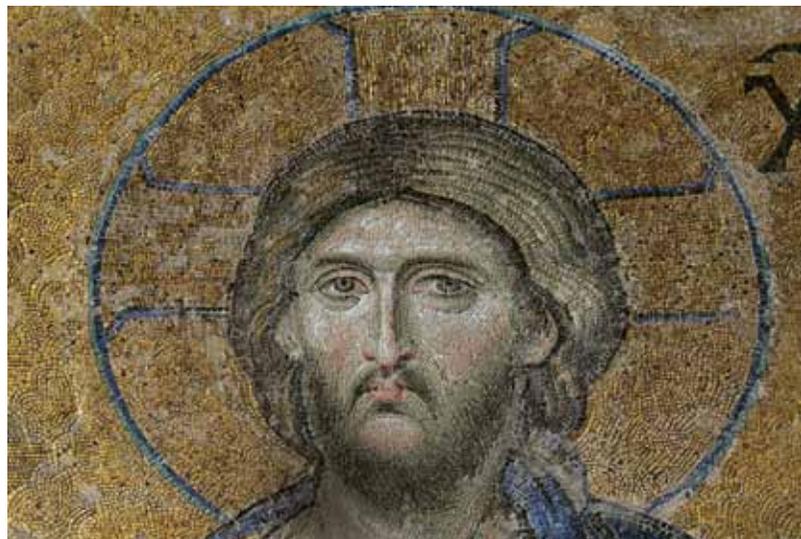
странство пять раз в день наполняется правоверными. Туристам дозволено снять обувь, войти, и полюбоваться калейдоскопом нежнейших оттенков в росписях куполов, совершенными каллиграфическими композициями из арабской вязи, мерцающими над головами молящихся огнями светильников, великолепием вручную расписанных изразцов, резными византийскими капителями и колоннами, некогда стоявшими в эллинских и ромейских храмах.

Каждый султан считал своим долгом прославить Аллаха, построив мечеть своего имени. Голубая мечеть, стоящая напротив храма Святой Софии, осталась лучшей среди прочих святынь исторического полуостро-

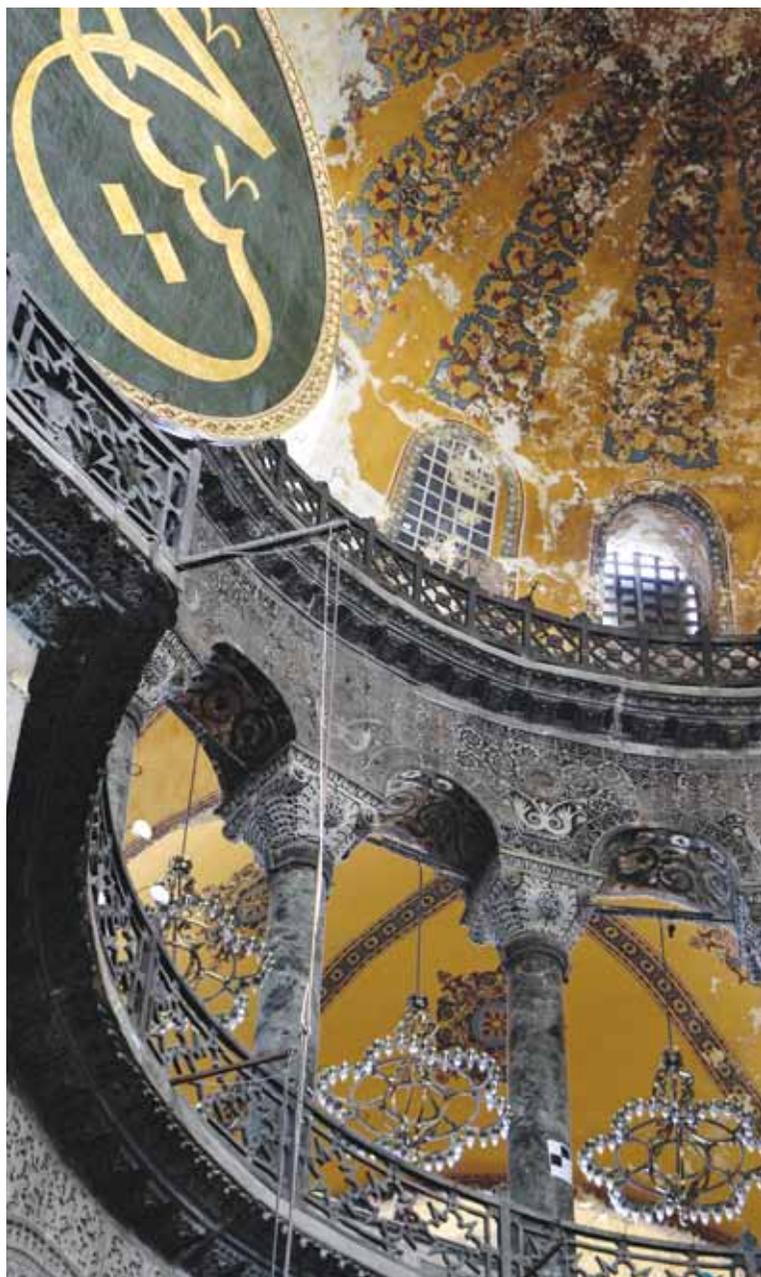
ва, но и она не может сравниться с непревзойденной великаншей. В строения исламские зодчие вкладывали все свои знания и умения, украшали мечети изысканными изразцами, расписывали купола нежнейшими орнаментами. Мечети прекрасны, спору нет, но архитектуры по совершенству равной ромейской Мимар Синан и его последователи не создали.

Если, подобно царевне из сказки, Айя София спросит волшебное зеркальце, кто с ней может сравниться в бывшем Константинополе, а ныне Стамбуле, зеркальце без сомнений ответит – никто не может. Да и во всем мире равных ей нет.

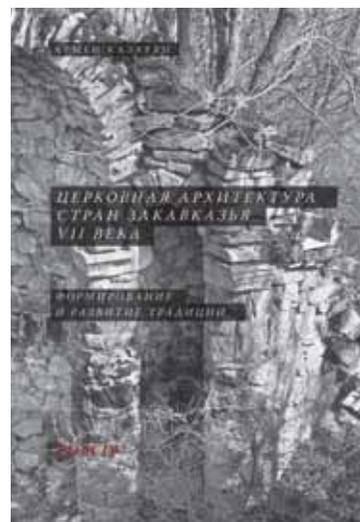
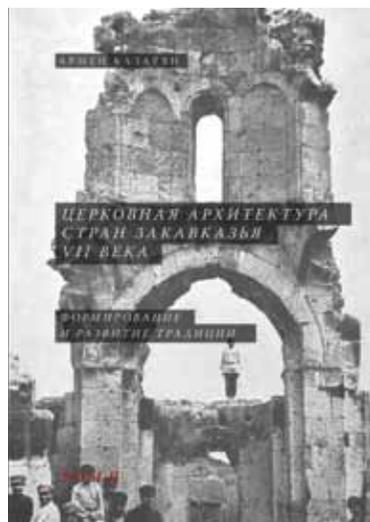
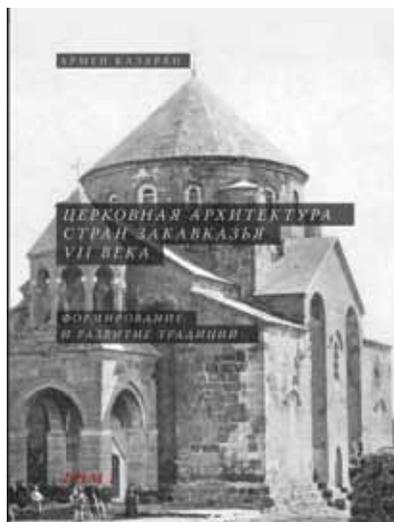
Елена Багина

А Иисус. Мозаика в храме Святой Софии

В Интерьер Святой Софии

Церковная архитектура стран Закавказья VII в.

На днях по итогам конкурса на лучшие научные и творческие работы Медалью Российской академии архитектуры и строительных наук отмечена монография доктора искусствоведения Армена Юрьевича Казаряна «Церковная архитектура стран Закавказья VII века: Формирование и развитие традиции» (4 тома. М.: Locus Standi, 2012–2013. – Т. I (2012) – 388 с.; Т. II (2012) – 640 с.; Т. III (2012) – 690 с.; Т. IV (2013) – 340 с., илл.).

Исследование выделяется масштабностью охвата материала, комплексным подходом, сочетанием методов изучения иконографии и стилистического анализа, очевидными новациями. Особое внимание уделено творческому началу в работе архитектора, в центре внимания автора находятся идеи заказчиков и зодчих, в соответствии с которыми складывались, по его мнению, композиции и образы храмов.

Архитектура трех стран Закавказья – Армении, Иверии (Восточной Грузии) и Алуанка (Кавказской Албании) – рассматривается в монографии в качестве единого неделимого явления на протяжении всего VII века – эпохи первого и наивысшего взлета этой традиции. Большое внимание уделено вопросам ее взаимодействия с соседними традициями Византии и Ирана. Причем речь не идет о существовании абстрактного понятия влияния одной культуры на другую. Именно творческое начало

местных заказчиков и зодчих, по убеждению Казаряна, способствовало созданию новых композиций христианских храмов, пользуясь методом одновременного обращения, как правило, к разным образцам и комбинирования форм. Применявшийся до сих пор принцип рассмотрения всего объема этой архитектуры по типам в монографии решительно отвергается, и автор впервые демонстрирует развитие архитектуры стран Закавказья в русле исторических событий.

Каждый из трех первых томов посвящен определенному историческому моменту VII века. Они определяют строительную деятельность ярких личностей – католикосов и правящих князей, активно способствовавших созданию монументальных сооружений, преимущественно храмов. Четвертый том посвящен провинциальному зодчеству, отделяемому Казаряном от главных путей развития основной, «классической» традиции.

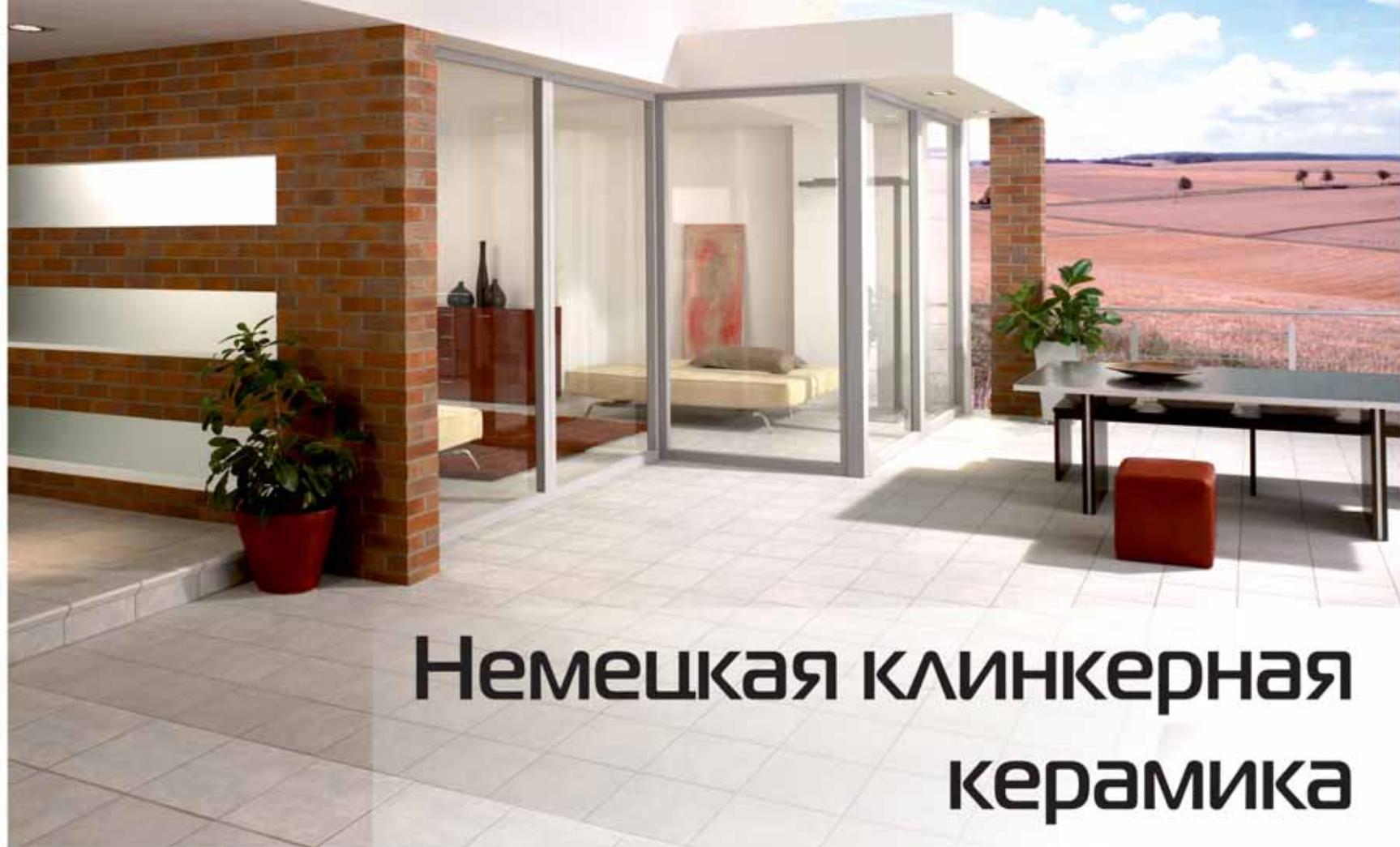
Особым достоинством работы является каталог памятников, разбитый на части в соответствии с хронологией каждого из разделов монографии. Таким образом, обобщающая глава раздела сопровождается каталожными статьями с подробным описанием, приведением исторических сведений, библиографии, реконструкций по конкретным памятникам.

Авторские реконструкции древних построек, уникальный свод знаков мастеров-каменотесов, колоссаль-

ное количество чертежей и фотографий делают публикацию уникальной, значительно расширяющей наши знания о средневековой культуре и архитектурном творчестве.

Армен Юрьевич Казарян, 1963 года рожд. – архитектор, доктор искусствоведения, советник РААСН, создавал свою монографию на протяжении двух десятилетий по проектам Государственного института искусствознания Минкультуры РФ и НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства. Казарян является лауреатом премии памяти митрополита московского и Коломенского Макария (Булгакова) (М., 2007), премии «Золотой знак» XXI Международного фестиваля «Зодчество-2013», премии организации «Европа Ностра» по охране европейского культурного наследия (2014). Казарян является членом ученых и экспертных советов, редколлегий «Архитектурного наследия», «Вопросов всеобщей истории архитектуры», трех зарубежных периодических изданий; участвует в работе и организации международных конференций и семинаров. Работал по исследовательским грантам в Греции и Италии, проводит экспертизу проектов Всемирного фонда памятников, при содействии которого работает научным консультантом реставрации церквей в Ани (Турция).

Е. Г.

Немецкая клинкерная керамика

Feldhaus
Klinker

**плитка под кирпич
и брусчатка**

Более 150 лет традиций и гарантированного качества керамики произведенной только из избранных сортов глины.

ströher.

Clinker. Ceramics. Competence.

**ступени
и плитка для пола**

129 летний опыт производства керамики.
Огромный ассортимент аксессуаров
и фасонных деталей.

15 коллекций сезона 2014года
клинкерной плитки
под кирпич в наличии
на иркутском складе

Немецкий клинкер в Иркутске:
ул. Николая Вилкова, д. 9А
тел.: (3952) 55-99-11
www.finestra.biz

Пространственное разнесение храма и колокольни Вознесенского монастыря создаёт образ ворот на одном из главных въездов в город

Русский храм в древнерусском городе

Храмовое строительство, являясь частью государственной политики в области архитектуры и градостроительства, отчетливо демонстрирует синтез религиозных, эстетических, материально-технических аспектов человеческой деятельности. Каким образом природно-географические, культурно-бытовые, производственные традиции накладывали отпечаток на архитектуру храмовых комплексов?

В 1989 году появилась книга Г. В. Алферовой «Русские города XVI–XVII вв.». Автор на основе архивных разысканий и натурных исследований показывает, что к началу XVII века в России существовала устойчивая градостроительная концепция, являвшаяся важной частью государственной политики. Автор характеризует ее как свободную или пространственно-модульную, с количественной упорядоченностью объёмно-планировочных, ландшафтных, образно-художественных параметров.

Основой русского города была объёмно-пространственная композиция, обеспечивающая равновесие всех его частей с ландшафтом. Она строилась на сбалансированных соотношениях элементов природного ландшафта (в первую очередь рельефа), доминирующих сооружений и рядовой застройки. Основные части города (кремли, торгово-ремесленные посады, слободские окраины) «раскладывались» по рельефу в соответствии с социальным статусом.

Комплексы кремлей располагались, как правило, на самых высоких точках рельефа, посады – «концы» и слободы – размещались на более низких участках. Части города отделялись

друг от друга пространственными разрывами и фиксировались архитектурными доминантами храмов: соборных – в кремлях, приходских – на посадах и в слободах. Храмы ставились на наиболее выразительных участках рельефа. Вся система городских доминант представляла собой единую композицию. Доминанты кремлей выделялись более крупным масштабом, количеством сооружений. Доминанты посадов и слобод были иерархически подчинены кремлевским ансамблям.

Эти приемы помогли воспринять и понять город еще на подходах к нему, со стороны главных речных и сухопутных дорог. Визуальная ориентировка на определённую доминанту давала возможность приезжающим (приплывающим) попадать в нужную часть города.

«Раскладка» частей города по рельефу в соответствии с их функциональным статусом дополнялась иерархией доминант: в кремлях они крупнее, их больше по количеству (кучности), ритм их постановки более крупный. В посадах и слободах эти характеристики не столь значительны.

Каким образом формировался внутренний ансамбль города, как организовывалось движение жителей во внутригородском пространстве?

Рисунок улиц и расположение рядовой застройки пространственно сориентированы на ближайшие доминанты, что достигалось целым рядом приемов. Рядовая застройка (дома в усадьбах) имела упорядоченную систему пространственных разрывов («прозоров»), в основе которой лежал определённый модуль. Чем

крупнее сооружение, тем больше был окружающий его прозор. Широко применялся «лучевой» рисунок улиц, сходящихся к доминанте, что помогало визуальному восприятию застройки. Дома в усадьбах ставились со значительным отступом от «красной линии» улиц, часто в шахматном порядке, что также расширяло поле обзора рядовой застройки.

Часто улицы имели переменный профиль: они или расширялись, или имели сужение к доминантам.

Возможность видеть из своего окна значительную часть рядовой и доминирующей застройки создавала эффект внутренней «прозрачности» городской среды.

Единство восприятия городских ансамблей извне и изнутри обеспечивало «присутствие» каждого жителя в городском пространстве, делало его соучастником городской жизни, рождало чувство общности, «соборности».

Натурные исследования проводились автором, в основном, в провинциальных центрах европейской части России, которых мероприятия по внедрению «регулярства» коснулись в меньшей степени.

На примере исторического центра Иркутска также можно судить о градостроительных приемах, обеспечивающих восприятие города в целом, ориентацию во внутригородских пространствах, расположение храмовых комплексов. Конечно, для восстановления исторического облика центра необходима его реконструкция (хотя бы исследовательская).

Общегородской ансамбль иркутского амфитеатра лучше всего просмат-

< Приём размещения храмовых доминант на пересечениях главных улиц города помогает визуальной ориентации в городском пространстве, создаёт упорядоченную и богатую композицию уличной застройки

ривается с севера и северо-запада. Именно здесь, на холмистых возвышенностях побережья Ангары были поставлены Вознесенский (мужской) и Знаменский (женский) монастыри, которые визуальнo оформляют въезды и «вплывы» в город.

На доминирующих участках правого и левого берегов Ангары также располагаются храмы разного масштаба: при большей удаленности от берега они более крупные (Крестовоздвиженская церковь), по мере приближения к берегу их размеры уменьшаются (церковь Св. Иннокентия, церковь Николая Чудотворца). Эти доминанты оформляют главный «речной фасад» города, фиксируют размещение крупных фрагментов городской застройки.

Ориентация в системе улиц и площадей городского посада также обеспечивается постановкой церкви и часовен на перекрестках главных улиц города. Улица Большая – церкви Благовещения, Лютеранская, часовня Христа Спасителя. Улица Амурская – церковь Воскресения, Воздвижения. Улица Ланинская – церкви Иконы Св. Богородицы, Преображенская, Мусульманская мечеть, часовня Ал. Невского.

Иерархия городских пространств организована разной степенью сближения («кучности») доминант, масштаба их объёмов и прилегающих открытых пространств.

До настоящего времени в центральной части города (Сурикова, Ленина, 5-й Армии, Тимирязева) видны вдалеке и вблизи силуэты сохранившихся храмов, объединяющих окружающую их историческую застройку в целост-

ные фрагменты городской среды, «привязанные» к определённому периоду истории Иркутска.

Иркутску удалось сохранить не только отдельные архитектурные памятники, крупные фрагменты городской застройки (каменной и деревянной), но и планировочную канву центральной части города, позволяющую воспринимать пространственный «образ» города отдалённой эпохи. Сохранение и воссоздание исторической планировки центра Иркутска – один из главных аргументов за его включение в Список объектов Всемирного наследия.

Владимир Нечитайло

^ Пространственное сближение храмов, их крупные объёмы обеспечивают восприятие доминирующего ансамбля главной площади города Иркутска

Иллюстрации из книги С.И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках»

> Главный призер выставки австралийский сад

Сотая выставка в Челси

v Сад Таиланда, обошедшийся в 3 млн фунта стерлингов

v Сад сукнодела

На самом деле ей лет гораздо больше. Просто до этого она проходила в разных местах.

Первая выставка цветов Королевского общества садоводов состоялась 186 лет назад и 35 лет проводилась в лондонском предместье Чизик. Добраться до пригорода в те годы было непросто, от этого посетителей было немного, и поэтому в 1862 году цветочное шоу перенесли в центр Лондона, в сады Кенсингтона. Там выставка обитала 26 лет.

В 1888 году, когда Кенсингтонские сады закрыли из-за реконструкции

города, шоу перенесли в исторический район Темпл. Из года в год выставка становилась всё более популярной, и в 1912 году садоводы Великобритании отменили свое цветочное шоу, чтобы подыскать новое место уже для международной выставки. Временно решили использовать территорию Королевского госпиталя в Челси. С тех пор «Большое весеннее шоу», или «Челси флауз шоу», или «Выставка садов в Челси», или «Ярмарка тщеславия английских садоводов» (и такой эпитет приходилось читать) проходит в аптекарских

садах при госпитале. Ветераны этого госпиталя в красных мундирах являются неотъемлемыми персонажами этой выставки и сами непременно выставляют на ней какой-нибудь сад.

В этом году это был сад, посвященный книгам Толкиена. Он даже был огорожен книгами, что лично меня напрягло. Хотелось срочно спасти книги от влаги, которой, по моему мнению, они непременно должны были быть попорчены из-за близости к растениям. Даже если растения и не поливают в течение выставки, ассоциации с поливом остаются.

Да, читатель, вы не ошиблись, я провела на этой выставке два дня, усиленно фотографируя все, что попало на глаза: вдруг пригодится. Это было мое второе посещение выставки в Челси. Впервые мы там побывали вдвоем с моей коллегой в 2005 году, и шоу поразило нас в самое сердце. Фотографии тех садов были пересматриваемы несчетное количество раз в качестве учебного пособия по повышению квалификации сибирских ландшафтников. Вы скажете: «Вот те на! Где Лондон, а где Сибирь! Что может быть общего? Чему учиться?» А я вам скажу:

«Композиции. Законы гармонии везде одинаковы». И сейчас понимаю, что мы это все проделывали не зря. Не зря учились. Потому что, появившись на этой выставке через восемь лет, я обнаружила, что она больше меня не поражает. Было даже какое-то разочарование от того, что не испытала ожидаемого восхищения. Потом поняла: это можно сравнить, например, с ощущениями ребенка, когда он, впервые увидев Деда Мороза, был потрясен до глубины своего сердечка. Потом, спустя восемь лет, ребенок видит его снова. Дед Мороз почти такой же, но ребенок-то вырос!

Вот и я к этой весне так изменилась, что замечала порой – о, ужас! – ошибки. И даже – кошмар! – отклонения от хорошего вкуса.

Но зато в этот раз обратила внимание на то, что проходит выставка в прекрасном пейзажном парке. В прошлый раз его для меня как бы не существовало. Заметила в этот раз и людей вокруг. В прошлый раз я воспринимала их как некую массу, которая мешала мне разглядеть какой-нибудь сад поближе.

Оставалась той же и, пожалуй, даже стала больше ответственность. Надо заснять всё-всё! Ведь я здесь одна, всем остальным надо показать как можно больше. И я щелкала-щелкала-щелкала... Все два дня.

Каково же было мое удивление, когда вернувшись в Сибирь и считая, что я честно обошла выставку несколько раз, в Интернете я вдруг обнаружила и сады, и растения, которых я там не видела. Вот тут-то и произошло осознание огромности этого явления – садовой выставки в Челси – и понимание промежутка времени. Все-таки 100, да нет – 186 лет практики – это возраст.

Мы по сравнению с ними совсем юные. Ну да ничего. В юности тоже есть свои плюсы. Мы возьмем у них весь опыт, какой сможем, и пойдем своим путем. Как дети. Вначале они копируют взрослых, играют в них, учатся у них, а потом вырастают и идут своей дорогой. Потому что условия и задачи у них другие. Но, как сказал Ян Коменский – без примера ничему не выучишься.

Ольга Смирнова

^ Сад истории трансформации города Сток-он-Тренс

^ Сад по произведениям Толкиена

< Сад философов

Прогулка 12 КУРОРТ И ПАРК
Кураторы Константин Лидин и Елена Григорьева
Карты маршрутов подготовлены Русланом Хотулевым
Использованы фото Ларисы Крыловой и Анны Григорьевой,
а также иллюстрации из книги С.И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках»

Прогулка 12 КУРОРТ И ПАРК

- 120. Иркутный мост
- 121. Проект детальной планировки северной части Свердловского района г. Иркутска (ЦНИИЭП Градо, 1981)
- 122. Курорт «Ангара»
- 123. Больница переселенческого пункта, ул. Боткина, 4
- 124. Проект планировки северной части Свердловского округа г. Иркутска (ИГП)
- 125. Глазковский некрополь, памятник археологии
- 126. Проект аквапарка
- 127. Проект археологического музея
- 128. Парк Парижской Коммуны
- 129. Стадион «Локомотив»

Прогулка 12 КУРОРТ И ПАРК

текст
Константин Лидин

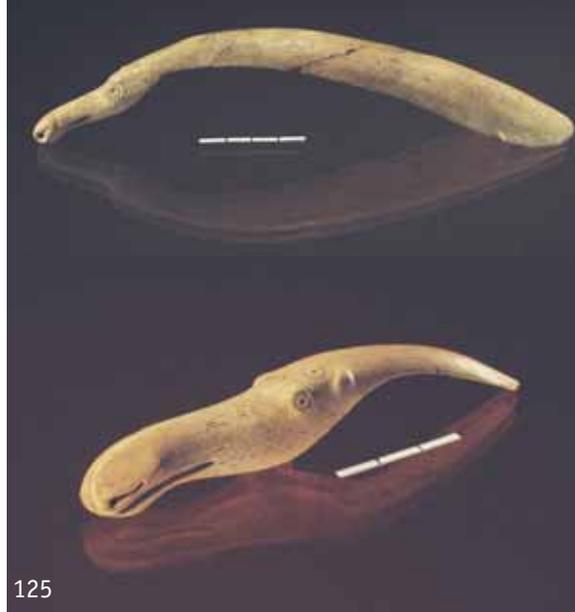
В каждом городе есть такие места, в которых под грубым и нервным слоем сегодняшних впечатлений скрываются глубокие и драгоценные образы из прошлого. По такому уголку Иркутска наша сегодняшняя прогулка.

Сразу оставим попытки проехать наш сегодняшний маршрут на машине. В отличие от предыдущих прогулок, эту лучше проводить исключительно пешком. Улицы Боткина, 2-я Железнодорожная, Маяковского и Спортивный переулок – так до сих пор и не развязанный транспортный узел, соединяющий (или разъединяющий?) два моста – Иркутский (120) и Старый Ангарский (Глазковский) – между собой и с направлениями на Шелехов и Академгородок. Дополнительное раздражение вызывает тот факт, что еще старый ПДП (121) северной части Свердловского района давал предложение по многоуровневой развязке у моста через Ангару, а проект реконструкции стадиона «Локомотив» (129), выполнявшийся в ИГП в начале этого века, – по решению парковочных проблем для всей этой территории. И в новом, действующем про-

екте планировки северной части Свердловского округа (124) предложено простое, относительно незатратное решение транспортного узла между двумя мостами. Однако положение не меняется, а скорее усугубляется с ростом автомобилизации и насыщением площадки новыми объектами.

Гнев и ярость вечной пробки сменяется тишиной и ласковым, целебным покоем, достаточно отойти несколько шагов в сторону излучины реки Ангары и оказаться на территории курорта «Ангара». Сосны и лиственницы, смолистый воздух и живописные аллеи... Местные белки ведут себя по-хозяйски. Эти энергичные жители курорта вызывают такое обилие положительных эмоций, что пациенты «Ангары» поговаривают про «белкотерапию» – специфический метод лечения сердечных проблем. Курорт «Ангара» (122) – старейший в регионе. Здесь размещены корпуса разных времен. Самые знаменитые в городе архитекторы работали здесь: в конце XIX века В. А. Рассушин¹ и А. И. Кузнецов, а в 30-е годы XX века – Борис Михайлович Кербель².

Начинается же история курорта более ста лет назад, когда чета богатых иркутских купцов Медведниковых (коммерции советника и почетного гражданина Ивана Логиновича и жены его Александры Ксенофоновны) на свои капиталы основала больницу для хронических больных. В разработке первоначального плана и устава больницы (в числе семи членов подготовительной комиссии) участвовал и городской архитектор Владимир Александрович Рассушин. В 1898 году, после утверждения площади участка в 63 га и устава больницы, разработка проекта была поручена городскому архитектору Алексею Ивановичу Кузнецову.

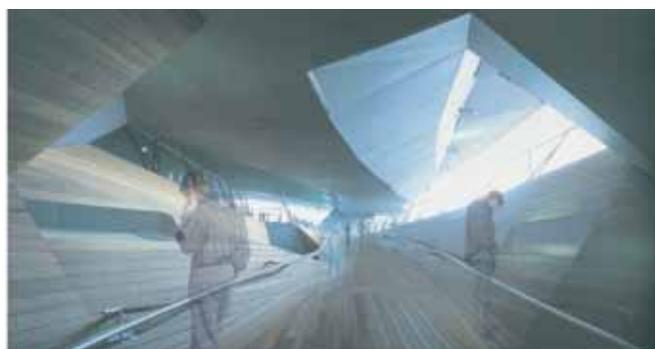
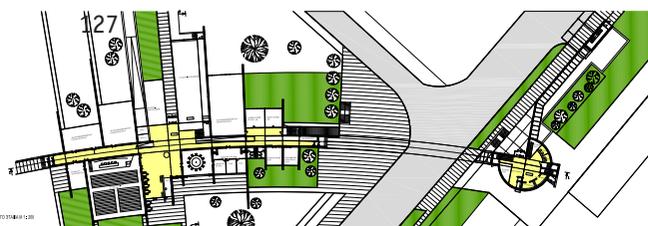
В 1932 году был построен двухэтажный деревянный спальный корпус по проекту архитектора Б. М. Кербеля с балконом и галереей, клуб, солярий, и коечная мощность увеличилась до 250 мест.

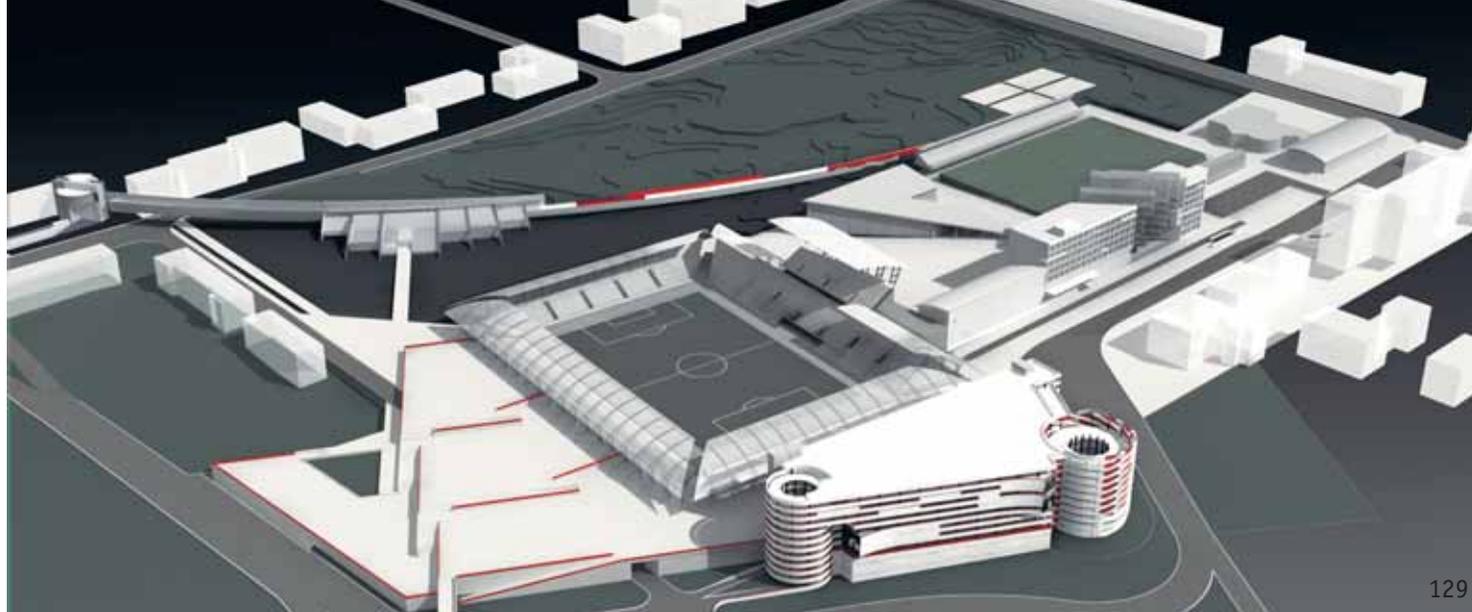
Уже после Отечественной войны на территории курорта были открыты две артезианские скважины глубиной 750 и 980 метров, снабдившие лечебницу минеральными водами. «Ангара» становится бальнеологическим курортом республиканского значения.

Но вернемся к узлу из улиц, от которого мы начали прогулку. Здесь нам встретится довольно редкое для Иркутска архитектурное явление – деревянный дом в стиле модерн. Маленькое, теперь почти неприметное из-за соседства с доминантным жилым комплексом «Заречный», здание больницы переселенческого пункта (123) по ул. Боткина, 4, построено в самом начале XX века, является памятником истории и культуры и связано с великими именами. В больнице с 1913 г. по 1920 г. главным врачом работал Михаил Петрович Герасимов. Здесь прошли детские годы его сына – М.М. Герасимова, знаменитого археолога, антрополога и скульптора. Разработанный им метод восстановления лица по черепу используется сегодня не только в науках о человеке, но даже в криминалистике. Об этом сообщает мемориальная доска из черного долерита.

Главное открытие археолога М.М. Герасимова – Глазковский некрополь (125) – было сделано в 1928 году.

Почему-то древние люди именно здесь хоронили своих умерших, хоронили по сложному ритуалу, закла-

дывали в могилы украшения, инструменты и оружие и засыпали тело красной охрой и молотым гематитом – камнем-кровавиком, символом жизни. Самые древние могилы здесь относятся к трехсотпятидесятому веку до нашей эры (верхний палеолит). Основная масса захоронений – неолитическая, они «всего» на шесть тысяч лет старше египетских пирамид.

Из четырехсот захоронений Глазковского некрополя две трети было разрушено и утрачено навсегда. Строить на Кайской горе начали еще в конце XIX века, при прокладке Транссибирской магистрали. И позже строили – дома, дороги. Прокладывали кабели и трубы. И непрерывно откапывали могилы, и уничтожали их. Каменные топоры и ножи, костяные иглы и рыболовные крючки, украшения из клыков марала и кабана, из зеленого и белого нефрита растекались по частным коллекциям, а чаще – просто выбрасывались. Частично могильники удалось спасти иркутскому археологу Павлу Хороших в 1940–1950 годы, а в 60–70-е гг. – молодым тогда, хорошо известным сейчас исследователям сибирских древностей Герману Медведеву, Владимиру Свинину, Николаю Савельеву, Галине Георгиевской, Михаилу Аксёнову.

Ещё в начале XX века губисполком одним из своих постановлений распорядился «попытаться создать музей на базе Глазковского некрополя». К этой теме архитекторы обращались в 90-е и 2000-е (126 и 127). Раскоп предлагалось закрыть куполом, здесь могли бы гулять люди, наблюдая, как работают в реальных условиях археологи. Но многих пугает цена проекта – по предварительным подсчётам, на него нужно не менее 1,1 млрд рублей. Так что пока парк Парижской Коммуны³ (128) так и продолжает свое существование в заброшенном виде, несмотря на явные предпосылки к процветанию, заложенные древнейшей историей и подтвержденные многочисленными обоснованиями археологов и несколькими проектами архитекторов.

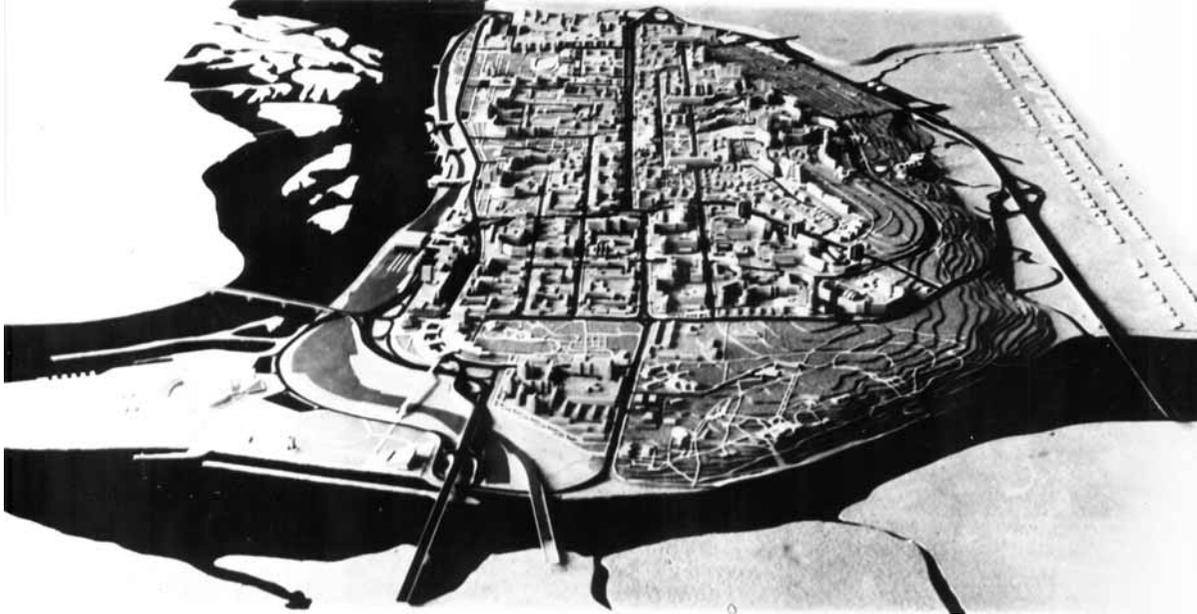
В северной части квартала парка имени Парижской коммуны находится стадион «Локомотив» (129). Под названием «Циклодром» он был торжественно открыт 30 мая 1893 года. Но фактически спортивные меро-

приятия проходили здесь и раньше, начиная с 1882 года, что позволяет стадиону претендовать на роль старейшего спортивного сооружения в России.

Первые велосипедисты в Иркутске появились в 1891 году, а через два года число членов Иркутского общества велосипедистов-любителей (ИОВЛ) достигло ста человек. Именно эти жизнерадостные, энергичные люди очистили территорию березовой рощи от мусора и на добровольных началах построили целый спортивный комплекс. На территории Циклодрома были установлены снаряды для занятий крокетом, кеглями, гимнастикой и даже плац для катания на детских велосипедах. Зимой проводились лыжные гонки, и заливался каток. 5 сентября 1893 на Циклодроме были проведены первые призовые гонки из семи заездов с большим числом участников.

13 июня 1907 года «состоялся полёт воздухоплавателя Моисеенкова на воздушном шаре из сада «Циклодром». Гонимый восточным ветром, при неблагоприятной погоде, шар поднялся высоко и медленно опустился в Иркут. Благодаря спасательному поясу воздухоплаватель выбрался на берег. Брошенный шар понесло по реке, зацепило за камень и разорвало водой». Можно предположить, что г-н Моисеенков был первым воздухоплавателем и частным владельцем воздушного шара в Иркутске.

Мы заканчиваем нашу прогулку, возвращаясь из степного, неторопливого прошлого в наш сложный и лихорадочный век, принося с собой память о ярких и творческих людях и надежду на то, что этот уголок Иркутска будет когда-нибудь благоустроен. И тогда таинственные и увлекательные образы прошлого станут доступнее и ближе.

< Проект детальной планировки северной части Свердловского района, разработанный ЦНИИП градостроительства, г. Москва, утверждённый решением исполкома Иркутского городского совета народных депутатов от 05.11.1981г. № 16/603

Проект планировки северной части Свердловского округа Иркутска

< Проект планировки северной части Свердловского округа
Постановление об утверждении от 18.04.2012 N 031-06-730/10

Разрабатывался с сентября 2008 г. по октябрь 2009 г.
ОАО «Иркутскгражданпроект»

архитекторы

В.Я. Снежко-Блоцкий
Е.П. Хазыкова
Л.М. Самосват
С.А. Александров
А.В. Пономарев
Э.Ю. Петрас

экономика

Н.В. Смирнов
Д.С. Потылицина

О.В. Фролова

транспорт,

красные линии

М.В. Мамонтова

text
Vitali Baryshnikov

The Irkutsk region has a great potential of historical and cultural heritage, not yet fully evaluated. It comprises a complex of material evidences of the past, including archaeological objects of different times, materials and geography.

The City of Irkutsk is located at the junction of big and small rivers: the Angara, the Irkut, the Kaya, the Ushakovka and the Topka. In ancient times Irkutsk was in the zone of active formation and development of old cultures with a wide chronological range: from the Upper Paleolithic (as early as 40 thousand years ago) to the Middle Ages.

Irkutsk has been famous for its unique archaeological monuments since archaeology became a science. The first Paleolithic monument in the Russian Empire was found in Irkutsk in 1871. Before that time it was believed that there were no Paleolithic monuments on the territory of Russia.

The main problem of the huge complex of archaeological monuments is that it is poorly introduced for scientific, popular and touristic use. Researchers of the Irkutsk region as well as foreign researchers have known about the riches of the region for a long time, have been studying them for more than hundred years and systematically - for the last 70 years. However, the potential of the region's historical and cultural heritage is not fully promoted among people in Russia and worldwide.

The first complex approach to this problem could be popularization and propaganda both in Russia and abroad of the most unique archeological object, the Glazkovsky Neolithic Graveyard (The Glazkovsky Necropolis).

The Glazkovsky Necropolis is one of the oldest and largest burial grounds on the territory of North Asia and the best known graveyard in Russia. It comprises hundreds of highly informative graves (with 350-400 artifacts), well-preserved osteological materials, as well as items made of stone, nephrite, onyx etc.

The graveyard was discovered by N. I. Vitkovsky in 1887, during the construction of V. P. Sukachev's orphanage. It consists of Early Neolithic graves (eight thousand years old) and two Early Bronze Age burials in sitting and stretched positions (4,5-3 thousand years old).

The Necropolis graveyard was spread from the mouth of the Irkut River to the current Ershovsky Bay. The major part of the graveyard was destroyed during the construction of the railway in the late 19th century. The graves remained mostly on the territory of the Paris Commune Park and adjoining streets.

The complex comprises single, double and group burials. There are burials of headless soldiers with stone arrowheads in their bones; women's and children's burials.

Глазковский некрополь в Иркутске: памятник археологии мирового значения /

текст
Виталий Барышников

Иркутская область обладает огромным, не оцененным еще до конца потенциалом историко-культурного наследия. Это комплекс материальных свидетельств прошлого, включающий в себя разнообразный по времени создания, материалу изготовления, географии распространения археологический материал.

Иркутск расположен в месте слияния ряда крупных и мелких водотоков – рек Ангара, Иркут, Кая, Ушаковка, Топка. Территория города находилась в древности в зоне активного формирования и развития древних культур широкого хронологического диапазона – от верхнего палеолита, датируемого от 40 тыс. лет назад, до Средневековья.

Уникальными памятниками археологии Иркутск известен со времени становления археологии как науки. Достаточно сказать, что первый в Российской империи палеолитический памятник археологии был найден в Иркутске в 1871 году. До этого времени считалось, что памятников эпохи палеолита на территории России не существует.

Основная проблема огромного комплекса археологических памятников – его слабая вовлеченность в научный, а главное, в научно-популярный и туристический оборот. Богатства региона изучаются иркутскими, а также иностранными исследователями уже более ста лет, системно – последние 70 лет, однако до сих пор потенциал историко-культурного наследия области недостаточно пропагандируется в максимально широкой общественной среде России и всего мира.

Первым комплексным шагом в решении этой проблемы могло бы стать вовлечение в широкий общественный оборот, популяризацию и пропаганду как в России, так и во всем мире (как инструмент позиционирования региона) наиболее уникального из известных сегодня объектов археологии – Глазковского неолитического погребального комплекса (Глазковский некрополь).

Глазковский некрополь – один из самых древнейших и обширных по занимаемой площади могильников на территории Северной Азии и наиболее известный погребальный комплекс России. В нем представлены сотни погребений, с высокой степенью информативности (в погребениях насчитываются от 350 до 400 артефактов), высокой степенью сохранности остеологического материала, а также изделий из камня, нефрита, оникса и т. п.

Объект был открыт в 1887 году Н. И. Витковским при строительстве приюта В. П. Сукачева. Состоит из могильника эпохи раннего неолита (8 тыс. лет назад) и двух могильников ранней бронзы, содержащих захоронения в сидячем и вытянутом положении (4,5–3 тыс. лет назад).

Погребения некрополя распространялись от устья р. Иркут до современного Ершовского залива. Большая часть могильника уничтожена при строительстве железной дороги в конце XIX века. Основная концентрация сохранившихся погребений – на территории Парка имени Парижской Коммуны и прилегающих улицах.

В состав комплекса входят одиночные, парные, групповые погребения. Погребения обезглавленных воинов с наконечниками каменных стрел в костях, женские и детские погребения.

^ Место расположения могильника «Локомотив» на плане Глазковского предместья г. Иркутска / The location of the burial "Locomotive" in the layout of Glazkovsky neighborhood in Irkutsk

In 1996 a burial of a northern wolf with a man's skull between its legs was discovered. It is the only one burial in the world containing an animal with human remains. It is more than 7.5 thousand years old (see the photo below). The information on this discovery was placed in all leading scientific publications of the world.

Due to its wide variety of burials, integrity of the osteological materials and density of items, the Necropolis was classified by scientific society as unique. For the moment, there are no known burial complexes of this kind in Russia.

The Decree of the President of the Russian Federation #176 of 20 February 1995 included the Necropolis in the list of the objects of federal (all-Russian) importance. It is bordered by Botkina Street, Vokzalnaya Street, Kasyanova Street and 2 Zheleznodorozhnaya Street in Irkutsk. According to the resolutions of the Ministry of Culture of Russia, it is subject to museumification.

First of all, the Glazkovsky Necropolis should be museumified and promoted worldwide both among scientists and tourists by means of working out a project of conservation and museum facilities and foundation of an international scientific research complex, the Center of Baikal Archaeology.

In the early 2000s the "Irkutskgrazhdanproject" planning institute developed a sketch master plan for the park and the museum complex. In

2006 the master plan was amended and presented at the III Baikal Economic Forum in Irkutsk and at the Irkutsk region's exhibition stand in Cannes.

The construction of the open air Center of Baikal Archaeology was to achieve several goals:

1. Alongside with the museum, to build a storage of archaeological collections for the Siberian Federal District.
2. To create a tourist attraction: the Glazkovsky Necropolis is located close to the Irkutsk Railway Station (400-500 meters) and was discovered during the construction of the Trans-Siberian Railroad in Irkutsk. The convenient transport routes will also attract tourists' attention.
3. Since the Glazkovsky Necropolis is situated at one of the highest points of Irkutsk, architects not only from Russia but from all over the world could be interested in designing the museum and the storage of archaeological collections (on a competitive basis). Then the building would become one of the urban planning dominants of Irkutsk integrating the ancient past, the present and the future.
4. To establish a network of radial routes on the basis of the Center, that would lead to other world-famous objects of archaeological heritage (Malta, Mankhai and Kapsal, Olkhon, Shishkinsie pisanitsy etc.) situated in the Irkutsk region.

The Glazkovsky Necropolis in Irkutsk: an Archaeological Monument of Global Importance

В 1996 году обнаружили погребение северного волка с черепом человека в ногах. Это единственное в мире погребение животного с останками человека. Возраст погребения превышает 7,5 тыс. лет (см. рис.). Информация о данной находке опубликована во всех ведущих научных мировых изданиях.

В связи с большим разнообразием погребальных обрядов, хорошей сохранностью остеологического материала, насыщенностью погребений изделиями некрополь отнесен научным сообществом к разряду уникальных. Подобные погребальные комплексы на сегодняшний день в России неизвестны.

Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 г. отнесен к объектам федерального (общероссийского) значения в границах: ул. Боткина, ул. Вокзальная, ул. Касьянова, ул. 2-я Железнодорожная в Иркутске. Решениями Министерства культуры России данный объект подлежит музеефикации.

Первоочередными мерами по реализации проекта музеефикации Глазковского некрополя и его продвижения в мировом масштабе как среди научного сообщества, так и с целью привлечения массового туристического внимания должны стать разработка проекта устройства консервационно-музейных сооружений и создание международного научно-исследовательского комплекса – Центра Байкальской археологии.

Институт «Иркутскгражданпроект» в начале 2000-х годов разработал эскиз генплана парка и музейного комплекса. В 2006 году эскиз был откорректирован и наряду с другими проектами представлен на III Байкальском экономическом форуме в Иркутске и на стенде Иркутской области на выставке в Каннах.

Реализация проекта строительства Центра Байкальской археологии под открытым небом позволила бы решить еще несколько задач:

1. Создать наряду с музеем хранилище археологических коллекций для Сибирского федерального округа.
2. Организовать интересный туристический объект, так как сам Глазковский некрополь располагается в непосредственной близости от Иркутского железнодо-

< Могильник «Локомотив». Ритуальный комплекс с погребением волка / The burial 'Locomotive'. The buried wolf

< Скульптура головы лося. Рог / Elk head sculpture made of horn

рожного вокзала (400–500 метров), да и его научное открытие произошло при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали в Иркутске. Удобство транспортных путей позволит привлечь дополнительное внимание туристов.

3. Поскольку Глазковский некрополь располагается в одной из самых высоких точек города, то проектирование и строительство здания музея и хранилища археологических коллекций могло бы привлечь внимание архитекторов не только России, но и мира (на конкурсной основе), а затем это здание могло бы стать одной из градостроительных доминант Иркутска, органически соединив в себе и древнейшее прошлое, и самое современное настоящее, и будущее.

4. Создание в Иркутске центра позволит на его базе организовать сеть радиальных маршрутов к другим всемирно известным объектам археологического наследия (Мальта, Манхай и Капсал, Ольхон, Шишкинские писаницы и т. п.), расположенным в Иркутской области.

архитекторы
А.Ю. Макаров
С.Б. Карпов
Г.В. Белан

В 1990-е годы в АПМ-4 Иркутскгражданпроекта был выполнен эскизный проект водно-оздоровительного комплекса в северо-западной части парка имени Парижской коммуны. Как известно, парк был организован в конце XIX–начале XX века как сад для велосипедных прогулок и назывался тогда «Циклодром». Размещение водно-оздоровительного комплекса именно здесь рассматривалось как дальнейшее развитие уже сформированной спортивной инфраструктуры, состоящей из стадиона «Локомотив» и спорткомплекса того-же названия.

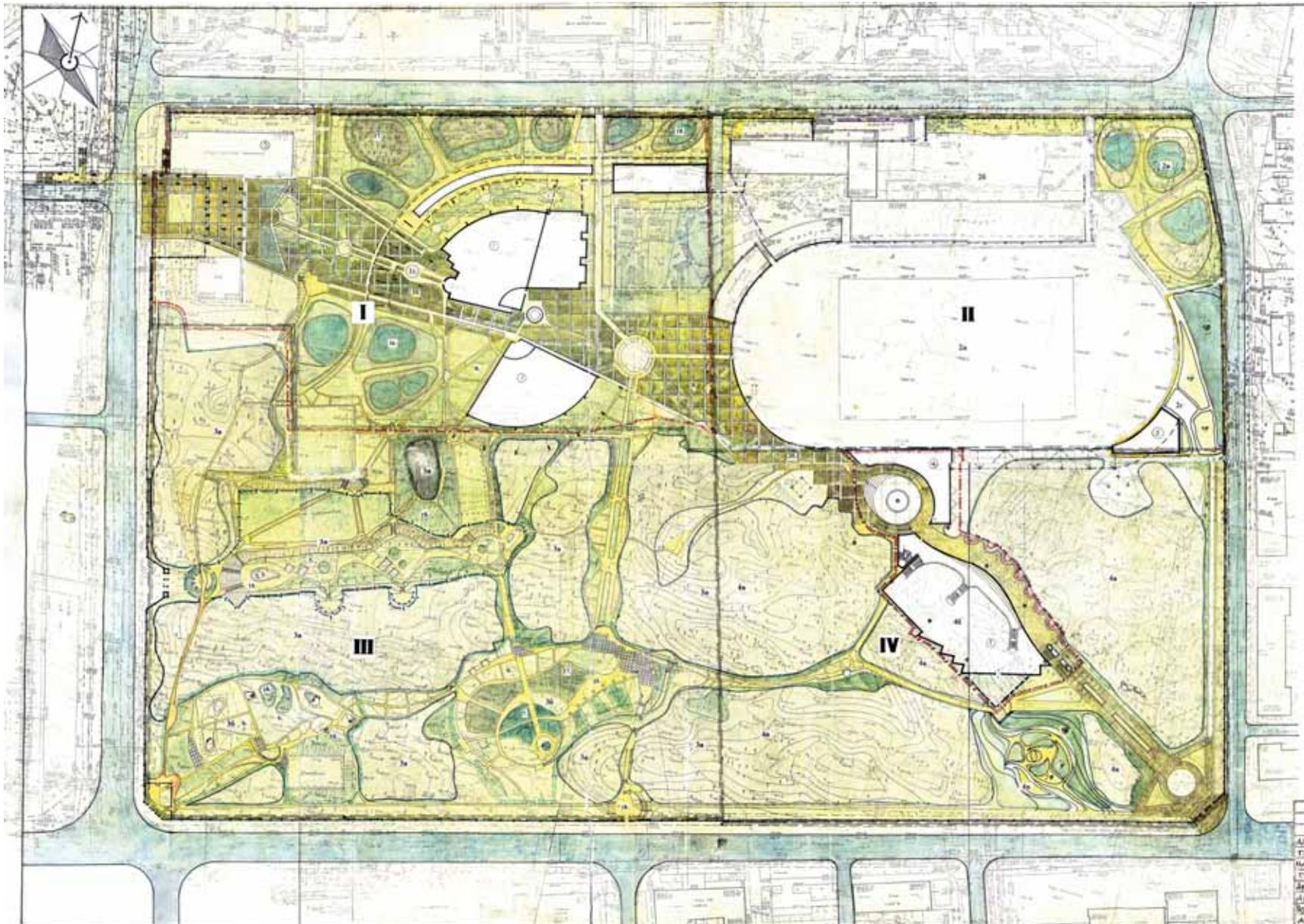
В состав водно-оздоровительного комплекса входят гостиничный блок на 50 номеров с лечебно-оздоровительными помещениями, водно-оздоровительный блок с бассейном 25x16, ванной для прыжков в воду с трамплина и крытый теннисный корт.

Основной объем водно-оздоровительного комплекса составляют два сектора большепролетных сооружений,

размещенных на сложившейся пешеходной оси парка.

Трехэтажный протяженный объем гостиничного блока, развиваясь вдоль периметра бассейна, образует внутренний дворик, позволяя парку проникать внутрь комплекса. С восточной стороны гостиница блокируется с существующим зданием профилактория, что дает возможность совместно использовать имеющиеся лечебно-оздоровительные помещения. Главный подъезд к водно-оздоровительному комплексу и главный вход предусматриваются с улицы Боткина, которая согласно ПДП Свердловского района г. Иркутска становится одной из основных городских магистралей.

Эскизный проект водно-оздоровительного комплекса на территории парка имени Парижской Коммуны в Иркутске

Эскиз генерального плана и зонирования парка имени Парижской Коммуны в Иркутске

Территория парка имени Парижской Коммуны (14,8 га) находится на северо-восточном склоне Кайской горы, обращенном к реке Ангаре, в бывшем Глазковском предместье Иркутска. Используется в настоящее время как спортивный и прогулочный парк, является важным элементом системы зеленых насаждений города. Имеет большую археологическую, экологическую и ландшафтно-эстетическую ценность. Археологическую ценность представляют древние погребения глазковской культуры эпохи неолита и ранней бронзы. Парк входит в зону охраны памятника археологии федерального значения «Глазковский некрополь».

Исследованиями археологов установлены зоны, в которых определены археологические режимы. В северо-западной четверти парка погребений не выявлено и допускается строительство спортивных объектов; здесь установлен режим археологического надзора. В северо-восточной (стадион «Локомотив») и юго-западной четвертях – режим археологической экспертизы. Юго-восточная четверть наиболее ценная. В этой зоне устанавливается режим консервации и музеефикации археологических памятников и их естественного ландшафтного окружения.

Над раскопом с этой целью проектируется сооружение музея.

Территория имеет также большую ценность с ландшафтно-экологической и пейзажной точки зрения. Здесь сохранился в южной половине парка реликтовый рельеф: бугристо-западинный и грядово-ложбинный, на формах которого в хорошем и удовлетворительном состоянии существуют березовые леса и луга.

Выявлены контуры, состав, пейзажные характеристики групп фаций, образующих территориальную мозаику парка. Установлены ландшафтно-экологические режимы возможного использования различных участков парка.

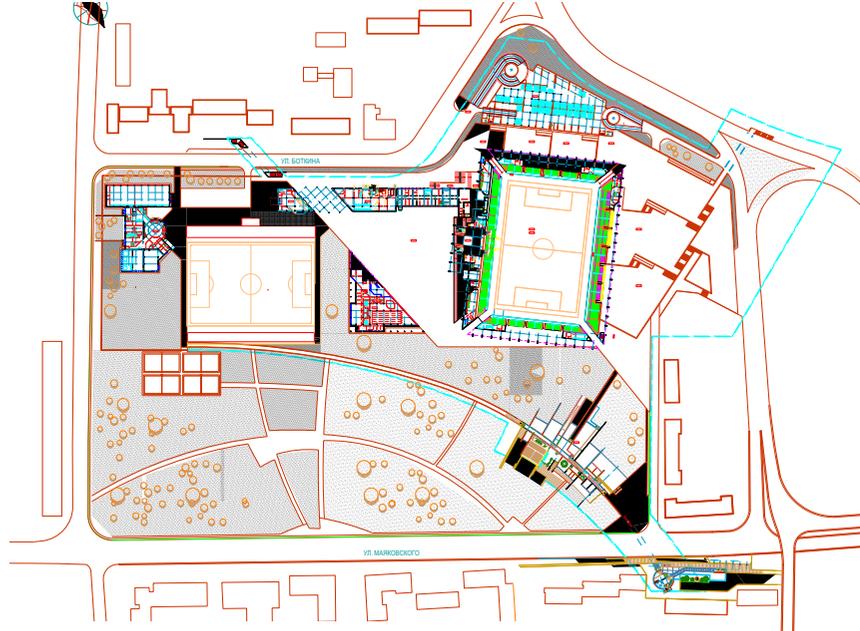
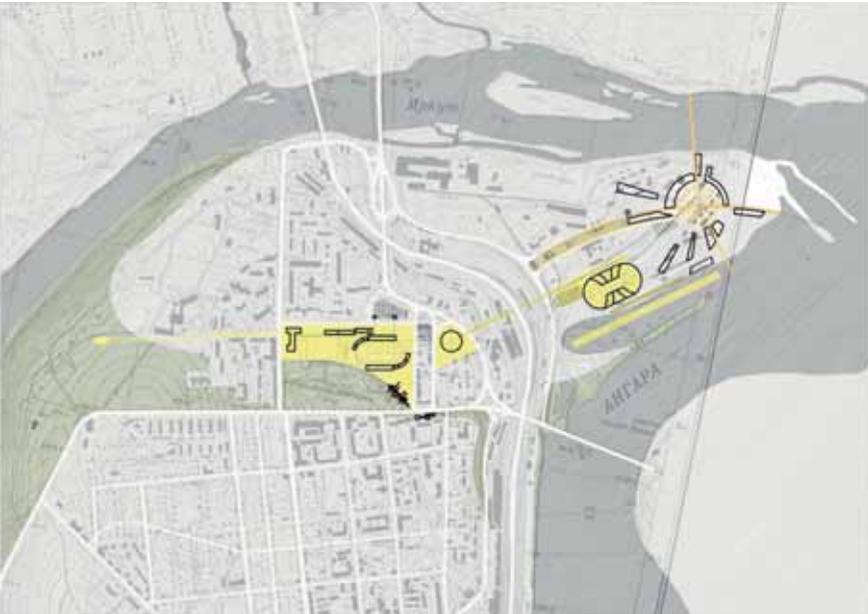
Проектное функциональное зонирование опирается на анализ археологических, исторических и ландшафтно-экологических условий и ресурсов территории.

Предусматриваются следующие функциональные зоны: 1. Зона размещения водно-оздоровительного

спортивного комплекса с регулярным парком (северо-западная четверть парка). Режим археологического надзора за строительством. 2. Зона стадиона и администрации парка. Режим археологической экспертизы. 3а. Буферная зона с пейзажным садом «Река Жизни» и парковыми аттракционами. Режим археологической экспертизы. 3б. Охраняемые природные ландшафты (группа фаций 7,8,9). Уход за ландшафтом и биологическая рекультивация. 3в. Пейзажные сады «Тотемное животное» и «Древо мира» на рекультивируемых площадках. Малые парковые аттракционы, прогулочные сады. Режим археологической экспертизы, ухода за ландшафтом, содержание аттракционов. 4. Зона консервации и музеефикации памятников археологии и их естественного окружения. В зону входят экспонируемый раскоп - археологический музей - в природном контуре 2 и три контура охраняемых природных ландшафтов (группы фаций 1, 3,4 и 5), а также пейзажный сад «Тотемная птица».

Архитектурно-планировочное решение опирается на проектное зонирование, на творческое осмысление образа парка, содержащего памятник археологии и на опыт проектирования пейзажных, мемориальных и спортивных парков. Уникальность ситуации продиктовала пространственное решение парка. В основу планировки положена сетка, ячейки которой образуют охраняемые природные ландшафты в южной половине парка и контуры крупных спортивных объектов в северной половине парка. Узлы планировочной структуры формируются на площадках бывших аттракционов, наиболее посещаемых мест. Эти узлы играют роль мест социальной активности, но по ландшафтному дизайну решаются в соответствии с археологической тематикой парка. На них допускается размещение малых парковых аттракционов, поддерживающих эту тематику по форме и по содержанию. Средствами пространственной организации узлов и осей служат тонкая коррекция микрорельефа, организация мощений, покрытий, насаждений и газонов, размещение малых форм в границах узлов – пейзажных садов.

текст
Андрей Большаков

Спортивная ось левого бережья Иркутска

Реконструкция спортивного комплекса «Локомотив»

Проект парка Парижской Коммуны и спорткомплекса «Локомотив»
 Стадия «Проект»
проектирование
 ОАО «Иркутскгражданпроект»
 2006-2008
заказчик
 УКС администрации Иркутской области

проект застройки архитекторы
 Е. Григорьева
 С. Мулларов
макет
 И. Смирнов

Стадион с крытыми трибунами на 15 000 зрителей
архитекты
 Е. Григорьева,
 С. Мулларов,
 Н. Носова, Ю. Шевченко

Легкоатлетический манеж
архитекторы
 Е. Григорьева, Н. Носова

Реконструкция гостиницы с расширением до 350 мест
архитекторы
 Е. Григорьева,
 И. Черкасова,
 С. Колосовский

Бассейн
архитекты
 Е. Григорьева, Н. Носова,
 Н. Шкедова

Многоуровневая автостоянка
архитекторы
 Е. Григорьева,
 С. Мулларов, Н. Константинова,
 С. Колосовский

Реконструкция спорткомплекса
архитекты
 Е. Григорьева,
 С. Мулларов, М. Гурьева,
 Н. Носова

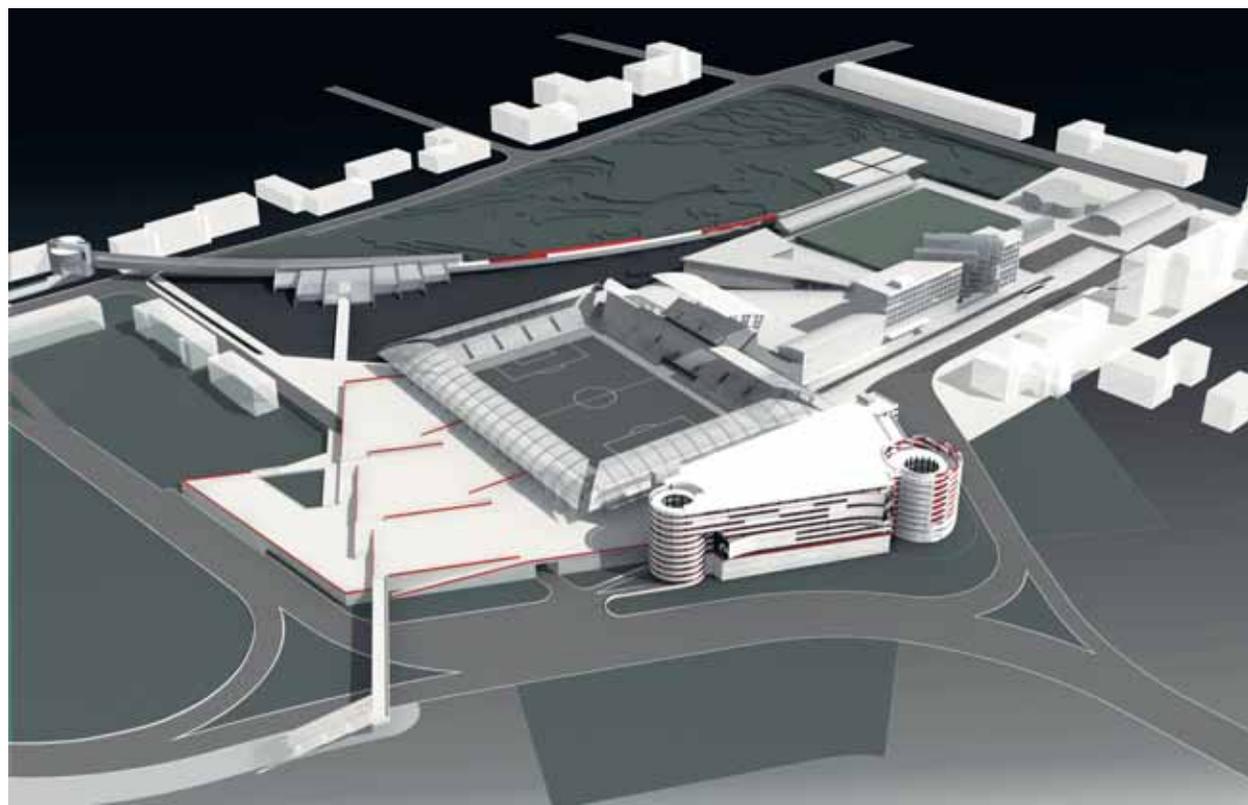
Спортивно-оздоровительный комплекс «Локомотив» существует в составе стадиона с трибунами на 7000 зрителей, тренировочного поля с искусственным покрытием и трибунами на 1500 зрителей, здания спортзалов на углу улиц Боткина и 2-я Железнодорожная и здания гостиницы по улице Боткина.

Проектом 2006–2008 годов предполагалось дополнить комплекс необходимой инфраструктурой: создать аванплощадь при входе на главную спортивную арену, многоуровневую автостоянку со стороны улицы Боткина, расширить гостиницу и спортблок, перекрыть стадион и увеличить вместимость трибун.

Реконструкция территории и сооружений спорткомплекса предполагала бережное отношение к примы-

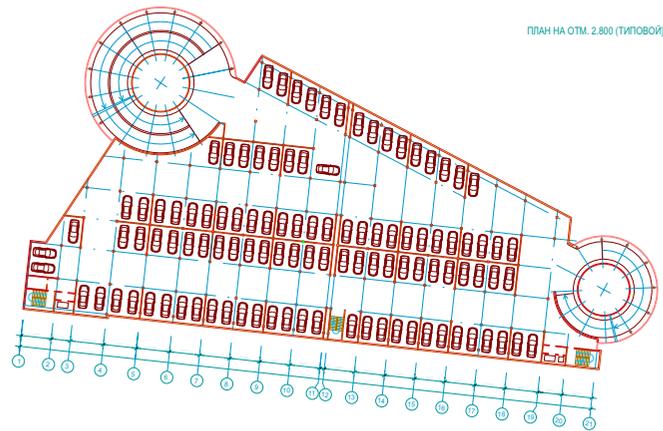
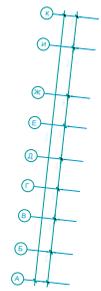
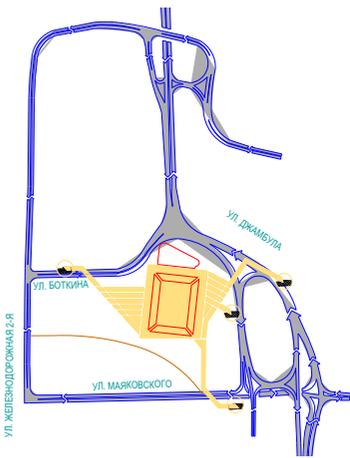
кающей территории парка им. Парижской Коммуны и перспективному музейному археологическому комплексу «Глазковский некрополь».

Была выявлена возможность градостроительного развития спортивно-оздоровительной зоны в северо-восточном направлении – создание спортивной оси. Предлагалось строительство аквапарка на возвышенной части квартала Спортивный переулок – улица Джамбула – и продолжение оси на стрелке полуострова между Иркутом и Ангарой: размещение там крупного крытого стадиона до 20 тыс. мест, соответствующего международным стандартам и создание гребного канала в протяженном заливе, примыкающем к полуострову.

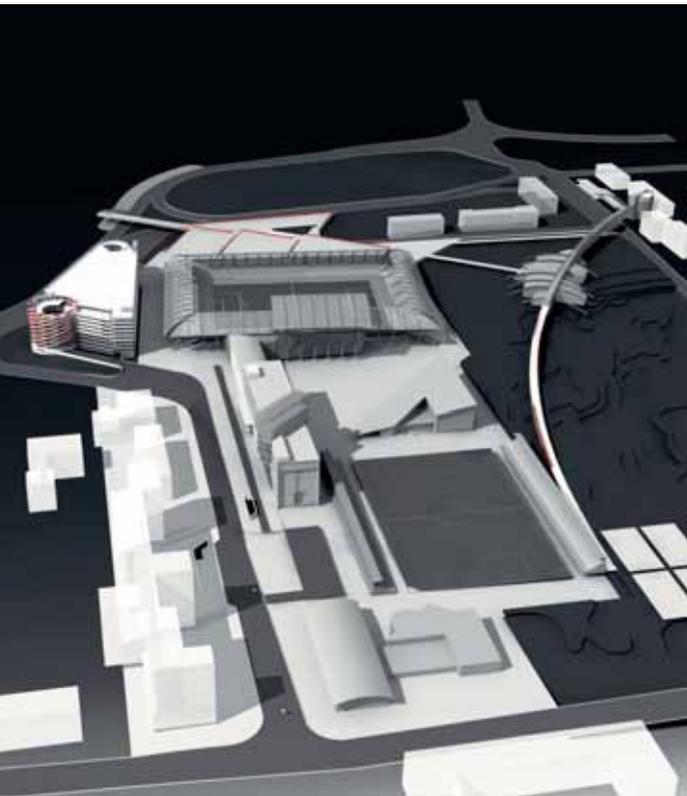

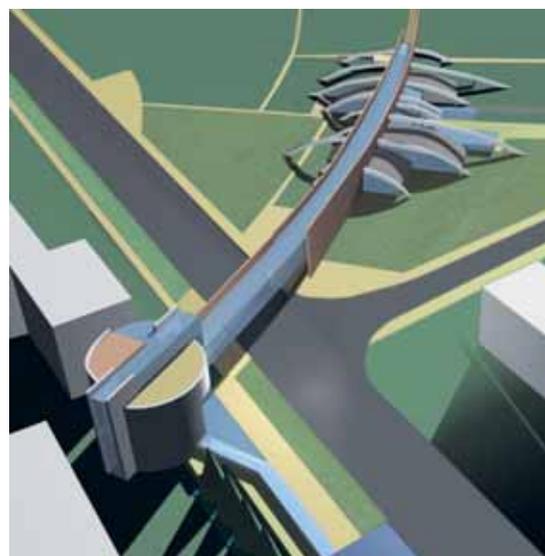
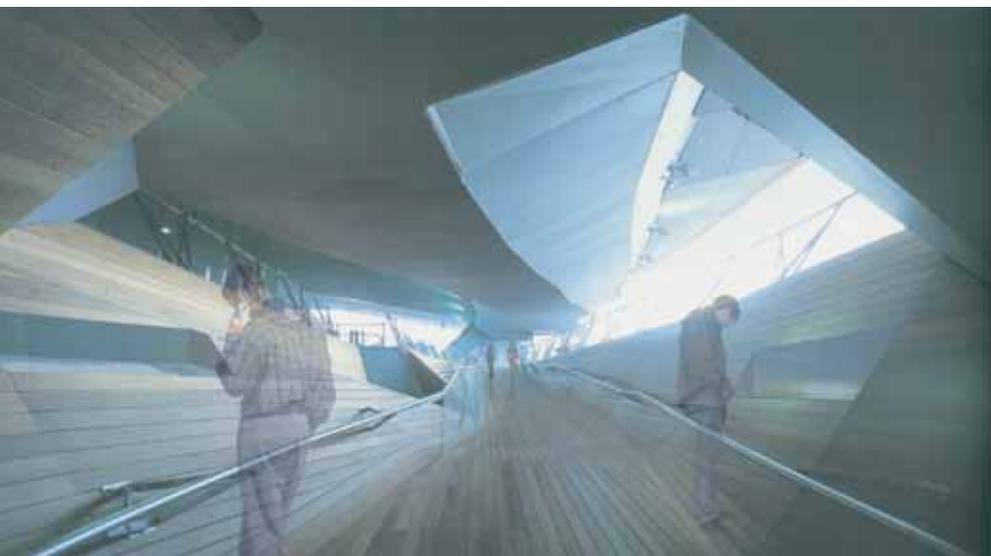
прогулки по Иркутску / walk around Irkutsk

< Схема транспортно-пешеходного движения

< План типового этажа автостоянки

Музейно-консервационный комплекс «Глазковский некрополь»

Стадия «Проект»
проектирование
ОАО Иркутскгражданпроект
2006–2008
заказчик
УКС администрации
Иркутской области

Проект застройки
архитекторы
Е. Григорьева,
С. Муллаяров
макет
И. Смирнов

Археологический музей
архитекторы
Е. Григорьева,
С. Муллаяров,
Н. Константинова
консультант
М. Склярский

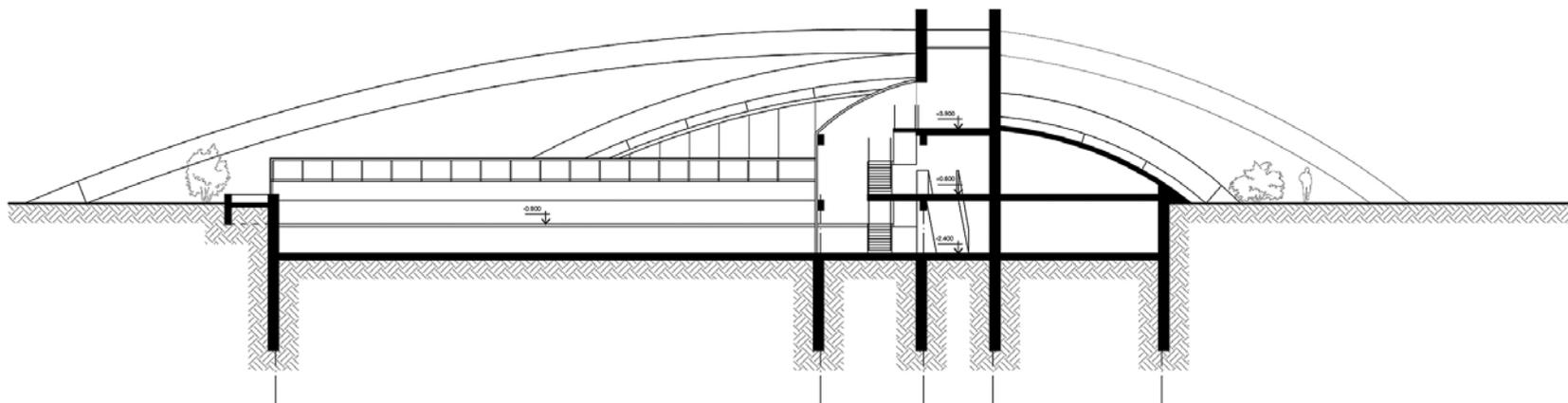
В 2006–2007 годах одновременно с проектом реконструкции территории спорткомплекса «Локомотив» был разработан проект музейно-туристического комплекса «Глазковский некрополь». Музей предполагалось создать на базе комплекса археологических памятников «Глазковский некрополь», расположенного на территории Свердловского района Иркутска. «Глазковский некрополь», датируемый VII тысячелетием, – один из древнейших и обширных по занимаемой площади могильников на территории Северной Азии. Проект создавался в тесном контакте с историками и археологами. Нет сомнения, что к теме археологического музея в парке имени Парижской Коммуны Иркутск рано или поздно вернется.

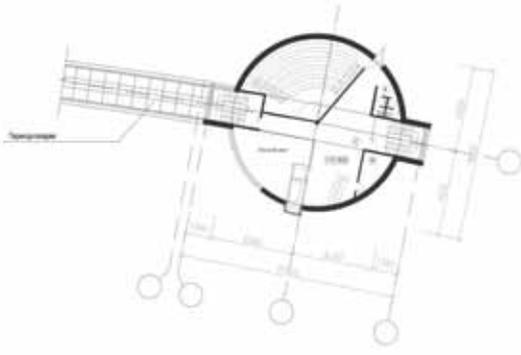
Музейно-консервационный комплекс позволит заниматься изучением, исследованиями, коллекциями, хранением, экспонированием, распространением информации. Комплекс предоставит возможности воспользоваться необходимой информацией, а также принять участие в полевых раскопочных работах.

Музейный комплекс предполагалось сделать базовым для освещения археологического прошлого региона и началом туристического маршрута по объектам археологического наследия Иркутской области («Мальта», «Шишкинские писаницы», памятники археологии побережья оз. Байкал).

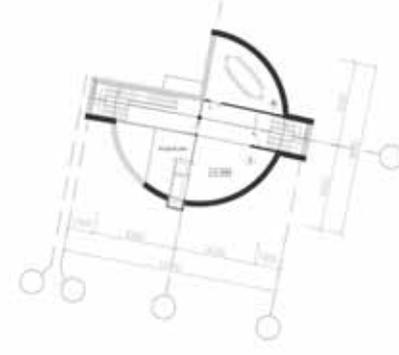
Проектом предлагалось строительство комплекса в две очереди.

Первая – небольшой музей по ул. Маяковского на свободной площадке, круглый в плане четырехуровневый блок А со смотровой площадкой и кафе на крыше. Вторая – блок Б с музеем, лабораториями, конференц-залами – крупный объект, включающий раскопы с особым климатом, накрытые куполом. Здесь же предполагалась развернутая научная и туристическая инфраструктура. Блоки А и Б связаны подземным и надземным переходами – экспозиционными галереями, закольцовывающими экскурсионные маршруты по музею.

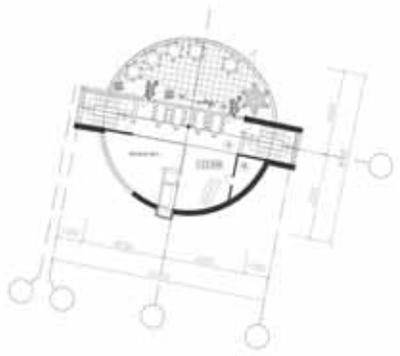

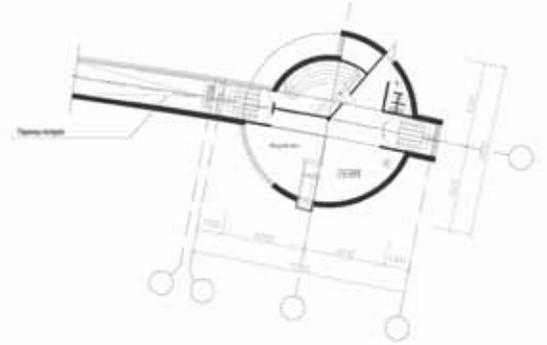
План на отг. +9.900
 2. Вестибюль с баром
 8. Сан. узел (2)
 12. Тех. помещение

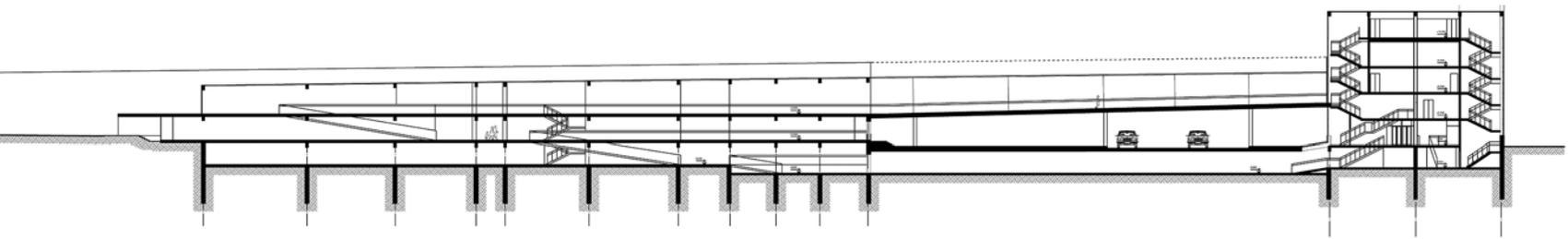
План на отг. +3.300
 2. Вестибюль
 10. Зал заседаний

План на отг. +13.500
 2. Вестибюль с баром и кафе на 30 человек
 12. Тех. помещение
 13. Терраса с кафе на 30 человек

План на отг. +6.600
 2. Вестибюль
 8. Сан. узел (2)
 11. Конференц-зал на 100 мест

Кураторы Константин Лидин и Елена Григорьева
Карты маршрутов подготовлены Русланом Хотулевым
Использованы фото Ларисы Крыловой, Евгении Крайневой и Елены Григорьевой,
а также иллюстрации из книги С.И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках»

Прогулка 13 ВСТРЕЧИ С ГАЙДАЕМ

130. РЦУП, угол Маяковского и 2-й Железнодорожной, авторский коллектив под руководством арх. А. Красильникова
131. Дом, где жил Л. Гайдай, ул. Касьянова, 35
132. Жилая застройка ул. Касьянова, Иркутский Промстройпроект
133. Жилая застройка бульвара Гайдая, ул. Касьянова, 2-й и 4-й Железнодорожные, Иркутсгражданпроект
134. Жилой дом, ул. 2-я Железнодорожная, Жилгорпроект
135. Баптистский дом молитвы, 2-я Железнодорожная
136. Водонапорная башня, кон. XIX–нач. XX в., Тургенева, 5, СВВО
137. Техническое железнодорожное училище, Профсоюзная, 3, РГО (памятник регионального значения), 1915–1916гг., арх. В. И. Коляновский. Лицей, Иркутский Промстройпроект, авторский коллектив под руководством арх. С. Чумакова
138. Столовая ВСЖД, арх. В. Павлов, Л. Макогон
139. Ангарский (Глазковский) мост, 1937 г., РГО, арх. И. А. Француз, инж. П. Н. Поликарпов

130

130a

Прогулка 13 ВСТРЕЧИ С ГАЙДАЕМ

текст
Константин Лидин

150

Мы продолжаем прогуливаться в районе Иркутского железнодорожного узла. Эта наша прогулка начинается на углу улиц Маяковского и Второй железнодорожной. Здесь, над крутым спуском к реке, располагается новенькое здание (130) Центра управления перевозками (РЦУП) РЖД. Спроектировано и построено оно в двухтысячных годах, когда в моде был сверкающий гламурный стиль. Г.И. Ревзин сравнил его с кастрюльками из блестящей, с позолотой, нержавеющей стали. Здание РЦУП (проект коллектива архитекторов Иркутского Желдорпроекта во главе с Андреем Красильниковым) скорее напоминает шахматного ферзя – оно увенчано короной из тонированного под золото металла, фасад его из модного в те годы голубого стекла, и пропорции, как у замковой башни позволяют зданию выситься очень гордо. Любопытно, что на одном из сайтов до сих пор висит предыдущий вариант этого здания, выполненный в Иркутскгражданпроекте (130б).

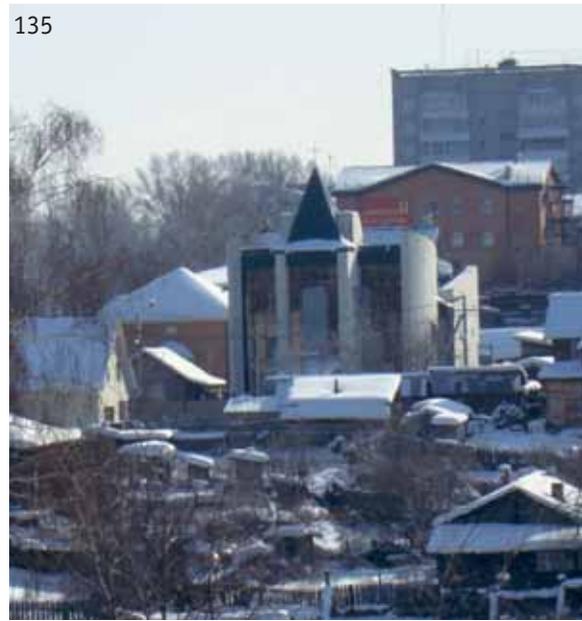
Замечательный элемент постройки – трубообразный переход над улицей Второй железнодорожной – соединяет новую башню с узлом связи Восточно-Сибирской

железнодорожной (постройка семидесятых годов прошлого века).

Сразу за комплексом зданий РЦУП начинается Шестой микрорайон, располагающийся между параллельными реке улицами Второй и Четвертой Железнодорожными. Раньше здесь была сплошная застройка частными деревянными домиками сельского типа – с огородиками, печным отоплением и правильной прямоугольной сеткой улочек. На одной из них, ул. Касьянова, в юности проживал великий комедиограф Леонид Гайдай. Дом 35 сохранился до наших дней и отмечен мемориальной доской (131). Высотная застройка началась в этом районе в начале двухтысячных. Иркутский Промстройпроект построил здесь несколько зданий в современной технологии (132). Затем проектирование было передано Иркутскгражданпроекту, который подошел к вопросу комплексно. Был создан проект планировки с пешеходным бульваром (позднее за ним закрепилось название Бульвар Гайдая) вдоль улицы 3-ей Железнодорожной. На этот бульвар выносились детские площадки, сквери-

131

135

132

133

134

136

ки и разнообразные рекреации, во дворах оставались только песочницы и горки для самых маленьких. В соответствии с утвержденным проектом застройки были построены 10 жилых домов с магазинами и магазинами в нижних этажах, автопарковки, вписанные в рельеф (133). Затем по воле одного из застройщиков проектирование следующего дома было передано в третью уже проектную организацию – Жилгорпроект. И если ИГП продолжал начатую ПСП застройку в близкой цветовой гамме, с объединяющим цветом крыш, то новый проектировщик решил сработать на контрасте (134), да и проект планировки, похоже, не очень-то учитывался. Теперь уже никто не знает – будет ли когда-нибудь реализована идея бульвара имени знаменитого иркутянина?..

Площадка Шестого микрорайона и потенциальный бульвар Гайдая расположены на активном рельефе, круто спускающемся к будущей магистрали районного значения. Здесь, на улице Кайской, расположено примечательное здание церкви Евангельских христиан - баптистов. Разгром и преследование церквей, начиная

с конца 1920-х годов, привел к образованию баптистских общин в Восточной Сибири. Здесь они также существовали на полулегальном положении вплоть до второй половины 1940-х годов. Еще долго иркутские баптисты собирались на службы в обычном деревянном доме на углу улиц Кайской и Второй железнодорожной. Новое здание церкви из литого бетона строится уже больше десяти лет (с конца 1990-х), но выглядит на удивление современно (135).

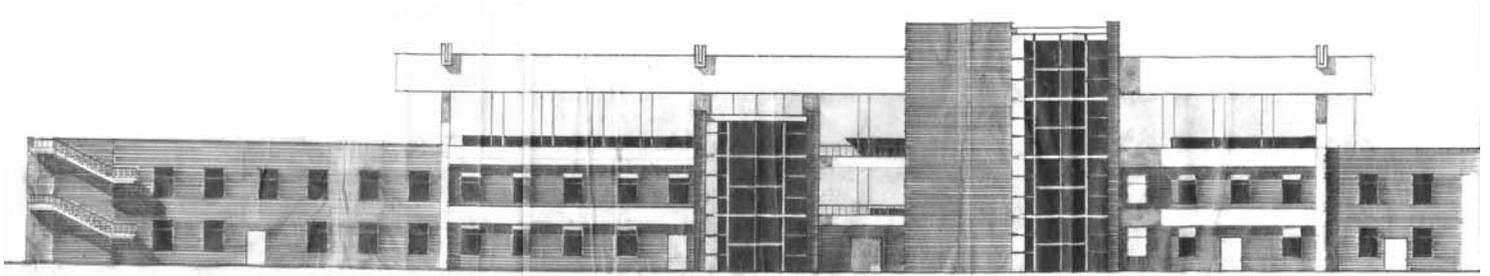
Вернемся на улицу Маяковского. Старинное сооружение расположено на левой стороне улицы напротив остановки Райсовет – это памятник истории и культуры Водонапорная башня (136), построенная в конце XIX – начале XX вв. (Тургенева, 5). Если удастся заглянуть за высокий забор, перед вами предстанет крупное техническое водоподъемное сооружение, выполненное из двух материалов – дерева и кирпича - с элементами русского стиля на фасадах. Будем надеяться, что к моменту выхода номера ситуация изменится и на памятник обратят внимание инвесторы и органы охраны. Сооружение должно украшать город и, между прочим, вполне может приносить доход.

137

137a

На правой стороне ниже к Ангаре - еще одно место, связанное с именем Леонида Гайдая – школа, в которой он учился. У комплекса зданий школы-лицея длинная и славная история. В начале прошлого века (во время первой мировой войны, в 1915-1916 гг). здесь было построено здание Технического железно-дорожного училища (**137а**) по проекту архитектора В.И. Коляновского (Профсоюзная, 3). В конце того же века, когда школе, преемнице училища, потребовалось расширение, здание уже имело статус памятника регионального значения. Проект расширения был выполнен в Иркутском Промстройпроекте авторским коллективом под руководством архитектора Сергея Чумакова (**137**, см. статью).

Ближе к реке, на террасе, находится интересное здание, построенное в 1980-е годы по проекту легендарного В. Павлова и его ученицы Л. Макогон – столовая ВСЖД (**138**). Ясные и мощные формы здания в духе необрутализма, к сожалению, искажены одиозной покраской. Такое впечатление, что какой-то слепенький завхоз выбрал самый дешевый фталоцианиновый пигмент кислотного оттенка типа «зеленый вырвиглаз», да

и закрасил им лицевой кирпич фасада. Краска быстро выцвела и частично смылась, так что здание в целом приобрело сходство с трагикомическим образом обедневшего рыцаря в изгнании.

Спускаясь к Ангаре, мы обнаруживаем еще одно историческое место, на котором находился с 1891 года первый мост через Ангару – понтонный (**139а**). В 1937 году почти на том же месте был, наконец, построен по проекту архитектора И.А. Француза и инженера П.Н. Поликарпова арочный мост (**139б**) – как памятник вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. Правда, предполагавшиеся проектом скульптуры не были изготовлены и установлены, тумбы по сей день пусты. Старый арочный мост через Ангару, совсем недавно переименованный в Глазковский, красив и любим, но при нынешней ситуации с транспортом все чаще привлекает к себе внимание градостроителей и архитекторов-радикалов. Звучат – в студенческих проектах (**139в**) и даже в реальной граддокументации - предложения продублировать его. Или стоит все же подумать о пропускной способности исторического центра комплекса?

139в

139б

139а

30 января в культурно-досуговом центре «Художественный» в праздничной программе «Леонид Гайдай: от смешного до великого» было представлено новое издание, выпущенное к 90-летию режиссёра. В книгу «Леонид Гайдай: иркутские страницы» Владимир Березин, кинематографист и журналист, собрал воспоминания членов семьи Гайдаев, одноклассников и друзей, документы и письма. В книге представлены и здания, связанные с именем нашего земляка.

Вот что сказано в воспоминаниях Ларисы Гайдай о доме, где жила семья:

«...улице дали название в честь героя Гражданской войны, тоже по профессии железнодорожника, Касьянова... К началу 1937 года в реестре горсовета на новой улице зарегистрировали всего лишь одну постройку №35, договор на нее заключил служащий управления ВСЖД Иов Исидорович Гайдай.

...Как и мечталось, дом был высокостенный, ладный,

просторные его окна глядели на все четыре стороны света: близкий сосняк покачивал ветками по ветру,, солнце заглядывало с востока до заката, стаи птиц проносились в распахнутом взгляду небе, широко растилась пестрый ковер травянистого ската». В Иркутске давно обсуждается идея создания музея Леонида Гайдая.

Открыть его пытались родственники знаменитого режиссера — племянник и племянница, однако возникли трудности с их собственным расселением. Создать музей планировали в доме № 35 по улице Касьянова, где жили Гайдаи. Сейчас этот дом несмотря на небольшой ремонт, сделанный года два-три назад, выглядит уже ветхим. Владимир Березин считает, что идея открыть в родном доме Гайдая его музей не прижилась из-за отдаленности этого места от центра (дом находится в предместье Глазково), да и власти города не проявили особого интереса к этой теме.

текст

Елена Григорьева
с использованием
<http://baikalpress.ru/sm/2013/02/017002.html?prviewmode=yes>

Дом Леонида Гайдая

Застройка бульвара Гайдая

текст
Константин Лидин

Застройка
6-го микрорайона в
Свердловском районе
Иркутска (бульвар
Гайдая)

проектирование
ОАО Иркутскгражданпроект
АПМ-5 2002-2007

заказчик
Восточно-Сибирская
железная дорога

проект застройки
архитекторы
Борис Куликов
Елена Григорьева
Сергей Мулларов
Макет Юлия Шевченко
Виктория Яковлева

**Проекты жилых домов,
встроенных детских
садов, встроенных в
рельеф гаражей,
магазинов**
Елена Григорьева
Сергей Мулларов
при участии:
Денис Дресвянкин
Наталья Тигунцева
Юлия Шевченко
Наталья Константинова
Алиса Козак
Иван Смирнов

В октябре 2012 года в Иркутске, наконец, открыли памятник Леониду Гайдаю. И скульптурную группу – триоца Трус, Балбес и Бывалый – всенародно любимых героев фильмов Гайдая. Идея увековечения памяти знаменитого кинорежиссера давно обсуждалась иркутским культурным и иркутским властным сообществами. Эти два круга иногда пересекаются. Так в середине 2000х журналист и кинематографист Владимир Березин и архитектор Елена Григорьева обратились к мэру (в то время – Владимир Якубовский) с инициативой назвать бй микрорайон в границах улиц 2я и 4я Железнодорожная Бульваром Гайдая. В верхней части этого участка проходит ул. Касьянова, неподалеку сохранился дом, где жил Леонид Иович. А по продольной оси прямоугольного участка, по улице 3я Железнодорожная, проектом планировки предусматривался пешеходный бульвар (авторы идеи бульвара – Борис Куликов и Елена Григорьева). ПБ опубликовал идею размещения памятника Гайдаю на маленькой площади у улицы Касьянова и скульптурных групп героев его фильмов в двух скверах, нанизанных на ось бульвара ниже по рельефу. Эту идею авторов проекта планировки детально прорабатывали дипломники-дизайнеры (см. ПБ..). В 2000-ных Александром Картапольцевым, Виталием Смагиным и Евгением Ячменевым была разработана и прошла все положенные согласования и утверждения Программа монументально—художественного оформления города. В этом утвержденном мэрией документе название Бульвар Гайдая было официально закреплено за бм микрорайоном. Однако когда дело дошло до срочной установки памятника кинорежиссеру в связи со скорым (и как всегда неожиданным) юбилеем, площадку выбрали в центре города – возле цирка, лишив район, связанный с проживанием и учебой Леонида Гайдая заслуженной идентичности. Понятное дело, в даунтауне благоустройство не надо подтягивать до приемлемого уровня...

Здесь должен был располагаться памятник Гайдаю
и клуб любителей кино в первом этаже жилого дома

Расширение школы-лицея №42 ВСЖД по ул. Профсоюзная в г. Иркутске

авторы

С.А. Чумаков
А.И. Воронков, Д.В. Ильин,
О.П. Старовойтов
при участии

Н.А. Климовой
реставрация памятника

Б.В. Бороздин
при участии
А.В. Поликарпочкина

дизайн
Л.Я.Лобова

конструкторы

Ю.А. Сутырин,
Л.И. Безделева,
А.Н. Журинов

проектирование

1997г. – эскизный проект
(ИП Чумаков С.А.)

1998г. – проект
1999г. – рабочая докумен-
тация на 1-ю очередь
строительства.

реализация – 1999г.

сдача в эксплуатацию
октябрь 2000г.

**завершение отделки
фасадов и работ по бла-
гоустройству** – 2001г.

генпроектировщик

ОАО «Иркутский
Промстройпроект»

заказчик

Служба капитального
строительства ВСЖД

генподрядчик

СМП №753 Дорстройтреста ВСКД

основные технико-эконо- мические показатели I-й очереди строительства

площадь застройки 2240 м²
площадь эксплуатируемой
кровли 1120 м²
общая площадь комплекса
3850 м²
строительный объем 16000 м³

Участок, занимаемый школой - лицеем, имеет важное значение в градостроительном отношении в связи с активным участием в формировании панорамы левого берега реки Ангара - при восприятии со стороны центрального района Иркутска, при подъезде с Ангарского моста и с ответственной транспортной магистрали ул.Маяковского.

Школа – лицей №42 располагается в здании бывшего Технического железнодорожного учи-лица, построенного в 1916 году (с 1959 года поставлено под государственную охрану местного значения как памятник истории и культуры).

Рассматриваемый участок находится в охранный зоне археологического памятника - Глазковский могильник. По ул.Профсоюзная к территории школы примыкают двухэтажные деревянные жилые здания стоящие на государственной охране.

Расширение школы-лицея намечено осуществить в три очереди.

На первом этапе расширения произведено строительство блока младших классов на 225 учащихся. Он состоит из двух объемов - трехэтажного (с подвалом) здания, расположенного вдоль ул. Профсоюзная и одноэтажного, расположенного вдоль ул. Маяковского.

Одноэтажный блок – Центральная вестибюльная группа - имеет сложную конфигурацию в плане. Он соединяет новый трехэтажный корпус с существующим пристроем и через него со зданием школы-лицея. От главного входа, по парадной лестнице через торжественный объем круглого зала с колоннами и стеклянным плафоном потолка, можно пройти в центральный вестибюль или сразу же попасть в блок младших классов.

Здание блока младших классов имеет сложную в плане форму, плавно сужающуюся к углу улиц Маяковская и Профсоюзная, где и завершается цилиндрическим остекленным объемом лестничной клетки со шпилем пирамидальной формы. Из основного протяженного объема, расположенного вдоль ул.Профсоюзная, выделены два выступающих блока, объединенные кровлей цилиндрической формы.

Пропорции, габариты и архитектурные решения фасадов этих объемов близки к традиционным решениям зданий начала прошлого века и призваны продолжить дискретный ряд исторической застройки улицы.

В состав объектов II-й очереди строительства входит блок спортивного зала со столовой и мастерские. Строительство завершено в I-м квартале 2002 года.

На третьем этапе проектом предусмотрена реконструкция пристроя 60-х годов, который в существующем состоянии искажает вид здания памятника и мешает его восприятию с основных видовых точек. Предложенное проектом решение позволяет завершить формирование архитектурного ансамбля школы – лица и значительно улучшить ситуацию.

Расширение школы № 42 ВКЖД
по ул. Профсоюзная в г. Иркутске.
Эксп. проект. Лист 1

архитектор: Чичинас С. А.
Климова Е. Ю.

Расширение школы № 42 ВКЖД
по ул. Профсоюзная в г. Иркутске.
Эксп. проект. Лист 1

архитектор: Чичинас С. А.
Климова Е. Ю.

В этом районе предместья Глазково несколько зданий и мест связаны с именем Леонида Гайдая. В доме по улице Касьянова, 35 жила его семья. В школу №15 (сейчас там музыкальная школа №3 на ул. Гоголя, 33, см. ПБ№32 Прогулка 11, стр. 154-155) дети Леонид и Александр ходили, когда учились в младших классах.

А в этом здании, значащемся в реестре памятников истории и культуры как техническое училище, в те времена размещалась школа №10, затем школа №42. Здесь учились дети Гайдаи – Александр, Августа и Леонид. Теперь здание входит в комплекс зданий железнодорожного лицея №42.

В воспоминаниях одноклассников упомянут и Циклодром (стадион «Локомотив»), где ребята начинали было обучаться боксу.

Неподалеку от школы по ул. Профсоюзной находился деревянный клуб железнодорожников, в котором

Леонид и его друзья занимались в драмкружке и в оркестре народных инструментов. Здание клуба, увы, утрачено.

Из воспоминаний одноклассника и друга Ю.В. Соболевского:

«Сорок вторая железнодорожная школа была одной из лучших в городе. Ее выпускники без проблем поступали не только в вузы Иркутска, но и Москвы, и Ленинграда. Школа располагала крепкой материально-технической базой. Имелась детская техническая станция, много самодеятельных кружков, хоровой, народных инструментов, планерный, авиамодельный, драматический и другие.

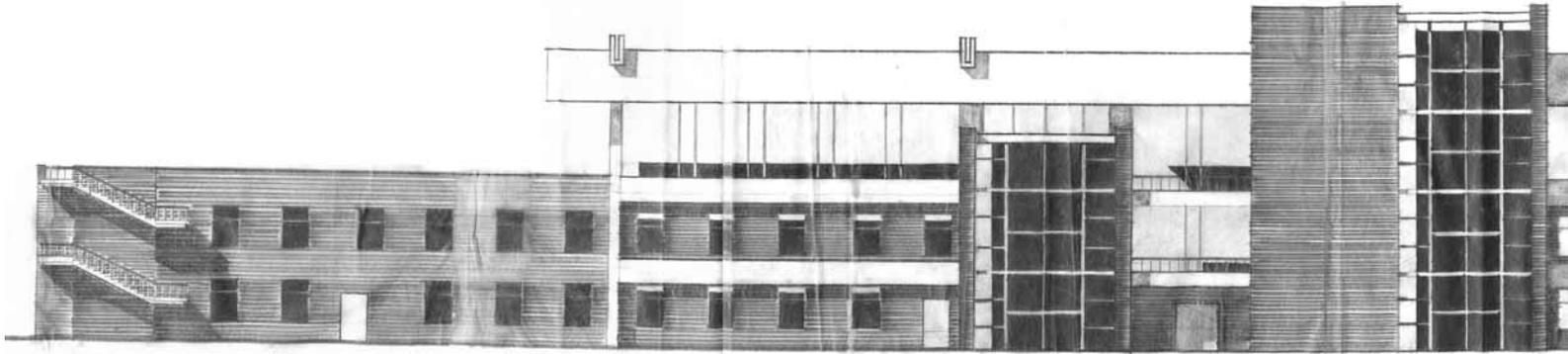
К дням Октябрьской революции и 1 Мая делали иллюминацию. Большая пятиконечная звезда (примерно два метра), на ней серп и молот светились многочисленными лампочками».

текст
Елена Григорьева

Техническое железнодорожное училище
(Профсоюзная, 3)
Проект архитектора
В.И. Коляновского

Техническое железнодорожное училище

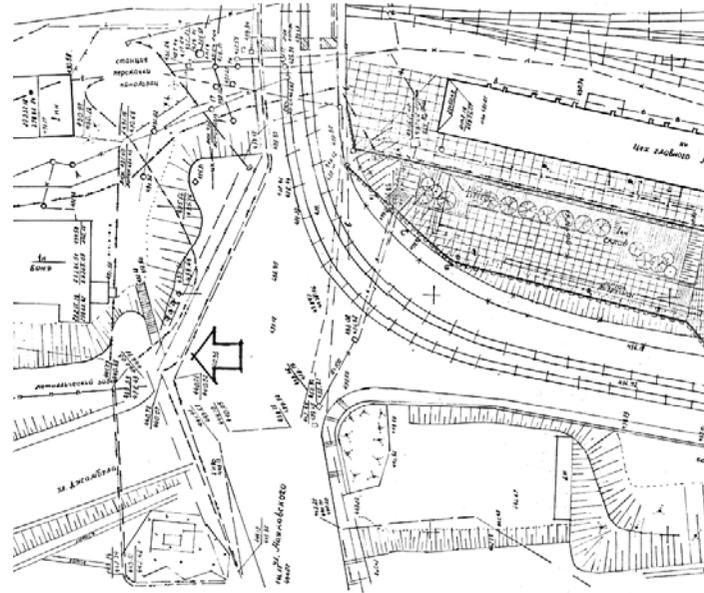
Административно-хозяйственное здание

текст
Любовь Макогон

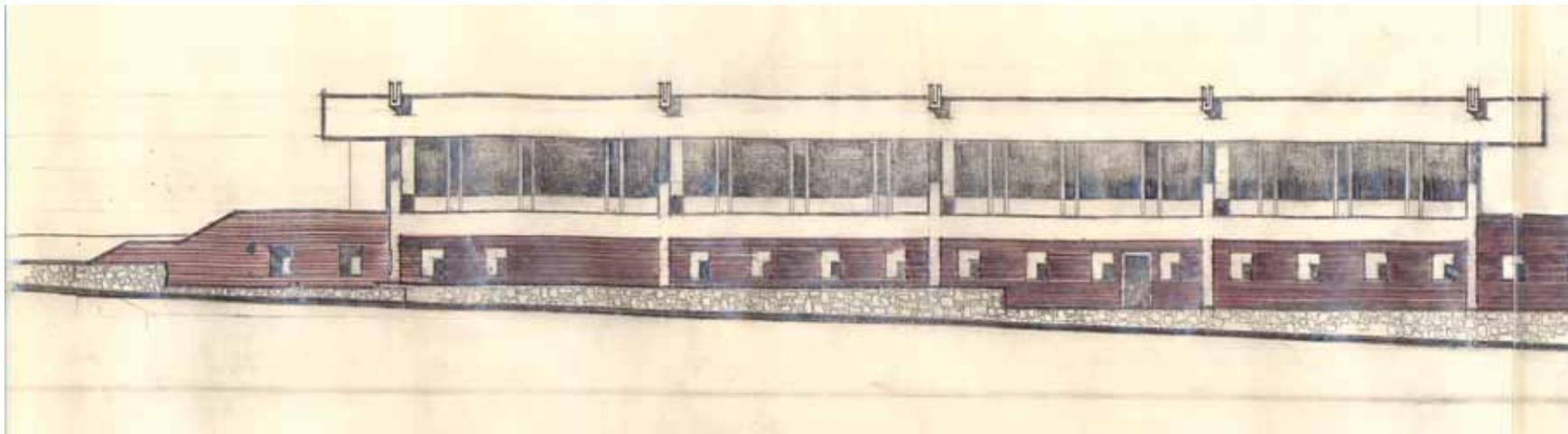
Проект административно-хозяйственного здания со встроенной столовой был разработан в институте «Желдорпроект» по заказу вагонного депо в 1979 году. Проект выполнялся по эскизам и под руководством главного архитектора института «Иркутскгражданпроект» Владимира Азарьевича Павлова.

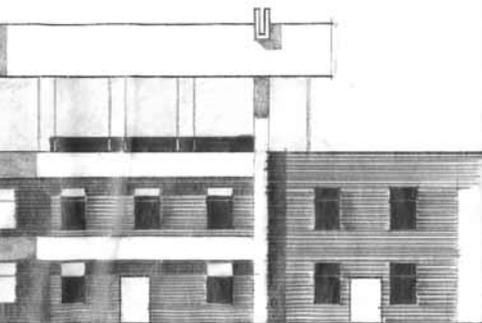
Длинный и узкий, зажатый между улицей и железнодорожными путями, участок со сложным рельефом продиктовал интересное решение: здание имеет три этажа со стороны вагонного депо и два этажа со стороны ул. Челнокова. На первом этаже расположены складские помещения столовой и бытовые помещения для рабочих депо, на втором – административные помещения вагонного депо, на верхнем, 3-м этаже – столовая с обеденным залом на 152 места и конференц-зал на 200 мест.

Здание представляет собой двухэтажный кирпичный блок, вытянутый вдоль улицы и встроенный в склон таким образом, что со стороны ул. Челнокова это один этаж, а со стороны железной дороги два. Третий этаж, «нависающий» над пространством улицы и поддерживаемый пилонами, – это почти полностью стеклянный объем, завершением которого служит высокий козырек с водометами (излюбленный прием В. А. Павлова, применявшийся им в нескольких объектах, например в Доме культуры профсоюзов на площади Декабристов в

архитекторы
Владимир Павлов
Любовь Макогон,
ГАП
Владимир Нечитайло
ГИП
Житкевич
исполнитель
Иркутскжелдорпроект
проектирование
1979
строительство
1980–1982

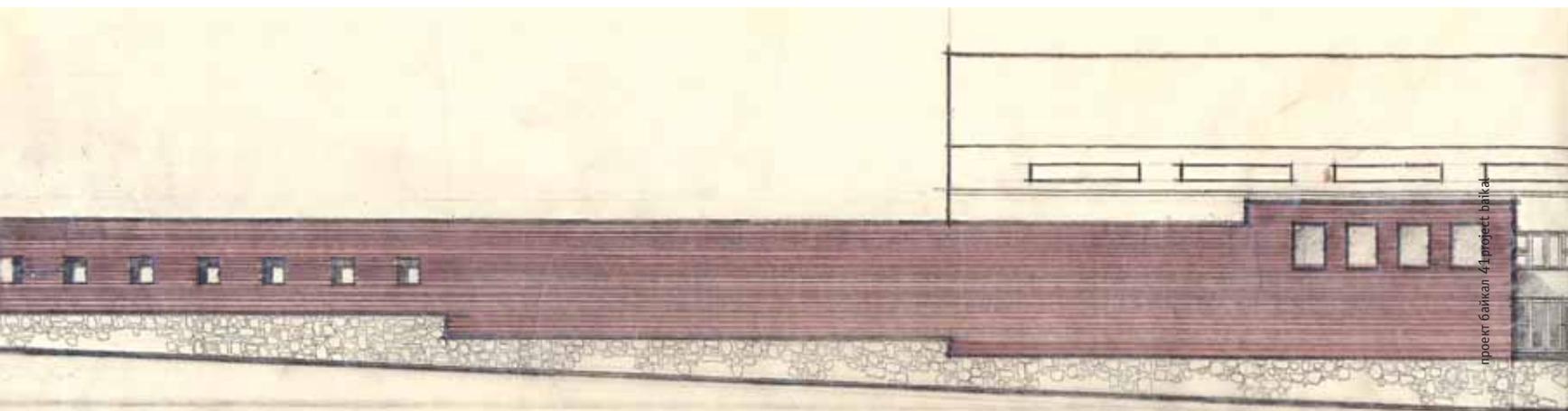
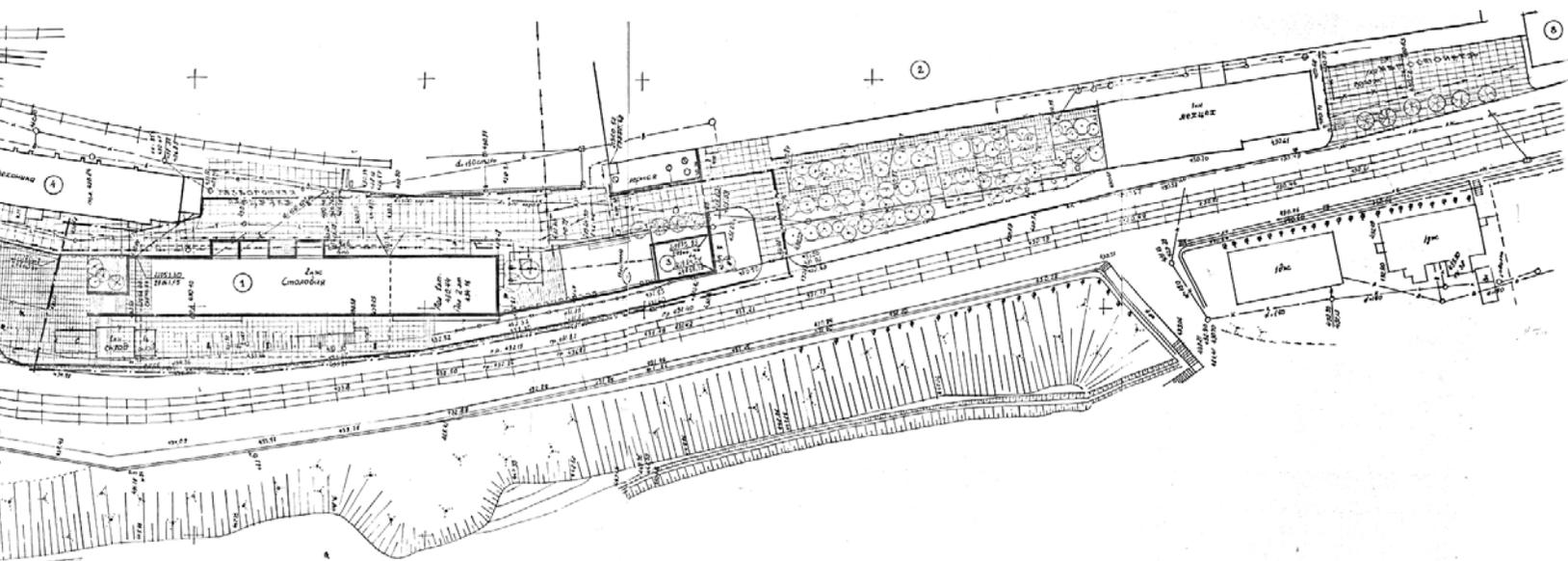

Иркутске). Такое решение позволило значительно расширить 3-й этаж здания, увеличить площадь обеденного зала столовой и создать крытый безопасный пешеходный проход под третьим этажом, там же проектировался главный вход в администрацию вагонного депо.

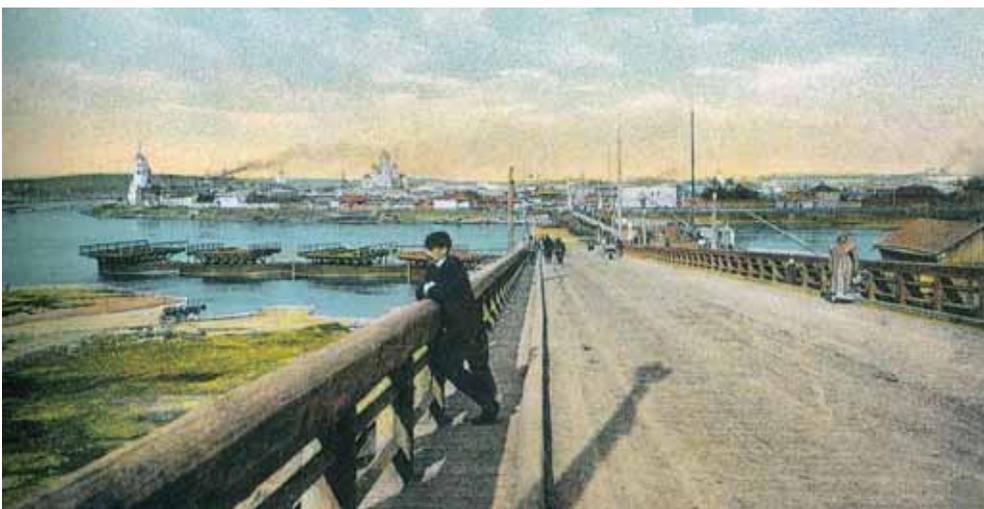
Здание проектировалось с плоской кровлей, козырек с водометами и пилоны проектом предусматривалось облицевать белым мрамором, нижний объем был выполнен из лицевого кирпича.

К сожалению, в первоначальном виде здание не сохранилось, его накрыли безобразной оцинкованной крышей, без согласования с авторами проекта, затем оштукатурили лицевой кирпич и перекрасили в зелено-бирюзовый цвет.

Понтонный мост

Спускаясь к Ангаре, мы обнаруживаем еще одно историческое место, на котором находился первый мост через Ангару. Этот понтонный мост (139а) был сооружен по проекту архитектора В.А. Рассушина. Именно в этот день, 6 июля 1891 года Иркутск посетил наследник престола цесаревич Николай, поэтому мост получил имя Николаевского. Церемония освящения и открытия моста началась в час дня. Вот как пишет об этом князь Ухтомский в «Путешествии на Восток...»: «На колокольне Прокопьевской церкви начался перезвон, возвестивший о начале крестного хода из этого храма к вновь построенному мосту. Крестный ход совершился в таком порядке: впереди всех был несом псаломщиком (в стихаре) фонарь с возженной свечой, за ним — два дьякона (в облачениях) несли запрестольный крест и икону Божией Матери, далее два псаломщика несли хоругви, за которыми шли архиерейские певчие в парчовых костюмах.

Священники в блестящих золотых облачениях несли затем иконы св. Николая и св. Иннокентия, а дьяконы и псаломщики — икону Иверской Божией Матери на особо устроенных носилках. За ними шло духовенство в золотых же облачениях. Кафедральный протоиерей нес святое Евангелие, а ректор семинарии — напрестольный крест на блюде. Во главе крестного хода, окруженный двумя иподиаконами и двумя протодиаконами с кадилами, шел архиепископ Вениамин. По окончании молебствия государь изволил выслушать почетный рапорт архитектора В.А.Рассушина о постройке моста, речь В.П.Сукачева о необходимости такого сооружения.

Наследник разрезал ленту и проследовал на другой берег, затем через новый мост через Иркут в Вознесенский монастырь».

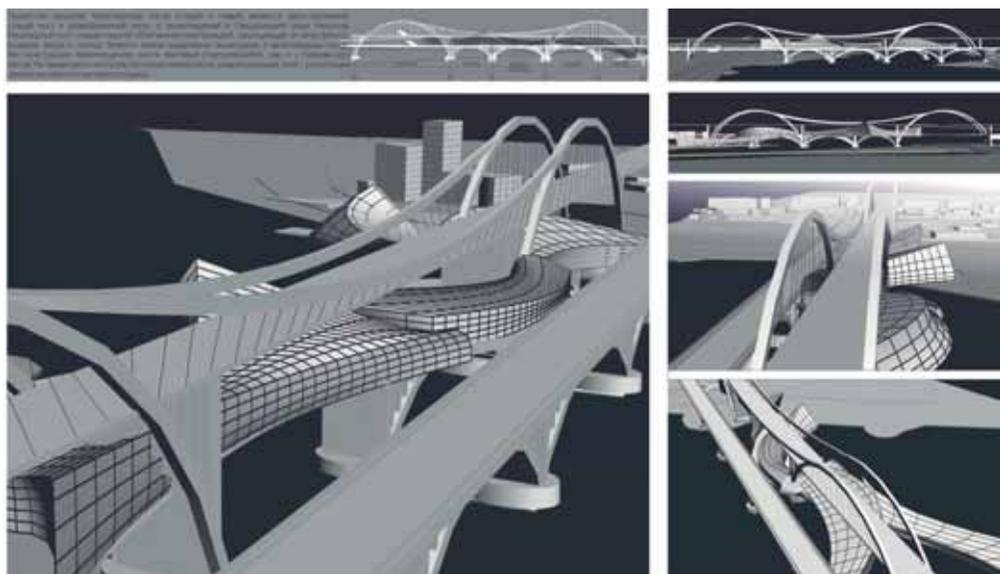
А в 1937 году рядом с местом понтонного моста был, наконец, построен по проекту архитектора И.А. Француза и инженера П.Н. Поликарпова арочный мост (139б) — как памятник вождю мирового пролетариата В. И. Ленину. Правда, предполагавшиеся проектом скульптуры не были изготовлены и установлены, тумбы по сей день пустуют.

Обитаемый мост в Иркутске

Курсовые проекты

Идея родилась из проблемы транспортных развязок и отсутствия комфортных пешеходных связей по обе стороны Глазковского моста. Загруженность мостового переезда и неудовлетворительная транспортная схема приводят к постоянным заторам не только в часы пик, но и в течение всего дня. Кроме того, Предмостная площадь правого берега реки Ангара должна иметь удобные связи с бульваром Гагарина – излюбленным местом отдыха горожан. Все это натолкнуло авторов на создание футуристического проекта «Обитаемый мост», решающего большинство озвученных задач и предлагающего оригинальное решение по расширению общественных пространств в условиях дефицита городских территорий. В дополнение к существующему мосту, где предполагается одностороннее движение, возводится двухъярусное сооружение, верхний уровень которого используется для транспортного потока обратного направления. Нижний ярус предназначен для пешеходного движения и размещения объектов обслуживания (кафе, ресторан, минибiblioteca, смотровые площадки и др.) с выходами на прибрежные территории по обе стороны реки.

^ автор
студентка ИргТУ Татьяна Еременко

< ^ автор
студентка ИргТУ
Алиса Дружинина

руководители
Любовь Макогон
Сергей Эляян

Кураторы Константин Лидин и Елена Григорьева
Карты маршрутов подготовлены Русланом Хотулевым
Использованы фото Ларисы Крыловой,
иллюстрации из книги Сергея Медведева «Иркутск на почтовых открытках»,
графические материалы из архива Люциана Антипина

Прогулка 14 ВНИЗ ПО КРУГОВАЙКАЛЬСКОЙ

- 141. Кинотеатр «Чайка»
- 142. Свердловский рынок
- 143. Петропавловская (полковая) церковь
- 144. Дом жилой, 1870-е гг., Профсоюзная, 35, СВВО
(выявленный объект культурного наследия),
- 145. Глазковское городское начальное училище
им. В. П.Сукачева, 1890-е гг., арх. В. А. Рассушин,
Челнокова, 20б, СВВО
- 146. Николо-Иннокентьевская церковь, 1858 г.
Профсоюзная, 45а, РГО, проект восстановления 2004
г., авторский коллектив под руководством
арх. А. Буйнова, Желдорпроект
- 147. Вокзал, Челнокова, 1, РГО
- 148. Проекты вокзала и гостиницы В. П. Шматкова
- 149. Концепция мультимодального комплекса, ГИПРОГОР

Прогулка 14 ВНИЗ ПО КРУГОВАЙКАЛЬСКОЙ

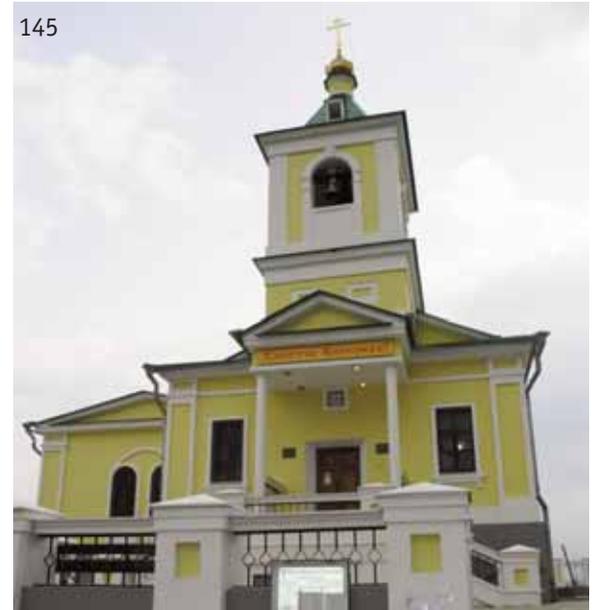
текст
Константин Лидин
Елена Григорьева

Прогулка 14, как и предыдущая, пойдет сверху вниз по рельефу, так естественно и так легко двигаться. Эта часть города получила развитие в начале позапрошлого века как часть торгового пути от Иркутска к Забайкалью. Еще до постройки Транссиба Глазково был просто одной улицей в полтора километра длиной. Теперь улица Кругобайкальская переименована в улицу Терешковой. При всем уважении к первой женщине-космонавту все-таки жаль...

Чуть ниже перекрестка улиц Лермонтова и Терешковой – интересный квартал, известный в народе как Свердловский рынок. Наполовину стихийное торжище, где можно купить или продать старые железяки, одежду, самодельную домашнюю утварь, книги, монеты, живых кур и кроликов... Рынок существует здесь более ста лет. Это место могло бы естественным образом стать общественным пространством, причем полифункциональным – торговым, административным, культурным (напротив – кинотеатр «Чайка», 140) и даже культовым (еще на нашей памяти здесь была расположена деревянная церковь). Но пока этого не случилось, и, хотя С. Демковым было выполнено достойное про-

ектное предложение (141), сам рынок так и не подвергся переосмыслению и модернизации. Петропавловская (полковная) церковь (142) утрачена, похоже, безвозвратно. Кинотеатр несколько раз перестраивался, следуя модным веяниям, приобрел новое оборудование, но так и не обрел имиджа культурного заведения. Особенно бросается в глаза его загроможденный рекламой фасад со стороны улицы Лермонтова. Интересно, знают ли молодые кинозрители о том, что назван кинотеатр не в честь морской птицы, а по позывному Валентины Терешковой?

Как-то не очень везет этому месту с устойчивым развитием. Начиная от улицы Чайковского и до кинотеатра «Чайка» улица является бульваром. Ниже улицы Гоголя на том участке, где проектом детальной планировки предполагалось продолжение бульвара – очередная группа жилой застройки вполне стандартного вида (см. ПБ13, стр. 17, рубрика «Скверы, которые мы потеряли»). По мнению застройщика, бульвар не нужен. Мнения жителей окрестных кварталов, конечно, не спрашивали, градодокументацию попросту проигнорировали.

Слева на горе сохранились памятники архитектуры конца XIX века: жилой дом 1870-х гг. (143, Профсоюзная, 35) и Глазковское городское начальное училище, 1890-е гг. Здание училища, причудливая эклектичная смесь романского и «билибинского» стилей, выстроено архитектором В. А. Рассушиным на средства знаменитого городского головы В. П. Сукачева, так много сделавшего для развития Иркутска (144, Челнокова, 20). Улица Челнокова (раньше называлась Вокзальной) переименована в честь дважды Героя Советского Союза легендарного летчика, участника Великой Отечественной.

Слева, уже на спуске к вокзалу, рельеф держит великолепная подпорная стенка. Мастерская кладка из природного камня выглядит как отсылка к топонимическому первоисточнику – Кругобайкальской железной дороге.

Справа на возвышении воссозданная в начале века Николо-Иннокентьевская церковь (145). Церковь построена и освящена в 1859 году по просьбе жителей Глазково, которые в период ледохода были отрезаны от церковью центральной части города. В 1934 году церковь закрыли, в здании разместился кинотеатр «Заря».

Стены ветшали, здание постепенно превращалось в руины. В начале тысячелетия по Транссибу прокатилось движение по созданию и воссозданию храмов, посвященных св. Николаю – покровителю путешественников, и церковь была восстановлена.

Заканчиваем прогулку у вокзала (146), старинного и замечательного. К сожалению, историческое здание не соответствует функциям современного вокзала. Доступ на перроны допотопный, добраться до нужного пути через подземный переход с багажом трудно, а о мало-мобильных и речи нет. Площадь перед вокзалом – просто стихийная автостоянка, неухоженная, заросшая пестрой коростой киосков и магазинчиков, с разбитым асфальтом...

Замечательный проект В. П. Шматкова (147) еще 70-х годов связывал гостиницу (148) на бровке рельефа с перронами и речным вокзалом – соединял площадь с рекой. Проект вокзала над путями опередил время и... пришелся не ко времени. Однако сейчас интерес к проектам реконструкции привокзальной площади снова оживился и появились интересные проектные предложения Гипрогора (149) и Желдорпроекта.

авторский коллектив
С.Б. Демков
Н.В. Шерстова
О.Н. Смирнова

проектирование
1999 г.

Эскизным проектом планировалась комплексная реконструкция существующего рынка в его границах с учетом воссоздания комплекса Петропавловской церкви на смежной территории. Комплекс зданий Глазковских торговых рядов предлагалось выполнить двухэтажным, галерейного типа с четким функциональным зонированием по типам торговли. Размещение парковок – в подземном этаже.

Эскизный проект реконструкции Свердловского рынка в Иркутске «Глазковские торговые ряды»

< Петропавловская церковь в Иркутске 1910, 1918–1920 гг. строительства. Вид с юго-востока. Фото начала XX в.

Церковь во имя Святых Апостолов Петра и Павла в Иркутске – редкий для Прибайкалья памятник архитектуры эпохи модерна

На территории Глазковского предместья в Иркутске в дореволюционный период было построено три православных храма. Самый ранний, в 1858–1859 годы, появился каменный, Николо-Иннокентьевский, по Александровской улице (ныне – Профсоюзная, 45), во имя Святителя Николая Чудотворца и святого Иннокентия, епископа Иркутского. Следующей была деревянная Иннокентьевская церковь, также посвящена Иннокентию Кульчицкому, поставлена в 1913–1915 на той же улице (уничтожена в 1950-е). И последним в 1918–1920 годах на Кругобайкальской улице (ранее Кругоморский тракт, ныне ул. Терешковой), на углу с Гоголевской улицей был возведен деревянный Петропавловский храм.

Здание Петропавловской церкви имеет непохожую на другие иркутские храмы историю. Изначально, в 1910 году, ее построили на территории летних военных лагерей (поэтому она имеет еще одно название – «лагерная») рядом с селением Михалево и одноименной железнодорожной станцией, располагавшихся в 23 верстах выше Иркутска на левом берегу Ангары.¹ В смутные времена, в 1918-м, по ходатайству жителей предместья, «с разрешения ликвидационной комиссии большевиков» (в нашей губернии это было уникальное явление, когда зарождающаяся власть Советов дало «добро» на устройство новой церкви) ее перевезли в Глазково.² Историк, летописец Иркутска Нит Степанович Романов сделал запись за 1918 год: «6 октября в Глазково закладка храма в память войск чехословаков и войск Сибирского временного правительства, погибших за освобождение Сибири».³ И опять важный момент в истории храма: возводили его в самый разгар Гражданской войны, когда по большому счету было не до строительства. Собирали храм почти два года, после чего заново освятили в июле 1920-го во имя апостолов Петра и Павла. По некоторым краеведческим данным, в строительстве или принимали участие чехословацкие солдаты, или они его полностью выстроили, что не удивительно: храм был заложен, в том числе, в память о своих соотечественниках.

На сегодняшний день достоверно неизвестно, соот-

ветствовала ли вновь возведенная церковь первоначальному «лагерному» облику или его изменили, используя в основе только сруб, что было нередко в подобных случаях. Также пока неизвестен автор ни михалевской церкви, ни вновь обретенной глазковской. В архитектурном отношении новый – старый храм получился уникальный. В Прибайкалье это было и остается, похоже, единственное культовое здание, выполненное в модерне, а это косвенно говорит о том, что, вероятно, при повторной сборке первоначальный облик был все же сохранен. На это указывает тот факт, что именно в 10-е годы XX века (не раньше и не позже) в столице Восточной Сибири стали появляться, притом – редкие, здания в стиле ар-нуво. Его массивные брутальные объемы, развитые формы крыши, завершив также не имеют аналогов в нашем регионе. Еще одно косвенное свидетельство тому – единственное выявленное на сегодняшний день историческое изображение Петропавловской церкви. Судя по тому, что здание стоит на пустыре (в поле), рядом нет ни одной постройки (а Глазково по Кругобайкальской и Гоголевской к тому времени уже активно осваивалось) и без какого-либо ограждения (что не характерно для городских храмов), фото можно датировать временем до 1918 года, т. е. когда церковь еще находилась на первоначальном месте, была лагерной.

Из описания памятника, составленного архитектором Ириной Калининой в 2000 году: «Это редкий образец стилизаторского модерна, не характерного для культовой архитектуры Иркутской губернии. Первоначальная объемная композиция здания сочетает одноэтажный монументальный храм и вертикаль ярусной колокольни. Объем храма составляет структурное целое, с рукавами планировочного креста, объединенное многоскатной кровлей с полуальмами. Храм венчала одна приземистая граненая глава на восьмигранном трибуне, меньшая глава завершала алтарь. Колокольня типа восьмерик на четверике имела шатровое покрытие с... завершением, напоминающим украинские храмы. Черты модерна в объемной композиции соседствуют с мотивами древнерусской архитек-

текст
Алексей Чертилов

1. Во время строительства в конце 90-х годов XIX столетия железнодорожной ветки Иркутск – Байкал рядом с деревней Михалево (имелись «небольшая церковь, школа грамоты») на 23 версте от Иркутска построили единственную промежуточную, достаточно крупную пассажирскую станцию (V класса) на этой линии. В середине 1950-х в связи с затоплением ложа Иркутского водохранилища, станцию ликвидировали, поселок перенесли на более высокие отметки. Таким образом, скорее всего, сегодня место первоначального расположения Петропавловской церкви затоплено.

2. Современный адрес Петропавловской церкви: ул. Гоголя, 42. Перевезена на место, где позже будет организован Свердловский рынок.

3. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 342.

4. Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. М., 2000. С. 132.

5. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 480.

6. Там же. С. 535.

в Петропавловская церковь. Вид с юго-востока. Фото А. Чертилова, 1988 г.

туры. Петропавловская церковь отличается крупномасштабностью объемов и элементов декора.

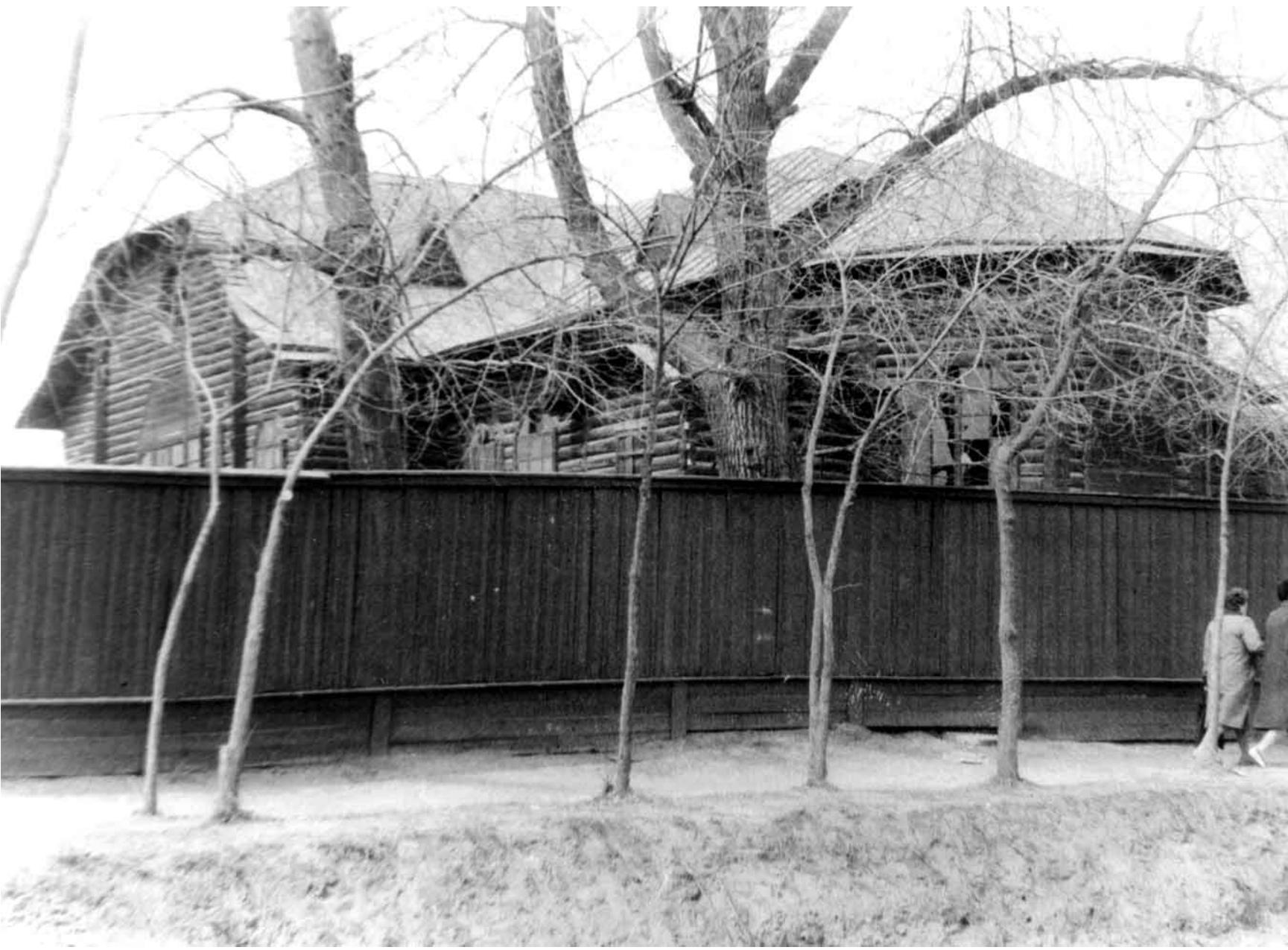
Выразительная пластика открытого бревенчатого сруба, при отсутствии декора подчеркнута разнообразной формой и размерами оконных и дверных проемов».⁴

В сентябре 1925-го церковь ограбили⁵. В разгар оголтелой борьбы с религией, в 1929-м, как и многие другие церкви, ее закрыли, отдав в январе 1930-го под пионерский клуб⁶, позже и вплоть до конца 1980-х здание использовало какое-то советское ведомство как склад.

В 1990 году решением Иркутского облисполкома № 73 от 22 февраля 1990 культовое здание объявлено памятником архитектуры регионального значения. Иркутской епархии Петропавловскую церковь вернули в первой половине 90-х. В преддверии этого, в 1988–1889 годы, по заказу Центра по сохранению

историко-культурного наследия Иркутской области авторским коллективом под руководством архитектора Алексея Буйнова разработан проект реставрации памятника с приспособлением по первоначальному назначению – под действующий православный храм. К тому времени были утрачены все завершения – колокольни, храма, алтаря. В 1995-м приступили к реализации проекта, здание демонтировали. Но случилось ЧП: разобранные конструкции были уничтожены пожаром, и до сих пор остается загадкой, намерено или нет.

Одновременно с проектом реставрации был разработан Проект охранных зон Петропавловской церкви (ТАПМ «Иркутскархпроект», архитектор Алексей Чертилов, 1988 год), которым определены благоприятные сектора обзора памятника, его зоны охраны, зоны регулирования нового строительства на соседних территориях.

В последнее время опять решается вопрос о восстановлении здания церкви во имя Апостолов Петра и Павла – архитектурного памятника эпохи модерна. Огорожена территория, заложены фундаменты. На них, будем надеяться, в скором времени в третий раз выдвигается (и хочется верить – в соответствии с проектом реставрации) деревянный храм, колокола которого будут перекликаться перезвоном с уже восстановленной Николо-Иннокентьевской церковью, что стоит недалеко, ниже по склону Глазковской горы, над железнодорожной станцией Иркутск-Пассажи́рский.

Литература

Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. – Иркутск, 2003. – С. 480, 535.

Калинина И. В. Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. – М, 2000. – С. 132.

Проект реставрации Петропавловской церкви в Иркутске (ГАП А. Н. Буйнов, 1989 г.).

Проект охранных зон Петропавловской церкви в Иркутске. (ТАПМ «Иркутскархпроект», арх. А. К. Чертилов, 1988 г.)

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. – Иркутск, 1994. – С. 342.

Проект реставрации Петропавловской церкви в Иркутске

Эскизный проект реставрации Петропавловской церкви был выполнен по заказу Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области в 1989 году. Учитывая опыт предыдущей работы над Николо-Иннокентьевской церковью в том же предместье Глазково в Иркутске, авторы большое внимание уделили комплексу предварительных работ – натурным и историко-библиографическим исследованиям, архитектурно-археологическим обмерам и инженерному обследованию. С учетом специфики деревянного здания отдельно было выполнено микологическое обследование, результаты которого поставили крест на возможности сохранения оригинальных конструкций памятника. Как оказалось, одно время в здании находился склад химикатов и, видимо, не всегда в закрытой таре. Вердикт микологов был суров: конструкции демонтировать и, не складывая на площадке, вывезти на категорированный мусороотвал и закопать. Запомнилось, что останки сруба и конструкций здания не подлежали даже сожжению, так как в процессе горения в воздух попали бы особо ядовитые споры. Прочитав заключение, сразу же все вспомнили и головные боли, и слезящиеся глаза при обмерах.

Но работы все были проведены и, используя уже освоенный метод фотограмметрии, к делу приступили архитекторы-реставраторы. Помню два момента – чув-

ство восхищения перед шедевром – огромной простыней фотограмметрического чертежа, выполненного Еленой Трескиной, и полное непонимание логики размерного ряда. Непонимание до того времени, пока один из моих друзей с авиастроительным (!) образованием не посоветовал перевести все размеры в сажени, косые сажени и т. д. Все сразу встало на свои места.

И еще: в процессе работы авторы получили дополнение к реставрационному заданию – приспособить здание под Театр народной драмы. Театр в воссозданном здании храма и ты – автор. Чарующая перспектива... Слава богу, в процессе работы эта идея, благодаря усилиям нескольких человек, благополучно умерла. Спасибо им за это.

Эскизный проект успешно прошел процедуру согласования, была выпущена рабочая документация, начались работы по воссозданию. К стати о «рабочке», ни до, ни после я не видел столь детально выполненной конструкторской документации. Инженер Игорь Лохтин разработал ее настолько подробно и досконально, что строители говорили: по этим чертежам церковь может построить даже ребенок. Такой вот был второй шедевр в составе одного проекта... А вот с реставрацией храму откровенно не повезло. И до сих пор не везет. Видимо, не нашелся еще тот самый человек, которому это все действительно НУЖНО...

текст

Алексей Буйнов

архитекторы

Алексей Буйнов
Елена Трескина
Владимир Распутин

конструкторы

Игорь Лохтин
Сергей Лохтин

исполнитель

ТАПМ «Иркутскархпроект»

заказчик

Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области

проектирование

1988–1989 гг.

Иркутский Николо-Иннокентьевский храм

текст

Татьяна Ведерникова

Николо-Иннокентьевский храм был последней каменной церковью Иркутска, построенной в стиле классицизма. Компактность ее плана, лаконичное объемное построение и скромный декор свидетельствуют о новом рационалистическом подходе, не свойственном культовой архитектуре города, но получившем широкое распространение в архитектуре сельских храмов. Основой композиции является сочетание приземистого четверикового храма под двускатной кровлей (под одной небольшой главой) и четвериковой ярусной колокольни, увенчанной колпаком. Простому объему здания соответствует также и лаконичный декор фасадов: лопатки с прямоугольными филёнками, подоконные ширинки, рамочные наличники.

Причиной для строительства храма послужило прошение жителей Глазковского селения, ранее причисленных в приход Троицкой церкви, которая располагалась в центре города, за рекой.

Глазковское предместье с давних времен состояло из двух деревень – Могилева и Глазкова, получивших свое название от фамилий их основателей – казаков Могилева и Глазкова. Данные фамилии были самыми распространенными в предместье в XIX веке, часто встречались они еще и в XX веке. Эти населенные пункты разрастались и постепенно слились, образовав Глазковское предместье, которое к середине XIX столетия насчитывало до 60 дворов. Множество церквей в столь близком Иркутске позволяло вольнолюбивым казакам в XVIII веке не очень обременять себя мыслями о постройке церкви в предместье, все население которого издавна было приписано к Троицкому приходу. Однако время шло, население увеличивалось, и перед жителями предместья встал вопрос о необходимости иметь собственную церковь. Было также еще одно непреодолимое препятствие: Троицкий приход разделяла Ангара, река бурная и своенравная, приносившая немало бед. Особенно это ощущалось в период рекоставы, который приходился на конец декабря – начало января, когда река становилась непреодолима, а также в весенний период, когда трогался лед.

Попытка создать храм на левом берегу Ангары была предпринята более полутора веков назад, однако практического воплощения не получила. Из-за отсутствия средств и инициативного человека строительство храма откладывалось из года в год. Наконец такой человек нашелся: им оказался Яков Степанович Малков, 59-летний староста Троицкой церкви. Он начинал службу старостой в 1839 году, будучи купцом 3-й гильдии. Все время пребывания Малкова на этой должности было отмечено его заботой и вниманием к нуждам церкви, постоянными денежными пожертвованиями.

Малковым был приобретен в центре предместья земельный надел площадью в 600 кв. сажен и сразу же обнесен забором. Им же были подготовлены все необходимые материалы для строительства церкви. Кроме того, он изъявил готовность взять на себя хлопоты по строительству и последующему устройству храма, а также брался выстроить на этой земле за свой счет деревянный дом для священника, который он отдавал «во всегашнюю принадлежность упомянутой церкви».

После покупки земли Малковым 14 ноября 1857 года жителями предместья Глазково было направлено «покорнейшее прошение» на имя архиепископа Евсевия с просьбой о возведении на этом месте храма Божия и кладбища. Отправленное прошение было рассмотрено на заседании духовной консистории. Архиепископ благословил строительство церкви, но поставил два условия: во-первых, чтобы церковь была каменной и, во-вторых,

построена по проекту, утвержденному Иркутской губернской строительной комиссией. Протоколом от 8 декабря 1857 года было «дозволено построить новую каменную с деревянной колокольней однопрестольную церковь во имя Святителей и Чудотворцев Николая, архиепископа Мирликийского, и Иннокентия, первого епископа Иркутского, и причислить оную к приходской Троицкой церкви».

Закладка церкви состоялась 27 апреля 1858 года. Архиепископ Евсевий с ректором семинарии архимандритом Дмитрием и представителями духовенства совершил в церкви Святителя Григория Неокесарийского (в ограде Троицкой церкви) божественную литургию. По окончании богослужения был совершен крестный ход к месту закладки с иконами Божией Матери, Святителей Николая и Иннокентия. В процессии участвовали председательствующий в совете главного управления генерал-лейтенант Карл Карлович Венцель, управляющий губернией Петр Александрович Извольский, председатель казенной палаты Павел Иванович Канцев, городской голова П. О. Катышевцев.

Освящение храма состоялось в воскресенье, 20 сентября, о чем «Иркутская летопись» писала так: «20 сентября... происходило освящение каменной церкви в Глазковском предместье. Церковь эта... строилась 1,5 года. Небывалый в Иркутской губернии пример быстрой постройки каменной церкви. Освящение совершено Преосвященным Евсеем с соборным духовенством. По окончании литургии у строителя церкви Я. С. Малкова был обед для Преосвященного, духовенства и прочих гостей в его домике около церкви».

Спустя два месяца после освящения храма на имя благочинного округа Фортуната Петухова поступил рапорт от священно- и церковнослужителей Троицкой церкви о заслугах Якова Малкова. За ревностное служение церковным старостой Малков был награжден Иркутской духовной консисторией похвальным листом и серебряной медалью на Анненской ленте «За усердие». В постройке храма участвовала и местная жительница А. Рублева.

Таким образом, основным жертвователем на постройку Николо-Иннокентьевского храма выступал Яков Степанович Малков, его пожелания учитывались при проектировании храма, он был и поставщиком, и подрядчиком при строительстве храма.

В 1861 году по прошению жителей Глазковского предместья был образован самостоятельный Николо-Иннокентьевский приход. В 1864 году, не увидев освящения нового придела, на 66-м году жизни скончался основатель храма Яков Степанович Малков. Одним из первых он был похоронен в ограде построенной им церкви.

С 70-х годов XIX века иркутянами помещались в банк Елизаветы Медведниковой и Иркутское отделение Государственного банка в пользу церкви определенные суммы, проценты от которых предназначались на храм. К концу 90-х годов таких вкладов и пожертвований ценными бумагами было более десяти.

Большую роль в жизни храма играли его старосты Д. Н. Могилев, С. И. Могилев, В. Д. Могилев, В. Н. Михалев, П. В. Могилев, Н. П. Медведев. На их средства храм ремонтировался и украшался.

Имя первого известного настоятеля – отец Иаков (Яков Данилович Понамаревский). К моменту назначения Якову Даниловичу было 60 лет. Сын священника, он учился в Иркутском духовном училище. В Глазковскую церковь переведен в 1861 году по прошению. Отец Иаков служил в Глазково пять лет, до 1866 года. Скорее

всего, умер он в том же году и, вероятно, был похоронен в ограде храма.

В истории храма большую роль сыграли его настоятели Константин Литвинцев, Иоанн Стуков, Иоанн Титов.

Выпускник Иркутской духовной семинарии, отец Константин Литвинцев служил в церкви с сентября 1866 по май 1872 года. Отец Иоанн Стуков посвятил более двадцати лет служению в храме – с 1872 по 1894 год. В 1880 году он получил благодарность от высокопреосвященного архиепископа Вениамина «со внесением в формулярный список». С момента основания Глазковского училища имени св. Владимира в ноябре 1885 года отец Иоанн преподавал детям Закон Божий. В 1889 году прихожане церкви вручили ему на память пасторский посох «...как видимый знак тех чувств почтения, любви и благодарности... и как символическое пожелание... быть пасомыми и впредь на долгие годы...» (из текста поздравительного адреса, опубликованного в «Иркутских епархиальных ведомостях»). Отмечена его значительная проповедническая деятельность.

Стараниями отца Иоанна Титова (Иван Иванович Титов) в 1895 году была открыта церковно-приходская школа в с. Максимовском. В 1896 году он восстановил Глазковское церковно-приходское попечительство. «Ко дню священного коронования» удостоен высочайшей награды – камилавки и серебряной медали «За службу в царствование Императора Александра III». С мая 1907 года Иоанн Титов – законоучитель в открытой в Глазково железнодорожной школе имени святителя Иннокентия. В январе 1912 года состоялось открытие нового училища имени Ломоносова, законоучителем был назначен протоирей Иоанн Титов. Кроме этого, отцом Иоанном была открыта в феврале 1912 года первая церковно-приходская школа, в которой он был заведующим. За 18 лет служения в приходе им было сделано немало: по его инициативе построены церковно-приходские школы в Глазково, Тальцах и Максимовском селении, которые входили в приход Николо-Иннокентьевской церкви, открыта воскресная школа в предместье. Во всех этих школах он состоял заведующим, с честью выполняя свои обязанности.

Помимо вышеперечисленных, следует упомянуть священников Прокопа Георгиевича Копылова (возможно, дед писателя Александра Вампилова) и Михаила Копылова. Вторыми священниками служили Г. Шергин, Д. Тресвятский, М. Куркин, псаломщиками – Афанасий Иванович Титов и Алексей Васильевич Строкачинский, диаконом – Алексей Шергин, церковным старостой – Николай Петрович Медведев.

Увеличивающееся количество населения в приходе требовало расширения храма. В 1863 году началась пристройка к храму Успенского придела. Закончены работы были в 1865-м, но освящение по каким-то причинам откладывалось.

Об освящении этого храма в 1866 году «Иркутская летопись» отзывалась весьма скупо: «26 апреля происходило освящение вновь выстроенного придельного храма во имя Успения Божией Матери в глазковской Николо-Иннокентьевской церкви». Средства на возведение придела пожертвовал «тамошний житель» И. С. Могилев, им же были поставлены позолоченный резной иконостас и новая утварь.

В 1861 году, после разрушительного землетрясения, случившегося в Иркутске 30 и 31 декабря, жителями Глазковского предместья был дан обет о ношении иконы Казанской Божией Матери. Обет этот неукоснительно соблюдался с 1862 года и до установления советской власти: ежегодно в январе из Богоявленского, а затем нового Казанского собора совершался крестный ход с иконой, затем служилась литургия в храме, и далее икона носилась по домам.

В январе 1870 года обет жителей Глазково о принесении в приход иконы Божией Матери Казанской выполнялся ими «с особым усердием и сокрушением сердца». Объяснялось это тем, что жители всего Иркутска были напуганы небывалым наводнением Ангары. Вот как написали об этом «Иркутские епархиальные ведомости»: «Глазковское предместье Иркутска, расположенное вдоль левого берега Ангары, против Иркутска, от наводнения на 4 января потерпело не менее города. Вода затопила там почти все дома, а которых, очень немногих, не затопила, к тем проникла, по крайней мере, во дворы и подполья... Чудотворная икона пробыла в Глазковском селении около трех суток; усердно обносилась по домам, не осажженным замерзшею окружившею их водою, и 20 числа, в полдень, была возвращена в кафедральный собор».

Жизнь храма отражала все изменения, происходящие во внешнем мире. В архивных документах запечатлены судьбы людей разных сословий Глазковского предместья. Вот отрывки из клировых ведомостей: купец Тихон Юринский пришел в храм как крестный отец ребенка; надворный советник Петр Федорович Сазонов заключает брак с девицею; в Николо-Иннокентьевском храме заключают браки потомственный почетный гражданин города Иркутска Владислав Болеславович Шостакович с дочерью полковника Елизаветой Петровой, сын титулярного советника Павла Иннокентьевича Сибирякова с дочерью священника железнодорожной Могзонской церкви Клавдией, преподаватель Иркутской духовной семинарии Иннокентий Иннокентьевич Попов с дочерью священника Николо-Иннокентьевской церкви Кузнецовской больницы Николая Громова и т. д. В Николо-Иннокентьевском храме были заключены браки коллежского регистратора И. И. Турищева, губернского секретаря И. О. Гумбольта, мастеров, инженеров-технологов путей сообщения, учителей, лекарей и других жителей Глазково. Сохранились фотографии и документы о венчании дочери надворного советника З. С. Кочетковой, закончившей Иркутский девичий институт, со служащим железной дороги казаком Е. Д. Шевелем... В клировых ведомостях находим много сведений о младенцах Базановского воспитательного дома, взятых на воспитание жителями Глазковского предместья.

В 1897 году в торжественной обстановке прошла церемония закладки иркутского вокзала. После молебна и окропления котлована и фундамента первый камень был положен архиепископом, второй – глазковским приходским священником, третий – генерал-губернатором А. Д. Горемыкиным. На церемонии присутствовали также губернатор И. П. Моллериус, городской голова В. П. Сукачев, помощник шефа жандармов А. Н. Пантелеев, начальник строительства первого участка Забайкальской железной дороги князь Г. З. Андронников и многочисленные горожане, наблюдавшие за историческим моментом со стороны предместья и с лодок.

1898 год стал переломным для Сибири: началось железнодорожное движение по Транссибирской железной дороге. И маленькая Николо-Иннокентьевская церковь оказалась в гуще событий. Железная дорога пролегла практически у ступеней храма. Именно его священнослужители встречали и освящали первый поезд, прибывший в Иркутск. 16 августа от церкви был совершен крестный ход к вокзалу, на перроне совершен молебен святителям Николаю и Иннокентию, который служил архиепископ Иркутский Тихон вместе с другим высшим духовенством и причтом Николо-Иннокентьевской церкви. По окончании молебна состоялась торжественная встреча первого поезда. С тех пор храм – верный «хранитель» железной дороги. Отъезжающие в дальние края люди могли зайти сюда, поставить свечу и помолиться за спасение души и безопасную дорогу.

В 1902 года в приходе было устроено новое казенное здание для начальной школы на 200 детей. Там стали проводить народные чтения, проходившие до этого в церковном здании.

В 1910 г. Глазковский приход насчитывал более 1 500 человек. Храм снова оказался мал для такого большого количества прихожан, поэтому было предложено расширить его. За исполнение проекта взялся местный прихожанин техник Василий Аполлонович Могилев, который представил план приделов церкви и новой деревянной колокольни. Он же составил и смету на ремонт храма и пристройку придела.

Прихожане начинают собирать деньги на ремонт и переустройство храма. В 1910 году денег было собрано 2 364 рублей. Однако в памятной записке указывалось, что деньги собираются «на предмет постройки нового храма». Денег оказалось немного. Просьба прихожан вызвала сочувствие архиепископа Иркутского и Верхотенского Серафима, который 16 ноября 1911 года отправляет соответствующее письмо в Хозяйственное управление Синода: «Необходимость переустройства вызвана тем, – пишет архиепископ, – что церковь, построенная в 1859 году Иаковом Малковым, вмещает не более 300 человек, а ввиду того что вблизи храма находится железнодорожный вокзал, население прихода быстро увеличивается за счет железнодорожных служащих. Храм, подвергаясь вредному влиянию атмосферных осадков вблизи набережной Ангары, требует капитального неотложного ремонта, а также перестройки и расширения. Справедливо было бы получить средства из сумм железнодорожного ведомства, а если они откажут, то не будет ли Вами признано возможным ассигновать пособие на поддержание и расширение храма».

Вероятно, параллельно велось две кампании: сбор средств на переустройство Николо-Иннокентьевского храма и сбор средств на постройку нового храма, каковым и стал открытый в 1915 году Иннокентьевский храм на Александровской улице в Глазково. При Николо-Иннокентьевском храме действовала библиотека, которой могли пользоваться прихожане.

В последующие годы в документах о переустройстве храма ничего больше не говорится. По-видимому, события Первой мировой войны помешали сделать предполагаемые изменения. Этот период скупо освещен в документах.

Во время Гражданской войны храм также находился в центре событий: «...30 декабря 1919 г. центр боев переместился в Глазково. Утром сюда подошли три семеновских бронепоезда и эшелоны с войсками. Повстанцам удалось испортить путь, и семеновские войска, развернувшись в цепь, начали наступление в сторону вокзала...»

После установления советской власти часть иркутских церквей, стремясь приспособиться к изменившимся после революции условиям, провозгласила своим принципом лояльность по отношению к советскому государству, отреклась от деятельности православного руководства во главе с патриархом Тихоном. Не такой оказалась община Николо-Иннокентьевского храма, ставшая оплотом традиционной Русской православной церкви в Иркутске. Сейчас трудно сказать, почему отдаленный иркутский храм взял на себя объединительные функции православной церкви в Иркутске: документы об этом умалчивают, а очевидцев уже не найти. Но с начала 20-х годов и на протяжении нескольких лет здесь проходили многочисленные общегородские собрания верующих, выступающих за сохранение православия.

В 1933 году на основании постановления Президиума Иркутского горсовета от 28 августа того же года в Иркутске стали снимать колокола со всех церквей. 10 сентября очередь дошла и до Николо-Иннокентьевской церкви – с нее было снято шесть колоколов и увезено на базу металлолома.

Церковь к этому времени практически бездействовала, не было священнослужителей, здание ее все больше и больше приходило в упадок. Церковная ограда отсутствовала полностью, тротуар, ведущий к храму, требовал полной замены. Комиссия признала невозможным даже капитальный ремонт здания ввиду его «ветхого состояния».

Окончательным финалом жизни храма стал акт от 25 апреля 1934 г. «О приемке культового имущества и здания Николо-Иннокентьевской церкви». В пользу государства было принято «...15 кг 69 г серебра. Клубу железнодорожников... передано 2 иконостаса, 31 икона с иконостаса, 66 разных икон, 7 аналоев и много другого имущества, в основном мебель. В красный уголок... передана мебель и металлолом – подсвечники, хоругви, лампы и пр. Музею... передана 21 рама от икон, 2 дверные иконы, 6 боковых икон, 20 маленьких, престол и библиотека». Самое святое – три антимиса – были переданы Преосвященному епископу.

Здание церкви, несмотря на неутешительное заключение комиссии о невозможности его восстановления, простояло еще шестьдесят лет, выполняя функции кинотеатра. С начала 90-х годов XX века был поставлен вопрос о необходимости его реставрации.

В 1997 году в газете «Восточно-Сибирский путь» появляется заметка: «По просьбе владыки Вадима специалисты Центра сохранения историко-культурного наследия готовят к передаче Иркутской епархии Николо-Иннокентьевскую церковь... Чтобы передать храм вновь в ведение церкви, ЦСН, согласно традиционной схеме, начал археологическое обследование территории». Выяснилось, что пять тысяч лет назад здесь жили люди.

В конце 90-х годов восстановлением храма занялась ВСЖД. Восстановление было завершено в 2003 году. Строили с применением лучших современных технологий. Вместо батареи отопления – полы с подогревом. Снаружи на здании есть ночная подсветка, установлены фонари, скамейки. В цокольном этаже размещается придел Святителя Иннокентия.

В Николо-Иннокентьевском храме работает воскресная школа, учрежденная в 1998 году по инициативе прихожан. Сейчас в школу принимаются дети в возрасте 4–16 лет. С октября 2011 года проводятся беседы о православии и духовности для взрослых. Сложилось в школе и свои традиции. Ежегодно ученики воскресной школы принимают участие в Рождественских встречах воскресных школ и детском пасхальном театральном фестивале «Дорогою добра». Желанными гостями на праздниках становятся воспитанники реабилитационных центров для детей с ограниченными возможностями «Семейная усадьба», «Надежда», «Талисман». Средства, вырученные на рождественских и пасхальных благотворительных ярмарках, направляются на подарки детям-сиротам.

Важное событие для всей школы – миссионерские поездки. С 2007 года старшая группа воскресной школы ежегодно выезжает в Качуг. За эти годы о школе узнали жители не только Качуга, но и Верхнеленска, п. Анга и других населенных пунктов Качугского района. Дети старшей группы поют на клиросе. Кроме того, ребята изготавливают игрушки, ткют, делают нехитрую мебель.

В церковной лавке можно приобрести открытки с изображением храмов Иркутска. Собранные прихожанами и жертвователями средства планируется направить на строительство городского социального центра «Надежда» для инвалидов детства. В его состав войдут мастерские (обучающие и полупроизводственные с рабочими местами), жилой дом для ребят, где смогут организовываться родители, представители общественных организаций, приезжающие из других районов.

...Время не стоит на месте. Меняется мир, меняется храм. Меняется, но остается неподвластным времени.

В воссоздании Николо-Иннокентьевской церкви можно выделить два этапа. По временной линейке их можно назвать этапами 1989 и 2001–2003 годов. На первом этапе, на волне перестройки при поддержке одного из новоявленных кандидатов в народные депутаты, Центр сохранения историко-культурного наследия заказал только что появившемуся Архпроекту эскизный проект реставрации данного памятника истории и культуры. Естественно, в состав работ вошли натурные и историко-библиографические изыскания, архитектурно-археологические обмеры и инженерное обследование. Собственно, это самое инженерное обследование выявило совершенно плачевное состояние всех конструкций здания (треснувший в нескольких местах фундамент, раствор кирпичной кладки, напрочь утративший свою связующую функцию, треснувшие, местами насквозь, стены, обильный домовый грибок, сгнившие деревянные конструкции и пр.). В результате поставили большую жирную точку, завершившую этот самый первый этап. В

общем... посчитали – прослезилась. Кандидат к тому моменту уже стал депутатом, а деньги тогда в основном уходили... ну, понятно, кому и куда. На храм, само собой, не хватило...

Но, несомненно, во всем этом была и положительная составляющая. На базе качественно выполненных обмеров, путем достаточно нехитрого, но весьма на тот момент трудоемкого способа, именуемого фотограмметрией, удалось выполнить комплект чертежей, включавший в себя планы, разрезы и фасады объекта и его (тогда этого термина не было) визуализацию.

Реставрационный совет эскизный проект реставрации Николо-Иннокентьевской церкви согласовал, и документация легла на полку. На двенадцать лет. Выполнили работу архитекторы А. Буйнов, Е. Трескина, В. Распутин.

Второй этап – 2001–2003 годов – от первого принципиально отличался. Есть притча о том, что при наличии всех формальных составляющих (заказчик, деньги, проектировщики, строители, документация и пр.), решаю-

текст
Алексей Буйнов

664025, г. Иркутск, а/я 134
Тел.: (3952) 64-40-27
e-mail: ipsi@irk.ru
www.rzdp.ru

Проект воссоздания Николо-Иннокентьевской церкви

эскизный проект реставрации 1989 г.

авторы
архитекторы А. Буйнов,
Е. Трескина, В. Распутин

**проект воссоздания
2001–2003 гг.**

проектирование
Иркутскжелдорпроект
авторы
архитекторы А. Буйнов,
М. Гурьева, Н. Носова,
И. Смирнов,
ГИП Л. Горельченко,
конструктор В. Жук

664025, г. Иркутск, а/я 134
Тел.: (3952) 64-40-27
e-mail: ipsi@irk.ru
www.rzdp.ru

щим является фактор наличия ЧЕЛОВЕКА, который ХОЧЕТ, чтобы домик был построен... Без этого – никак... Так вот, теперь этот человек был! Де юре начальник Управления Восточно Сибирской железной дороги, а де факто... Де факто именно в это время в соответствии с прямым указанием министра транспорта РФ на территории всех крупных железнодорожных вокзалов страны реставрировались, воссоздавались или заново строились православные храмы и часовни, которые освящались в честь святителя Николая Мирликийского Чудотворца, покровителя всех странников и путешественников.

Все остальное было делом техники. Институт Иркутскжелдорпроект собрал грамотную команду проектировщиков, которая выполнила проект за семь месяцев. Строители тоже не подвели. Правда, были нюансы: в процессе проектирования (в соответствии с пожеланиями епархии) у храма появился цокольный этаж, а в нем еще один придел. Здание «подпрыгнуло» вверх, и в соответствии с логикой восприятия объекта поползли в размерах и пропорциях шатер звонницы, барабан (кото-

рый стал световым) и луковица главки храма, кресты... В результате получилась существенно подросшая реплика третьего варианта образцового проекта, который по закону подлости обнаружился недели через три после завершения проектных работ. Кстати, по первому варианту образцового проекта (все конструкции деревянные) построен Михайло-Архангельский храм. В общем удалось более или менее удачно решить участок церкви, тем более, что тот, неизвестный нам архитектор первого Николо-Иннокентьевского храма выбрал площадку для него крайне профессионально. Сделана была также наружная подсветка здания. Единственный, но весьма существенный минус – раскрыть храм на привокзальную площадь так и не удалось. На пути очевидно красивого и грамотного градостроительного решения встал владелец павильона со своими непомерно возросшими желаниями. Тем не менее объект состоялся и стараниями всех, кто участвовал в его воссоздании, получился он весьма и весьма неплохо. Авторы-архитекторы и проектировщики Иркутскжелдорпроекта получили за эту работу Премию губернатора Иркутской области.

Христос Воскресе!

Вход в церковь свободен
с 08:00 до 18:00
Святой Пасхальный Канон
и другие молитвы
на Пасху

Здание вокзала – памятник федерального значения

текст
Елена Григорьева

Здание вокзала имеет несколько строительных периодов в своей более чем вековой истории. Иркутская летопись сообщает, что 23 мая 1896 года в город прибыл начальник постройки Средне-Сибирской железной дороги г. Меженинов. Он принял участие в проектировании большого пассажирского вокзала на левом берегу Ангары, недалеко от Глазковского училища и малого вокзала, товарной станции и паровозного депо, около скита Вознесенского монастыря. Первое здание, одноэтажное, с одной башенкой построено в 1897-м, а 16 августа 1898 года в Иркутск прибыл первый поезд.

В 1906 году по проекту архитектора В.И. Коляновского был выстроен новый железнодорожный вокзал и переоборудовано старое здание.

В 1936 году старое и новое здания вокзала были соединены постройкой двухэтажного здания-перехода, а над старым зданием возвели второй этаж. Оформление фасадов было выдержано в одном стиле.

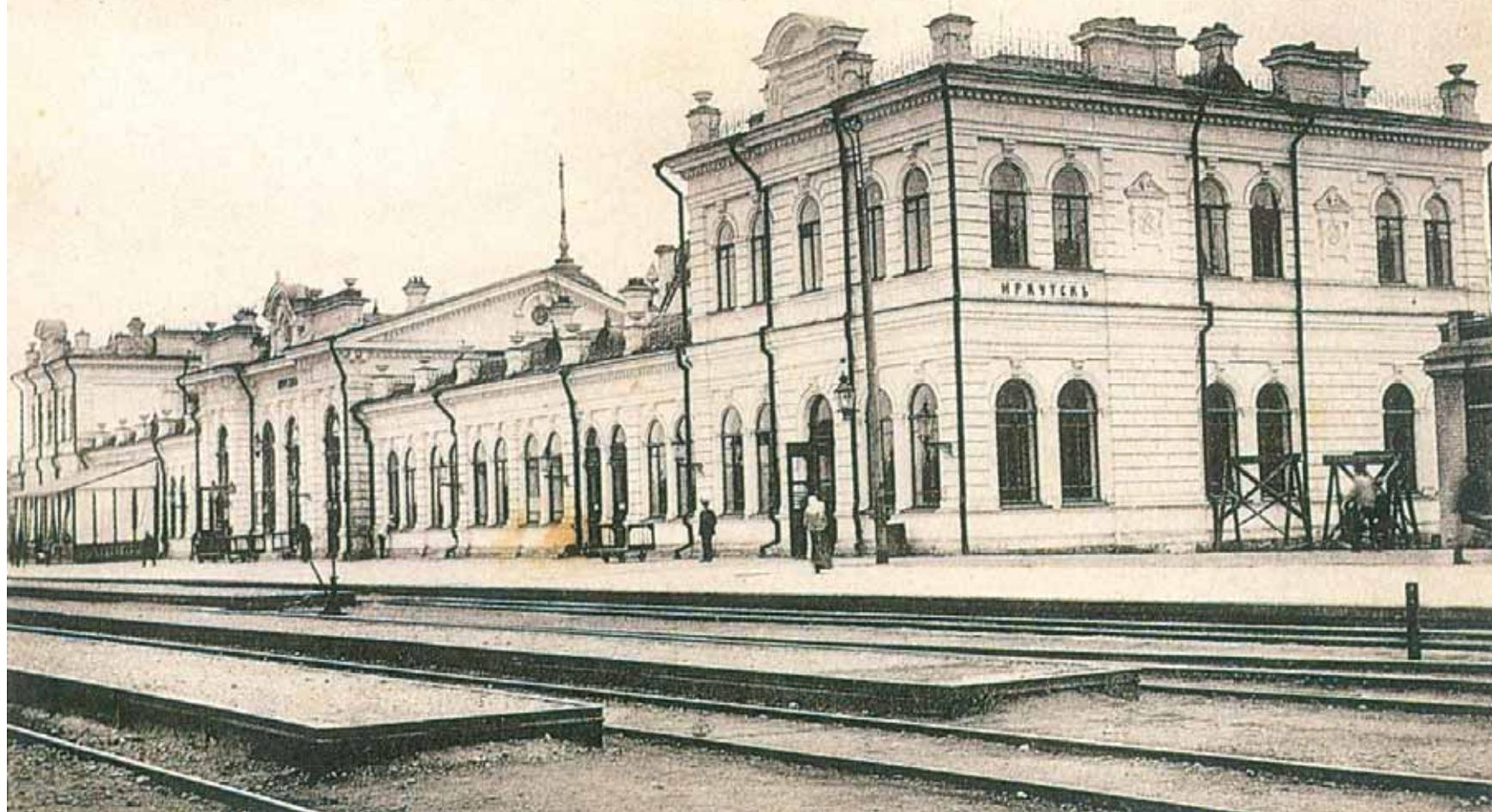
Четвертый этап развития иркутского вокзала пришелся на начало 60-х. Вот что пишет об этом мэр Иркутска Николай Францевич Салацкий в своей книге воспоминаний «О былом как было»: «Старожилы помнят, что до 1963 года на привокзальной площади находилось старое каменное здание, используемое под багажное отделение. И, как таковой, привокзальной площади-то и не было. Трамвайные пути проходили всего в трех метрах от узеньких тротуаров и здания вокзала. Однажды, весной 1963 года, мы обошли вокзал, осмотрели его хозяйство, все выглядело неприглядно, неряшливо. Стали советоваться, решили: будем делать реконструкцию площади. Надо будет снести этот багажник, часть горы, устроить подпорную стенку, отнести к ней трамвайные пути. Построим пригородный павильон с подземным переходом к поездам, сделаем металлическую ограду от вагонного депо до Ангарского моста. Так и начались работы по реконструкции вокзала, его площади и привокзальной улицы. Проекты, как говорят, сходу создал проектный институт. Всего три-четыре месяца понадобилось, чтобы Иркутский железнодорожный вокзал, привокзальная площадь и примыкающая улица коренным образом преобразились».

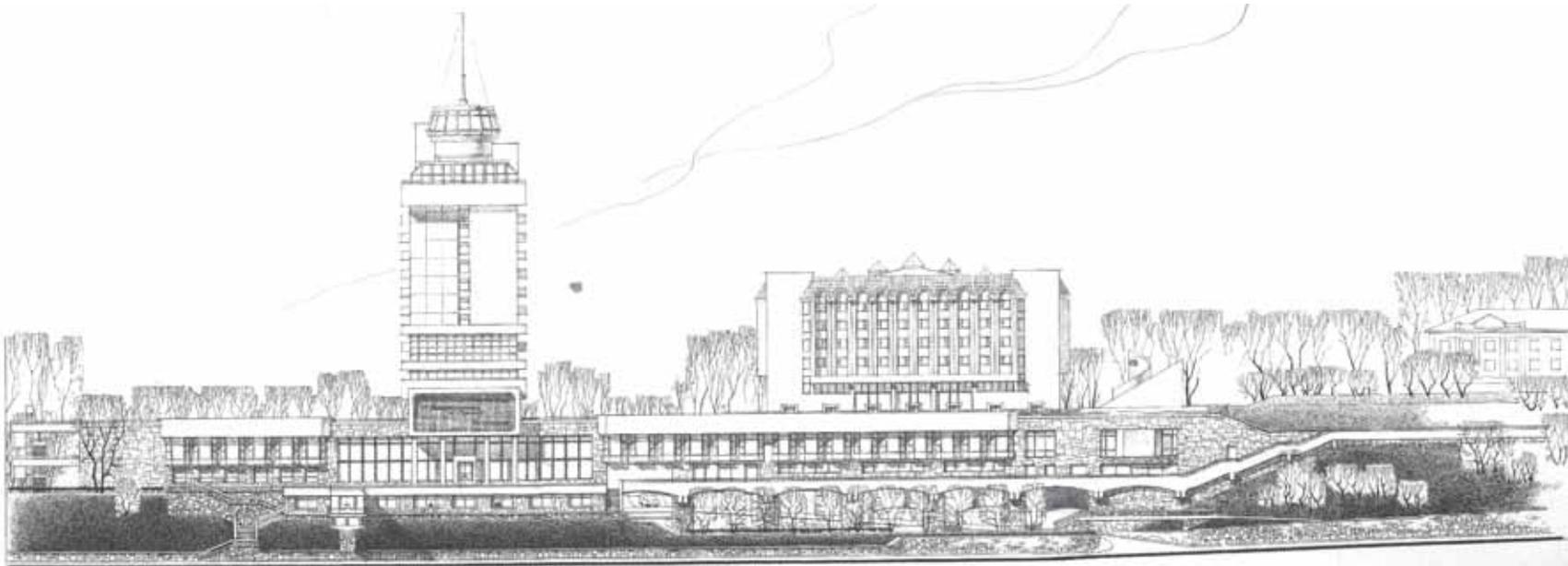
Павильон пригородных касс был сооружен по документации Дорпроекта, а согласовывался и утверждался проект главным архитектором Иркутска В.П. Шматовым.

И наконец, в 1998 году, к столетию Транссиба, по проекту фирмы «АТН» (арх. А. В. Поликарпочкин) была проведена реконструкция вокзала с воссозданием его исторического облика, реконструирован пригородный павильон. Его фасады теперь приближены по стилю к фасадам исторических зданий вокзала.

Иркутскъ.—Irkoutsk. № 9.
Вокзалъ со стороны платформы.

Проекты железнодорожного вокзала и гостиничного комплекса

текст
Люциан Антипин

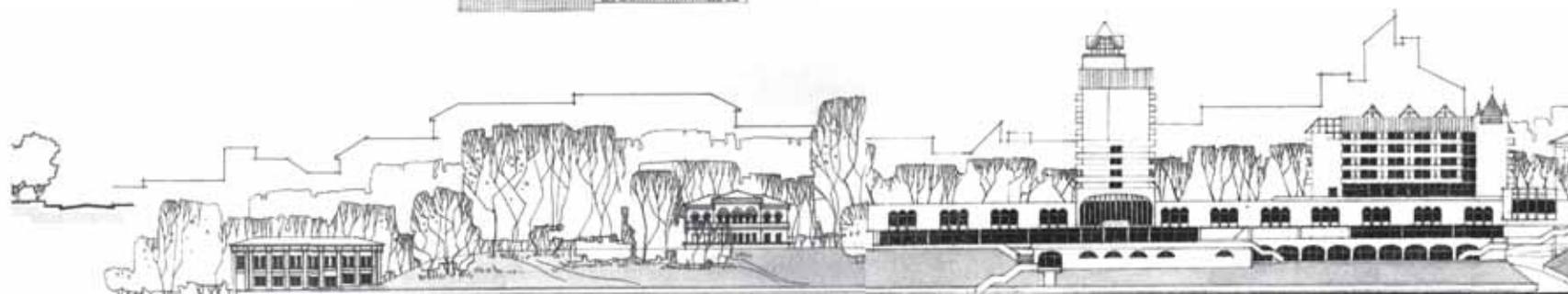
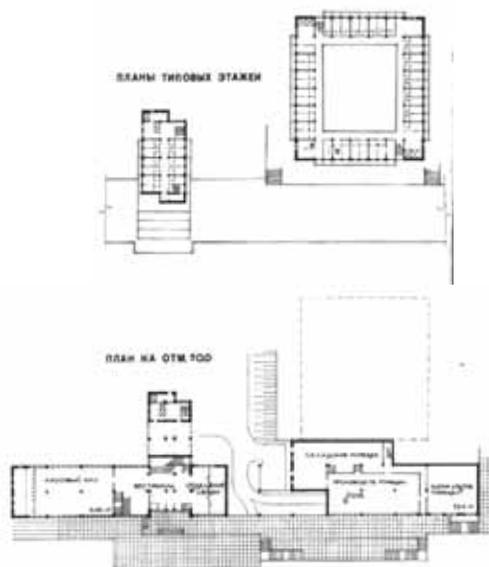
авторы проекта гостиницы
Виктор Шматов
Люциан Антипин

автор проекта вокзала
Виктор Шматов

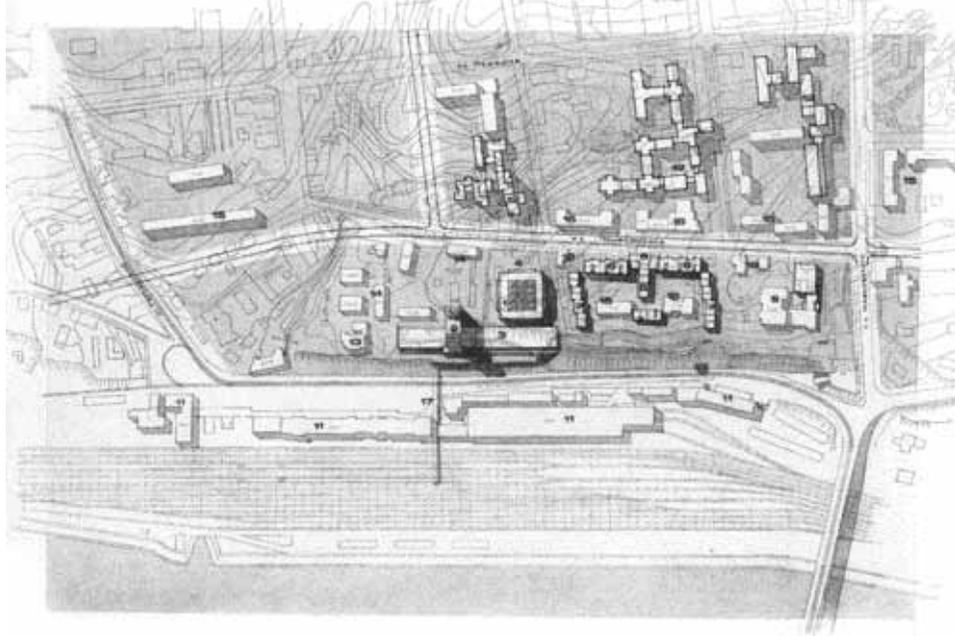
Проект нового вокзала в Иркутске архитектора В. П. Шматкова уже публиковался в журнале «Проект Байкал» №5 «Утопия». Если внимательно изучить идею проекта, то окажется, что ничего утопического в ней нет: примененные конструкции и технологии строительства таких сооружений возможны были даже в далекие семидесятые – годы строительного аскетизма и борьбы с любого рода излишествами. Утопизм был скорее в головах людей, в чьих руках были средства реализации этого проекта. Привычнее было делать «как всегда и везде». А ведь как прекрасно было задумано проектом! Три вида междугородного и местного

транспорта: автомобильный, железнодорожный и речной. Свободный доступ к любым посадочным платформам поездов без использования подземного тоннеля. Пересадка с одного вида транспорта на другой без транзитных поездок по городу. Разделение транспортных путей и пешеходных в двух уровнях. Возможность использовать левобережную набережную Ангары для отдыха людей и водного транспорта. Композиционная законченность всех разрозненных ныне объектов транспортного узла.

В девяностых годах прошлого века архитектором Виктором Шматовым в соавторстве с архитектором

1. Гостиничный комплекс люкс на 110 номеров, на 150–180 мест
2. Гостиничный комплекс II разряда на 118 номеров, на 240 мест
3. Ресторан, кафе, кассовый зал, зал ожидания, камеры хранения и др.
4. Автостоянки
5. Трансформаторная подстанция
6. 3-5-этажные жилые дома на 65 квартир
7. 2-этажные жилые блок-квартиры на 20 квартир
8. Магазин, предприятия бытового обслуживания
9. Школьный комплекс
10. Прогулочная аллея и видовые площадки
11. Здания и сооружения вокзального комплекса
12. Проектируемые жилые комплексы
13. Поликлиника
14. Корпуса больницы №5
15. Существующие жилые дома
16. Клуб железнодорожников
17. Пешеходный переход
18. Сохраняемая деревянная застройка

**ТВОРЧЕСКАЯ
АРХИТЕКТУРНАЯ
МАСТЕРСКАЯ №1**

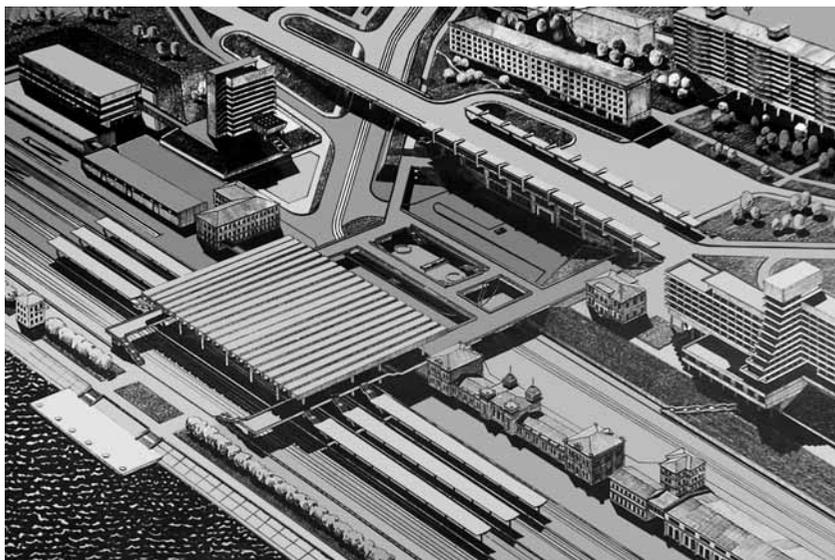
ИЮЛЬ 1993 Г.

РУКОВОДИТЕЛЬ
АВТОРЫ ПРОЕКТА

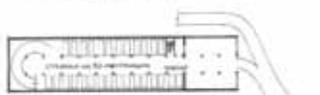
В. Шматов

Л. Антипин

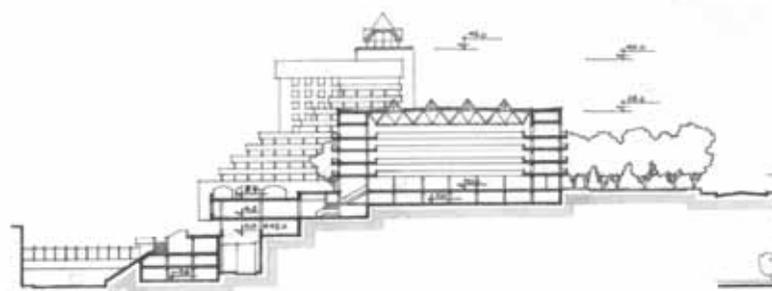
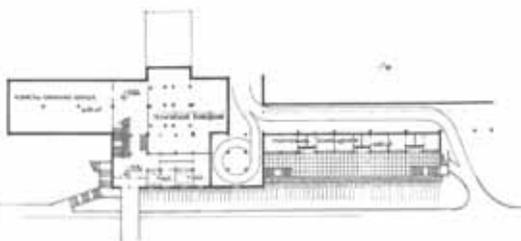
Люцианом Антипиным был разработан проект завершающего этапа реконструкции привокзальной площади – проект гостиничного комплекса с большим составом вспомогательных, административных и технических помещений для железнодорожного хозяйства. Комплекс гостиниц размещался на привокзальной площади на высоких отметках рельефа и состоял из двух корпусов, в одном из которых предусматривались жилые номера обычного туристического класса, а в другом – номера VIP-класса, образующие каре с закрытым внутренним двором. В четырех террасных этажах, образованных за счет использования рельефа, размещались многочисленные общественные и развлекательные центры. С основными вокзальными корпусами гостиница связывалась стеклянным пешеходным переходом. К сожалению, этот проект оказался до сих пор невоस्तребованным.

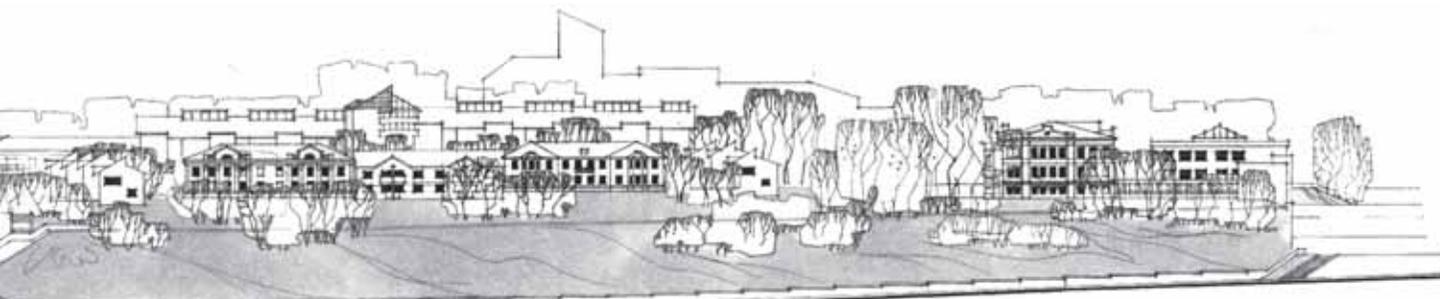
ПЛАН НА ОТМ. -70, -98

ПЛАН НА ОТМ. -42

РАЗРЕЗ

Анисифоров Петр Иванович – архитектор, председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов России (Барнаул)

Антипин Люциан Федорович – архитектор, градостроитель (Иркутск)

Арцис Алла Иосифовна – архитектор, фотохудожник, член Союза архитекторов России, преподаватель факультета дизайна Института современного искусства и Московской государственной художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова

Афанасьева Ирина – специальный корреспондент пресс-службы НИ ИрГТУ (Иркутск)

Багина Елена – кандидат архитектуры, доцент Строительного института Уральского федерального университета им. Ельцина (Екатеринбург)

Барышников Виталий Владимирович – историк, министр культуры и архивов Иркутской области

Большаков Андрей Геннадьевич – доктор архитектуры, профессор (Белгород)

Буйнов Алексей Николаевич – главный архитектор Иркутской области, лауреат премии губернатора Иркутской области

Ведерникова Татьяна Викторовна – специалист по связям с общественностью отдела развития и работы со СМИ Иркутского областного краеведческого музея

Гевель Екатерина Васильевна – архитектор, член Союза архитекторов России (Красноярск)

Григорьева Анна Сергеевна – переводчик (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – архитектор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, действительный член Международной академии архитектуры, отделение в Москве, Евразия (МААМ)

Жуковский Николай Леонидович – архитектор, руководитель архитектурного бюро, лауреат премии губернатора Иркутской области

Зыков Сергей Николаевич – архитектор, председатель правления Кемеровской организации Союза архитекторов России (Кемерово)

Иванов Андрей Владимирович – архитектор, урбанист, советник Департамента планирования и развития территорий Федерального фонда содействия развитию жилищного строительства, научный сотрудник Сектора проблем культурной среды поселений ФГНИУ Российский институт культурологии (Москва)

Корзун Алла Вадимовна – кандидат архитектуры, зав. кафедрой истории архитектуры и основ проектирования Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Кострубова Александра Тимуровна – студентка Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Крайнева Евгения – архитектор (Иркутск)

Крылова Лариса – архитектор (Иркутск)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения

Работа над ошибками

В мою публикацию «Изначальный образ: Пейзажная графика В. Буха» (ПБ № 39-40 «Шестидесятники», с. 166-170) вкралась ошибки. Технический просчет при верстке достаточно сильно исказил содержание публикации. Трудно словами указать тот порядок, в котором следует читать статью. Мы полагаемся на здравый смысл и компетентность читателей, извиняясь за досадные просчеты в значимом для автора тексте. Вторая ошибка – результат недостаточной информированности автора. Приведенная фотография «Городская графика» – ограда Центробанка – спроектирована Л.Ф. Антипиным. Не отказываясь ни от одного слова в характеристике этого объекта, автор признает свою вину. Однако следует заметить, что доверие к не совсем информированному источнику имеет и вполне объяснимые основания. И В.Ф. Бух, и Л.Ф. Антипин принадлежат к одной школе архитектуры. Они были друзьями и единомышленниками при жизни Владимира Федоровича. Тесная дружба не могла не сказаться на стиле их проектов. Шестидесятые годы – эпоха, когда складывается особый тип

Макогон Любовь Николаевна – доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета, член Союза архитекторов России

Макотина Светлана Александровна – старший преподаватель кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и строительства Национального исследовательского Иркутского государственного технического университета

Нечитайло Владимир Константинович – архитектор, доцент кафедры архитектурного проектирования НИ ИрГТУ, член Союза архитекторов России

Поповский Игорь Викторович – директор ООО "АПМ-2002", доцент кафедры архитектуры Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии

Раппапорт Александр Гербертович – кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член Московского союза архитекторов, член Союза дизайнеров России, обозреватель интернет-журнала «Архитектор» сайта СМА, член Международной ассоциации архитектурных критиков

Родоман Борис Борисович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Москва)

Ролине, Марк – архитектор, градостроитель (Франция)

Смирнова Ольга Федоровна – главный архитектор ландшафтной фирмы «Сады Семирамиды», член Союза архитекторов России (Красноярск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Товмасьян Эдуард Ованесович – начальник отдела градостроительного планирования развития территорий Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник РААСН, заслуженный архитектор РФ (Москва)

Токарев Никита – архитектор, директор школы МАРШ (Москва)

Франко Ольга – представитель пресс-центра Союза архитекторов России (Москва)

Хотулев Руслан Анатольевич – начальник Департамента градостроительства ОАО «ИркутскигипродорНИИ», член Правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Хуен, Франк ван дер – доктор философских наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования, научный руководитель лаборатории архитектурного наследия Института архитектуры и строительства НИ ИрГТУ, член ICOMOS, член Союза архитекторов России

Чумаков Сергей Андреевич – архитектор, руководитель архитектурного бюро, член Правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

мышления, узнаваемый и объединяющий творчество его представителей. Автору представляется, что именно эта общность дизайнерского стиля стала главным источником ошибки, вошедшей в статью.

В любом случае автор извиняется перед Л.Ф. Антипиным и читателями журнала.

Марина Ткачева

Прошу также принять ко вниманию следующие уточнения по ПБ39-40 ШЕСТИДЕСЯТНИКИ:

Стр. 116 подпись к верхнему фото следует отнести к нижнему и наоборот.

Стр. 176 правильно: АШИХМИНА Мира Яковлевна (1930-2009)

Стр. 187 правильно: КОЛПИКОВ Владимир Игоревич (1938-2005)

Редакция благодарит читателей за уточнения и планирует вернуться к теме ШЕСТИДЕСЯТНИКИ в дальнейшем.

Елена Григорьева

Anisiforov Petr – architect, chairman of the Board of the Altai organization of the Union of Architects of Russia (Barnaul)

Lyutsian Antipin – architect, urbanist (Irkutsk)

Alla Artsis – architect, photo artist, member of the Union of Architects of Russia, lecturer of the Department of Design at Institute of Modern Art and S. G. Stroganov Moscow State Academy of Arts and Industry

Irina Afanasieva – special correspondent of National Research Irkutsk State Technical University Media Office (Irkutsk)

Elena Bagina – Ph.D. in Architecture, Ass. Professor at Institute of Civil Engineering of Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)

Vitali Baryshnikov – historian, minister of culture and archives of the Irkutsk region

Andrei Bolshakov – Doctor of Architecture, Professor (Belgorod)

Alexei Buinov – chief architect of the Irkutsk region, laureate of the Irkutsk Region Governor Prize

Tatyana Vedernikova – public relations officer of the department of development and media management of the Irkutsk Regional Museum of Local Lore

Ekaterina Gevel – architect, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Anna Grigorieva – translator (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – architect, corresponding member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAACS), full member of the International Academy of Architecture, Moscow Branch, Eurasia (IAAM)

Nikolai Zhukovsky – architect, director of personal studio, laureate of the Irkutsk Region Governor Prize

Sergey Zykov – architect, chairman of the Board of the Kemerovo organization of the Union of Architects of Russia (Kemerovo)

Andrei Ivanov – architect, urbanist, adviser of Department of planning and territorial development of Federal fund for promotion of house-building development, research fellow of the Sector of problems of cultural environment of settlements of Russian Institute of Cultural Research (Moscow)

Alla Korzun – Ph.D. in Architecture, head of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design at National Research Irkutsk State Technical University

Aleksandra Kostrubova – student at Institute of Fine Arts, Humanities and Social Studies of National Research Irkutsk State Technical University

Evgenia Kraineva – architect (Irkutsk)

Larisa Krylova – architect (Irkutsk)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering (Irkutsk)

Lyubov Makogon – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, member of the Union of Architects of Russia

Svetlana Makotina – senior lecturer of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University

Vladimir Nechitailo – architect, Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, member of the Union of Architects of Russia

Igor Popovsky – director of 000 APM-2002, Ass. Prof. of the Department of Architecture at Novosibirsk State Academy of Architecture and Art

Alexander Rappaport – Ph.D. in Architecture, Doctor of Art History, member of the Union of Moscow Architects, member of the Union of Designers of Russia, observer of the UMA Internet-magazine “Architector”, member of the International Association of Architecture Critics

Boris Rodoman – Doctor of Geography, leading research officer of Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Marc Rolinet – architect, urbanist (France)

Olga Smirnova – the chief architect of Semiramida Gardens Landscape Company, member of the Union of Architects of Russia (Krasnoyarsk)

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, Ass. Professor of the Department of Philosophy at Baikal State University of Economics and Law, member of the Center for Independent Social Research and Education (Irkutsk), member of the Union of Journalists of Russia

Eduard Tovmasyan – head of the department of urban planning for territorial development of the State Central Research and Design Institute of Urban Planning of Russia, adviser of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, honored architect of the Russian Federation (Moscow)

Nikita Tokarev – architect, director of the architectural school MARCH (Moscow)

Olga Franko – representative of the Union of Architects of Russia Media Office (Moscow)

Ruslan Khotulev – head of the Department of Town Planning, Irkutskgiprodnii OJSC, member of the Board of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia

Frank van der Hoeven - Ph.D., Associate Professor, Chair of Urban Design, Director of Research at the Faculty of Architecture and the Built Environment at the Delft University of Technology (TU Delft) (Netherlands)

Alexei Chertilov – Ass. Professor of the Department of History of Architecture and Fundamentals of Design, scientific adviser of the Laboratory of Architectural Heritage at Institute of Architecture and Construction of National Research Irkutsk State Technical University, member of the ICOMOS, member of the Union of Architects of Russia

Sergey Chumakov – architect, director of architectural studio, member of the Board of the Irkutsk Regional Organization of the Union of Architects of Russia

Завод светопрозрачных конструкций Деметра

идеальная геометрия

роботизированное
производство

максимальное качество и
долговечность

*Любит и умеет
делать окна*